

Линкольн Чайлд, Дуглас Престон

Танец смерти

Пендергаст – 6

ЛИНКОЛЬН ЧАЙЛД ПОСВЯЩАЕТ ЭТУ КНИГУ ДОЧЕРИ ВЕРОНИКЕ
ДУГЛАС ПРЕСТОН ПОСВЯЩАЕТ ЭТУ КНИГУ ДОЧЕРИ АЛЕТЕЙЕ

Благодарность

Нам хотелось бы поблагодарить следующих сотрудников «Уорнер Букс»: Джейми Рааба, Ларри Киршбаума, Морин Иджен, Деви Пиллаи, Кристину Барба, а также сотрудников отделов по продажам, маркетингу, рекламе – Карен Торрес, Марту Отис, Дженнифер Романелло, Дэна Розена, Майю Томас, Флэга Тонуцци, Боба Кастилло, Ленину Сэкс, Джима Спиви, Мириам Паркер, Бет де Пузмэн и Ле Покелл.

Особая благодарность – нашему редактору, Джемме Левин, за неустанную заботу о творении Престона и Чайлда. Большой частью своего успеха мы обязаны ее заступничеству и редакторскому энтузиазму.

Выражаем благодарность нашим агентам, Эрику Симонофф из «Джэнклоу & Несбит» и Мэтью Снайдеру из Агентства творческих художников. Хотелось бы увенчать лаврами специального агента Дугласа Марджини, Джона Кауча, Джона Рогана и Джилл Товак. Они оказали нам разнообразную помощь и содействие.

Как всегда, благодарим наших жен и детей за любовь и поддержку.

Персонажи, фирмы, события, полицейские участки, музеи и государственные учреждения, встречающиеся на страницах книги, являются плодом творческого вымысла и ничего общего с реальностью не имеют.

Глава 1

Дивейн Майклс устремил на профессора взгляд, выражавший, как он надеялся, неподдельный интерес, но веки словно налились свинцом. Стук сердца гулко отдавался под сводами черепа. На языке кто-то свернулся и тихо умер. На лекцию Майклс явился поздно. В огромном зале битком народу, и лишь одно свободное место – в центре второго ряда, прямехонько перед кафедрой.

Повезло, нечего сказать!

Дивейн специализировался в электротехнике, а на этот курс записался по той же причине, по какой три десятка лет выбирали его студенты-технари: это был пустячок. «Английская литература – гуманистическая перспектива» – такой предмет пройдешь с легкостью, можно и в книгу не заглядывать. Профессор, замшелый старик по имени Мейхью, долдонит, словно гипнотизер, да и голос у него под стать – в сон вгоняет. От записей, которым, почитай, лет сорок, не отрывается. Старый дурак никогда их не менял, а потому в общегитии Дивейна конспекты скопировали все кому не лень. И вдруг на единственный семестр явился с лекциями прославленный доктор Торранс Гамильтон. Студенты смотрели на него так, словно это сам Эрик Клэптон, согласившийся сыграть на студенческой вечеринке.

Дивейн тоскливо поерзал на холодном пластмассовом стуле: от сидения свело задницу, такая занудь. Посмотрел налево, направо. Все вокруг – студенты, абитуриенты – записывали лекцию на магнитофоны, заносили в ноутбуки, ловили каждое слово профессора. Впервые зал был заполнен до отказа. Ни одного технаря Дивейн не увидел.

Ну и тоска.

Дивейн подумал, что у него есть неделя, в течение которой он может отказаться от курса. Но зачет ему был нужен. Кто знает, может, профессор Гамильтон не зверь и сдать ему легко? С другой стороны, если это так, вряд ли студенты притащились бы на лекцию в субботу утром.

Лучше взять себя в руки и удержаться от сна.

Гамильтон расхаживал по подиуму взад и вперед. Низкий и звучный голос заполнял помещение. Дивейну он напомнил льва с седой гривой стянутых на затылке волос. Костюм на нем был шикарный, цвета маренго, не то что изношенная твидовая пара старого профессора. И выговор у него был необычный, не такой, как в Новом Орлеане, то есть он точно не янки. Впрочем, он, скорее всего, и не англичанин. На возвышении сидел ассистент, усердно записывающий за профессором.

– Итак, – говорил Гамильтон, – сегодня мы рассмотрим «Бесплодную землю» Элиота – поэму, вобравшую в себя двадцатый век со всем его отчуждением и пустотой. Это одно из величайших когда-либо написанных произведений.

«Бесплодная земля» – припомнил Дивейн. Красноречивое название. Он ее, разумеется, не читал. Зачем ему? Ведь это поэма, а не роман, который он мог бы почитать прямо сейчас, в аудитории.

Дивейн взял в руки книгу с поэмами Элиота. Одолжил ее у приятеля: к чему тратить немалые деньги на то, что ему в дальнейшем никогда не понадобится? Открыл, на форзаце увидел фотографию автора: заморыш, в крошечных стариковских очках, губки поджаты, словно ему в зад палку от метлы воткнули. Дивейн фыркнул и стал перелистывать страницы. Бесплодная земля. Бесплодная земля... вот она!

Тьфу! Чертов сын расписался не на шутку – настрочил-то сколько!

– Первые строки настолько хорошо известны, что нам теперь трудно представить себе потрясение – нет, шок! – который испытали люди, когда впервые в 1922 году прочитали опубликованную в «Диал» поэму. Это было не то, что привыкли считать поэзией. Скорее это была анти-поэма. О личности поэта тут же забыли. Кому принадлежат эти мрачные и беспокойные мысли? Открывающая поэму строка рождает аллюзию на знаменитые стихи Чосера, однако Элиот идет дальше. Обратите внимание на первые же образы – «фиалки из мертвой земли», «дряблые корни», «снег забвенья». Ни один поэт не писал так о весне.

Дивейн пролистал поэму до конца и обнаружил, что в ней более четырехсот строк.

О нет! Только не это...

– Интересно, что Элиот написал о фиалках, а не о маках, что было бы более традиционным выбором. Маки росли в изобилии, которого Европа не видела многие столетия, а все потому, что на полях остались лежать бесчисленные трупы – жертвы Первой мировой войны. Важно еще и то, что маки – с их способностью навевать наркотический сон – казалось бы, лучше годились для образного строя поэмы. Почему же Элиот выбрал фиалки? Должно быть, на ум ему пришла другая аллюзия: вспомните Уитмена – «...где недавно из-под земли пробивались фиалки – крапинки на серой прошлогодней листве...».

О господи, он, как в ночном кошмаре, сидел на виду у всей аудитории и не понимал ни слова из того, что говорил профессор. Кому бы пришлось в голову написать четыреста стихотворных строк о странной бесплодной земле? У него самого с утра в голове шарикоподшипники крутятся. Что ж, за дело: до четырех часов ночи он прикладывался к напитку год названием «Серый гусь».

Он заметил, что в аудитории установилась полная тишина: голоса с кафедры не слышно. Подняв глаза на Гамильтона, он увидел, что профессор стоит неподвижно, а лицо его приняло странное выражение. Если возможно столь неэлегантное сравнение, старику словно бы сунули в подштанники горячую буханку. Лицо профессора стало беспомощным. Он медленно вынул платок, осторожно промокнул лоб, аккуратно сложил платок и вернул его в карман. Откашлялся.

– Прошу прощения, – сказал он, взял с кафедры стакан воды, сделал маленький глоток. – Итак, как я говорил, рассмотрим стихотворный размер, которым пользуется Элиот

в первой части своей поэмы. Стиль его отличается агрессивный анжамбеман¹: переноса нет только в строках, где заканчиваются предложения. Обратите внимание также на выделение глаголов: *breeding, mixing, stirring*. Это напоминает зловещий, с расстановкой, бой барабанов. Звук неприятный, меняющий смысл фразы. Возникает чувство беспокойства, нам кажется: сейчас что-то произойдет, и то, что произойдет, будет страшно.

Любопытство, шевельнувшееся было в душе Дивейна во время неожиданной паузы, испарилось. Странное выражение лица профессора ушло так же быстро, как и пришло. Хотя он до сих пор был бледен, бледность эта утратила пугающую мертвенность.

Дивейн снова переключил внимание на книгу. Надо быстренько просмотреть поэму, понять, что там автор имел в виду. Глянул на заглавие, перевел взгляд на эпиграмму, нет, эпиграф, или как он там называется.

Остановился. Что за черт? «*Nam Sibyllam quidem...*»² – что это такое? Что бы там ни было, это не по-английски. А посередине какие-то диковинные закорючки, которых в нормальном алфавите не увидишь. Он глянул на сноски внизу страницы и узнал, что первая часть написана по-латыни, а вторая – по-гречески. Затем прочел посвящение: «Эзре Паунду, *il miglior fabbro*»³. Сноска объяснила, что это уже по-итальянски.

Латынь, греческий, итальянский. А сама поэма даже и не началась. Что же дальше? Иероглифы?

Кошмар какой!

Он просмотрел первую страницу, затем вторую. Тарабарщина. «Я покажу тебе страх в пригоршне праха»⁴. Что это должно означать? Глаза обратились к следующей строке: «*Frisch weht der Wind...*»⁵

Дивейн захлопнул книгу, ощутив тошноту. Довольно. Тридцать строк поэмы, и уже пять проклятых языков. Завтра первым делом он пойдет в деканат и откажется от этой дичи.

Откинулся на спинку стула. В голове стучало. Приняв решение, думал только о том, как ему высидеть сорок минут и не полезть на стену. Будь у него место в конце зала, выскользнул бы незаметно...

За кафедрой бубнил профессор.

– После того, что было сказано, позвольте перейти к рассмотрению...

Неожиданно Гамильтон снова остановился.

– Прошу прощения.

Лицо его снова помертвело. Он выглядел... каким? Смущенным? Взмолненным? Нет, он казался страшно напуганным.

Дивейн подался вперед: в нем пробудился интерес.

Профессор потянулся за платком. Вытащил из кармана, уронил, поднял и попытался донести до лба. Начал озираться по сторонам, взмахивал платком, словно отгонял от себя муху. Затем рука его отыскала собственное лицо, стала легонько к нему прикасаться. Казалось, он ослеп. Дрожащие пальцы ощущали губы, глаза, нос, волосы и снова замолотили по воздуху.

Лекционный зал затих. Ассистент, сидевший на подиуме, отложил ручку. Лицо его выразило озабоченность. Что происходит? – недоумевал Дивейн. Сердечный приступ?

¹ Анжамбеман – стихотворный перенос. – Здесь и далее примеч. ред.

² «Я видел Сивиллу...» (лат.).

³ Мастеру выше, чем я (ит.).

⁴ Элиот Т. С. Бесплодная земля. Перевод С. Степанова.

⁵ «Свежий ветер летит...» (нем.).

Профессор сделал неуверенный шажок и ударился о кафедру. Теперь и другая его рука взлетела к лицу, ощупала его, на этот раз крепко, натянула кожу, оттопырила нижнюю губу, несколько раз похлопала по голове.

Затем Гамильтон неожиданно остановился и оглядел аудиторию.

— С моим лицом что-то не так?

Мертвая тишина.

Медленно, очень медленно доктор Гамильтон расслабился. Прерывисто вздохнул — один, другой раз, и постепенно черты лица его приняли прежнее, спокойное выражение. Откашлялся.

— Итак, как я говорил...

Дивейн увидел, что пальцы профессорской руки снова пришли в движение — задрожали, судорожно задержались. Рука вернулась к лицу, пальцы мяли, щипали кожу.

Жуткое зрелище.

— Я... — начал было профессор, но рука не давала ему говорить.

Рот открывался и закрывался. Слов не было, раздавался лишь хрип. Еще один шаркающий шаг, и профессор, словно робот, снова ударился о кафедру.

— Что это такое? — спросил он надтреснутым голосом.

Господи! Он стал щипать свою кожу, веки при этом жутко растянулись. Теперь уже обе руки нещадно скребли лицо. Появилась длинная неровная царапина. На щеке выступила кровь.

Аудитория взволнованно вздохнула.

— Вам нехорошо, профессор? — спросил ассистент.

— Я... задал... вопрос, — простонал профессор, казалось, против собственной воли.

Голос его был приглушен и искажен из-за того, что руками он закрывал лицо.

Еще один шаткий шажок, и профессор неожиданно завизжал:

— Мое лицо! Почему никто не объяснит мне, что случилось с моим лицом?

И снова тишина.

Пальцы вонзались в плоть, под ударом кулака хрустнул нос.

— Уберите их! Они пожирают мое лицо!

Черт подери! Из ноздрей ручьями хлынула кровь, залила белую рубашку и костюм цвета маренго. Пальцы, словно хищные когти, рвали лицо. Дивейн, застыв от ужаса, смотрел на это. Палец профессора вонзился в глазницу.

— Вон! Пошли прочь!

Вращательное движение, звук, напомнивший Дивейну выскребание в ложку мороженого, и из глазницы выскочило необычно большое глазное яблоко и под немыслимым углом уставилось на Дивейна.

В зале раздался крик. Студенты в первом ряду повскакали с мест. Спрыгнул со стула и ассистент, подбежал к Гамильтону, но профессор в бешенстве отбросил его в сторону.

Дивейн, словно парализованный, прирос к стулу. В голове — пустота.

Профессор по инерции сделал шаг, другой, не переставая при этом царапать лицо, вырывать клочья волос. Он зашатался и, казалось, вот-вот упадет прямо на Дивейна.

— Врача! — закричал ассистент. — Вызовите врача!

Все вдруг очнулись. Поднялся шум, студенты разом повскакали с мест, послышался стук падающих книг, громкий гомон испуганных голосов.

— Мое лицо! — голос профессора перекрывал шум. — Где оно?

Настал хаос. Одни студенты бежали к дверям, некоторые плакали. Другие устремились к профессору, вскочили на подиум, пытаясь остановить самоуничтожение. Профессор, визжа, слепо отмахивался. Лицо его превратилось в красную маску. Кто-то, пропихиваясь по ряду, больно наступил на ногу Дивейна. Капли горячей крови обрызгали Дивейну лицо, но он не мог отвести глаз от профессора, не мог избавиться от кошмара.

Студенты боролись с Гамильтоном на подиуме, пытаясь удержать его за руки, и скользили в лужах профессорской крови. Дивейн видел, как профессор с демонической

силой отшвырнул их от себя, схватил стакан с водой, разбил его о подиум и, продолжая визжать, принялся за шею. Пальцы его старались что-то из нее выдрать.

И затем, совершенно неожиданно, Дивейн обнаружил, что может двигаться. Он вскочил и побежал по проходу, поднялся по ступеням к выходу из зала. Все, чего он хотел, – это выбраться из необъяснимого ужаса, которому только что стал свидетелем. Он пулей вылетел из дверей и, набрав максимальную скорость, понесся по коридору. В голове без конца звучала все та же фраза: «Я покажу тебе страх в пригоршне праха».

Глава 2

– Винни? Вин? Тебе точно не нужна помощь?

– Нет! – Лейтенант Винсент Д'Агоста пытался придать своему голосу спокойствие и уверенность. – Нет, все в порядке. Будет готово через две минутки.

Он взглянул на часы: почти девять. Две минутки. Ну-ну. Хорошо, если обед будет готов к десяти.

Кухня Лауры Хейворд – он до сих пор думал, что кухня ее: ведь он въехал сюда всего полтора месяца назад – обычно представляла собой воплощение порядка, спокойное и безупречное помещение, под стать самой Хейворд. Но сейчас выглядела, как поле боя. В раковину свалена грязная посуда. В мусорной корзине и рядом, на полу, валялось полдюжины пустых банок, истекающих остатками томатного соуса и оливкового масла. На рабочем столе лежало почти такое же количество раскрытых кулинарных книг. Страницы засыпаны хлебными крошками и мучными хлопьями. Даже стекло единственного окна, выходившего на перекресток 77-й и 1-й стрит, было заляпано жиром, попавшим туда во время обжаривания колбасы. Хотя вытяжной шкаф включен был на полную мощность, в воздухе висел запах жареного мяса.

Вот уже несколько недель, когда их выходные совпадали, Лаура без видимых усилий кормила его великолепным обедом. Д'Агоста был потрясен, поскольку его бывшая жена, переселившаяся с некоторых пор в Канаду, давала ему понять, что готовка – страшное испытание. Она вздыхала, гремела сковородками, и результат был неудовлетворительный. Да что там! В сравнении с Лаурой это был ночь и день.

К изумлению примешивалась и легкая тревога: будучи капитаном нью-йоркской полиции, Лаура не только была выше его по званию, но и лучше готовила, а ведь всем известно, что мужчины – лучшие повара, особенно итальянцы. Французам до них далеко. Д'Агоста давно уже обещал ей приготовить настоящий итальянский обед, какой готовила его бабушка. Каждый раз он повторял свое обещание, и будущий обед становился все сложнее и изысканнее. Сегодня настал тот долгожданный вечер: он вознамерился приготовить бабушкину лазанью по-неаполитански.

Придя в кухню, он обнаружил, что не помнит в точности, как готовила бабушка неаполитанскую лазанью. О да, он присутствовал при этом десятки раз. Часто помогал ей. Но из чего конкретно состояло рагу, которое она выкладывала на слои пасты? И что именно добавляла к крошечным фрикаделькам, вместе с колбасой и разнообразными видами сыра? Все это употреблялось в качестве начинки. В отчаянии он обратился к кулинарным книгам Лауры, однако все они давали противоречивые советы. После нескольких часов напряженного труда ингредиенты находились в разной степени готовности, а беспокойство усиливалось с каждой секундой.

Он услышал, как изгнанная в гостиную Лаура что-то сказала. Глубоко вздохнул.

– Что ты сказала, малышка?

– Сказала, что завтра вернусь домой поздно. 22 января Рокер устраивает собрание для всех капитанов. В понедельник вечером придется срочно подготовить доклады.

– Да уж, Рокер любит бумажки. Кстати, как у него дела? Ведь комиссар твой приятель.

– Никакой он мне не приятель.

Д'Агоста снова вернулся к булькавшему на плите рагу. Он был убежден, что вернулся

на старую работу и восстановился в должности только потому, что Лаура замолвила за него словечко Рокеру. Ему это было неприятно, но что поделаешь?

В этот момент из кастрюли с рагу поднялся большой пузырь и, взорвавшись подобно вулкану, брызнул соусом ему на руку.

– Ух! – завопил он и сунул руку в миску с водой.

Убавил пламя горелки.

– Что такое?

– Ничего. Все в полном порядке.

Он помешал в кастрюле деревянной ложкой и обнаружил, что соус пристал ко дну. Торопливо переставил его на дальнюю горелку. Поднес ложку ко рту и осторожно попробовал. Что ж, неплохо, даже хорошо. Комков нет, вкус приятный, хотя и чувствуется, что слегка пригорело. Ну, до бабушки ему, конечно, далеко.

– Что же еще положить в рагу, бабушка? – пробормотал он.

Если ответ и поступил, Д'Агоста его не услышал.

С плиты донеслось громкое шипение. Большая кастрюля с соленой водой плевалась кипятком. Проглотив ругательство, Д'Агоста убавил огонь и под этой горелкой, открыл упаковку с пастой и сунул в кастрюлю фунт лазаньи.

Из гостиной донеслась музыка. Лаура поставила CD с популярным исполнителем.

– Я обязательно поговорю с домовладельцем насчет этого швейцара, – сказала она через дверь.

– Какого швейцара?

– Нового, того, что пришел несколько недель назад. Такого хама я еще не встречала. Что это за швейцар, который не открывает тебе дверь? Сегодня утром он отказался вызвать мне такси. Просто покачал головой и пошел прочь. Похоже, он не говорит по-английски. Во всяком случае, делает вид, что не говорит.

«Чего же ты хочешь за две с половиной тысячи в месяц?» – подумал Д'Агоста. Но так как квартира была ее собственностью, счел за лучшее промолчать. Он вознамерился изменить ситуацию, и как можно скорее.

Вселившись сюда, он ни на что не рассчитывал. У него только что закончился один из худших периодов жизни, и Д'Агоста поставил себе за правило планировать не дальше, чем на день вперед. К тому же он находился в ожидании неприятного развода, и новая романтическая связь не слишком его вдохновляла. Однако все оказалось намного лучше, чем он мог рассчитывать. Лаура Хейворд была больше, чем подруга или любовница, – она оказалась родственной душой. Поначалу он думал, что совместная работа и ее более высокое звание станут для него проблемой. Вышло по-другому: их объединило общее дело, возможность помогать друг другу, обсуждать текущие дела, не беспокоясь о конфиденциальности и недомолвках.

– Есть новости о Хулигане? – крикнула Лаура из гостиной.

Нью-йоркская полиция прозвала Хулиганом преступника, который в последнее время крал из банкоматов деньги, пользуясь поддельной кредитной картой. Совершив кражу, он каждый раз спускал перед видеокамерой штаны. Большинство инцидентов произошло на участке Д'Агосты.

– Вчера вроде объявился очевидец.

– Очевидец чего? – задала уточняющий вопрос Лаура.

– Лица, конечно.

Д'Агоста встряхнул кастрюлю с пастой и отрегулировал огонь. Осмотрел плитку, убедился, что температура та, что требуется. Затем оглядел рабочий стол с беспорядочно набросанными продуктами. Мысленно проверил: колбаса – есть; фрикадельки – есть, рикотта, пармезан, моцарелла, фьордилатте⁶. Все на месте. «Похоже, я все-таки справился...

⁶ Сорты итальянских сыров.

Черт! Пармезан-то не натер».

Открыл ящик, судорожно в нем зашарил. И в этот момент услышал, как в дверь позвонили.

Может, показалось? У Лауры не так много визитеров, а он-то уж точно никого не ждет. Особенно так поздно. Может, посыльный из вьетнамского ресторана позвонил не в ту дверь.

Рука отыскала терку. Он поставил ее на стол, взял кусок пармезана. Выбрал сторону с самыми мелкими ячейками, начал тереть.

– Винни! – сказала Лаура. – Выйди, пожалуйста.

Д'Агоста помедлил лишь секунду. Что-то в ее голосе заставило его оставить свое занятие и выйти из кухни.

Она стояла на пороге, разговаривая с незнакомцем. Лицо мужчины оставалось в тени, а одет он был в дорожное пальто полувоенного покроя. Что-то в нем было знакомое.

И тут мужчина вышел из тени. У Д'Агосты перехватило дыхание.

– Вы! – сказал он.

Мужчина кивнул.

– А вы – Винсент Д'Агоста.

Лаура оглянулась на него. Кто это? – спрашивали ее глаза.

Д'Агоста не сразу пришел в себя.

– Лаура, – сказал он, – познакомься, это – Проктор, шофер агента Пендергаста.

Глаза ее удивленно раскрылись.

Проктор поклонился.

– Счастлив познакомиться с вами, мадам.

Она лишь кивнула в ответ.

Проктор обернулся к Д'Агоста.

– Я попросил бы вас, сэр, поехать со мной.

– Куда?

Хотя Д'Агоста уже знал ответ.

– Риверсайд-драйв, 891.

Д'Агоста облизнул пересохшие губы.

– Зачем?

– Там вас кое-кто ждет. Просили приехать.

– Сейчас?

Проктор молча кивнул.

Глава 3

Д'Агоста сидел на заднем сидении «роллс-ройса» («Серебряный венок» 1959-го года выпуска), смотрел в окно невидящим взглядом. Проктор провез его через парк, и теперь большой автомобиль катил по Бродвею. Д'Агоста ерзал на белом кожаном сидении, не в силах унять любопытство и нетерпение. Ему страшно хотелось засыпать Проктора вопросами, но он знал, что шофер не ответит.

Риверсайд-драйв, 891. Дом – один из домов специального агента Алоиза Пендергаста, друга и партнера Д'Агосты во многих необычных делах. Загадочный агент ФБР, которого знал и не знал Д'Агоста... Человек, который, казалось, прожил несколько жизней...

Два месяца назад он видел Пендергаста в последний раз.

Произошло это в Италии, к югу от Флоренции, на крутом склоне горы. Спецагента окружила внизу свора огромных собак и дюжина вооруженных мужчин. Пендергаст пожертвовал собой, чтобы Д'Агоста мог уйти.

И Д'Агоста позволил ему сделать это.

Д'Агоста беспокойно задвигался при этом воспоминании.

– Вас просили приехать, – сказал Проктор.

Возможно ли, что Пендергасту удалось спастись? Это было не впервой. Д'Агоста

подавил вспыхнувшую в душе надежду...

Нет, это невозможно. Он же знал, что Пендергаст мертв.

Машина выехала на Риверсайд-драйв. Д'Агоста снова заерзал, глядя на пробежавшие мимо уличные вывески: 125-я стрит, 130-я... Ухоженный район Колумбийского университета быстро сменился старенькими особняками с осыпающимися стенами. Январский холод загнал в помещения вечно болтавшихся здесь бродяг, и улица казалась пустынной в тусклом вечернем свете.

Миновали 137-ю стрит. Д'Агоста различил заколоченные окна и огражденную площадку на крыше особняка Пендергаста. От вида темного огромного здания по телу побежали мурашки.

Автомобиль въехал за металлическое, с пиками, ограждение и остановился за воротами. Не дожидаясь Проктора, Д'Агоста вышел из машины и, подняв голову, посмотрел на знакомые очертания дряхлого особняка. Закрытые оловянными листами окна, как и в других заброшенных домах на этой улице, подслеповато смотрели на мир. Внутри дом был полон чудес и тайн. Д'Агоста почувствовал, как зачастило сердце. Может, в конце концов, Пендергаст сейчас там. В своем обычном черном костюме сидит в библиотеке возле пылающего камина, а пляшущие огненные языки отбрасывают на бледное лицо странные тени. «Мой дорогой Винсент, – скажет он, – благодарю за то, что приехал. Могу я заинтересовать тебя бокалом арманьяка?»

Д'Агоста подождал, пока Проктор отопрет, а потом и отворит тяжелую дверь. На старую кирпичную кладку упал бледно-желтый свет. Д'Агоста шагнул внутрь, а Проктор тщательно запер за ним дверь. Д'Агоста снова ощутил сердечные перебои. Одно лишь возвращение в знакомый особняк вызвало в душе странное смешение чувств – волнение, беспокойство, сожаление.

Проктор повернулся к нему.

– Сюда, сэр, если позволите.

Шофер проследовал по длинной галерее и привел его в просторный зал с высоким голубым куполом. В помещении стояли десятки застекленных витрин с выставленными в них странными предметами: метеоритами, окаменелостями, драгоценными камнями, бабочками. Д'Агоста украдкой глянул на распахнутые двустворчатые двери библиотеки в дальнем конце зала. Если Пендергаст ждет его, то он должен быть именно там – в кресле с подголовником. На устах – легкая улыбка от предвкушения впечатления, которое он произведет на своего друга.

Проктор подвел Д'Агосту к библиотеке. С оглушительно бьющимся в груди сердцем он вошел в роскошную комнату.

Пахло здесь так же, как и раньше, – кожей и сгоревшим деревом. Однако веселого потрескивания огня в камине сегодня не было. Помещение оставалось холодным. В стенных шкафах на корешках переплетенных в кожу книг тускло поблескивали тисненные золотом буквы. На журнальном столике горела лампа от Тиффани – единственный источник света в большом помещении. Она будто отбрасывала маленький кружок света на огромное темное озеро паркета.

Спустя мгновение Д'Агоста различил за светлым кругом стоявшую возле стола фигуру. Фигура эта шагнула к нему по ковру. Он сразу узнал девушку – Констанцию Грин, подопечную и помощницу Пендергаста. Ей было лет двадцать. Длинное старомодное бархатное платье подчеркивало тонкую талию и ниспадало почти до пят. Несмотря на юность, держалась она как взрослая женщина. И глаза ее тоже – Д'Агосте запомнились ее странные глаза – принадлежали человеку, много пережившему и познавшему. И речь ее была старомодной, необычной. И было в ней что-то еще, что-то странное, и черта эта гармонично подходила ей, как и вышедшее из моды платье.

Ее глаза смотрели сегодня по-другому. Они были мрачными, горестными и... напуганными?

Констанция протянула ему правую руку.

– Лейтенант Д'Агоста, – сказала она спокойным голосом.

Д'Агоста взял руку, не зная, то ли пожать ее, то ли поцеловать. Не сделал ни того, ни другого, и через мгновение она убрала узкую ладонь.

Обычно, Констанция была безупречно вежлива. Но сегодня она просто стояла перед Д'Агостой, не предлагая сесть, не справляясь о его здоровье. Казалось, она пребывала в нерешительности. И Д'Агоста мог понять почему. Надежда, всколыхнувшаяся было в душе, стала таять.

– Вы ничего не слышали? – спросила она едва слышно. – Ничего?

Д'Агоста покачал головой. Надежда ушла безвозвратно.

Констанция чуть задержала на нем взгляд. Затем понимающе кивнула, опустила глаза, руки ее затрепетали, словно белые мотыльки.

Так они молча стояли – то ли минуту, то ли две.

Констанция снова подняла глаза.

– С моей стороны глупо продолжать надеяться. Прошло полтора месяца, и хоть бы слово...

– Знаю.

– Он мертв, – вымолвила она еще тише.

Д'Агоста промолчал.

Она встрепенулась.

– Это означает, что настал момент передать вам это.

Она прошла к камину, сняла с полки маленькую сандаловую шкатулку, инкрустированную перламутром. Крошечным ключом отперла замок и, не открывая крышки, протянула шкатулку Д'Агосте.

– Я слишком долго оттягивала этот момент. Думала, он еще вернется.

Д'Агоста смотрел на шкатулку. Она показалась ему знакомой: где же он видел ее раньше? Спустя мгновение сообразил: он видел ее в этом же доме, в этой самой комнате, в прошлом октябре. Тогда он вошел в библиотеку и увидел, что Пендергаст что-то пишет. Агент сунул записку именно в эту шкатулку. Произошло это накануне их судьбоносной поездки в Италию. В тот вечер Пендергаст рассказал ему о своем брате, Диогене.

– Возьмите, лейтенант, – сказала Констанция дрогнувшим голосом.

– Простите.

Д'Агоста осторожно взял шкатулку. Внутри лежал единственный сложенный пополам листок бумаги.

Менее всего хотелось Д'Агосте вынуть этот листок. Преодолевая себя, развернул бумагу и начал читать.

Мой дорогой Винсент!

Если ты сейчас читаешь это письмо, значит, я мертв. Это означает также, что я умер, прежде чем осуществил задачу, которую по праву должен был исполнить именно я, а не кто-то другой. Задача эта – помешать моему брату Диогену сделать то, что он называл «совершенным» преступлением.

Мне хотелось бы побольше рассказать тебе об этом преступлении, однако все, что я знаю, – это то, что он планировал его многие годы. Он хочет, чтобы оно стало апофеозом его преступной деятельности. Осуществи он его, и мир содрогнется. Диоген – человек необычный, и мелкомасштабное преступление его не устроит.

Боюсь, Винсент, что задача – остановить Диогена – перейдет к тебе. Не могу описать, как сильно об этом сожалею. Не пожелал бы такого своему злейшему врагу, что уж говорить о человеке, которого считаю своим лучшим другом. Однако этого никто лучше тебя исполнить не сможет. Угроза Диогена слишком неопределенна, и потому с ней нельзя обратиться к ФБР или другой силовой организации, тем более что несколько лет назад он инсценировал собственную смерть. Наилучший шанс предотвратить преступление может быть у одного верного человека, и этот человек – ты.

Диоген прислал мне письмо, в котором сообщил дату – 28 января – день, в который он намерен совершить свое преступление. Я, однако, не могу отнестись к этому с полным доверием: дата может ничего не означать. Диоген – человек непредсказуемый.

Придется тебе взять отпуск в полиции Саутгемптона или там, где в настоящий

момент ты служишь. Без этого не обойтись. Получи побольше информации от детектива капитана Лауры Хейворд, однако для ее же блага постарайся не вмешивать ее в это дело. Диоген – эксперт в полицейских расследованиях, и любая информация, оставленная на месте преступления, – если предположить, избави Боже, что ты не успеешь остановить его, – несомненно, направит полицию по ложному следу. Хейворд, как ни умна, все же не ровня моему брату.

Я оставил отдельное письмо Констанции, она знает все подробности этого дела. Она будет управлять моим домом и вести финансы. Она немедленно переведет на твой банковский счет 500 000 долларов, и ты будешь распоряжаться ими по своему усмотрению. Рекомендую воспользоваться ее бесценными талантами в области поисковой работы, хотя, по очевидным причинам, прошу исключить ее из непосредственного преследования преступника. Она ни в коем случае не должна выходить из дома. Ты обязан приглядывать за ней. Она все еще очень слаба, и духовно, и физически.

В качестве первого шага тебе следует нанести визит моей двоюродной бабушке Корнелии. Она содержится в больнице на Литтл Гаверноз Айленд. Диогена она знала еще мальчиком, а потому сможет дать тебе информацию и о нем, и о семье. Отнесись и к информации, и к ней самой с большой осторожностью.

Еще одно, последнее слово. Диоген чрезвычайно опасен. По интеллекту он равен мне, однако моральные принципы у него полностью отсутствуют. К тому же ему повредила перенесенная в детстве болезнь. Его подстегивает бесконечная ненависть ко мне и презрение к человечеству. Не привлекай к себе его внимания раньше, чем следует. Будь бдителен.

Прощай, мой друг. Желаю удачи.
Алоиз Пендергаст.

Д'Агоста поднял глаза.

– 28 января? Господи, осталась всего неделя.

Констанция лишь кивнула головой.

Глава 4

Закрой она глаза, и запах, присущий этому месту, тотчас подсказал бы, что она в музее: пахло средством от моли, старой мастикой и едва заметным разложением. Она шла по огромному коридору пятого этажа, мимо дубовых кабинетных дверей, к каждой из которых была прикреплена табличка с именем куратора в рамке из золотых листьев. Удивительно, как мало прибавилось новых имен. За шесть лет в мире произошло столько изменений, а здесь, в музее, время будто замедлило свой ход.

Она была встревожена – более, чем хотела себе в том признаться, – тем, как почувствует себя в музее по прошествии нескольких лет, после перенесенных ею ужасных событий. Эта тревога и откладывала ее решение вернуться. После первых сумбурных дней она вынуждена была признать, что старые страхи так и не отстали от этого места. С годами ее ночные кошмары, чувство незащищенности ослабели. Страшные переживания стали историей, а музей по-прежнему был удивительным – готический замок бробдингневых пропорций, с замечательными эксцентричными людьми. А что уж говорить об экспонатах, странных и поражающих воображение! Самая большая в мире коллекция трилобитов. Сердце Люцифера – самый драгоценный бриллиант. Сломанный зуб – самая большая и прекрасно сохранившаяся окаменелость.

Тем не менее в подвальные помещения музея она старалась не спускаться. И не лень заставляла ее ограничивать количество вечеров, в которые она работала после закрытия музея для посетителей.

Она вспомнила, как еще студенткой-выпускницей впервые, в августе, шла по этому коридору. Выпускники в градации музейных работников были на самом низком уровне: их не то чтобы презирали, их попросту не видели. Она не обижалась: каждому когда-то пришлось через это пройти. Тогда она была никем – «вы» или, в лучшем случае, «мисс».

Как же все изменилось. Теперь она была «доктором», иногда ее даже называли «профессором». Имя ее появлялось в печати с перечнем титулов: старший научный

сотрудник, адъюнкт-профессор этнофармакологии, а теперь и самый ее последний титул, полученный всего три недели назад, – главный редактор «Музееведения». Хотя она всегда говорила себе, что титулы ничего не значат, обретя их, она вдруг испытала удовлетворение. Профессор... В звучании этого слова была приятная округлость, особенно когда оно слетало с губ замшелых старых кураторов, которые шесть лет назад не желали уделить ей несколько минут своего драгоценного времени. Сейчас они сами устремлялись ей навстречу, интересовались ее мнением либо пытались всучить свои монографии. Хотя бы в это утро – не кто иной, как глава отдела антропологии и ее официальный начальник, Хьюго Мензис, озабоченно расспрашивал ее о теме дискуссии на предстоящем собрании американских антропологов.

Да, приятные перемены, ничего не скажешь.

Кабинет директора находился в конце коридора. Она постояла перед большой дубовой дверью, потемневшей за сотню лет. Подняла руку и тут же опустила, внезапно ощутив нервную дрожь. Сделала глубокий вдох. Она счастлива была вернуться в музей и в то же время сомневалась: затеяв трудовой спор, не совершает ли она серьезной ошибки. Тут же напомнила себе, что трудовой спор был ей навязан и, как редактор «Музееведения», она обязана отстаивать свои права. Если же уклонится, немедленно потеряет доверие. Еще того хуже: будет сама себя презирать.

Она стукнула по дубовой двери – один раз, другой, третий, каждый последующий стук был крепче предыдущего.

Мгновение тишины. Затем дверь открыла миссис Серд, сухощавая и деловая секретарша директора музея. Пронзительные голубые глаза быстро оглядели ее с ног до головы. Миссис Серд пропустила ее в приемную.

– Доктор Грин? Доктор Коллопи ждет вас. Можете войти.

Марго приблизилась к внутренней двери (она была еще темнее и массивнее наружной), взялась за холодную как лед медную ручку, повернула ее... хорошо смазанные петли позволили двери беззвучно открыться.

За огромным столом работы девятнадцатого века под большим полотном с изображением водопада Виктория сидел Уотсон Коллопи, директор Нью-Йоркского музея естественной истории. Он поспешно поднялся. На красивом лице играла любезная улыбка. На директоре был темно-серый костюм старомодного покроя, накрахмаленная белая рубашка и ярко-красная бабочка.

– А, Марго. Как хорошо, что вы пришли. Присаживайтесь, пожалуйста.

«Как хорошо, что вы пришли». Эта фраза прозвучала для нее, как судебная повестка.

Коллопи обошел стол и указал на кожаное кресло, составлявшее часть гарнитура и стоявшее среди таких же кресел против мраморного камина. Марго села, Коллопи уселся напротив нее.

– Чего желаете? Кофе, чай, минеральная вода?

– Благодарю вас, ничего не надо, доктор Коллопи.

Он откинулся на спинку кресла, небрежно закинул ногу на ногу.

– Нам так приятно, Марго, видеть вас снова в музее, – сказал он, растягивая слова на манер старого светского обитателя Нью-Йорка. – Я в восторге оттого, что вы согласились стать редактором «Музееведения». Мы очень рады, что сумели переманить вас с прежнего места работы. Научные работы, что вы опубликовали, произвели на нас огромное впечатление, и ваш опыт здесь, в этнофармакологии, сделал вас бесспорным кандидатом.

– Благодарю вас, доктор Коллопи.

– Как ваши впечатления? Все ли устраивает?

Голос его звучал мягко, доброжелательно.

– Все хорошо, благодарю.

– Рад слышать. «Музееведение» – старейший журнал в своей области. Он выходит без перерыва с 1892 года и пользуется большим уважением. Вы взяли на себя огромную ответственность, Марго.

– Надеюсь поддержать традиции.

– И мы на это надеемся.

Он задумчиво погладил коротко стриженную седую бородку.

– Одна из вещей, которыми мы гордимся, – это уверенный и независимый голос редактора «Музееведения».

– Да, – сказала Марго.

Он знала, куда он клонит, и подготовилась.

– Музей никогда не позволял себе оспаривать мнение редактора, высказанное в «Музееведении», и мы не намерены делать это в дальнейшем. Мы свято чтим независимость журнала.

– Рада это слышать.

– С другой стороны, нам бы не хотелось, чтобы «Музееведение» превратилось в... как бы это сказать? В орган политических комментариев.

То, как он это произнес, совершенно изменило значение слова.

– Вместе с независимостью приходит ответственность. В конце концов, «Музееведение» выходит под эгидой Нью-Йоркского музея естественной истории.

Говорил он по-прежнему тихо, однако тон сделался резким. Марго выжидала. Лучше проявить выдержку и профессионализм. Вообще-то, ответ она уже приготовила, даже написала его на листочке и заучила, а потому могла гладко изложить свои мысли. Тем не менее для нее было важно дать Коллопи высказаться.

– Потому-то прежние редакторы «Музееведения» всегда крайне осторожно обращались с данной им редакционной свободой.

Он выжидательно замолчал.

– Вы, должно быть, имеете в виду редакторскую колонку, которую я собираюсь опубликовать, – об удовлетворении просьбы индейцев тано.

– Совершенно верно. На прошлой неделе в музей пришло письмо от племени. Индейцы просят вернуть им маски Великой Кивы. Правление попечителей этот вопрос пока не обсуждало. Музей не успел даже проконсультироваться с юристами. Не будет ли преждевременным высказывание о том, чего еще не начали обсуждать? Особенно в вашем положении: ведь вы только-только вступили в должность?

– Мне кажется, что в этом вопросе ничего спорного нет, – спокойно заметила Марго.

Коллопи откинулся на спинку кресла, и на лице его появилась снисходительная улыбка.

– Напротив, Марго, это вопрос чрезвычайно спорный. Маски хранились в музейной коллекции сто тридцать пять лет. Вот и сейчас они должны стать главным экспонатом нашей экспозиции. Такого крупного показа у нас уже шесть лет не было.

Повисла тяжелая пауза.

– Естественно, – продолжил Коллопи, – я вовсе не собираюсь просить вас менять редакторскую установку. Просто решил подсказать, что есть несколько фактов, о которых вы не знаете.

Он нажал почти незаметную кнопку на своем столе и сказал в такой же невидимый микрофон.

– Дело, пожалуйста, миссис Серд.

Через мгновение появилась секретарша со старинной папкой в руке. Он поблагодарил ее, глянул на папку и протянул ее Марго.

Папка была очень старая и ветхая, сильно пахла пылью, и сухой гнилью. Марго осторожно ее открывала. Внутри лежало несколько листов бумаги с рукописным контрактом. Почерк тонкий, неразборчивый, начертание букв говорило о том, что документ составлен в середине девятнадцатого века. Имелось и несколько рисунков.

– Это оригинальный договор о передаче масок Великой Кивы, тех самых, которые вы так стремитесь передать индейцам тано. Вы видели этот документ?

– Нет, но...

– Возможно, вам следовало бы посмотреть его, прежде чем сочинять редакторскую статью. Сначала документ о продаже: за маски заплатили двести долларов – огромная сумма для 1870 года. Музей платил за маски не бусами и безделушками, а настоящими деньгами. Второй документ – контракт. Значок "X" внизу означает подпись вождя племени Великой Кивы, того человека, что продал маски Кендаллу Своупу, музейному антропологу. Третий документ – копия благодарственного письма, которое музей написал вождю. Индейский посредник прочитал его вождю. Музей обещал, что маски будут в полной сохранности.

Марго смотрела на древние бумаги. Она каждый раз изумлялась тому, как бережно относился музей ко всему, в особенности к документам.

– Дело в том, Марго, что музей приобрел эти маски с наилучшими намерениями. Мы заплатили за них достойную сумму. Мы храним их почти полтора столетия, и они у нас в прекрасном состоянии. Кроме того, они в числе самых знаменитых экспонатов, принадлежавших некогда американским аборигенам. На них приходят смотреть тысячи людей, возможно, благодаря этим маскам у них просыпается желание стать антропологами или археологами. За прошедшие сто тридцать пять лет ни разу ни один человек из племени тано не пожаловался и не обвинил музей в незаконном приобретении масок. Не кажется ли вам несправедливым внезапное требование вернуть их обратно? Причем не когда-нибудь, а перед самой выставкой, когда к маскам привлечено особое внимание?

В кабинете, с его высокими окнами, темными деревянными панелями и картинами Одюбона⁷, стало очень тихо.

– Согласна, это не слишком справедливо, – ровным голосом сказала Марго.

Широкая улыбка осветила лицо Коллопи.

– Я знал, что вы поймете.

– Однако это обстоятельство не меняет моей позиции. В комнате как будто стало холоднее.

– Прошу прощения?

Настало время для ее речи.

– Ничто в представленных вами документах не меняет фактов. Все очень просто. Начать с того, что маски – не собственность вождя. Они принадлежали всему племени Великой Кивы. Представьте себе священника, который вздумал бы продать церковные реликвии. По закону вы не имеете права продать то, что вам не принадлежит. Документы в папке не могут быть признаны законными. Более того, покупая маски, Кендалл Своуп все прекрасно понимал. Это явствует из книги, которую он написал, – «Обряды тано». Он знал, что вождь не имел права продавать их. Он знал, что маски являются священными составляющими обряда Великой Кивы и никогда не должны покидать племя. Он даже признает, что вождь был мошенником. Обо всем этом он написал в «Обрядах тано».

– Марго...

– Позвольте мне договорить, доктор Коллопи. Речь в данном случае идет и о более важных принципах. Эти маски – священные предметы для индейцев тано. Все это признают. Их нельзя перемещать, нельзя переделывать. Тано верят, что каждая маска обладает живой душой. И это не пустые заявления, а искренние и глубокие религиозные убеждения.

– И это через сто тридцать пять лет? Позвольте, почему за все это время мы не слышали от них ни слова протеста?

– Тано не знали, где находятся маски, пока не прочитали о предстоящей выставке.

– Я просто не могу поверить в то, что все эти годы они оплакивали утрату масок. Они давно о них забыли. Все это слишком удобно, Марго. Маски эти стоят пять, а то и десять миллионов долларов. Их волнуют деньги, а не религия.

– Это не так. Я с ними говорила.

⁷ Одюбон, Джон Джеймс (1785 – 1851), натуралист и художник. Его лучшей работой считаются цветные иллюстрации к многотомному изданию «Птицы Америки».

- Вы... говорили с ними?
- Конечно. Я ездила к ним и говорила с правителем тано, Пуэбло. На мгновение с Коллопи слетела маска неумолимости.
- Это может вызвать серьезные юридические осложнения и весьма нежелательные последствия.
- Я просто исполнила свою обязанность: как редактор «Музееведения», я должна была проверить факты. Тано все помнят, они ничего не забыли. Как явствует из ваших же документов, этим маскам было почти семьсот лет, когда музей приобрел их в собственность. Поверьте, тано скорбят о своей потере.
- Они не смогут обеспечить надлежащий уход. Тано не располагают возможностями, которые есть у нас.
- Прежде всего, маски не следовало выкупать у племени. Это не «музейные экспонаты», это – живая часть религии тано. Вы думаете, мощам святого Петра под ватиканским собором обеспечен «надлежащий уход»? Маски принадлежат племени, какими бы ни были в тех краях климатические условия.
- Вернув маски, мы создадим опасный прецедент. К нам обратятся с требованиями все индейские племена Америки.
- Возможно. Однако этот аргумент не выдерживает критики. Возвращение масок владельцам – справедливый поступок. Вы это знаете, и я собираюсь написать об этом в своей колонке.
- Она примолкла, осознав, что вышла за рамки, повысив голос.
- И это мое окончательное независимое редакторское мнение, – прибавила она уже спокойнее.

Глава 5

Возле кабинета Глена Синглтона не было ни секретарей, ни регистраторов, ни других мелких клерков. Сама комната не превышала размеров любого другого из десятка кабинетов тесного и пыльного полицейского участка. На двери не было таблички с именем и статусом обитателя помещения. Если сами вы не были копом, нипочем не догадались бы, что это – кабинет начальника.

Но это, думал Д'Агоста, приближаясь к дверям, в стиле капитана. Капитан Синглтон был редчайшим экземпляром полицейского, честно поднявшегося по служебной лестнице. Свою репутацию он заработал не лизоблюдством, а настоящей опасной полицейской работой. Он жил и дышал лишь одним: хотел очистить улицы от преступников. Возможно, это был самый трудолюбивый коп, которого знал Д'Агоста, за исключением Лауры Хейворд. Д'Агосте приходилось работать у некомпетентных кабинетных начальников, и этот печальный опыт побуждал его еще больше уважать профессионализм Синглтона. Он чувствовал, что и босс его уважает, а для Д'Агосты это многое значило.

Все это еще больше затрудняло то, что он вознамерился сейчас сделать.

Дверь Синглтона, как обычно, была открыта нараспашку. Он не собирался ограничивать доступ – каждый коп, пожелавший к нему зайти, мог сделать это в любое время. Заглянув в комнату, Д'Агоста постучал в дверь. Синглтон стоял возле стола и говорил по телефону. Этот человек, похоже, никогда не сидел, даже за письменный стол не садился. Ему было под пятьдесят – высокий, худощавый, телосложение пловца (каждое утро в шесть часов он проплывал заданное количество кругов). Лицо у него было продолговатое, нос орлиный. Раз в две недели он стриг черные с проседью волосы у страшно дорогого парикмахера в нижнем этаже отеля «Карлайл». Выглядел всегда безупречно, словно кандидат в президенты.

Синглтон, сверкнув зубами, улыбнулся Д'Агосте и жестом пригласил войти.

Д'Агоста повиновался. Синглтон указал на стул, но Д'Агоста покачал головой. Неумолимая энергия капитана подействовала и на него: ему не захотелось садиться.

Судя по всему Синглтон говорил с сотрудником полицейского управления, отвечавшим за связи с общественностью. Тон разговора был вежливым, но Д'Агоста знал, что внутри у капитана все кипит: его интересовала настоящая полицейская работа, а не пиар. Он ненавидел саму концепцию и говорил Д'Агосте: «Либо вы ловите преступника, либо нет. К чему рассказывать сказки?»

Д'Агоста оглянулся. Обстановка в кабинете была минималистская, почти безликая. Ни семейных фотографий, ни обязательного снимка, запечатлевшего капитана, пожимающего руку мэру или комиссару. Синглтон был в числе полицейских, получивших самое большое количество наград за оперативную работу, но ни одной грамоты на стене не было. На столе лежала стопка бумаг, на полке – пятнадцать-двадцать скоросшивателей. На другой полке Д'Агоста разглядел справочники по судопроизводству и криминальному расследованию, полдюжины потрепанных книг по юриспруденции.

Облегченно вздохнув, Синглтон повесил трубку.

– Черт возьми, – сказал он, – мне кажется, я провожу больше времени в разговорах, чем в поимке плохих парней. Я бы предпочел отказаться от должности и заниматься исключительно оперативной работой.

Он повернулся к Д'Агосте, снова одарив его мимолетной улыбкой.

– Ну что, Винни, как дела?

– Нормально, – ответил Д'Агоста, явно кривя душой.

Дружелюбие и приветливость Синглтона делали короткий визит еще более трудным.

Д'Агоста пришел сюда не по просьбе капитана: на участок его направил комиссар. Это обстоятельство гарантировало бы Д'Агосте подозрительный, враждебный прием от других полицейских, которых он знал, например Джека Уокси. Уокси почувствовал бы угрозу, держал Д'Агосту на расстоянии, постарался дать ему неинтересные задания. Но Синглтон поступил совершенно противоположно. Он тепло принял Д'Агосту, быстро посвятил его во все подробности и процедуры своего ведомства, даже поручил ему дело Хулигана, а на данный момент не было более важного дела, чем это.

Хулиган никого не убил. Он даже оружием не пользовался. Но он сделал нечто, почти столь же ужасное: выставил на посмешище нью-йоркскую полицию. Вор опустошал банкоматы, после чего оголялся перед камерами наблюдения. Ну разве не повод для репортеров таблоидов повеселить публику? К этому моменту Хулиган нанес визиты одиннадцати банкоматам. Газеты крупными заголовками отмечали каждый его грабеж. Известность Хулигана возрастает – протрубила «Пост» через три дня после последнего ограбления, – зато полиция становится все незаметнее.

– Что говорит наша свидетельница? – спросил Синглтон. – Присматривается?

Он стоял позади стола и смотрел на Д'Агосту. Глаза у капитана были пронзительные, голубые. Когда он смотрел на тебя, казалось, что ты для него, по крайней мере на данный момент, – центр Вселенной. Он безраздельно отдавал тебе свое внимание. И это нервировало.

– Ее историю проверяет видеокамера.

– Хорошо, хорошо. Черт побери, казалось бы, в наш век цифровых технологий банки с помощью видеокамер должны обеспечивать лучшую безопасность. Похоже, наш парень в этом деле разбирается, можно предположить, что раньше он работал в охране.

– Мы это сейчас проверяем.

– Одиннадцать ограблений, и известно лишь то, что он белый.

«И обрезанный», невесело подумал Д'Агоста, а вслух сказал:

– Я распорядился, чтобы наши детективы срочно обзвонили все банки. Сейчас там устанавливают дополнительные скрытые видеокамеры.

– А что, если преступник работает в фирме, производящей эти камеры?

– Это мы тоже проверяем.

– Обгоняете меня на шаг. Приятно слышать. – Синглтон подошел к стопке документов, начал просматривать их. – Этот парень действует в одном и том же районе. А значит, теперь

нам следует обратить внимание на автоматы, которые он еще не взломал. Необходимо сократить перечень потенциальных мест преступления до минимума. Хорошо, что сейчас мы не имеем дела с убийствами. Винни, прошу вас подключить других офицеров, составьте список банкоматов, на которые может быть совершено нападение, и организуйте наблюдение. Кто знает? Возможно, нам повезет.

Что ж, пора, подумал Д'Агоста. Облизнул пересохшие губы и произнес:

– Вообще-то, я пришел к вам по другому вопросу. Синглтон снова пронзил его внимательным взглядом. Уйдя с головой в работу, он и не догадывался, что Д'Агоста пришел к нему по другому поводу.

– В чем дело?

– Не знаю даже, как сказать, сэр, но... я хочу попросить у вас отпуск.

Синглтон изумленно вскинул брови.

– Отпуск?

– Да, сэр.

Д'Агоста понимал, как это звучит со стороны. И хотя прорепетировал все заранее, вышло не совсем гладко.

Синглтон задержал на нем взгляд. Он ничего не сказал, да этого и не требовалось. «Отпуск. Ты проработал здесь шесть недель и просишь отпуск?»

– Может, я чего-то не знаю, Винни? – тихо спросил он.

– Это семейное дело, – ответил Д'Агоста после небольшой паузы.

Он ненавидел себя за то, что заикался под взглядом Синглтона. Еще больше ненавидел за ложь. Но что, черт побери, должен был он сказать? «Извините, кэп, но мне нужен отпуск на неопределенное время, для того чтобы поймать человека, официально объявленного мертвым и чье местонахождение неизвестно. Хочу арестовать его за преступление, которого он еще не совершил». Сомнений он не испытывал, ему просто необходимо было что-то делать. Для Пендергаста это было так важно, что, сойдя в могилу, он оставил ему распоряжение. И этого было более чем достаточно. Однако чувствовал себя Д'Агоста поганно.

Глаза Синглтона выражали беспокойство и задумчивость.

– Винни, ты же знаешь, я не могу тебя отпустить.

С горьким чувством Д'Агоста понял, что будет еще тяжелее, чем он это себе представлял. Даже если придется уволиться, он пойдет на это, заплатив карьерой. Коп может уволиться только один раз.

– Мать больна, – выговорил он. – У нее рак. Врачи полагают, что последняя стадия.

Синглтон помолчал, обдумывая сказанное. Затем слегка покачался на каблуках.

– Очень, очень вам сочувствую.

Повисла еще одна пауза. Д'Агосте хотелось, чтобы раздался стук в дверь, или зазвонил телефон, или метеорит свалился на участок – все что угодно, лишь бы отвлечь от себя внимание Синглтона.

– Мы только что узнали, – продолжил он. – Это был шок, настоящий шок.

Он помолчал. На сердце было тяжело. Он сказал первое, что пришло на ум, но понял вдруг, какие чудовищные слова он произнес. Его родная мать... рак... Черт побери, надо будет сходить в церковь покаяться. И позвонить маме в Веро Бич, послать ей две дюжины роз.

Синглтон медленно кивнул.

– Сколько времени вам потребуется?

– Врачи не знают. Неделя, может быть, две.

Синглтон закивал еще медленнее. Д'Агоста чувствовал, что краснеет. Интересно, что думает капитан.

– Ей недолго осталось, – продолжил он. – Вы знаете, как это бывает. Меня нельзя назвать примерным сыном. Я просто чувствую, что должен быть сейчас рядом с ней... как и положено сыну, – неловко заключил он. – Можете вычесть эти дни из моего очередного отпуска.

Синглтон внимательно выслушал его, но на этот раз не кивнул.

– Конечно, – сказал он.

Он долго не сводил глаз с Д'Агосты. Взгляд его, казалось, говорил: «У многих людей больные родители и личные трагедии. Но они профессионалы. Чем же ты от них отличаешься?» Оторвав наконец взгляд, отвернулся, взял со стола стопку бумаг.

– Хулиганом займутся Мерсер и Сабриски, – бросил он сухо через плечо. – Берите столько дней, сколько потребуется, лейтенант.

Глава 6

Над островом Литтл Гаверноз висел плотный туман. Из темноты, с Ист-Ривер, мрачно прогудел буксир. До Манхэттена по темной ледяной воде меньше мили, но городские огни не в силах были прорвать толстое туманное одеяло.

Д'Агоста мрачно смотрел вперед с переднего пассажирского сиденья, держась за дверную ручку, а служебный автомобиль Лауры Хейворд подпрыгивал и качался на неровной однополосной дороге. Передние фары рассеивали тьму, освещая путь и выстроившиеся по обе стороны голые каштаны.

– Кажется, одну рытвину ты пропустила, – сказал он.

– Не надо печалиться. Скажи лучше: ты объявил Синглтону, что у твоей мамы рак?

Д'Агоста вздохнул.

– Это была первая вещь, что пришла мне в голову.

– О господи, Винни. Ведь мать Синглтона умерла от рака. И знаешь что? На работе он ни дня не пропустил. Похороны назначил на воскресенье. Все знают об этой истории.

– А я не знал.

Д'Агоста поморщился, вспоминая, что сказал капитану в то утро. «Вы знаете, как это бывает. Меня нельзя назвать примерным сыном. Я просто чувствую, что должен быть сейчас рядом с ней... как и положено сыну». Лучше не скажешь, Винни.

– И я все еще не могу поверить, что ты берешь отпуск для того, чтобы изловить брата Пендергаста, и все из-за этого письма. Не пойми меня неправильно: никто не уважал Пендергаста больше меня. Он был самым блестящим офицером из всех, кого я встречала. Но у него была фатальная слабость, Винни, и ты знаешь, в чем она заключалась. Он не уважал законов. Он считал, что стоит выше всех нас, связанных правилами и обязательствами. И я не хочу, чтобы ты пошел по тому же пути.

– Я по этому пути идти не собираюсь.

– Поиск брата Пендергаста выходит за рамки закона. Это даже не смешно. Я имею в виду твой план – найти Диогена.

Д'Агоста не ответил. До плана было еще далеко.

Автомобиль содрогнулся: передняя левая шина попала в яму.

– Ты уверен, что мы едем правильно? – спросила она. – Не могу поверить, что там есть больница.

– Мы едем правильно.

Впереди проступили смутные очертания. По мере приближения автомобиля эти тени превратились в кованую металлическую ограду с острыми наконечниками. Основанием для ограды служила десятифутовая стена, выложенная из кирпича, поросшего мхом. Седан остановился возле старинной сторожки перед закрытыми воротами. На воротах табличка: «Больница Маунт Мерси для душевнобольных преступников».

Появился охранник с фонариком в руке. Д'Агоста перегнулся через Хейворд, показал значок.

– Лейтенант Д'Агоста. У меня договоренность о встрече с доктором Остромом.

Человек вернулся в сторожку, проверил отпечатанный список. Мгновение спустя ворота медленно, со скрипом отворились. Хейворд выехала на мощеную дорожку к дряхлому строению, его башни наполовину скрывал туман. Д'Агоста разглядел на черном

фоне ряды обломанных зубцов.

– О господи! – сказала Хейворд, глядя в ветровое стекло. – Неужто здесь находится двоюродная бабушка Пендергаста?

Д'Агоста кивнул.

– Очевидно, это место предназначалось для миллионеров, больных туберкулезом. Теперь здесь находятся преступники, которых не посадили в тюрьму в связи с их невменяемым состоянием.

– Что именно она совершила?

– Констанция сказала, что она отравила всю семью.

Хейворд вскинула на него глаза.

– Собственную семью?

– Мать, отца, мужа, брата и двух детей. Она решила, что они одержимы дьяволом. Или, возможно, в них вошли души солдат-янки, застреленных ее отцом. Трудно сказать. Как бы то ни было, постарайся держаться от нее подальше. У нее талант по части приобретения бритвенных лезвий, которые она прячет в своей одежде. В последние двенадцать месяцев к ней приставили двух санитаров.

– Не слабо.

В здании больницы Маунт Мерси пахло медицинским спиртом и влажным камнем. Под грязноватой краской Д'Агоста все еще различал остатки красивого здания с резными деревянными потолками, панелями на стенах, мраморными – сейчас сильно изношенными – полами.

Доктор Остром поджидал их в специальном помещении для свиданий с пациентами на втором этаже. Это был высокий мужчина в безупречно белом халате. Даже не начав говорить, он производил впечатление человека, которому предстоят куда более важные дела, чем незапланированная беседа. Оглядев комнату, Д'Агоста заметил, что в этом не загруженном мебелью помещении все – стол, пластиковые стулья, бытовая техника – было либо привинчено к полу, либо упрятано под стальную сетку.

Д'Агоста представил Оstromу себя и Хейворд. Врач вежливо кивнул, но пожимать им руки не стал.

– Вы пришли повидать Корнелию Пендергаст, – сказал он.

– По просьбе ее двоюродного внука.

– И вам известны... гм, специальные требования, необходимые для такого визита?

– Да.

– Держитесь от нее подальше. Не делайте неожиданных движений. Ни в коем случае не притрагивайтесь к ней и не позволяйте ей прикасаться к вам. Вам разрешается провести рядом с ней несколько минут, не больше, иначе она возбудится. Это чрезвычайно важно – она ни в коем случае не должна волноваться. Если я замечу такие признаки, вынужден буду немедленно прекратить свидание.

– Понимаю.

– Она не любит принимать незнакомцев и может не захотеть говорить с вами. В этом случае я не смогу ее заставить. Даже если бы у вас был приказ...

– Скажите ей, что я Амбергрис Пендергаст. Ее брат.

Это имя предложила ему Констанция Грин.

Доктор Остром нахмурился.

– Я не одобряю обмана, лейтенант.

– Тогда не называйте это обманом. Называйте ложью во имя спасения. Это очень важно, доктор. На карту поставлены многие жизни.

Доктор Остром, казалось, обдумывал его слова. Затем быстро кивнул, повернулся и вышел в другую дверь, тяжелую и стальную.

Несколько минут все было тихо. Затем – казалось, с большого расстояния – послышался скандальный голос пожилой женщины. Д'Агоста и Хейворд переглянулись.

Голос звучал все громче. Затем стальная дверь распахнулась, и в кабинете появилась

Корнелия Пендергаст.

Вкатили ее на инвалидной коляске, обитой толстой черной резиной. Сморщенные руки дама держала на маленькой подушечке, лежавшей на коленях. Коляску толкал сам Остром. Позади, в бронежилетах, шли два санитары. Корнелия была одета в длинное старомодное платье из черной тафты. Крошечная старушка с тоненькими, словно палочки, руками, лицо спрятано под черной траурной вуалью. Д'Агосте казалось немыслимым, что это хрупкое существо недавно порезало двух санитаров. Коляска остановилась, и поток ругательств прекратился.

– Поднимите вуаль, – скомандовала она.

Ее южный выговор отличался аристократичностью, модуляции – почти британские.

Один из санитаров подошел – не слишком близко – и осторожно снял с нее вуаль затянутой в перчатку рукой. Бессознательно Д'Агоста подался вперед, с любопытством вгляделся.

Корнелия Пендергаст тоже смотрела на него во все глаза. Личико хищное, кошачье, глаза – бледно-голубые. Испещренная пигментными пятнами кожа, как ни странно, не потеряла молодой блеск. Сердце Д'Агосты сильно забилося. В ее внимательном взгляде, очертаниях скул и подбородка он вдруг увидел сходство с исчезнувшим другом. Сходство было бы еще заметнее, если бы не читавшееся в глазах безумие.

На мгновение в комнате стало абсолютно тихо. Корнелия не отрывала от него глаз, и Д'Агоста испугался, что она уличит его во лжи.

Однако она улыбнулась.

– Дорогой брат. Как любезно с твоей стороны приехать ради меня издалека. Тебя, противный братец, так долго не было. Да нет, я тебя, конечно же, не виню, просто здесь, на севере, я еле уживаюсь с варварами-янки. – Корнелия хохотнула.

«О'кей», – мысленно произнес Д'Агоста. Констанция рассказывала ему, что Корнелия живет в выдуманном мире, верит в то, что находится в одном из двух мест: то ли в Рейвенскрай, имении мужа, расположенном к северу от Нью-Йорка, то ли в старом особняке семейства Пендергаста в Новом Орлеане. Сегодня, очевидно, она пребывала в Рейвенскрай.

– Приятно увидеться с тобой, Корнелия, – осторожно ответил Д'Агоста.

– А что за красивая дама рядом с тобой?

– Это Лаура, моя... жена.

Хейворд стрельнула в него глазами.

– Как замечательно! Я всегда думала: когда же ты, наконец, женишься. Давно пора пустить в род Пендергастов свежую кровь. Могу я вам предложить что-нибудь? Чаю? Или лучше твой любимый мятный джулеп?

Корнелия глянула на санитаров, стоявших как можно дальше от женщины. Они не пошевелились.

– Нам ничего не надо, спасибо, – сказал Д'Агоста.

– Ну что ж, пожалуй, так будет лучше. В последнее время у нас ужасная прислуга.

Она махнула рукой в направлении санитаров, а те буквально подпрыгнули. Тогда она подалась вперед, словно бы собираясь сказать что-то конфиденциальное.

– Завидую вам. Жизнь на юге куда лучше. Здешние люди стыдятся быть в услужении.

Д'Агоста сочувственно покивал, и ему показалось, что он очутился в странном нереальном мире. Перед ним сидела элегантная старая женщина, дружелюбно беседующая с братом, которого отравила почти сорок лет назад. Он не знал, как вести себя дальше. Вспомнил, что Остром просил его не затягивать встречу. Лучше сразу перейти к делу.

– Как поживает семья? – спросил он.

– Я никогда не прощу мужа за то, что он притащил нас в это отвратительное место. Здесь не только климат ужасный, но и культура на страшно низком уровне. Единственное утешение – мои милые дети.

От ласковой улыбки, сопровождавшей эти слова, у Д'Агосты мороз пробежал по коже. Интересно, подумал он, видела ли она, как они умирали.

– Соседи, конечно же, для меня не компания. В результате я все время одна. Ради здоровья пытаюсь ходить пешком, но воздух такой сырой, что долго не нагуляешься. Я побледнела и похожа на привидение. Посмотри сам.

И она подняла с подушки тонкую бледную руку.

Бессознательно Д'Агоста сделал шаг вперед. Остром нахмурился и сделал знак, чтобы тот оставался на месте.

– А как поживают остальные члены семьи? – спросил Д'Агоста. – Я долгое время не общался с... нашим племянником.

– Алоиз время от времени меня навещает. Когда ему требуется совет.

Она снова улыбнулась, и глаза ее заблестели.

– Он такой хороший мальчик. Внимателен к старшим. Не то что другой.

– Диоген, – подсказал Д'Агоста.

Корнелия кивнула.

– Диоген. – Она вздрогнула. – С самого рождения он был другим. А затем еще и болезнь... и эти странные глаза. – Она помолчала. – Ты ведь знаешь, что о нем говорили?

– Скажи мне.

– Да что же ты, Амбергрис, неужели забыл?

В этот неловкий момент Д'Агосте показалось, что лицо старухи приняло скептическое выражение. Впрочем, оно тут же исчезло. Корнелия задумалась.

– Род Пендергастов помечен уже несколько столетий. Слава Богу, что у меня и тебя, Амбергрис, все в порядке.

Старуха на мгновение благодарно замолчала и вновь заговорила:

– Маленький Диоген отмечен был с самого начала. Вот уж, как говорится, плохое семя. После внезапной болезни темная сторона нашего рода расцвела в нем в полной мере.

Д'Агоста молчал, не решаясь ничего сказать. Минуту спустя Корнелия пошевелилась и продолжила:

– Мизантроп с самого детства. Разумеется, оба мальчика были замкнуты – это же Пендергасты, – и все же с Диогеном было по-другому. У маленького Алоиза был близкий друг, его ровесник. Он стал знаменитым художником.

Алоиз много времени проводил на реке, среди кейджанов⁸ и других людей такого рода, против чего я, естественно, возражала. А у Диогена вообще не было друзей. Ни одного. Ты же помнишь, никто из детей не хотел с ним играть. Они до смерти боялись *его*. Болезнь все только усугубила.

– Болезнь?

– Очень неожиданная. Говорили, что это скарлатина. Тогда один его глаз и поменял цвет, стал сизо-голубым.

Она содрогнулась.

– Алоиз был совсем другим. Бедного мальчика вечно задирали. Тебе ли не знать, что мы, Пендергасты, постоянно являлись объектом насмешек обычных людей. Помнится, Алоизу было десять лет, когда он начал посещать странного человека, жившего на Бурбон-стрит. Этот тибетец был самым необычным его знакомцем. Он научил его всей своей тибетской белиберде... ну, ты знаешь, непроизносимое имя, Чанг или Чунг, что-то в этом роде. Он научил Алоиза и особым приемам борьбы. С тех пор его больше никто не задирали.

– Но на Диогена-то хулиганы никогда не нападали.

– У детей на этот счет есть шестое чувство. И подумать только: ведь Диоген был младше и меньше Алоиза.

– А как братья ладили друг с другом? – спросил Д'Агоста.

– Амбергрис, ты, похоже, с возрастом стал забывчивым. Неужели не помнишь, как

⁸ Кейджан – житель южных районов штата Луизиана, потомок французов, некогда насильственно переселенных сюда из Канады. Кейджаны сохранили свой язык (вариант французского).

Диоген ненавидел старшего брата? Диоген никогда никого не любил – за исключением матери, конечно, – хотя Алоизу он отвел особое место. Особенно после своей болезни.

Она помолчала, безумные глаза затуманились, она словно бы вглядывалась в прошлое.

– Ну, а любимую мышь Алоиза ты, я надеюсь, не забыл?

– Нет, конечно.

– Он назвал ее Инцитатус в честь любимого коня Калигулы. В это время он читал Светония и ходил повсюду с мышью на плече, распевая: «Да здравствует прекрасная мышь цезаря, Инцитатус!» Я страшно боюсь мышей, ты же помнишь, но эта была маленькой, беленькой, дружелюбной и спокойной, так что я ее терпела. Алоиз был с ней очень нежен. Каким только трюкам он ее не научил! Мышь могла ходить на задних лапках и выполнять десятки различных команд. Она могла, например, принести тебе мячик для пинг-понга или подкидывать его на носу, как это делают дрессированные тюлени. Помню, дорогой, ты сам тогда очень смеялся. Я боялась даже, что ты надорвешь живот.

– Да, припоминаю.

Корнелия помолчала. Даже бесстрастные стражи начали к ней прислушиваться.

– И однажды утром маленький Алоиз проснулся и обнаружил, что в ногах его кровати установлен деревянный крест. Маленький такой, не более шести дюймов в высоту. Сделан отменно, с любовью. И на нем был распят Инцитатус.

Д'Агоста заметил, что у Лауры Хейворд невольно прервалось дыхание.

– Никто не стал задавать вопросов. Все знали, кто это сделал. Это событие изменило Алоиза. С тех пор он больше не заводил домашних животных. А что до Диогена, то это распятие было лишь началом его экспериментов над животными. Начали пропадать кошки, собаки и даже домашняя птица и скот. Вспоминаю один особенно неприятный инцидент с соседской козой...

Рассказ Корнелии на этом остановился. Она стала едва слышно смеяться. Продолжалось это довольно долго. Доктор Остром встревожился, нахмурившись, взглянул на Д'Агосту и указал на часы.

– Когда ты в последний раз видела Диогена? – быстро спросил Д'Агоста.

– Через два дня после пожара, – ответила старуха.

– Пожара, – повторил Д'Агоста, стараясь, чтобы сказанное им слово не прозвучало как вопрос.

– Ну, конечно, пожара, – взволновалась вдруг Корнелия. – Когда же еще? Этот ужасный, ужасный пожар уничтожил семью, после чего муж привез меня с детьми в этот гадкий особняк. Увез из Нового Орлеана.

– Думаю, нам пора, – сказал доктор Остром и кивнул санитарам.

– Расскажи мне о пожаре, – настойчиво сказал Д'Агоста. Лицо старой женщины, ставшее почти свирепым, вдруг приняло горестное выражение. Нижняя губа задрожала, руки задргались. Д'Агоста не мог не поразиться такой быстрой смене настроений.

– Послушайте, – попробовал вмешаться доктор Остром.

Д'Агоста поднял руку.

– Пожалуйста, еще минуту.

Обернувшись, увидел, что Корнелия смотрит прямо на него.

– Это суеверная, ненавистная, невежественная толпа. Они сожгли наш родовой дом. Да падет на них и на их детей проклятие Люцифера. Алоизу в то время было двадцать лет, и он был в Оксфорде. Зато в ту ночь дома был Диоген. Он видел, как его мать и отец сгорели заживо. Не забуду выражения его лица, когда полиция потащила его из подвала, куда он спрятался... – Она содрогнулась. – Два дня спустя вернулся Алоиз. Мы тогда были с родственниками в Батон Руж. Помню, что Диоген позвал брата в другую комнату и запер дверь. Они говорили не более пяти минут. Когда Алоиз вышел, лицо его было белым как полотно. А Диоген тут же вышел из дома и исчез. С собой он ничего не взял, даже смены белья. Больше я его никогда не видела. Изредка до нас доходили вести – мы слышали о нем от семейных банкиров и поверенных либо нам сообщали о нем в письме. Потом – полная

неизвестность, пока мы не узнали о его смерти.

Все молчали. Горестное выражение покинуло лицо Корнелии, теперь она была спокойна, собрана.

– Думаю, самое время для мятного джулепа, Амбергрис. – Она обернулась и резко сказала: – Джон, будь любезен, три мятных джулепа. Хорошо охлажденных. Возьми лед из ледника. Он гораздо слаще.

Остром властно вмешался.

– Прошу прощения, вашим гостям пора уезжать.

– Жаль.

Санитар принес пластиковую чашку с водой. Осторожно протянул ее старухе. Она взяла чашку сморщенной рукой.

– Довольно, Джон. Ты уволен.

Затем Корнелия обернулась к Д'Агосте.

– Ну как тебе не стыдно, Амбергрис. Ты уезжаешь, а старая женщина вынуждена будет пить одна.

– Мне было приятно повидаться с тобой, – сказал Д'Агоста.

– Надеюсь, ты и твоя красивая жена навестите меня еще раз. Мне всегда было приятно видеть тебя... братец.

Она обнажила зубы в полуулыбке, полуоскале. Подняла пятнистую руку и опустила на лицо черную вуаль.

Глава 7

В одном из помещений старинного особняка на Риверсайд-драйв, 891, часы пробили полночь. Их глубокий, колокольный звон приглушали плюшевые драпировки и гобелены библиотеки. Д'Агоста отодвинулся от стола и, потянувшись в кожаном кресле, кончиками пальцев размял поясницу. Библиотека на этот раз была куда уютнее: из камина доносилось веселое потрескивание, огонь облизывал поленья, лежащие на кованой подставке, а свет десятка ламп золотил отдаленные углы комнаты. Подле огня Констанция читала поэму Спенсера «Королева фей», потягивая травяной отвар из фарфоровой чашки. Проктор, не забывший вкусов Д'Агосты, несколько раз появлялся в комнате, заменяя недопитые бокалы теплого «Будвайзера» охлажденным пивом.

Констанция подготовила все собранные Пендергастом материалы, в той или иной степени касавшиеся Диогена. Д'Агоста целый вечер их изучал. В знакомой комнате, пахнувшей кожей и горелым деревом, с книгами от пола и до потолка, Д'Агосте казалось, что друг сидит рядом, помогая ему взять давно остывший след. Светлые глаза агента с любопытством следят за началом погони.

Пока, правда, зацепиться было почти не за что. Д'Агоста просматривал лежавшие на столе документы, вырезки, письма, фотографии, старые отчеты. Судя по всему, Пендергаст воспринял угрозу брата серьезно: документы были тщательно подобраны, к ним он приложил аннотации. Казалось, агент знал, что настанет момент, когда сам он не сможет принять участия в расследовании, и работу придется взять на себя другим. Он действительно сохранил все, что мог.

За последние несколько часов Д'Агоста прочитал документы дважды, а в некоторых случаях и трижды. После смерти отца и матери Диоген порвал связь с кланом Пендергастов и где-то скрывался. Почти год о нем не было ни слуху ни духу. Затем пришло письмо от семейного поверенного, в котором тот просил перевести на счет Диогена в банк Цюриха 100 000 долларов. Через год последовало аналогичное письмо, с требованием перевода 250 000 в банк Гейдельберга. На этот раз семья платить отказалась и попросила поверенного, чтобы Диоген связался с ними лично. Письмо это лежало сейчас на столе. Д'Агоста еще раз вгляделся в мелкий педантичный почерк, совершенно несвойственный мальчику семнадцати лет. Дата и место отправки отсутствовали. Письмо было адресовано Пендергасту:

Ave, frater!⁹

Мне неприятно писать тебе по такому вопросу, впрочем, и по любому другому – тоже. Ты меня, однако, вынудил. Ибо не сомневаюсь, что именно благодаря тебе мне отказано в деньгах.

Нет смысла напоминать, что через несколько лет я получу свою долю наследства. До наступления этого момента мне придется время от времени обращаться за пустяковыми суммами, вроде той, что я запросил в прошлом месяце. В твоих же интересах и в интересах других родственников, я бы задумался. Кажется, последний наш спор в Батон Руж ясно это доказал. В настоящее время я очень занят научными исследованиями, потому и не имею возможности заниматься заработками. Если вынужден буду этим заняться, то добуду средства способом, который меня позабавит. Ну а если не пожелаешь, чтобы я действовал подобным образом, то удовлетворишь мою просьбу, и как можно скорее.

Когда напишу тебе в следующий раз, это будет лишь по моей, а не по твоей инициативе. Больше эту тему затрагивать не буду. Прощай, брат. И *bonne chance*.

Д'Агоста отложил письмо в сторону. Судя по документам, деньги были срочно переведены. На следующий год приблизительно такая же сумма поступила в лондонский банк на улицу Треднидл. Годом позже деньги получил банк в Кенте. Диоген объявился в день своего совершеннолетия (21 год), чтобы вступить в права наследства – восемьдесят семь миллионов долларов. Через два месяца семье объявили, что он погиб в автомобильной катастрофе на Кентербери Хай-стрит. Труп обгорел до неузнаваемости. Деньги наследника не обнаружены.

Д'Агоста повертел в руках свидетельство о смерти.

«В настоящее время я очень занят научными исследованиями». Но чем же именно? Этого Диоген не сказал, а брат тоже промолчал. Или почти промолчал. Взгляд Д'Агосты упал на пачку вырезок. Взяты они были из разных иностранных журналов и газет. К каждой вырезке прикреплена записка с датой и библиографическими данными источника. К заметкам на иностранных языках приложен перевод. Получается, Пендергаст продумал все заранее.

Большинство заметок было посвящено нераскрытым преступлениям. Например, в Лиссабоне скончалась от ботулизма вся семья, при этом в их желудках не было и следа пищи. В Париже обнаружили обескровленное тело химика, профессора из Сорбонны, с артериями, разрезанными на обеих руках. Между тем на месте преступления не было и следа крови. Обратившись к отчетам об экспериментах химика, выяснили, что несколько файлов бесследно исчезли. Другие вырезки также рассказывали о смертях: там, судя по трупам, жертвы подвергались различным пыткам или экспериментам. Тела были сильно изуродованы, и установить личность не представлялось возможным. Пендергаст вырезал и просто некрологи. Смерть этих людей наступила по необъяснимой причине. Пендергаст не оставил комментария, отчего он счел такую информацию интересной.

Д'Агоста взял пачку, полистал ее. Упоминались здесь и кражи. Об ограблении объявила фармацевтическая компания: из их холодильника полностью пропал запас экспериментальных лекарств. Из израильского хранилища необъяснимым образом исчезла коллекция бриллиантов. Из квартиры богатой парижской четы пропал редкий, в кулак величиной, кусок янтаря с застывшим в нем листом древнего растения.

Д'Агоста, тяжело вздохнув, положил вырезки на стол.

Затем на глаза ему попала небольшая пачка бумаг из Сандрингхэма, средней частной школы на юге Англии. Не поставив в известность свою семью, Диоген пожелал завершить там последний год обучения. Он умудрился поступить туда, подделав документы и наняв двух актеров, выступивших в роли его родителей. В первом семестре он стал лучшим учеником по всем предметам, тем не менее через несколько месяцев его исключили. Судя по документам, школьная администрация не захотела называть причину исключения и на

⁹ Приветствую тебя, брат! (лат.)

запросы Пендергаста отвечала уклончиво и даже с ожесточением. Из других бумаг Д'Агоста узнал, что Пендергаст несколько раз пытался вступить в контакт с неким Брайаном Купером. Купер недолгое время жил в Сандрингхэме в одной комнате с Диогеном, но мальчик наотрез отказался отвечать. Родители юноши написали Пендергасту письмо, в котором сообщили, что Брайана поместили в больницу по причине острой кататонии.

После исключения из школы Диоген более чем на два года совершенно исчез из поля зрения. Вынырнул на поверхность в связи с наследством. Через четыре месяца инсценировал собственную смерть в Кентербери.

После этого – молчание.

Нет, не совсем так. Было еще одно, последнее сообщение. Д'Агоста повернулся к лежавшему на столе сложенному пополам листу толстой бумаги. Взял его, задумчиво развернул. В верхней части – выпуклый герб – глаз без века над двумя лунами, внизу – скорчившийся лев. В середине листа – дата, написанная фиолетовыми чернилами. Д'Агоста узнал почерк Диогена: 28 января.

Мысли Д'Агосты снова неумолимо вернулись к октябрю, дню, когда он впервые взял в руки это письмо. В этой же комнате, накануне их отъезда в Италию, Пендергаст показал ему письмо и в нескольких словах сказал о задуманном Диогеном «совершенном преступлении».

Но из Италии Д'Агоста вернулся один. И теперь все зависело от него – ни от кого другого – совершить то, что намеревался сделать его покойный партнер: остановить преступление, намеченное на 28 января.

Осталось меньше недели.

Д'Агоста ощутил приступ паники: в его распоряжении слишком мало времени. Сосед по комнате в Сандрингхэме... Надо бы потянуть за эту ниточку. Завтра позвонит родителям, узнает, может ли этот человек говорить. Кстати, не он один, в школе были и другие мальчики, знавшие Диогена.

Д'Агоста аккуратно сложил листок и вернул на место. Рядом лежала единственная черно-белая фотография, потертая и потрескавшаяся со временем. Взял ее, поднес к свету. Мужчина, женщина и двое маленьких мальчиков стоят перед изящной чугунной оградой. На заднем плане можно разглядеть внушительное здание. Снимок сделали в теплый день: мальчики в шортах, женщина – в летнем платье. У мужчины, глядящего в камеру, лицо патриция. Женщина хороша собой, у нее светлые волосы и загадочная улыбка. Мальчикам на вид восемь и пять лет. Старший стоит прямо, руки сложены за спиной, взгляд серьезный. Светлые волосы с аккуратным пробором, одежда безупречно отглажена. Очертания скул, орлиный нос подсказали Д'Агосте, что это – молодой агент Пендергаст.

Рядом с ним мальчик помладше, с рыжими волосами, ладони сложены, словно в молитве. В отличие от старшего брата, Диоген кажется не слишком опрятным, хотя и нет в его одежде и прическе никакого беспорядка. Вероятно, все дело в позе – она расслабленная, почти небрежная, что вступает в противоречие с молитвенно сложенными руками. А может, такое впечатление производит приоткрытый рот и слишком полные и чувственные для ребенка губы. Глаза одинаковые – должно быть, сфотографировали его еще до болезни.

Тем не менее глаза Диогена приковали внимание Д'Агосты. Смотрели они не в камеру, а то ли на какую-то точку позади нее, то ли просто в пространство. Глаза казались пустыми, почти мертвыми, неуместными на детском лице. Д'Агоста почувствовал, что внутри у него что-то сжалось.

Возле него что-то прошуршало, и Д'Агоста едва не подпрыгнул. Констанция словно бы материализовалась из воздуха. Похоже, способность беззвучно передвигаться она переняла у Пендергаста.

– Прошу прощения, – сказала Констанция. – Я не хотела вас напугать.

– Не беспокойтесь, вы тут ни при чем. Просто у того, кто на это посмотрится, побегут по телу мурашки.

– Простите... мурашки?

– Это просто метафора.

– Вы нашли что-нибудь интересное? Хотя что-нибудь?

Д'Агоста покачал головой.

– Ничего, о чем бы еще не говорили. – Он помолчал. – Только вот не увидел никаких сведений о болезни Диогена. Тетя Корнелия говорила, что он переболел скарлатиной. Она сказала, что болезнь его изменила.

– Жаль, что не могу предоставить вам больше информации. Я обыскала все семейные архивы: вдруг Алоиз что-нибудь проглядел. Но он был очень внимателен. Больше ничего нет.

– Больше ничего. Местонахождение Диогена, его внешность, род занятий, даже преступление, которое он запланировал... полная неизвестность.

– Была лишь дата – 28 января. Следующий понедельник.

– Может, Пендергаст ошибся, – сказал Д'Агоста, пытаясь пробудить надежду. – Я имею в виду дату. Может, подразумевался следующий год. Или вообще что-то другое. – Он жестом указала на разложенные на столе документы. – Все это словно из другой эпохи. Трудно поверить, что произойдет катастрофа.

Единственным ответом ему была слабая, ускользающая улыбка Констанции.

Глава 8

Хорас Сотель с облегчением вернул официанту меню. Оно было большое, на веленовой бумаге. Захотелось вдруг, чтобы клиент приехал к нему. Как же он ненавидел цементные джунгли, в которых все они работали, – Чикаго, Детройт и вот теперь Нью-Йорк. Увидишь все это, и Киокак¹⁰ покажется не столь уж плохим. Хорас знал лучшие пивные и бары. Кое-кто из его клиентов мог бы, пожалуй, прельститься красотами Айовы.

Сидящий с ним за одним столиком его клиент заказал что-то непонятное из говядины. «Неужто, – удивлялся про себя Хорас, – он и в самом деле понимает, что за дрянь просит?» Сам Хорас изучал меню недоверчиво и с опаской. Текст написан от руки, по-французски, произнести – невозможно. Остановился на блюде, называвшемся «стейк по-татарски». Наверняка гадость какая-то. Хотя даже французы вряд ли испортят стейк. К тому же соус тартар, подаваемый к рыбе, ему всегда нравился.

– Вы не возражаете, если я еще раз просмотрю их, прежде чем подписывать? – спросил клиент, взяв в руки пачку контрактов.

Сотель кивнул.

– Разумеется, все к вашим услугам.

Только что битых два часа они изучали бумаги чуть ли не под лупой. Можно подумать, этот парень покупает дом на Палм-Бич ценою в миллион, а не детали машины за пятьдесят тысяч долларов.

Клиент уткнулся носом в бумаги, а Сотель, пожевывая хлебную палочку, озирался по сторонам. Помещение, в котором они сидели, напоминало ему застекленное кафе при ресторане, вынесенное на тротуар. Все столики заняты бледнолицыми ньюйоркцами (всех бы их срочно выставить на солнце). За соседним столиком сидели три женщины – черноволосые и сухопарые, – ковырялись во фруктовых салатах. Подальше толстый бизнесмен поедал с аппетитом что-то желтое и скользкое.

Мимо проехал грузовик, взвизгнули тормоза. Вот-вот врежется в стеклянную стену. Рука Сотеля рефлекторно сжалась в кулак, сломала хлебную палочку. Он брезгливо вытер руку салфеткой. Какого черта клиент притащил его сюда в январскую стужу? Сотель поднял глаза к стеклянному потолку с белой надписью на розовом фоне – «La Vielle Ville»¹¹. Над

¹⁰ Город на востоке США.

¹¹ Старая деревня (фр.).

кафе нависало огромное жилое здание. Ряды одинаковых окон уходили в закопченное небо. Похоже на высотную тюрьму с тысячей заключенных. И как здесь люди живут?!

У кухонных дверей началась суeta. Сотель смотрел на все с равнодушием. Если верить меню, ланч приготовят рядом со столиком. Как они собираются это сделать? Прикатят, что ли, сюда гриль и разведут огонь? И в самом деле, к ним направилась целая процессия в белых халатах, впереди везут какую-то тележку.

Шеф-повар с гордым видом установил возле Сотеля столик на колесах. Словно пулемет, выстрелил в ассистентов распоряжениями на французском языке, и они тут же приступили к делу: один шинковал лук, другой со страшной скоростью взбивал яйца. Сотель осмотрел столик. На нем лежало несколько тостов из белого хлеба, горка круглых зеленых штук. Должно быть, каперсы, подумал он. Там же стояли бутылочки со специями и какими-то неизвестными жидкостями, чашка с давленным чесноком. В центре стола – сырой гамбургер, величиною с кулак. Соуса тартар нет и в помине.

С большими церемониями шеф положил гамбургер в миску из нержавеющей стали, туда же влил сырое яйцо, добавил чеснок и репчатый лук, после чего смешал все ингредиенты. Через несколько мгновений вынул липкую массу, швырнул на столик и стал медленно перетирать пальцами. Сотель отвернулся, сделав себе мысленную зарубку: попросить, чтобы гамбургер как следует прожарили. Кто знает, какие болезни разносят эти ньюйоркцы. И где же все-таки гриль?

В это мгновение к его клиенту приблизился официант и поставил перед ним тарелку. Сотель с изумлением увидел, как другой официант зажал нечто между ножом и вилкой и быстро опустил на тарелку. Сотель не верил своим глазам: это была сырая говядина – блестящий аккуратный кусок лежал в окружении тостов, каперсов и измельченных яиц.

Сотель непонимающе взглянул на клиента, а тот лишь одобрительно кивнул головой.

Шеф-повар с сияющей улыбкой посмотрел на них с другого конца стола и пошел прочь вместе с помощниками, увозящими столик.

– Прошу прощения, – тихо сказал Сотель. – Вы забыли его приготовить.

Шеф остановился.

– Pourquoi?¹²

Сотель указал пальцем на свою тарелку.

– Я сказал, что вы его не поджарили. Понимаете? Огонь. Flambe.

Повар энергично потряс головой.

– Нет, monsieur. Это не жарят.

– Стейк по-татарски тепловой обработке не подвергают, – объяснил клиент и помедлил, прежде чем подписать контракт. – Его подают сырым. Вы разве не знали?

На губах появилась и быстро исчезла улыбка превосходства.

Сотель откинулся на спинку стула, стараясь не выйти из себя, поднял глаза к потолку. Только в Нью-Йорке. Двадцать пять баксов за сырой гамбургер.

Вдруг он напрягся.

– Святые угодники, что за черт?

Высоко над ним в небе возник человек с широко раскинутыми руками и ногами. Он бесшумно рассекал морозный воздух. На мгновение Сотелю показалось, что человек, как в сказке, парит сам по себе. Но потом увидел натянутую тонкую веревку, охватившую шею человека. Словно громом пораженный, Сотель сидел, разинув рот.

Посетители ресторана, проследив за его взглядом, задохнулись от ужаса.

Фигура дергалась и сотрясалась, спина выгнулась дугой, жертва сложилась пополам. Сотель смотрел, не в силах шелохнуться.

Неожиданно веревка оборвалась. Человек, хлопая руками и ногами, летел прямо на него.

¹² В чем дело? (фр.)

Так же неожиданно Сотель обнаружил, что снова может двигаться. С бессмысленным криком он вместе со стулом шлепнулся на пол. Доля секунды... оглушительный грохот, дождь стеклянных осколков. Тело свалилось прямо на женщин. Фейерверк фруктовых салатов рассыпался на красные, желтые и зеленые составляющие. Лежа на полу, Сотель почувствовал, как что-то теплое и мягкое крепко стукнуло его по щеке, а затем, почти немедленно, обрушился водопад битого стекла, тарелок, чашек, вилок, ложек и цветов.

Наступило странное молчание. А потом начались крики и стоны, исполненные боли, ужаса и страха, но все это звучало словно бы издалека. Правое ухо Сотеля наполнилось незнакомой субстанцией.

Лежа на спине, он наконец понял, что же произошло. Снова нахлынули ужас и недоверие. Минуту, а то и две он был не в силах пошевелиться. Крики и визг постепенно усиливались.

Сделав героическое усилие, он заставил двигаться непослушные ноги. Поднялся на колени, шатаясь, встал. Увидел, что и другие люди с трудом пытаются подняться. В зале слышались стоны, повсюду валялось битое стекло. Стол справа от него превратился в груды еды, крови, цветов, салфеток, щепок. Его собственный стол засыпан стеклом. В полной неприкосновенности, блестящим и свежим оставался лишь сырой гамбургер, за который он выложил двадцать пять баксов.

Сотель взглянул на своего клиента. Тот по-прежнему сидел неподвижно, костюм забрызган чем-то непонятным.

Независимо от него самого, ноги Сотеля пришли в движение. Он крутанулся, нашел дверь, шагнул, потерял равновесие, оправился, сделал еще шаг.

Послышался голос клиента.

– Вы что же, уходите?

Вопрос был таким бессмысленным, таким неуместным, что Сотель хрипло засмеялся.

– «Уходите», – повторил он, прочищая ухо. – Да, ухожу.

И ринулся к дверям, кашляя и задыхаясь от смеха, под ногами скрипело стекло. Лишь бы поскорее убраться из этого ужасного места. Он вышел на тротуар и двинулся в южном направлении. Ходьба перешла в бег.

Теперь в Киокак наверняка поедут.

Глава 9

Вильям Смитбек вышел из такси, сунул в окошко мятую двадцатидолларовую бумажку и окинул взглядом Бродвей, вплоть до Линкольновского центра. На расстоянии нескольких кварталов различил большую толпу. Люди высыпали на Коламбус-авеню и 65-ю стрит, создав страшную пробку. Клаксоны слились в едином порыве. Время от времени в автомобильную симфонию вливался оглушительный рев клаксона грузовика.

Пробравшись сквозь море недвижимых автомобилей, Смитбек развернулся и затрусил по Бродвею в северном направлении. В стылый январский воздух белым облачком вырывалось дыхание. Похоже, в последнее время он передвигается только бегом. Куда девалась гордая, размеренная походка лучшего корреспондента «Нью-Йорк таймс»? Он коршуном бросался на каждое новое происшествие, лишь бы вовремя сделать репортаж. Иногда в один день удавалось сдать в номер сразу две статьи. Нора Келли, два месяца назад ставшая его женой, этому отнюдь не радовалась: ведь она рассчитывала на неспешные совместные ужины с обсуждением дневных событий, а затем – на ночи неземного блаженства. У Смитбека оставалось слишком мало времени как на еду, так и на блаженство. Да, все эти дни пешком он не передвигался, и на то была важная причина. Брайс Харриман тоже не стоял, Смитбек слышал за спиной его дыхание.

Приехав из свадебного путешествия, Смитбек испытал одно из самых страшных потрясений в жизни. На пороге редакции его встретил Брайс Харриман. Одетый в костюм, который, похоже, носил со школьного выпускного вечера, самодовольно улыбаясь, он

поздравил Вильяма с возвращением в «нашу газету».

«Нашу газету. О господи!».

До сих пор у Смитбека все шло как по маслу. Он был восходящей звездой «Таймс», за полгода опубликовал полдюжины сенсационных новостей. Фентон Дэйвис, его редактор, автоматически поворачивался к Смитбеку, когда надо было поднимать важную тему. Наконец-то он убедил свою подругу Нору прекратить погоню за старыми костями и горшками. Зачем выкапывать их из земли? А их медовый месяц в Ангкор-Вате был воистину сказкой, особенно неделя, которую они провели, исследуя развалины заброшенного замка кхмеров, не убоившись джунглей, змей, малярии и ядовитых насекомых. Возвращаясь домой, он думал в самолете, что ничего лучшего в жизни у него еще не было.

И был прав.

Несмотря на вкрадчивое дружелюбие Харримана, с первого дня было ясно, что тот копает под Смитбека. Им и прежде доводилось скрещивать шпаги, но не в одной и той же газете. Харриману удалось устроиться в «Таймс», когда Смитбек находился на другом полушарии. А уж как он льнул к Дейвису, ловил каждое его слово, будто тот был Дельфийским оракулом! Глядя на него, Смитбек ощущал разлитие желчи. Похоже, его тактика сработала: на прошлой неделе Харриман заполучил дело Хулигана, которое по праву принадлежало Смитбеку.

Смитбек прибавил скорости. Он слышал, что на углу Шестьдесят пятой стрит и Бродвея какой-то парень свалился на людей, сидевших за завтраком. Там, должно быть, собрались телеоператоры, репортеры с магнитофонами, звукооператоры с микрофонами. Надо воспользоваться шансом и обскать Харримана, поймать момент.

Слава Богу, летучку не устроили.

Он покачал головой, пробормотал что-то под нос и стал пробираться сквозь толпу.

Впереди виднелось стеклянное кафе «La Vielle Ville». Внутри помещения работала полиция, фотограф делал снимки, об этом свидетельствовали периодические вспышки, освещавшие стеклянные стены. Место преступления оцеплено желтой лентой. Смитбек поднял глаза к крыше кафе, увидел огромную, неровную дыру, оставшуюся после падения жертвы, взглянул на широкий фасад линкольновских башен и на разбитое окно, из которого выпал несчастный. Наверху тоже работали копы, вспыхивала фотокамера.

Он продвинулся вперед в надежде отыскать свидетелей.

– Я репортер, – громко воскликнул он. – Билл Смитбек. «Нью-Йорк таймс». Кто видел, что произошло?

Несколько человек обернулись и молча на него посмотрели. Смитбек оглядел их: вестсайдская матрона с крошечным шпиком на руках; мужчина, удерживающий на плече большую коробку с китайскими блюдами для выносной торговли; полдюжины других людей.

– Я ищу свидетеля. Может, кто-то что-нибудь видел?

Молчание. Большинство из них, возможно, даже не говорят по-английски, подумал он.

– Никто ничего не знает?

Мужчина с наушниками, в тяжелом пальто, энергично кивнул.

– Мужчина, – сказал он с сильным индийским акцентом. – Он упал.

Что ж, делать нечего. Смитбек снова продрался сквозь толпу. Впереди увидел полицейского. Он прогонял людей на тротуар, пытаясь освободить проезжую часть.

– Эй, офицер! – выкрикнул Смитбек, локтями расталкивая человеческое стадо. – Я из «Таймс». Что здесь произошло?

Офицер прекратил было рычать на людей и посмотрел в его сторону. Через мгновение продолжил свою работу.

– Нашли ли на теле жертвы удостоверение личности?

Коп его в упор не видел.

Смитбек смотрел на его удаляющуюся фигуру. Типично. Другой репортер стал бы ждать официальной версии случившегося, но только не он. Он запросто проберется внутрь.

Смитбек оглянулся по сторонам, и взгляд его остановился на главном входе в жилую башню. Дом огромный, в нем по меньшей мере тысяча квартир. Кто-то из жильцов наверняка знал жертву, они-то и прольют свет на эту историю, может, даже предложат свою версию. Смитбек закинул голову, пересчитывая этажи, пока снова не добрался до открытого окна. Двадцать четвертый этаж.

Опять вклинился в толпу, избегая вооруженных мегафонами полицейских. Наметил себе как можно более прямую траекторию, ведущую к входу в здание. Там стояли три дюжих копа, видно было, что при исполнении. Как же попасть внутрь? Сказать, что жилец? Вряд ли поверят.

Остановился, оглядел шумную толпу журналистов... самообладание быстро вернулось. Они, словно беспокойные овцы, ждут, когда к ним выйдет кто-нибудь из полиции и объяснит, в чем дело. Смитбек посмотрел на них с жалостью. Он не хотел, чтобы у него была та же, что и у всех, история, скормленная властями по ложке. Они расскажут лишь то, что захотят рассказать. Ему же нужны настоящие факты, а узнать их можно на двадцать четвертом этаже линкольновской башни.

Смитбек отвернулся от толпы и пошел в противоположном направлении. У таких многоэтажек, как эта, имеется служебный вход.

Мимо фасада здания, смотрящего на Бродвей, он дошел до угла. Там узкий переулок отделял его от следующего дома. Сунув руки в карманы, зашагал по переулку, небрежно посвистывая.

Спустя мгновение свист прекратился. Он увидел большую железную дверь с надписью «Служебный вход – Доставка». Возле двери стоял еще один коп. Он внимательно смотрел на Смитбека и одновременно разговаривал с кем-то по маленькому приемнику, приколотому к воротнику.

Черт! Ладно, только не останавливаться, не поворачивать назад – это будет выглядеть подозрительно. Надо как ни в чем не бывало пройти мимо полицейского, словно он собирался укоротить путь, зайдя за здание.

– Доброе утро, – сказал он, поравнявшись с полицейским.

– Добрый день, мистер Смитбек, – ответил коп.

У Смитбека окаменела челюсть.

Кто бы там ни занимался расследованием убийства, в профессионализме им не откажешь. Все делают как надо. Но и Смитбек не лыком шит. Если в здание есть еще один вход, он его отыщет. По переулку он вышел к торцу здания, повернул под прямым углом и снова двинулся в сторону 65-й стрит.

Да, примерно в тридцати ярдах отсюда – служебный вход в кафе «La Vielle Ville». И копов не видно. Раз уж на двадцать четвертый этаж подняться невозможно, удастся, по крайней мере, заглянуть туда, куда этот несчастный свалился.

Быстро пошел вперед, волнение прибавило прыти. Кто знает, может, из ресторана он и наверх поднимется? Должны же быть коридоры... возможно, в подвале?

Смитбек дошел до металлической двери, потянул за ручку и застыл на пороге.

Там, рядом с огромными плитами, несколько полицейских брали показания у поваров и официантов.

Все медленно повернулись и уставились на него.

Смитбек сделал вид, будто заглянул случайно.

– Никакой прессы, – рявкнул один из копов.

– Прошу прощения, – сказал Смитбек и фальшиво улыбнулся. – Не туда попал.

И очень осторожно закрыл дверь. Вернулся к фасаду, где его еще сильнее оскорбило зрелище репортерского стада – стоят, словно овцы, предназначенные на заклание.

Нет, это не для него, не для Билла Смитбека из «Таймс». Сверкнул глазами, словно полководец, выбирающий способ атаки: у него должна родиться идея, до которой не додумались другие. И тут он заметил мотоциклиста, развозящего пиццу. Он безнадежно пытался пробиться сквозь толпу. Человек был худенький, со скошенным подбородком, на

голове глупая шапочка с надписью «Пицца Ромео». Лицо посыльного от волнения покрылось красными пятнами.

Смитбек подошел к нему, кивнул на корзину, установленную на багажник.

– Тут пицца?

– Две, – сказал посыльный. – Посмотрите на это безобразие. Они остынут, и плакали мои чаевые. К тому же, если через двадцать минут я их не доставлю, мне совсем не заплатят...

Смитбек перебил его.

– Пятьдесят баксов за две твои пиццы и шапку.

Человек посмотрел на него, как на полного идиота.

Смитбек вытащил деньги.

– На. Возьми.

– А как же я...

– Скажи, что тебя ограбили.

Посыльному ничего не осталось, как взять деньги. Смитбек стащил с него шапку и нахлобучил на собственную голову. Затем открыл багажник мотоцикла и вытащил коробки с пиццей. Двинулся сквозь толпу к двери. В одну руку взял пиццы, а другой торопливо сдернул галстук и сунул в карман.

– Доставка пиццы, дайте дорогу!

Толпа расступилась, и он приблизился к огороженному лентой месту преступления.

– Доставка пиццы, двадцать четвертый этаж.

Сработало, как пароль: толстый коп отодвинул ограждение, и Смитбек прошел внутрь.

А теперь триумвират у дверей.

Он уверенно ринулся вперед, но копы устали на него.

– Доставка пиццы, двадцать четвертый этаж.

Они преградили ему дорогу.

– Я сам подниму пиццы, – сказал один из них.

– Извините. Нарушение правил компании. Я обязан доставить товар клиенту.

– Вход запрещен.

– Да, но только не для нашей компании. К тому же, если вы понесете ее сами, как я получу свои деньги?

Копы растерянно переглянулись. Один из них пожал плечами. Смитбек возрадовался. Кажется, поверили. Скорее всего, впустят.

– Ну, скорее, они же стынут, – горячо заговорил Смитбек.

– Сколько?

– Да я же сказал, товар я обязан доставить клиенту лично. Позвольте.

Он сделал осторожный шаг и едва не уперся в огромный живот старшего полицейского.

– Входить никому не позволено.

– Да, но я же...

– Дайте мне ваши пиццы.

– Но ведь я сказал...

Коп протянул руку.

– Я сказал: дайте мне чертовы пиццы.

Смитбек понял, что проиграл. И послушно отдал пиццы полицейскому.

– Сколько? – спросил коп.

– Десять баксов.

Коп протянул десятку, без чаевых.

– Для кого это?

– Для команды СОК.

– У вашего клиента есть имя? Там десяток людей из СОК.

– Кажется, Миллер.

Недовольно ворча, коп исчез вместе с пиццами в полутемном вестибюле, а два других перегородили вход. Тот, что пожимал плечами, обернулся.

– Извини, приятель, но не принесешь ли ты мне пиццу размером 15 дюймов, с перцем, чесноком, луком и двойной порцией сыра?

– Как пожелаете, – сказал Смитбек и зашагал к барьеру. Когда протискивался сквозь толпу репортеров, услышал смешки. Кто-то воскликнул: «Прекрасная попытка, Билл», а другой, подражая женскому голосу, запищал: «Билл, детка, эта шляпа безумно тебе идет!».

Смитбек с отвращением сдернул шапку и бросил на землю. Впервые его репортерский гений дал осечку. Относительно этого дела у него появилось нехорошее предчувствие: не успело начаться, как запахло гнильцой. Несмотря на морозный январский воздух, он затылком чувствовал жаркое дыхание Харримана.

Повернулся и с тяжелым сердцем встал в толпе, ожидая официального разъяснения.

Глава 10

Лейтенант Винсент Д'Агоста отворил дверь паба Макфили. Он испытывал страшную усталость. В заведении Макфили было уютно, как в любом другом ирландском баре, которые до сих пор встречаются в Нью-Йорке. Сейчас Д'Агосте уют был нужен как никогда. В длинном узком помещении было темно, с одной стороны блестел начищенный деревянный бар, с другой – размещались кабины. На стенах висели старинные картины с изображением спортивных сцен, впрочем, под толстым слоем пыли разобрать на них что-либо не представлялось возможным. Позади бара, у зеркальной стены, выстроились шесть рядов бутылок. Возле двери стоял старый музыкальный автомат с написанными на нем зелеными чернилами названиями ирландских музыкальных произведений. В ассортименте бара имелись «Гиннесс», «Харп» и «Басс». Пахло жарочным маслом и пролитым пивом. Недоставало, пожалуй, единственной ностальгической детали – запаха табачного дыма, хотя Д'Агосте этого было и не нужно: он бросил курить сигары много лет назад, когда вышел в отставку, переехал в Канаду и стал писать.

Бар был наполовину пуст, и Д'Агосте это понравилось. Он взял табурет и придвинул его к стойке.

Патрик, бармен, заметил его и подошел.

– Привет, лейтенант, – сказал он и подвинул к нему подставку для стакана. – Как дела?

– Потихоньку.

– Как обычно?

– Нет, Пэдди. Темное, пожалуйста. И чизбургер.

Пинта не заставила себя ждать. Д'Агоста задумчиво опустил губу в пену цвета мокко. Он почти не позволял себе баловство такого рода: за последние месяцы Д'Агоста потерял двадцать фунтов веса и не хотел вновь их набрать, однако сегодня решил сделать исключение. Лаура Хейворд вернется домой поздно: она работает сейчас над делом о человеке, который свалился на людей, обедавших в ресторане на Верхнем Манхэттене.

Утро прошло бесполезно: угрожал время на поиски зацепок. В официальных отчетах о Рейвенскрай, поместье тетушки Корнелии в графстве Датчесс, ничего не нашел. Сделал запрос в полицейское управление Нового Орлеана относительно давно сгоревшего поместья Пендергастов. Результат тот же. В обоих случаях о Диогене Пендергасте выяснить ничего не удалось.

Снова отправился на Риверсайд, 891, – еще раз изучить собранные Алоизом свидетельства. Позвонил в лондонский банк, в котором, согласно данным Пендергаста, Диоген снял деньги со счета. Счет уже двадцать лет как закрыли, дополнительной информацией банкиры не обладали. Запросы в банки Гейдельберга и Цюриха принесли тот же ответ. Поговорил с английской четой, сын которой недолгое время жил в Сандрингхэме в одной комнате с Диогеном. Родители сказали, что юноша покончил с собой, как только его выпустили из-под опеки.

Затем Д'Агоста позвонил в юридическую фирму, выступавшую в роли посредника между Диогеном и его семьей. Его отфутболивали от одного секретаря к другому, и каждый задавал ему одни и те же вопросы. Наконец трубку снял адвокат, не назвавший своего имени. Он и сообщил Д'Агосте, что Диоген Пендергаст не является их клиентом, более он ничего сообщить не может. К тому же все файлы, имевшие отношение к этому делу, давно уничтожены по просьбе клиента.

За пять часов сделано, по меньшей мере, тридцать звонков. Результат нулевой.

Затем Д'Агоста обратился к газетным вырезкам, в которых рассказывалось о разных загадочных преступлениях. Задумался: не позвонить ли официальным органам, рассматривавшим эти дела, но от этого намерения отказался. Без сомнения, Пендергаст это уже делал, и если бы собрал информацию, которой хотел поделиться, она лежала бы в его папках. Д'Агоста по-прежнему находился в неведении: почему Пендергаст считал эти преступления важными, зачем вырезал из газет именно эти заметки, ведь заинтересовавшие его преступления совершались в разных частях земного шара. В них действительно была какая-то загадка, однако связи между ними Д'Агоста не видел.

Пошел третий час. Д'Агоста знал, что его начальника, капитана Синглтона, в кабинете не будет: в это время он всегда был на месте очередного преступления. Поэтому Д'Агоста покинул Риверсайд, 891, и отправился в участок, где уселся за стол, включил компьютер и ввел пароль. Всю вторую половину дня, елозя мышкой, он влезал, если везло, в базу данных каждого силового и административного ведомства: управления нью-йоркской полиции, федеральную службу, Интерпол и даже в администрацию социальной безопасности. Ничего. Бесконечные препоны правительственных бюрократов Диогену оказались нипочем: по хитроумному лабиринту он прошел, как призрак, не оставив за собой никаких следов. Казалось, что он и в самом деле умер.

После этого Д'Агоста сдался и пошел к Макфили.

Принесли чизбургер, и Д'Агоста стал есть, не чувствуя вкуса. И сорока восьми часов не прошло, а начатое им расследование зашло в тупик. Информация, собранная Пендергастом, не имела власти над призраком.

Д'Агоста несколько раз без аппетита куснул чизбургер, допил пиво, бросил на стойку несколько бумажек, кивнул Патрику и вышел. «Получи побольше информации от детектива капитана Лауры Хейворд, однако для ее же блага постарайся не вмешивать ее в это дело». Д'Агоста и в самом деле мало рассказал ей о своих расследованиях после совместного визита к старушке Корнелии. Казалось, так будет лучше.

Почему?

Он сунул руки в карманы и, наклонив голову, пошел против холодного январского ветра. Может, потому, что был уверен – она, с ее здравомыслием, скажет: «Винни, это сумасшествие. В письме нет ничего, кроме даты. Одни лишь полубезумные угрозы, произнесенные двадцать-тридцать лет назад. Я просто не могу поверить, что ты станешь попусту тратить время».

А может, боялся, что она и в самом деле убедит его бросить эту сумасшедшую авантюру.

Он подошел к перекрестку 77-й и 1-й авеню. Там высилось уродливое здание из белого кирпича, в котором он жил с Лаурой Хейворд. Зябко дрожа, глянул на наручные часы. Восемь. Лауры наверняка еще нет дома. Он накроет для нее стол, поставит в микроволновку остатки неаполитанской лазаньи. Ему интересно было узнать от нее подробности дела о новом убийстве, над которым она сейчас работала. Во всяком случае, это отвлечет его от носящихся по кругу мыслей.

Швейцар сделал грубо-лестливую попытку отворить перед ним дверь. Д'Агоста вошел в узкий вестибюль, нашаривая в кармане ключи. Один из лифтов стоял с гостеприимно распахнутыми дверцами. Д'Агоста вошел и нажал кнопку пятнадцатого этажа.

Лифт начал закрываться, но в это мгновение в щель просунулась рука в перчатке и заставила двери раздвинуться. Это был пресловутый швейцар. Он вошел в кабину и скрестил

на груди руки, не обращая внимания на Д'Агосту. Маленькое помещение наполнил неприятный запах тела.

Д'Агоста взглянул на него с раздражением. Человек был грузный, смуглое мясистое лицо, карие глаза. Странно, что он не нажал кнопку своего этажа. Д'Агоста отвернулся, потеряв к нему интерес, и обратил взор к индикатору, отмечавшему этажи: пятый, шестой, седьмой...

Швейцар подался вперед, нажал на «стоп». Лифт дернулся и остановился.

Д'Агоста вскинул глаза.

– В чем дело?

Швейцар даже не удостоил его взглядом. Вместо этого вынул из кармана ключ, вставил в контрольную панель, повернул и вынул. Лифт дернулся и пошел вниз.

«Лаура права, – подумал Д'Агоста. – У этого тупицы не все дома».

– Послушайте, я не знаю, куда вам нужно, но не могли бы вы, по крайней мере, подождать, когда я доберусь до своего этажа? – Д'Агоста снова нажал на кнопку 15.

Лифт не отреагировал, по-прежнему спускался, миновал вестибюль и отправился в подвальное помещение.

Раздражение Д'Агосты сменилось тревогой. В мозгу всплыли строчки из письма Пендергаста: Диоген чрезвычайно опасен. Не привлекай к себе его внимания раньше, чем следует. Почти бессознательно сунул руку в карман и выхватил табельное оружие.

Но в тот же момент швейцар развернулся и молниеносным движением отбросил его к стене лифта, мертвой хваткой зажав ему за спиной руки. Д'Агоста попробовал сопротивляться, но обнаружил, что обездвижен. Набрал было воздуха, чтобы крикнуть о помощи, но противник, угадав его намерение, сунул ему в рот затянутую в перчатку руку.

Д'Агоста сделал новую попытку оказать сопротивление – куда там! Он не мог поверить, как быстро его разоружили и обездвижили.

И тут швейцар сделал странную вещь. Он наклонился вперед, приблизил губы к уху Д'Агосты. Заговорил едва слышным шепотом.

– Прими самые искренние извинения, Винсент.

Глава 11

Следователь, капитан Лаура Хейворд, прошла через гостиную, выглянула из окна, стараясь не задеть стоявший у подоконника стол. Через дыру в стекле увидела, что на Бродвее, далеко внизу, стало наконец тихо. Первым делом она отдала своим людям строгий приказ – не подпускать никого к дому, и они прекрасно справились с задачей: раненых быстро увезли в машинах «скорой помощи», любители поглазеть в конце концов устали, замерзли и разбрелись. Пресса проявила больше выдержки, но и они поздно вечером уступили отданному ею приказу. Место преступления было сложное – тут тебе и квартиры, и ресторан на первом этаже, но Лаура лично проинструктировала все бригады, и сейчас на месте преступления работала лишь следственная команда. Специалисты, снимавшие отпечатки пальцев, фотографии и аналитики только что ушли. Осталась лишь смотрительница здания, дававшая показания, но скоро и она уйдет.

Лаура Хейворд испытывала удовольствие от прекрасно проведенной работы. Убийство всегда вносит беспорядок. Следователи накатывали сюда волна за волной, медицинские и технические эксперты, криминалисты, при этом каждый действовал в предписанных ему рамках, и после того как место преступления досконально изучили, хаос и ужас приняли осмысленную форму. После проведенного анализа каждое свидетельство заняло свое место в тщательно выстроенной классификации. Так и получается – убийство разрушает естественный ход вещей, а расследование наводит порядок.

И все же, оглядывая комнату, Хейворд не чувствовала удовлетворения. Напротив, на душе было беспокойно.

Ее знобило, она подышала на руки, застегнула верхнюю пуговицу пальто. Немудрено:

окно разбито, сама же приказала людям ничего не трогать (даже систему отопления), а потому в комнате было лишь на несколько градусов теплее, чем на улице. На миг захотелось, чтобы Д'Агоста был сейчас рядом с ней. Неважно: она расскажет ему обо всем, когда вернется домой. Лаура была уверена, что он заинтересуется, он часто удивлял ее интересными практическими соображениями. Может, это дело отвлечет его от нездорового увлечения братом Пендергаста. Только-только стал он отходить от горестного известия о смерти Пендергаста и от чувства вины за то, что не уберег друга, как явился этот проклятый шофер...

– Мадам? – сержант сунул голову в дверь гостиной. – Пришел капитан Синглтон.

– Пропустите его, пожалуйста.

Синглтон был капитаном местного полицейского участка, и Хейворд знала, что он лично придет. Это человек старой закваски. Он считал, что его место – рядом с подчиненными, работавшими на улице или месте преступления. Хейворд знала Синглтона по прежней работе и считала одним из лучших капитанов в городе, особенно когда дело касалось убийств. Он тесно сотрудничал, помогал на каждой стадии расследования.

А вот и он сам, в длинном пальто из верблюжьей шерсти, аккуратно подстриженные волосы, как всегда безупречен. Синглтон постоял, внимательно оглядел комнату. Потом улыбнулся, шагнул вперед и протянул руку.

– Здравствуйте, Лаура.

– Добрый день, Глен. Рада вас видеть.

Рукопожатие было коротким и деловым. Интересно, подумала она, знает ли он о ней и Д'Агосте. Тут же решила, что не знает. Они были очень осторожны: не хватало еще, чтобы нью-йоркская полиция перемывала им косточки.

Синглтон взмахнул рукой.

– Прекрасная работа, как всегда. Надеюсь, вы не против моего прихода?

– Нет, что вы. Мы уже собирались уходить.

– И как успехи?

– Хорошо.

Она запнулась. Нет причины не говорить Синглтону: в отличие от большинства полицейских, он не испытывал радости от неудач потенциальных соперников. К тому же, он тоже капитан, она могла ему доверять.

– По правде говоря, я не слишком уверена в этом, – сказала она, избавившись от оптимистического тона.

Синглтон взглянул на женщину, ответственную за вещдоки. Она стояла в дальнем конце комнаты и делала пометки в блокноте.

– Расскажите?

– Замок на входной двери открыт мастерски. Квартира маленькая, всего две спальни, одна из них переделана в студию. Преступник незаметно проник в квартиру и, по всей видимости, спрятался здесь. – Она указала на темный угол рядом с дверью. – Он прыгнул на жертву, когда тот входил в гостиную. Возможно, ударил по голове. К несчастью, тело при падении так пострадало, что теперь трудно определить, каким оружием воспользовался преступник.

Она указала на стену – брызнувшая кровь залила картину с изображением пруда в Центральном парке.

– Присмотритесь к этому пятну.

Синглтон присмотрелся. Капли сравнительно небольшие, вытекали со средней скоростью.

– Какой-то тупой инструмент?

– Мы тоже так решили. Рисунок пятен здесь и здесь подтверждает наше предположение. И высота струи относительно стены указывает на то, что удар пришелся по голове. Опять же расположение пятен – капли упали на ковер. Человек, шатаясь, прошел несколько шагов и свалился вот здесь. Количество крови также указывает на рану в голове –

вы ведь знаете, что такие раны сильно кровоточат.

– Насколько я понимаю, оружие не найдено?

– Нет. Похоже, преступник унес его с собой.

Синглтон задумчиво кивнул.

– Продолжайте.

– Затем преступник подтащил оглушенную жертву к дивану, где – что очень странно – обработал рану, которую сам же и нанес.

– В самом деле?

– Промокнул ее марлевыми тампонами, которые взял из аптечки в ванной. Рядом с диваном валялись несколько пустых упаковок, а в мусорном ведре лежали окровавленные тампоны.

– Отпечатки пальцев обнаружены?

– Криминалисты нашли около пятидесяти отпечатков. В крови жертвы обнаружили кое-что. Все отпечатки принадлежат либо самому Дучэмпу, либо прислуге, либо друзьям. Других нет – ни на аптечке, ни на дверной ручке, ни на медицинских упаковках.

– Убийца работал в перчатках.

– Судя по следам, перчатки хирургические. К утру лаборатория даст более четкий ответ. – Хейворд указала на диван. – Затем жертве заложили за спину руки и связали. Надели веревку на шею, такие петли в ходу у палача. Я попросила криминалистов снять с тела веревки и сохранить как вещественное доказательство. Узлы – редкостные, я таких никогда еще не видела.

Она кивнула в сторону запечатанных больших полиэтиленовых мешков.

– Да и сами веревки выглядят необычно.

Похоже, это единственное вещественное доказательство, оставленное убийцей. И несколько ворсинок с его одежды. Единственная хорошая новость в этом деле, подумала про себя Хейворд. У веревок почти столько же характерных черт, как и у отпечатков пальцев: тип скручивания, число оборотов на дюйм, количество прядей, характеристика волокна. В сочетании с типом узла это может сообщить очень многое.

– Когда Дучэмп пришел в сознание, он был уже связан. Убийца поставил этот длинный стол под окно. Затем – каким-то образом – заставил Дучэмпа забраться на стол и броситься вниз. Выскочив из окна, человек повесился.

Синглтон нахмурился.

– Вы в этом уверены?

– Взгляните на стол. – Хейворд показала ему череду кровавых следов.

Каждый след был зафиксирован криминалистами.

– Дучэмп по собственной крови прошел к столу. Взгляните на первые отпечатки. Здесь он стоит. Другие следы ведут к окну, и расстояние между ними увеличивается. А здесь... взгляните на последний отпечаток перед окном. Остался след лишь от каблука. Все это – свидетельство того, что он даже не пошел, а побежал.

Синглтон смотрел на стол не менее минуты. Затем обратился к Хейворд.

– А что, если они подделаны? Не мог ли убийца снять туфли с Дучэмпа, сделать отметки, а потом снова их на него надеть?

– Мне эта мысль тоже приходила в голову. Но криминалисты сказали, что это невозможно. Таким способом следы не подделать. Кроме того, по тому, как сломана оконная рама, видно, что человек выскочил сам, что его не вытолкали.

– Чушь собачья! – Синглтон сделал шаг вперед.

Подбитый глаз окна уставился в манхэттенскую тьму.

– Представьте себе Дучэмпа, стоящего здесь со связанными за спиной руками и веревкой на шее. Что можно было сказать ему, чтобы он с готовностью выбросился из собственного окна?

Он повернулся к Хейворд.

– Если только это не было его собственным желанием. Самоубийство, совершенное с

помощью другого человека. В конце концов, где следы борьбы?

– Их нет. Но как же тогда вскрытый замок? Перчатки? Нападение, перед тем как связать Дучэмпа? Следы на столе не говорят о колебаниях, характерных для попыток самоубийства. Кроме того, мы опросили соседей Дучэмпа, друзей и нескольких клиентов. Все в один голос сказали: это был приятнейший из людей. Всегда улыбался, для каждого умел найти доброе слово. И лечащий врач это тоже подтвердил. У Дучэмпа не было психологических проблем. Холостяк, но о недавнем разрыве никто не слышал. С финансами все в порядке. Своими картинами он заработал кучу денег. – Хейворд пожала плечами. – Никаких неприятностей, насколько мы знаем, у него не было.

– Может, кто-то из соседей что-нибудь заметил?

– Нет. Мы запросили записи видеокамер. Сейчас их готовят.

Синглтон кивнул и поджал губы. Затем, заложив руки за спину, медленно прошелся по комнате, поглядывая на следы порошка, с помощью которого криминалисты снимали отпечатки пальцев, на упакованные вещдоки. Наконец он остановился, Хейворд подошла к нему, и вместе они устались на тяжелую веревку, уложенную в прозрачный мешок. Необычное волокно, блестящее, и цвет странный: темно-лиловый, почти черный, цвет баклажана. Веревка, снятая с шеи, свернута в тринадцать петель, и таких странных петель Хейворд никогда не видела – толстые, словно кишки, сплетенные в немыслимый узел. В другом мешке, поменьше, лежала веревка, которой Дучэмпу связали запястья. Хейворд сказала сотрудникам, чтобы они обрезали веревку, но не узел. Этот узел выглядел почти столь же экзотично, как и тот, что сняли с шеи.

– Вы только посмотрите, – присвистнул Синглтон. – Огромные, толстые, идиотские узлы.

– Я бы с вами не согласилась, – ответила Хейворд. – Попрошу специалиста посмотреть в базе ФБР все, что у них есть по узлам. Тут необычный случай. Веревка, на которой он повис, посередине была частично подрезана острым ножом, возможно, бритвой.

– Вы хотите сказать... – Синглтон замолчал.

– Да. Веревка должна была порваться, как это и произошло.

Они еще немного постояли возле странной веревки, слабо поблескивающей в свете лампы.

Женщина-офицер, ответственная за вещдоки, деликатно кашлянула.

– Прошу прощения, капитан, – сказала она. – Могу я это забрать?

– Конечно. – Хейворд отошла в сторону, а женщина осторожно уложила мешки в ящик на колесиках, запечатала его и покатила к входной двери.

Синглтон посмотрел ей вслед.

– Что-нибудь украдено? Драгоценности, деньги, картины?

– Ничего. У Дучэмпа в кошельке было около трехсот долларов, а на туалетном столике несколько действительно дорогих драгоценностей. Ни к чему не притронулись.

Синглтон заглянул ей в глаза.

– А чувство беспокойства, о котором вы говорили?

Она не отвела взгляд.

– Я в самом деле не могу ни за что зацепиться. С одной стороны, все выглядит очень уж ясно и правдоподобно, словно инсценировка. Преступление совершено мастерски. Однако в нем нет никакого смысла. Зачем бить человека по голове, а потом врачевать его раны? Зачем надевать на шею петлю, заставляя прыгать из окна, намеренно ослаблять веревку? Какие слова могли побудить Дучэмпа выпрыгнуть из окна? И самое главное – зачем понадобились такие сложности, чтобы убить невинного художника, пишущего акварели, человека, за всю свою жизнь и мухи не обидевшего? Мне кажется, что за этим преступлением стоит глубокий и тонкий мотив, о смысле которого мы даже еще и не начали догадываться. Я уже привлекла к этому делу психолога. Надеюсь, он нам что-нибудь подскажет. Ведь если не узнаем мотива, убийцу нам не отыскать.

Глава 12

На мгновение Д'Агоста застыл от шока и недоумения. Голос был знакомым и в то же время чужим. Инстинктивно он попытался снова заговорить, но рука в перчатке зажала ему рот еще сильнее.

– Тсс...

Двери лифта открылись с тихим звоном. Швейцар, по-прежнему крепко удерживая Д'Агосту, осторожно высунулся, посмотрел направо и налево. Затем тихонько подтолкнул Д'Агосту в вестибюль и повел его чередой узких коридоров с окрашенными желтой краской стенами и высокими потолками. Наконец подвел Д'Агосту к обшарпанной металлической двери того же цвета, что стены. Находились они возле энергетической установки, обслуживавшей здание: слышен был глухой шум работающих машин. Человек снова оглянулся по сторонам, посмотрел на маленький клубок паутины на дверном косяке. Только после этого он вынул из кармана ключ, отпер замок и быстро втолкнул в дверь Д'Агосту. Затворил дверь и надежно закрыл на замок.

– Рад, что ты в полном здравии, Винсент.

Д'Агоста не мог вымолвить ни слова.

– Приношу искренние извинения за столь грубое поведение, – сказал человек.

Он быстро прошел по комнате, проверил окно.

– Здесь мы можем спокойно поговорить.

Д'Агоста не мог прийти в себя: его поразило несоответствие голоса и его обладателя. Этот ласкающий слух медоточивый южный выговор – неужели так говорит человек в запачканной ливрее, грузный, с круглым смуглым лицом, темными волосами и глазами? И манера держать себя, и походка были совершенно ему незнакомы.

– Пендергаст? – едва выговорил Д'Агоста.

Человек кивнул.

– Он самый, Винсент.

– Пендергаст! – И прежде чем осознал, что он делает, Д'Агоста заключил агента ФБР в тесные объятия.

Пендергаст замер на несколько секунд. Затем осторожно, но решительно высвободился и сделал шаг назад.

– Винсент, не могу выразить, как я счастлив, что вижу тебя снова. Мне тебя страшно не хватало.

Д'Агоста схватил его руку и потряс ее. Смущение боролось в нем с изумлением, облегчением и радостью.

– Я думал, тебя уже нет в живых. Как?..

– Должен попросить прощения за обман. Я намерен был дольше оставаться «покойником», но обстоятельства вынудили меня форсировать события. А теперь, если не возражаешь...

Он повернулся к нему спиной и стянул с себя ливрею, к плечам и талии которой, как заметил теперь Д'Агоста, были подшиты так называемые «толстинки». Пендергаст повесил ливрею с внутренней стороны двери.

– Что с тобой произошло? – спросил Д'Агоста. – Как тебе удалось ускользнуть? Я обшарил замок Фоско сверху донизу. Где же, черт побери, ты обрелся?

Первоначальный шок прошел, и его распирала тысяча вопросов.

Пендергаст слабо улыбнулся под своим гримом.

– Ты узнаешь все. Я тебе обещаю. Но сначала, чтобы ты почувствовал себя нормально... я сейчас...

И он исчез в другой комнате.

Д'Агоста растерянно осмотрелся. Он находился в жилой комнате маленькой бедной квартиры. У стены – потертый диван, рядом – два кресла, подлокотники покрыты пятнами. На дешевом журнальном столике – пачка журналов «Популярная механика». Возле другой

стены старенький секретер, на его выдвижной доске – справочник «Кто есть кто в городе Большого Яблока» – единственный предмет, выбивающийся из стиля этой одноцветной комнаты. На безликих стенах несколько выцветших картин Гуммеля с большеглазыми детьми. На полке книги в бумажных обложках, по большей части популярные романы и безвкусные бестселлеры. Д'Агоста улыбнулся, увидев среди захватанных книжонок собственное предпочтение друга – «Ледниковый период III: Возвращение на мыс Горн». Из открытой двери гостиной видна была кухня, маленькая, но опрятная.

Послышался легкий шорох, Д'Агоста вздрогнул и увидел Пендергаста, настоящего Пендергаста. Он стоял в дверном проеме – высокий, стройный, со смешинкой в серебристо-серых глазах. Волосы все еще были каштановыми, а кожа смуглой, но лицо приобрело прежние, тонкие, орлиные черты.

Пендергаст снова улыбнулся, словно читая мысли Д'Агосты.

– Защечные тампоны, – пояснил он. – Удивительно, как сильно они изменяют внешность. Вынул я их из-за неудобства. И контактные линзы – тоже.

– Я посрамлен. Я всегда знал, что ты мастерски меняешь внешность, но сейчас ты превзошел себя. Даже эта комната...

Д'Агоста ткнул пальцем в направлении книжной полки.

Пендергаст погрузился.

– Даже здесь, увы, ничто не должно вызывать сомнений. Мне необходимо поддерживать имидж швейцара.

– К тому же такого грубого.

– Полагаю, неприятные особенности личности помогают отвести подозрения. Стоит людям зачислить меня в разряд сварливых швейцаров, постоянно готовых к скандалу, как они тут же утрачивают ко мне интерес. Что будешь пить?

– Пиво?

Пендергаст невольно содрогнулся.

– Мое перевоплощение имеет пределы. Может быть, перно или кампари?

– Нет, спасибо, – улыбнулся Д'Агоста.

– Судя по всему, мое письмо ты получил.

– Да. И принялся за работу.

– Как успехи?

– Практически никаких. Нанес визит твоей двоюродной бабушке. Но об этом – после. А сейчас, дружище, ты должен мне все объяснить.

– Разумеется, – Пендергаст жестом указал ему на стул и сам тоже уселся. – Мы расстались с тобой в спешке на горе в Тоскане.

– Да, если это можно так назвать. Не забуду, как свора волкодавов окружила тебя, готовясь порвать в клочья.

Пендергаст задумчиво кивнул, глаза заглянули в неведомую даль.

– Меня схватили, связали, усыпили и отвезли обратно, в замок. Наш тучный друг перетащил меня в подземный тоннель. Там он приковал меня цепью и заточил в темнице, из которой бесцеремонно выкинул прежнего обитателя. Затем вознамерился – в очень вежливой манере, разумеется, – там меня замуровать.

– О господи, – содрогнулся Д'Агоста. – На следующее утро я вызвал итальянскую полицию, но поиски оказались напрасными. Фоско удалил все следы нашего с тобой пребывания. Итальянцы решили, что я чокнутый.

– Позже я слышал о странной смерти графа. Уж не ты ли это был?

– Ну, конечно.

Пендергаст одобритительно кивнул.

– А что случилось со скрипкой?

– Я не мог оставить ее в замке, а потому взял и...

Он помолчал, не зная, как воспримет Пендергаст то, что он сделал.

Пендергаст вопросительно вскинул брови.

– Я привез ее Виоле Маскелене. Сказал ей, что ты умер.
– Понимаю. И какова была ее реакция?
– Она, конечно, была потрясена. Очень расстроилась. И хотя она пыталась не показать этого, думаю... – Д'Агоста помедлил. – Думаю, она к тебе равнодушна.

Пендергаст молчал. Лицо его было бесстрастно.

Д'Агоста и Пендергаст впервые встретили Виолу Маскелене в прошлом ноябре, когда в Италии работали над очередным делом. Д'Агосте было ясно, что с первого же момента, когда эти двое увидели друг друга, между Пендергастом и молодой англичанкой произошло что-то неуловимое. Он мог только догадываться, о чем сейчас думает его друг.

Пендергаст встрепенулся.

– Ты сделал то, что нужно, и сейчас мы можем утверждать, что дело скрипки Стормклауд закончено.

– Но послушай, – сказал Д'Агоста, – как же ты смог бежать из замка? Сколько времени ты был в заточении?

– Просидел на цепи почти сорок восемь часов.

– В темноте?

Пендергаст кивнул.

– Медленно задыхаясь. Специальная форма медитации оказалась весьма кстати.

– А потом?

– Меня спасли.

– Кто?

– Мой брат.

Д'Агоста не успел оправиться после чудесного явления Пендергаста, и сейчас он застыл от изумления.

– Твой брат? Диоген?

– Да.

– Но мне казалось, он тебя ненавидит.

– Да. Именно потому, что ненавидит, он во мне нуждается.

– Почему?

– Полгода назад Диоген поставил себе задачу отслеживать мои передвижения. Это было ему нужно для подготовки преступления. К сожалению, я не знаю, в чем это преступление состоит. Я всегда был главной помехой на пути к его успеху, а потому думал, что когда-нибудь он попытается меня убить. Оказывается, я ошибался – глупо ошибался. Все было наоборот. Узнав о моем заточении, Диоген затеял рискованное предприятие. Он вошел в замок под видом местного жителя – в искусстве переодевания он даст мне фору – и освободил меня из темницы.

Д'Агоста вдруг вспомнил:

– Постой. Ведь у него глаза разного цвета.

Пендергаст снова кивнул.

– Один карий, а другой – сизо-голубой.

– Я видел его. На горе, возле замка Фоско. Сразу после того, как мы расстались. Он стоял под скалой, наблюдал за тем, что происходит, и был абсолютно спокоен.

– Это был он. Он меня освободил, а потом перевез в частную клинику возле Пизы. Меня там излечили от обезвоживания и собачьих укусов.

– Я все-таки не возьму в толк: если он тебя ненавидел и планировал «совершенное преступление», то почему не оставил тебя умирать?

Пендергаст улыбнулся, на этот раз грустно.

– Ты не должен забывать, Винсент, что мы имеем дело с уникальным криминальным мозгом. Как же мало я понимал его настоящие планы!

С этими словами Пендергаст порывисто встал и пошел на кухню. Через минуту Д'Агоста услышал звяканье льда в бокале. Агент вернулся с бутылкой «Лиллет» в одной руке и бокалом в другой.

– Ты уверен, что не хочешь выпить?

– Нет. Теперь скажи мне, Бога ради, что ты имеешь в виду.

Пендергаст плеснул в бокал немного вина.

– Если бы я умер, то разрушил бы все планы Диогена. Видишь ли, Винсент, я являюсь главным объектом его преступления.

– Ты? Ты собираешься стать жертвой? Тогда почему?..

– Я не собираюсь стать жертвой. Я уже жертва.

– Что?

– Преступление началось. Оно успешно продвигается, пока мы с тобой здесь беседуем.

– Ты шутишь.

– Никогда еще не был так серьезен. – Пендергаст сделал большой глоток и налил еще вина. – Диоген исчез, пока я лежал в частной клинике Пизы. Поправившись, я сразу же вернулся в Нью-Йорк инкогнито. Я знал, что планы его почти созрели и Нью-Йорк, похоже, лучшее место, где можно попытаться его остановить. В этом городе легче всего спрятаться, принять чужой образ, подготовить план нападения. Понимая, что брат отслеживает мои передвижения, я представился покойником и стал действовать как невидимка. Принятое мною решение означало, что я должен держать вас всех в неведении, даже Констанцию. – При этих словах лицо Пендергаста исказила болезненная гримаса. – Об этом я сожалею больше, чем могу сказать. Все же я решил, что это самое благоразумное решение.

– И ты стал швейцаром.

– Такая позиция позволяла мне не выпускать тебя из виду, а через тебя – и остальных важных для меня людей. За Диогеном лучше охотиться из темноты. И я бы не открыл себя, если бы не произошли некоторые события.

– Какие события?

– Повешение Чарльза Дучэмпа.

– Жуткое убийство у Линкольновского центра?

– Да. Это и еще одно убийство в Новом Орлеане, совершенное три дня назад. Торранс Гамильтон, заслуженный профессор на отдыхе. Его отравили в лекционном зале, битком набитом студентами.

– Какая здесь связь?

– Гамильтон был одним из моих преподавателей в школе, этот человек научил меня французскому, итальянскому и китайскому языкам. Мы были очень близки. Дучэмп был самым моим дорогим, фактически единственным школьным другом. Это человек, с которым я был дружен с юных лет. Оба убиты Диогеном.

– Может, просто совпадение?

– Ни в коем случае. Гамильтон был убит редким отравляющим веществом, подсыпанным ему в стакан с водой. Это синтетический токсин, очень похожий на тот, что вырабатывают некоторые пауки в Гоа. – Пендергаст сделал еще глоток. – Дучэмпа повесили на веревке, которая потом порвалась. В результате он пролетел двадцать этажей. Мой прадед Морис умер точно так же. В 1871 году его повесили в Новом Орлеане за убийство жены и ее любовника. Так как виселица во время бунтов была сильно повреждена, его повесили из окна верхнего этажа здания суда. Но в результате отчаянных движений Мориса слабая веревка лопнула, и он разбился, упав на землю.

Д'Агоста в ужасе смотрел на своего друга.

– Эти смерти и способы, которыми они были осуществлены, указывают на Диогена, желающего обратить на себя мое внимание. Возможно теперь, Винсент, ты понимаешь, почему Диогену нужно, чтобы я был жив.

– Неужели ты хочешь сказать, что он...

– Вот именно. Я всегда полагал, что его преступления направлены против человечности. Теперь я знаю, что его жертва – это я. Так называемое «совершенное преступление» – убийство всех близких мне людей. Вот почему он и спас меня из замка Фоско. Мертвый я ему не нужен, я ему нужен живой. Он просто хочет уничтожить меня

более изуверским способом. Хочет, чтобы я винил самого себя, мучился угрызениями совести из-за того, что не смог спасти этих людей... – Пендергаст перевел дух. – Людей, которые мне дороги.

Д'Агоста проглотил подступивший к горлу комок.

– Не могу поверить, что этот монстр одной с тобой крови.

– Теперь, когда мне известна подоплека его преступления, я вынужден отказаться от своего первоначального плана и придумать новый. План не идеальный, но лучший при создавшихся обстоятельствах.

– Расскажи.

– Мы должны не допустить нового убийства. А это означает, что нам нужно его найти. Вот здесь-то и потребуется твоя помощь, Винсент. Ты должен использовать свое право офицера-полицейского узнать как можно больше о вещественных доказательствах, обнаруженных на местах преступлений.

Он подал Д'Агосте мобильный телефон.

– По этому телефону я буду держать с тобой связь. Поскольку время дорого, начнем с Чарльза Дучэмпа. Нарой информации сколько сможешь и сообщи ее мне. Здесь важны самые мелкие подробности. Узнай все, что сможешь, у Лауры Хейворд, только, ради всего святого, не открывай ей своих планов. На месте преступления даже Диоген не может не оставить каких-либо следов.

– Будет сделано. – Д'Агоста помолчал. – Ну а дата, которую он указал в письме? 28 января?

– У меня нет никаких сомнений в том, что именно в этот день он планирует совершить свое преступление. Только держи в уме, что преступление уже началось. Сегодня двадцать второе. Мой брат планировал свое злодейство годами, а может, и десятилетиями. У него все наготове. Мне страшно, когда я думаю, кого он может убить в следующие шесть дней.

Сказав это, Пендергаст подался вперед и уставился на Д'Агосту. Глаза его поблескивали в полутемной комнате.

– Если Диогена не остановить, все, кто близок ко мне, включая тебя, Винсент, могут погибнуть.

Глава 13

Смитбек, как обычно, уселся в самом темном углу мрачного ресторана «Кости», облюбованного музейными работниками, приходившими туда после работы. Похоже, вид костей их не пугал. Официальное название заведения было – таверна Бларни Стоун. Кличку «Кости» ресторан приобрел из-за пристрастия его владельца к костям всех форм и размеров, которые он приколачивал к стенам и потолку.

Смитбек взглянул на наручные часы. Чудо из чудес – он явился на десять минут раньше срока. Может, и Нора придет пораньше: тогда они смогут подольше поговорить. Ему казалось, что он целую вечность не видел молодую жену. Она обещала встретиться с ним за пивом с гамбургером, потом она снова вернется в музей и будет готовиться к большой выставке. Ему же предстоит написать статью и отправить ее не позднее двух часов.

Он потряс головой. Что за жизнь: два месяца женаты, а в одной постели не пролежали и недели. Но дело было не столько в сексе, сколько в общении с Норой. Разговоры. Дружба. Нора была лучшим другом Смитбека, а сейчас он как никогда нуждался в своем лучшем друге. История с убийством Дучэмпа шла из рук вон плохо. Он узнал не больше того, о чем писали другие газеты. Копы охраняли информацию, а обычные его источники не могли сообщить ничего нового. У него, Смитбека из «Таймс», последние репортажи были всего лишь разогретыми остатками нескольких новостей. Тем не менее он нюхом чувствовал, что Брайс Харриман хочет отнять у него это дело и оставить его с похождениями чертова Хулигана.

– Отчего у нас такой мрачный вид?

Смитбек поднял глаза – перед ним стояла Нора. По плечам рассыпались волосы цвета бронзы, улыбка сморщила веснушчатый нос, в зеленых глазах прыгали веселые искорки.

– Это место не занято? – спросила она.

– Смеешься? О господи! Посмотришь на тебя, и все неприятности отступают.

Нора сбросила сумку на пол и уселась. Официант с лицом лопухой собаки похож был на человека, несущего гроб в похоронной процессии. Он молча ожидал заказа.

– Сосиски с пюре, стакан молока, – сказала Нора.

– Может, возьмешь чего-нибудь покрепче? – спросил Смитбек.

– Я собираюсь работать.

– Я тоже, однако работа меня никогда не останавливала. Я закажу, пожалуй, стаканчик пятидесятилетнего «Глена Гранта» и почки в тесте.

Официант печально кивнул головой и удалился.

Смитбек взял ее за руку.

– Нора, я скучаю по тебе.

– Я тоже. Какую сумасшедшую жизнь мы ведем!

– Что мы делаем здесь, в Нью-Йорке? Давай вернемся в Ангкор-Ват и останемся в джунглях, в буддистском храме на всю оставшуюся жизнь.

– И дадим обет безбрачия?

Смитбек взмахнул рукой.

– Безбрачие? Мы, как Тристан и Изольда, в собственной роскошной пещере будем заниматься любовью все дни напролет.

Нора покраснела.

– После медового месяца я испытала шок, вернувшись к действительности.

– Да. И я тоже, особенно когда увидел, как эта цирковая обезьяна, Харриман, оскалившись, встречает меня на пороге.

– Билл, да ты помешался на своем Харримане. В мире полно таких людей. Не обращай на него внимания и иди своим путем. Посмотрел бы ты на людей, с которыми я работаю в музее. Некоторых следовало бы пронумеровать и поместить под стекло.

Через несколько минут им принесли еду, вместе с напитком Смитбека. Он поднял рюмку, чокнулся ею о стакан Норинаго молока.

– Твое здоровье.

– Не падай духом.

Смитбек сделал глоток. Тридцать шесть долларов за стакан, и оно того стоит. Он смотрел, как Нора уплетает свою еду. Приятно видеть женщину со здоровым аппетитом. Постные салатики – не ее выбор. Он вспомнил один из моментов, подтверждавших его мысль. Было это в кхмерских развалинах. Воспоминание вызвало эротическое возбуждение.

– Ну, как дела в музее? – спросил он. – Ты, наверное, всех построила: бегают как ошпаренные, готовятся к выставке?

– Я всего лишь младший куратор, так что в основном гоняют меня.

– Гм.

– До открытия осталось шесть дней, а четверть артефактов еще не установлена. У меня всего лишь день на подготовку тридцати экспонатов, а затем я должна организовать раздел похоронных ритуалов. А сегодня сказали, что я должна прочитать лекцию о юго-западном доисторическом периоде. Можешь ли ты это представить? Охватить за полтора часа тринадцать тысяч лет, да еще показать слайды.

Она откусила очередной кусок.

– Они слишком многого от тебя хотят, Нора.

– Все мы сейчас в одной лодке. Священные образы – главный хит музея. Они не выставлялись несколько лет. И что самое главное, наше гениальное руководство решило усовершенствовать систему музейной охраны. Ты помнишь, что случилось с системой в прошлый раз, на выставке, посвященной суевериям?

– О боже! Не напоминай.

– Они даже не думают, что это может повториться. И каждый раз, когда происходит налаживание сигнализации в новом зале, они закрывают это место. Никогда не знаешь, что именно они закроют в следующий раз. Одно хорошо – через шесть дней все закончится.

– Да, и тогда мы позволим себе еще один отпуск.

– Или найдем себе какую-нибудь пещеру.

– Это будет только Ангкор, – произнес Смитбек драматическим голосом.

Нора рассмеялась и стиснула его руку.

– А у тебя как с Дучэмпом?

– Ужасно. Расследованием убийства занимается капитан, женщина по фамилии Хейворд. Та еще штучка. Держит все под контролем. Никакой утечки информации. У меня нет никакой возможности опубликовать сенсационную новость.

– Сочувствую, Билл.

– Нора Келли?

Их беседу прервали. Смитбеку показалось, что этот голос он где-то слышал. Поднял глаза и увидел приближавшуюся к их столу женщину – невысокую, энергичную, с каштановыми волосами, в очках. Смитбек замер от изумления, как и она. Они молча уставились друг на друга.

Неожиданно она улыбнулась.

– Билл?

Смитбек расплылся в улыбке.

– Марго Грин! Я думал, ты живешь в Бостоне и работаешь в той компании. Как она называется?

– «Джин Дайн». Да, я там работала, но корпоративная жизнь не по мне. Зарплата большая, а удовлетворения нет. Поэтому и вернулась в музей.

– А я и не знал.

– Да я здесь всего полтора месяца. А ты?

– Написал еще несколько книг, как ты, возможно, знаешь. Я теперь работаю в «Таймс». Несколько недель назад вернулся из свадебного путешествия.

– Поздравляю. Значит, больше не будешь сравнивать меня с цветком лотоса. Полагаю, это и есть та счастливица.

– Да, это она. Нора, познакомься с моей старой приятельницей, Марго Грин. Нора тоже работает в этом музее.

– Знаю. – Марго повернулась. – На самом деле, Билл, только не обижайся, искала я ее, а не тебя.

Он протянула руку.

– Возможно, вы не помните, доктор Келли, но я – новый редактор «Музееведения». Мы встречались на прошлом собрании.

Нора ответила ей рукопожатием.

– Конечно. Я читала о вас в книге Билла «Реликт». Как поживаете?

– Можно я сяду?

– Сказать по правде, мы... – Нора запнулась, но Марго уже села.

– Я на минуточку.

Смитбек не верил своим глазам. Марго Грин. С тех пор, казалось, прошла целая вечность, хотя она мало изменилась. Возможно, стала более уверенной, спокойной. По-прежнему стройная и подтянутая, в дорогом, сшитом на заказ костюме. Куда подевались рубашки и джинсы «Ливайс» ее студенческих времен! Он невольно посмотрел на собственный костюм от Хьюго Босса. Все они повзрослели, посолондели.

– Не могу поверить, – сказал он. – Впервые встретились героини моих книг.

Марго вопросительно склонила голову.

– В самом деле? Как это?

– Нора была героиней моей книги «Грозовой фронт».

– О, извини. Не читала.

Смитбек по-прежнему улыбался.

– Ну и как тебе теперь в музее?

– Он сильно изменился с тех пор, как мы впервые туда попали.

Смитбек чувствовал на себе взгляд Норы. Уж не подумала ли она, что Марго его бывшая подруга и что он ей до сих пор в чем-то не признался?

– Да, кажется, что это было давно, – сказала Марго.

– Но ведь и в самом деле давно.

– Я часто думаю о том, что произошло с Лавинией Рикман и доктором Кафбертом.

– Не сомневаюсь, что эта парочка жарится в аду.

Марго хихикнула.

– А как поживает тот полицейский, Д'Агоста? И агент Пендергаст?

– О Д'Агосте ничего не знаю, – сказал Смитбек. – Но «Таймс» стало известно, что несколько месяцев назад Пендергаст пропал при загадочных обстоятельствах. Улетел по заданию в Италию и не вернулся.

Марго потрясенно на него взглянула.

– В самом деле? Как странно.

Повисла пауза.

– Ну, что ж, – Марго снова повернулась к Норе. – Мне бы хотелось попросить вас о помощи.

– Пожалуйста, – откликнулась Нора. – В чем дело?

– Я собираюсь опубликовать статью, в которой написано о необходимости возвращения племени тано масок Великой Кивы. Вам ведь известно об их требованиях?

– Да, я эту статью прочитала. В нашем отделе началась паника.

– Не удивительно. Я уже столкнулась с оппозицией со стороны администрации музея, в частности против этого высказался Коллопи. Я начала разговор со всеми сотрудниками отдела антропологии, хотела узнать, сможем ли мы выступить объединенным фронтом. Журнал должен сохранить независимость, а маски необходимо вернуть. Мы должны заявить об этом от имени отдела.

– Чего вы ждете от меня? – спросила Нора.

– Я не занимаюсь распространением петиций. Просто надеюсь на неформальную поддержку сотрудников отдела, на устное согласие. Вот и все.

Смитбек широко улыбнулся.

– Конечно, конечно, какие проблемы? Ты всегда можешь рассчитывать на Нору...

– Подожди, – оборвала его Нора.

Смитбек замолчал, удивившись ее резкому тону.

– Марго говорит со мной, – сухо заметила Нора.

– Верно.

Смитбек торопливо пригладил непокорную челку и вернулся к своему стакану.

Нора холодно улыбнулась Марго.

– Прошу прощения, но я не смогу помочь.

Смитбек в изумлении переводил взгляд с Норы на Марго.

– Могу я спросить, почему? – спокойно осведомилась Марго.

– Потому что я с вами не согласна.

– Но разве не очевидно, что маски Великой Кивы принадлежат племени тано?

Нора подняла руку.

– Марго, я хорошо осведомлена в этом вопросе и знаю ваши аргументы. В каком-то смысле вы правы. Они принадлежали тано, и их не следовало приобретать. Однако теперь они принадлежат всему человечеству. К тому же, если эти маски убрать из нашей экспозиции, выставка потеряет смысл, а я, как куратор, не могу этого допустить. Наконец, по специальности я – археолог, занимающийся юго-западной культурой. Если мы начнем отдавать все священные предметы, в музее ничего не останется. В нашем музее в глазах индейцев все экспонаты священны, и в этом величайшее достоинство индейской культуры. –

Она перевела дух. – Послушайте, что сделано, то сделано. Так устроен мир, и не все можно исправить. Мне жаль, что я не могу вам дать другого ответа. Я сказала то, что думаю.

– Но журнал вправе высказывать свою точку зрения...

– В этом я согласна с вами на сто процентов. Спокойно публикуйте свою статью. Но не просите меня поддерживать ваши аргументы. И не просите об этом отдел.

Марго перевела взгляд с Норы на Смитбека.

Смитбек нервно улыбнулся и глотнул виски.

Марго встала.

– Спасибо за прямоту.

– Я всегда готова высказать свое мнение.

Марго повернулась к Смитбеку.

– Мне было очень приятно с тобою встретиться, Билл.

– Мне тоже, – пробормотал он.

Смитбек смотрел вслед Марго и чувствовал на себе взгляд Норы.

– Цветок лотоса, – съязвила она.

– Да это была просто шутка.

– Может, она твоя бывшая девушка?

– Нет, ничего подобного, – торопливо сказал Смитбек.

– Ты уверен?

– Я ее даже ни разу не целовал.

– Приятно слышать. Я ее терпеть не могу.

Нора посмотрела в спину Марго. И обратилась к мужу.

– Подумать только, она не читала «Грозовой фронт». Я хочу сказать, что эта книга намного лучше тех, что ты писал раньше. Извини, Билл, но твой «Реликт»... я хочу сказать, с тех пор ты сильно вырос как писатель.

– Послушай, а что не так в «Реликте»?

Нора взяла вилку и молча закончила трапезу.

Глава 14

Когда Д'Агоста пришел в закусочную, Хейворд уже заняла их обычную кабину возле окна. Он не видел ее двадцать четыре часа – она всю ночь работала в офисе. Д'Агоста остановился в дверях, глядя на нее. Утреннее солнце освещало ее блестящие иссиня-черные волосы и придавало сияние мрамора бледной коже. Она прилежно записывала что-то в блокнот, покусывая нижнюю губу и сосредоточенно сдвинув брови. При взгляде на нее к сердцу подкатила нежность. Чувство было острым до болезненности.

Он не знал, справится ли с поставленной перед ним задачей.

Она подняла голову, вероятно, почувствовав на себе его взгляд. Сосредоточенное выражение ушло, и на его место явилась улыбка, осветившая ее прекрасное лицо.

– Винни, – сказала она, когда он приблизился. – Извини, что не дождалась твоей лазаньи по-неаполитански.

Он поцеловал ее и сел напротив.

– Ничего. Бог с ней, лазаньей. Я беспокоюсь за тебя: ты слишком много работаешь.

– Ничего не попишешь, дела.

Подождала худенькая официантка, поставила перед Хейворд омлет, стала наливать ей в чашку кофе.

– Оставьте лучше кофейник, – сказала Хейворд.

Официантка кивнула, обратилась к Д'Агосте.

– Подать меню, приятель?

– Нет. Зажарьте как следует яичницу из двух яиц и сделайте тост из ржаного хлеба.

– А я тебя не дождалась и заказала, – Хейворд сделала глоток кофе. – Надеюсь, ты не обиделся. Мне надо поскорее в офис и...

– Опять на работу?

Хейворд нахмурилась и энергично кивнула.

– Ночью отдохну.

– Начальство подгоняет?

– Начальство всегда подгоняет. Нет, просто дело запутанное. Не могу ни за что зацепиться.

Д'Агоста смотрел, как она управляется с ометом, и чувствовал поднимающуюся к сердцу тревогу. Если Диогена не остановить, все, кто близок ко мне, могут погибнуть, – сказал ему вчера Пендергаст. Узнай все, что сможешь, у Лауры Хейворд. Д'Агоста огляделся: нет ли поблизости мужчины с разными глазами, одним карим, другим – сизо-голубым. Диоген, конечно же, надел линзы, ведь принятие чужого образа – его отличительная черта.

– Почему ты мне не расскажешь о деле? – сказал он как можно более небрежно.

Она положила в рот очередной кусок, промокнула салфеткой рот.

– Пришли результаты вскрытия. Ничего особенного: Дучэмп умер в результате сильных повреждений, вызванных падением. Сломано несколько шейных позвонков, однако смерть вызвало не повешение: спинной мозг не поврежден, и асфиксии не произошло. Имеется несколько странных особенностей. Веревка была подрезана заранее очень острым ножом. Убийца хотел, чтобы она порвалась во время повешения.

Д'Агоста почувствовал озноб. «Мой прадед Морис умер точно так же...»

– Сначала Дучэмпа оглушили, затем связали. На левом виске имеется след от ушиба, но голова при падении так пострадала, что мы не можем быть уверены в том, что же вызвало сильное кровотечение. Самое странное, что, по всей видимости, рана была обработана и перевязана самим убийцей.

– Понимаю.

Д'Агосте и в самом деле все было понятно. Но говорить об этом Хейворд никак нельзя.

– Затем преступник подтащил к окну длинный стол, заставил Дучэмпа влезть на него, пробежать и выпрыгнуть из окна.

– Без помощи?

Хейворд кивнула.

– Со связанными за спиной руками и петлей на шее.

– Кто-нибудь видел преступника?

Д'Агоста ощутил стеснение в груди. Он знал, кто преступник, но сказать ей об этом не мог. Неприятное чувство.

– Никто из жильцов ничего необычного не заметил. Единственное, что осталось, – это снимок, который сделала расположенная в подвале камера слежения. Она сняла со спины мужчину в пальто военного покроя. Высокий, худой. Светлые волосы. Мы увеличили снимок, однако специалисты не думают, что это нам хоть сколько-нибудь поможет. Преступник знал, что там есть камера, и, проходя мимо, принял меры предосторожности.

Хейворд допила кофе и налила себе еще одну чашку.

– Мы посмотрели документы жертвы, прошерстили в поисках мотива всю студию, – продолжила она. – Ничего. Обзвонили всех его друзей и знакомых. Никто из тех, с кем говорили, не мог поверить в случившееся. Кстати, есть странное совпадение: Дучэмп был знаком с агентом Пендергастом.

Д'Агоста замер. Он не знал, что сказать, как вести себя. Ему трудно было обманывать Лауру Хейворд. Почувствовал, как по лицу разлилась краска стыда.

– Похоже, они были друзьями. У Дучэмпа был адрес Пендергаста в Дакоте. Судя по ежедневнику Дучэмпа, они в прошлом году три раза встречались за ланчем. Плохо, что Пендергаст в могиле и не может нам ничего сообщить. Мне бы сейчас так нужна была его помощь.

Неожиданно она примолкла, заметив странное выражение лица Д'Агосты.

– Ох, Винни, – сказала она, потянувшись через стол и взяла его за руку. – Извини. Я это

сказала, не подумав.

Д'Агоста почувствовал себя еще хуже.

– Может, это и есть преступление, о котором Пендергаст предупреждал меня в своем предсмертном письме.

Хейворд медленно убрала руку.

– Что такое?

– Ну... – запнулся Д'Агоста. – Диоген ненавидел своего брата. Возможно, он решил отомстить Пендергасту, убивая его друзей.

Хейворд прищурилась, глядя на него.

– Я слышал, что недавно убили еще одного друга Пендергаста. Профессора из Нового Орлеана.

– Но, Винни, ведь Пендергаст мертв. Зачем Диогену убивать его друзей?

– Кто знает, что взбредет в голову сумасшедшему? Правда, если бы дело расследовал я, то счел бы это подозрительным совпадением.

– Откуда тебе известно об убийстве в Новом Орлеане?

Д'Агоста опустил глаза, расправил на коленях салфетку.

– Не помню. Возможно... секретарь, Констанция, сказала мне о нем.

– Да, в этих убийствах много странного, – вздохнула Хейворд. – И хотя связи я не улавливаю, надо разобраться.

Официантка принесла Д'Агосте его заказ.

Стараясь не встречаться с Лаурой взглядом, Д'Агоста взял вилку и нож. Желток брызнул на тарелку.

Д'Агоста вскинулся.

– Официантка!

Женщина успела отойти от них на середину зала. Услышав, что ее зовут, она повернулась и медленно направилась к их столику.

Д'Агоста подал ей тарелку.

– Желтки жидкие, а я просил прожаренную яичницу.

– Да ладно, приятель, не кипятись.

Женщина забрала тарелку и пошла на кухню.

– Ух, – тихо сказала Хейворд. – Тебе не кажется, что ты слишком жестко обошелся с бедной женщиной?

– Терпеть не могу жидкие яйца, – сказал Д'Агоста, уставившись в чашку с кофе. – Я даже смотреть на них не могу.

После небольшой паузы она спросила:

– Что-то не так, Винни?

– Да это из-за дела Диогена.

– Не сердись на меня, пожалуйста, но пора бы тебе бросить бессмысленную охоту и вернуться к своим обязанностям. Пендергаста уже не воротишь. Синглтон не потерпит такого отношения к делу. Ты сам на себя не похож. Займись работой, и настроение изменится.

«Ты права», – подумал он. Он действительно не похож на себя, потому что душа не на месте. Так тошно, оттого что нельзя сказать Хейворд правду. Еще противнее, что ему приходится выкачивать из нее информацию, умалчивая о том, что Пендергаст жив.

Он осклабился, надеясь, что улыбка показалась ей смущенной.

– Извини, Лаура. Ты права, пора мне вернуться на работу. Я занимаюсь ерундой, в то время как ты не спишь ночами. Что же заставляет тебя обходиться без сна?

Она заглянула ему в глаза. Сунула в рот кусок омлета и отодвинула тарелку.

– Ни разу не имела дела с таким тщательно подготовленным убийством. И дело не в том, что вещдоков мало, а в том, что они такие загадочные. Единственное, что у нас есть, кроме веревок, – несколько волокон с одежды.

– Значит, ты можешь работать хотя бы с тремя вещественными доказательствами.

– Верно. Волокна, веревка и способ завязывания узлов. И ничего больше. Потому-то я и не сплю ночами, да еще приходится заниматься рутинной писаниной. Судя по волокнам, на преступнике была одежда из шерсти экзотических животных. Во всяком случае, наши эксперты такого материала не знают. Нет его ни в местной, ни в федеральной базе данных. Сейчас над этим работает эксперт по текстилю. То же и с веревками. Материал, из которого они сделаны, не изготавливают ни в Америке, ни в Европе, ни в Австралии, ни на Среднем Востоке.

– А узлы?

– Тут загадок еще больше. Специалиста по узлам и веревкам мы выдернули из постели в три часа ночи. Он пришел в недоумение. На первый взгляд узлы кажутся дурацкими, массивными, словно тот, кто их вязал, сошел с ума. Оказалось, это не так. Выяснилось, что здесь поработал профессионал. Специалист был потрясен, он сказал, что ничего подобного не видел. Похоже, это совершенно новый вид узла. Он пустился в теоретические рассуждения с математическими выкладками, и из его слов я ничего повторить не сумею.

– Хорошо бы взглянуть на фотографию этих узлов.

Она снова бросила на него удивленный взгляд.

– Дело в том, что я когда-то был бойскаутом.

Он напустил на себя безмятежный вид. Она задумчиво кивнула.

– У меня был инструктор в академии. Райдербек. Помнишь его?

– Нет.

– Он очень интересовался узлами. Говорил, что они представляют собой трехмерное доказательство четвертого измерения. – Она отхлебнула кофе. – Раньше или позже эти узлы помогут нам решить нашу задачу.

Вернулась официантка и с торжествующим злорадством поставила перед Д'Агостой яичницу. На этот раз яйца выглядели засушенными, с коричневой коркой по краям.

Хейворд посмотрела ему в тарелку, и губы ее тронула улыбка.

– Наслаждайся, – сказала она со смешком.

Неожиданно его куртка завибрировала. На мгновение Д'Агоста застыл от удивления. Потом, вспомнив, что Пендергаст дал ему мобильник, сунул руку в карман и вытащил трубку.

– Новый телефон? – спросила Хейворд. – Когда ты его купил?

Д'Агоста помедлил, потом решил, что не будет плести новую ложь.

– Извини, – сказал он, вставая. – Должен идти. Объясню позже.

Хейворд приподнялась, лицо ее выражало удивление.

– Но, Вин...

Он положил ей руки на плечи и поцеловал.

– Позавтракаем вместе в другой раз.

– Но...

– Сегодня вечером увидимся, милая. Желаю удачи в распутывании дела.

И, заглянув ей в глаза, сжал на прощание плечи, повернулся и поспешно вышел из ресторана.

Глянул еще раз на сообщение, высветившееся на крошечном экране:

«ЮЗ, угол 77-й и Йорк. СЕЙЧАС».

Глава 15

Как только Д'Агоста оказался на перекрестке, на Йорк-авеню выкатил большой черный лимузин и остановился. Открылась дверца. Не успел Д'Агоста сесть, как лимузин, набрав скорость, отъехал от тротуара, шофер нажал на клаксон, а водители других автомобилей спешно нажали на тормоза, пропуская большую машину.

Д'Агоста в изумлении повернулся. Рядом с ним сидел незнакомец – высокий, стройный, загорелый, одетый в безупречный серый костюм, на коленях тонкий черный дипломат.

– Не пугайся, Винсент, – услышал он знакомый голос Пендергаста. – Опасность вынудила меня снова поменять облик. Сегодня я разыгрываю роль банкира.

– Опасность?

Пендергаст подал Д'Агосте запечатанный в пергамент лист бумаги. На нем было написано:

Девятка мечей – Торранс Гамильтон
Десятка мечей – Чарльз Дучэмп
Король мечей – Майкл Декер
Пятерка мечей – ?

– Диоген сообщает о своих планах заранее. Подбрасывает мне приманку. – Грим не скрыл мрачного выражения лица Пендергаста.

– А это что же – карты Таро?

– Диоген всегда интересовался Таро. Как ты, должно быть, догадался, эти карты означают смерть и предательство.

– Кто такой Майкл Декер?

– Он был моим первым наставником в ФБР. Прежде я состоял в... более экзотических государственных службах, и он мне помог (что было трудно) и перетащил меня к себе. Майк занимает высокое положение в Куонтико, и он защитил меня от нападок по поводу моих неортодоксальных методов работы. Благодаря Майклу, прошлой осенью мне удалось быстро подключить ФБР к делу об убийстве Джереми Гроува. Утихомирил Майк также и нескольких людей, недовольных тем, как я провернул небольшое дело на Среднем Западе.

– Выходит, Диоген угрожает еще одному твоему другу.

– Да. Я не могу дозвониться до Майка ни по мобильному, ни по домашнему телефону. Секретарь говорит, что он сейчас на важном задании, а это значит, что никаких подробностей мне не сообщат, даже если признаюсь, что я его коллега. Я должен предупредить его лично, если отыщу.

– К агенту ФБР, должно быть, не так легко подобраться.

– Он один из лучших агентов Бюро. Но боюсь, что это обстоятельство Диогена не остановит.

Д'Агоста глянул на письмо.

– Это написал твой брат?

– Да. Любопытно, что на его почерк непохоже. Напоминает больше неумелую попытку изменить собственный почерк. Для него это слишком грубо. И все же есть здесь что-то странно знакомое...

Пендергаст замолчал.

– Как ты его получил?

– Пришло рано утром в мою квартиру в Дакоте. Я нанял себе швейцара, Мартина, который исполняет мои поручения. Он принес письмо Проктору, а Проктор, согласно договоренности, доставил его мне.

– Проктор знает, что ты жив?

– Да. Констанция Грин тоже узнала. Вчера вечером.

– А она? До сих пор думает, что ты мертв?

Д'Агоста не назвал имени, да и не надо было. Пендергаст понимал, что он имеет в виду Виолу Маскелене.

– Я не даю о себе знать. Общение со мной опасно для жизни. Незнание, как бы болезненно ни было, обеспечит ее безопасность.

Наступила неловкая пауза.

Д'Агоста сменил тему:

– Итак, твой брат направил письмо в Дакоту? А за этим местом наблюдают?

– Конечно. Очень осторожно. Письмо доставил какой-то отщепенец. Когда его поймали и допросили, он сказал, что на Бродвее за эту услугу ему заплатил какой-то человек. Описать

его внешность он не сумел.

Лимузин взлетел на пандус, ведущий в сторону шоссе ФДР¹³, круто свернул.

– Думаешь, твой друг из Бюро примет предостережение всерьез?

– Майк Декер меня знает.

– Мне кажется, Диоген и рассчитывал на то, что ты ринешься на помощь Декеру.

– Верно. В шахматах такой ход называется вынужденным: я попадаю в ловушку, а поделаться ничего не могу.

Глаза Пендергаста были светлыми даже под коричневыми контактными линзами.

– Мы должны найти какой-то способ переломить ситуацию. Узнал что-нибудь новое от капитана Хейворд?

– На месте преступления нашли несколько волокон. Веревки и волокна – вот и все, с чем они работают. В способе убийства есть несколько мрачных особенностей. Например, похоже, что Диоген ударил Дучэмпа по голове, а потом обработал рану и перевязал ее.

Пендергаст покачал головой.

– Винсент, я должен знать больше. Должен. Даже крошечная, вроде бы незначительная подробность может иметь решающее значение. В Новом Орлеане у меня есть связной. Он сообщает мне детали полицейского расследования относительно отравления Гамильтона. Но в случае с Дучэмпом такого человека у меня нет.

– Понял, – кивнул Д'Агоста.

– И еще. Диоген, кажется, планомерно выбирает свои жертвы. Это означает, что скоро в опасности окажешься ты. Мы работали вместе во время моего первого крупного дела в ФБР – ну, помнишь, убийства в музеях.

– Не беспокойся обо мне, – Д'Агоста проглотил подступивший к горлу комок.

– Диогену, кажется, доставляет удовольствие посылать мне предупреждения. Можно предположить, что на данный момент ты и другие потенциальные жертвы временно в безопасности. Во всяком случае, пока не получу следующего послания. Даже если это и так, ты, Винсент, должен принять все меры предосторожности. Лучше, если ты немедленно вернешься на работу. Окружи себя полицейскими, оставайся в помещении участка, если, конечно, тебя не вызовут на место очередного преступления. Самое важное – измени все привычки. Временно покинь квартиру. Разъезжай в такси, не ходи пешком, не пользуйся подземкой. Ложись спать и поднимайся в разное время. Измени все в своей жизни, иначе тебе или твоим близким может грозить опасность. За покушением на твою жизнь может последовать покушение и на других, в частности на капитана Хейворд. Винсент, ты хороший офицер, и мне не нужно говорить тебе, что делать.

Лимузин резко остановился. Бетонированная трехсотфутовая площадка вертолетного аэродрома тускло поблескивала под утренним солнцем. Красный «Белл 206 Джет Рейнджер» стоял в ожидании, вращая винтами. Пендергаст немедленно изменил выражение лица: теперь это был спокойный и вежливый банкир. Ни следа от ненависти и решительности, которые Д'Агоста только что читал в глазах друга.

– Еще одна вещь, – сказал Д'Агоста.

Пендергаст обернулся.

Д'Агоста сунул руку в карман куртки, вынул что-то, зажав в кулаке. Затем уронил в подставленную ладонь Пендергаста платиновый медальон на цепочке, чуть оплывший с одной стороны. На одной стороне медальона выгравировано изображение глаза над поднимающимся из пепла Фениксом, на другой стороне – какой-то герб.

Пендергаст взглянул на медальон, лицо его приняло странное выражение.

– Я видел его на графе Фоско, когда вернулся в замок с итальянской полицией. Он показал мне его по секрету, в качестве доказательства, что ты умер. Видишь, этот негодяй выгравировал на обратной стороне собственный герб, это его последняя выходка. Я подумал,

¹³ Сокращение от «Франклин Делано Рузвельт».

что он тебе понадобится.

Пендергаст разглядывал украшение – поворачивал то одной, то другой стороной.

– Я забрал его в ту ночь, когда... нанес ему последний визит. Возможно, он принесет тебе удачу.

– Обычно я скептически смотрю на удачу, но сейчас она мне действительно необходима. Спасибо тебе, Винсент.

Голос Пендергаста был едва слышен в шуме взревевшего двигателя. Он надел медальон на шею, сунул под рубашку и пожал Д'Агосте руку.

Затем, не говоря ни слова, вышел из машины и направился к ожидавшему его вертолету.

Глава 16

Вертолет приземлился на аэродроме в Чевинг-Чейс, штат Мэриленд, где Пендергаст поджидал автомобиль без водителя. В девять часов Пендергаст въехал в округ Колумбия. Стоял холодный солнечный январский день. Жидкие лучи солнца пробивались сквозь голые ветви деревьев, в тени по-прежнему лежал иней.

Несколько минут спустя он катил по Орегон-авеню. С обеих сторон улицу окаймляли солидные особняки. Неудивительно: этот район входит в число самых богатых пригородов Вашингтона. Возле дома Майка Декера Пендергаст снизил скорость. Аккуратный кирпичный дом, построенный в георгианском стиле, казался таким же сонным, как и его соседи. Автомобиля рядом с домом не видно, хотя само по себе это ничего не значило: Декер нанимал автомобиль и шофера, когда ему было нужно.

Пендергаст проехал вперед на один квартал и остановился. Вынул мобильник, еще раз позвонил на домашний и на сотовый телефон Декера. Безрезультатно.

Позади особняков раскинулся парк Рок-Крик. Прихватив дипломат, Пендергаст вышел из автомобиля и задумчиво направился к парку. Он был уверен, что Диоген следит за ним и узнает его, несмотря на измененную внешность. Он тоже узнал бы брата в любом обличье.

Он никого не увидел и ничего не услышал, кроме слабого журчания ручья.

Пендергаст быстро зашагал по периметру парка, перешел подъездную аллею, миновал сад, пробрался через живую изгородь и оказался в заднем дворе Декера. Двор был ухоженным, из него через заросли можно было попасть в парк. Воспользовавшись тем, что высокий кустарник скрывает его от соседей, Пендергаст посмотрел на окна. Они были закрыты плотными белыми шторами. Поглядывая на соседние дома, он не спеша перешел через двор к задней двери, натягивая на ходу перчатки. Чемоданчик оставил на крыльце.

Снова подождал, зоркие глаза вбирали каждую деталь. Затем, не постучав, заглянул в маленькое окно.

Кухня у Декера была современная и по-холостяцки почти спартанская. Рядом с телефоном на рабочем столе лежала сложенная газета; на спинку стула повешен пиджак. С одной стороны комнаты – захлопнутая дверь. По всей видимости, она открывалась на лестницу, ведущую в подвал. С другой стороны – темный коридор, по нему можно пройти в комнаты, выходящие на улицу.

На полу коридора он заметил неясную тень. Она слабо двинулась – раз, другой.

Пендергаст бросился отпирать замок, но оказалось, что ручка сломана и легко повернулась в его руке. Увидев обрезанный провод, понял, что система сигнализации не сработала. Телефонный провод тоже оборван. Он ринулся внутрь, к тени в коридоре, присел на корточки.

На широких досках пола лежал веймаранер¹⁴. Глаза его остекленели, задние ноги все еще слабо дергались. Пендергаст провел затянутыми в перчатку пальцами по собачьему

¹⁴ Веймарская легавая, охотничья собака.

телу. Шея была сломана в двух местах.

Поднявшись, Пендергаст сунул руку в карман и вытащил блестящий «Уилсон комбат TSCC45». Быстро и бесшумно передвигаясь, Пендергаст обыскал первый этаж дома. Заходя за угол, с оружием наготове, обшаривал глазами все поверхности и места, в которых мог бы притаиться преступник. Гостиная, столовая, передняя, ванная... нигде никого, полная тишина.

Пендергаст взлетел по ступеням, на площадке остановился, озираясь. Второй этаж: четыре комнаты, соединенные коридором. В открытые двери проникали солнечные лучи, освещая лениво поднимающиеся в воздух пылинки.

Развернулся возле первой двери – она вела в спальню с окнами во двор. Внутри гостевые кровати застелены с солдатской тщательностью, покрывала аккуратно подоткнуты под матрасы. За окнами виднеются высокие деревья парка Рок-Крик. Полная тишина.

И вдруг – откуда-то слабый звук.

Пендергаст замер, натренированные органы чувств достигли максимального напряжения. Звук был один, только один. Медленный выброс воздуха, напоминающий томный вздох.

Он вышел из спальни, бросился по коридору в комнату напротив. В открытую дверь увидел угол стола: кабинет. Здесь услышал еще один звук – быстрое, дробное постукивание, словно где-то плохо закрыли кран.

Выставив оружие вперед, Пендергаст вошел в комнату.

Майк Декер сидел в кожаном кресле, лицом к столу. Как бывший военный, он отличался экономными и точными движениями, и все же не привычка к подтянутости заставляла его так прямо держать спину. В рот ему был загнан тяжелый стальной штык. Штык прошел через шею и приколол Декера к подголовнику. Окровавленный штык, выйдя наружу, устоялся острием в пол. Капли с кончика падали на промокший ковер.

Из раненого горла Декера, словно из поврежденных кузнечных мехов, вышел еще один тихий вздох. Послышался слабый всхлип. Человек незряче смотрел на Пендергаста. На белой рубашке расплылось красное пятно. Кровавые ручьи до сих пор медленно текли по столу и с дробным звуком падали на пол.

Пендергаст застыл, словно от удара молнии. Затем снял одну перчатку и, наклонившись вперед, осторожно, чтобы не наступить в кровавую лужу, прислонил тыльную сторону руки ко лбу Декера. Кожа на ощупь была податливой, эластичной и не холоднее, чем у самого Пендергаста.

Пендергаст сделал шаг назад. В доме тихо, слышно лишь, как падают на пол кровавые капли.

Вздохи – как было известно Пендергасту – случались и после кончины: из легких выходил воздух. Даже принимая во внимание это обстоятельство, можно было сделать вывод: Майк Декер умер не более пяти минут назад. Возможно, прошло не более трех минут.

Впрочем, точное время смерти в данном случае неважно. Куда важнее было то, что Диоген, судя по всему, выжидал, пока Пендергаст войдет в дом, и только после этого убил Декера.

А это означает, что брат его, возможно, до сих пор находится в доме.

На расстоянии еле слышно донесся вой полицейских сирен.

Пендергаст обвел глазами комнату, отыскивая малейшую зацепку, которая поможет ему в поисках брата. Взор его остановился на штыке – он вдруг узнал его.

Затем обратил внимание на руки Декера. Одна рука лежала расслабленно, другая сжата в кулак.

Игнорируя завывание приближавшихся полицейских машин, Пендергаст вынул из кармана ручку с золотым пером и осторожно разжал ею сжатую ладонь Декера. Внутри оказались три прядки белокурых волос.

Пендергаст вынул из кармана лупу – такими пользуются ювелиры – и рассмотрел сквозь нее волосы. Убрал лупу, из того же кармана вынул пинцет. Очень осторожно вынул

волоски из безжизненной руки.

Сирены орали все громче.

Теперь Диоген уж точно ушел. Преступление он тщательно спланировал. Проникнув в дом, он, должно быть, с помощью какого-то наркотика вывел Декера из строя, а потом дождался Пендергаста, прежде чем совершить убийство. Вполне возможно, что Диоген намеренно включил систему сигнализации уже на выходе из дома.

Старший агент ФБР лежит мертвый. Теперь дом обшарят сверху донизу в поисках вещдоков. Диоген не станет здесь больше околачиваться: к чему рисковать? Да и Пендергасту лучше скрыться.

Он услышал скрежет тормозов. Колонна полицейских машин забаррикадировала Орегон-авеню, через несколько секунд они будут в доме. Пендергаст в последний раз оглянулся на своего друга, утер слезу и сбежал по ступеням.

Передняя дверь – нараспашку, на щите сигнализации мигает красная лампочка. Пендергаст перепрыгнул через мертвое собачье тело, вышел через заднюю дверь, схватил кейс и помчался через двор. Бросил пряди волос в кучу сухих листьев и исчез, словно призрак, в тенистых глубинах парка Рок-Крик.

Глава 17

Марго Грин первой пришла в огромный конференц-зал Мурчисона. Усевшись в одно из старых кожаных кресел, окружавших массивный дубовый стол работы XIX века, огляделась по сторонам. Повсюду удивительные, но несколько разнородные предметы – стены украшали головы занесенных в Красную книгу животных; бивни слона обрамляли дверь; были здесь и африканские маски, и шкуры леопарда, зебры и льва. Мурчисон побывал в Африке более ста лет назад. Наряду со славой замечательного белого охотника получил признание в более серьезной профессии – антропологии. В противоположном конце зала стояла пара слоновьих ног, служивших в качестве корзин для мусора. Но это был музей, а музей не должен ничего выбрасывать, и не имеет значения, что чьи-то привычки могут счесть политически некорректными.

До прихода остальных членов совета Марго воспользовалась несколькими минутами покоя – просмотрела свои записи и привела в порядок мысли. Она ощутила возраставшую нервозность, которую никак не могла подавить. Правильно ли она поступает? Она пробыла здесь всего полтора месяца, сейчас должен выйти в свет ее первый номер «Музееведения», и она уже вступает в борьбу. Почему для нее это так важно?

Ответ она уже знала. Она должна отстаивать то, во что верит. И с профессиональной точки зрения – редактора «Музееведения» – это правильный поступок. Люди хотят знать мнение журнала по этому вопросу. Замалчивание или неопределенность сразу же будут замечены. Общество поймет, с каким редактором оно имеет дело. Нет, важно показать, что «Музееведение» остается компетентным журналом, не страшась высказывать независимую точку зрения, даже если она не совпадает с мнением большинства. Ей представилась возможность продемонстрировать профессионализм и серьезность намерений.

Марго снова вернулась к своим записям. В обсуждаемом вопросе заинтересованы прежде всего кураторы отдела антропологии. Второго шанса донести свое мнение всему отделу ей уже не представится, и она хотела воспользоваться своим правом.

Кураторы уже входили в зал, кивали ей, переговаривались между собой, гремели почти пустым электрическим кофейником, кипятившим остатки приготовленного утром кофе. Кто-то наливал себе чашку, а потом отодвигал ее с выражением отвращения на лице. Явилась Нора Келли, сердечно поприветствовала Марго и села с противоположной стороны стола. Марго огляделась.

Все десять кураторов были на месте.

Последним пришел Хьюго Мензис. Начальником отдела антропологии он стал шесть лет назад, после безвременной кончины доктора Фрока. Мензис улыбнулся Марго

по-особенному и занял место во главе стола. Поскольку большая часть статей «Музееведения» посвящена была антропологии, его назначили методистом. Она подозревала, что на работу ее взяли не без его ходатайства. В отличие от остальных музейных работников, предпочитавших солидные кейсы, Мензис носил на плече парусиновую сумку фирмы «Джон Чепмен энд компани», главного английского производителя рыболовных и охотничьих товаров. В этот момент он вынимал из сумки бумаги, раскладывал в стопки. Затем надел очки, поправил галстук и пригладил давно не стриженные седые волосы. Наконец взглянул на часы, поднял на собравшихся живые голубые глаза и откашлялся.

– Приятно, что все на месте, – голос его был пронзительным, а произношение – старомодным. – Ну что, начнем?

Все зашуршали бумагами.

– Прежде чем перейдем к рутинным вопросам, – сказал он, взглядывая на Марго, – начнем с темы, которая наверняка волнует всех. Это проблема масок Великой Кивы.

Бумажный шорох усилился. Кураторы поглядывали на Марго. Она выпрямилась, постаралась придать лицу невозмутимое выражение. В глубине души она знала, что правда на ее стороне, и это придавало ей силы и убежденности.

– Марго Грин, новый редактор «Музееведения», просила поговорить с вами. Как вам известно, индейцы племени тано требуют возвращения масок Великой Кивы, а они являются главным экспонатом предстоящей выставки. Мне – как начальнику отдела – надлежит выдать директору рекомендацию по этому вопросу. Либо мы передаем маски, либо удерживаем их у себя, либо находим какой-то компромисс. У нас с вами не демократия, но обещаю, что внимательно выслушаю мнения каждого. Должен добавить, что и сам директор выслушает совет правления и музейных юристов, прежде чем вынесет окончательное решение, а потому мое слово – не последнее. – Он улыбнулся и повернулся к Марго. – А теперь, Марго, вам слово.

Марго встала, окинула взглядом помещение.

– Большинство из вас, думаю, знают, что я намерена опубликовать статью в редакторской колонке «Музееведения», и в этой статье я выступаю за возвращение масок Великой Кивы племени тано. С черновиком статьи многие ознакомлены, и администрация обеспокоилась. – Она перевела дух, пытаясь изгнать из голоса нервную дрожь.

Она продолжила, рассказала об истории масок, о том, как они попали в коллекцию музея. К ней вернулась прежняя уверенность.

– Для тех, кто не слишком хорошо знаком с индейцами тано, – сказала она, – сообщаю: они живут в удаленной резервации на границе Нью-Мексико и Аризоны. Благодаря изоляции они сохраняют в неприкосновенности свой язык, религию и обычаи, хотя и живут рядом с современным миром. Менее двадцати процентов племени считают себя христианами. Антропологи думают, что они поселились в этом районе у реки Тано почти тысячу лет назад. Говорят они на уникальном Языке, не имеющем аналогов в мире. Рассказываю я вам это, потому что важно подчеркнуть: они не пытаются восстановить давно утраченные традиции. Тано – одно из немногих племен, которое своих традиций никогда не теряло.

Марго помолчала. Кураторы внимательно слушали и, хотя она знала, что не все с ней согласны, отнеслись к ее речи с должным уважением.

– Племя разделилось на две половины, то есть две религиозные группы. Маски Великой Кивы используют, только когда эти половины сходятся для религиозных церемоний. Кива – это круглая подземная пещера, место для молений. Племя проводит там свои большие церемонии раз в четыре года. Они верят, что их ритуалы поддерживают равновесие и гармонию не только в племени, но и на всем земном шаре. Они верят – и я ничуть не преувеличиваю, – что ужасные войны и природные катастрофы последнего столетия вызваны тем, что у них нет масок Великой Кивы, и они не могут проводить моления как положено, а вот если бы им маски вернули, в мире снова утвердились бы красота и гармония.

Она говорила еще пять минут и закончила, довольная тем, что удалось сделать речь не слишком длинной.

Мензис поблагодарил ее, обвел взглядом кураторов.

– А теперь пусть все выскажутся.

Музейщики зашевелились. И тут раздался тонкий, слегка оскорбленный голос. Принадлежал он доктору Прайну. Сутуловатый куратор поднялся со своего места.

– Будучи специалистом в этрусской археологии, сознаюсь, что об индейцах тано знаю немного, однако чувствую, что от этого дела исходит дурной запах. Почему тано так внезапно заинтересовались этими масками? Почему знать, может, они их потом продадут. Должно быть, маски стоят миллионы. Мотивы обращения индейцев к музею вызывают у меня сильное подозрение.

Марго прикусила губу. Она помнила Прайна еще со студенческих лет: тупая башка, которая по прошествии времени стала еще тупее. Всю свою жизнь он занимался изучением гаданий и прорицаний этрусков по внутренностям животных.

– По этим и многим другим причинам, – продолжил Прайн, – я высказываюсь против передачи масок. На самом деле, я не верю, что нам вообще следует серьезно обдумывать этот вопрос. Мы их купили, мы ими владеем, и мы их будем хранить.

Он плюхнулся в кресло.

Затем поднялся невысокий мужчина с пухлыми щеками. Большую лысину окружала венчик рыжих волос. Марго узнала его – это же Джордж Эштон, главный куратор коллекции священных образов. Антропологом Эштон был талантливым, но его легко было вывести из себя. Вот и сейчас он не на шутку разволновался.

– Я согласен с доктором Прайном, к тому же я возражаю против опубликования этой статьи.

Он повернулся к Марго. Глаза вот-вот выскочат из орбит, круглое лицо покраснелось, двойной подбородок трясется от волнения.

– Считаю, что доктор Грин подняла этот вопрос не ко времени. Осталось меньше недели до открытия выставки. Такую большую экспозицию музей не демонстрировал несколько лет. Она обошлась нам почти в пять миллионов долларов. Маски Великой Кивы – главный экспонат. Что будет, если мы отдадим их сейчас? Послушайте, доктор Грин, я считаю, что время вы выбрали крайне неудачно. – Он сделал паузу, ошпарил Марго бешеным взглядом и повернулся к Мензису. – Хьюго, я предлагаю обсудить этот вопрос после закрытия выставки. Будем тогда спорить, сколько душе угодно. Конечно, возвращение масок – дело немыслимое, но ради бога, примем решение после показа.

Марго выжидала: она выскажется потом, если, конечно, Мензис даст ей такую возможность.

Мензис спокойно улыбнулся возмущенному куратору и произнес:

– К слову сказать, Джордж, неудачный момент, о котором ты говоришь, выбран не по инициативе доктора Грин. Ей пришлось ответить на письмо, присланное индейцами. Тано откликнулись на рекламную кампанию, которую ты же и организовал.

– Да, но следует ли ей публиковать статью? – Эштон потряс листом бумаги. – Она могла бы дожидаться, когда выставка закроется. Эта статья вызовет публичный скандал!

– Мы не занимаемся связями с общественностью, у нас другая работа, – мягко возразил Мензис.

Марго благодарно на него посмотрела. Она надеялась, что Мензис ее поддержит, но это была не просто поддержка.

– Связи с общественностью – это реальность! Мы не можем сидеть в башне из слоновой кости, игнорируя общественное мнение. Несмотря на крайне неблагоприятную обстановку, я делаю все для открытия выставки, и я не ожидал, что доктор Грин будет ставить мне палки в колеса, а уж тем более ты, Хьюго!

Он сел, тяжело дыша.

– Благодарю тебя за твое мнение, Джордж, – спокойно сказал Мензис.

Эштон кивнул.

Поднялась Патриция Уонг, научный сотрудник отдела текстиля.

– Вопрос, как мне кажется, простой. При покупке масок музей поступил неэтично, возможно, что и незаконно. Марго ясно доказывает это в своей статье. Тано попросили вернуть им маски. Если музей хоть сколько-нибудь дорожит своей репутацией, то он должен немедленно отдать то, что ему не принадлежит. Я позволю себе не согласиться с доктором Эштоном. Если ради выставки мы придержим маски, продемонстрируем их всему миру, а затем вернем, признав, что в свое время поступили неправильно, то предстанем в глазах общественности лицемерами или, в лучшем случае, корыстолюбцами.

– Верно, верно, – сказал другой куратор.

– Благодарю вас, доктор Уонг, – произнес Мензис, когда женщина закончила свое выступление.

Слово взяла Нора Келли. Встала со своего места, стройная, высокая, откинула прядь светло-каштановых волос. Обвела взглядом коллег. Держалась она спокойно и уверенно. Марго почувствовала раздражение.

– Перед нами стоят два вопроса, – начала она; голос у нее был низкий, речь внятная. – Первое: имеет ли право Марго публиковать статью. Думаю, все согласны с тем, что редакционная независимость «Музееведения» должна быть сохранена, даже если кому-то из нас и не нравится изложенное в журнале мнение.

Послышались одобрительные возгласы, только Эштон был не согласен: он скрестил на груди руки и презрительно фыркнул.

– Я в числе тех, кто не согласен с содержанием статьи.

Ну вот, начинается, подумала Марго.

– И дело тут не в собственности. Кто, например, владеет «Давидом» Микеланджело? Если бы итальянцам захотелось вдруг разбить мраморную статую и сделать из нее плитку для ванной комнаты, можно было бы с этим согласиться? Если бы египтянам пришло в голову снести пирамиды и устроить на их месте автомобильную стоянку, как бы к этому отнеслись? Они владеют ими? А если греки продадут Парфенон владельцам казино в Лас-Вегасе, скажете ли вы, что они имеют на это право?

Она помолчала.

– Ответ на поставленные мной вопросы может быть только один: нет. То, что я перечислила, принадлежит всему человечеству. Все это – высочайшие достижения человеческого духа, и их ценность закрывает все вопросы о собственности. Так же обстоит дело и с масками Великой Кивы. Да, приобретя их, музей преступил этические нормы. Однако маски столь необыкновенны, столь ценны и великолепны, что вернуть их тано нельзя, потому что они навсегда исчезнут в темной пещере. Поэтому я скажу: публикуйте статью. Проведем дебаты. Но, бога ради, не возвращайте маски.

Она помолчала, поблагодарила за внимание и опустила в кресло.

Марго почувствовала, что краска бросилась в лицо. Как бы ни было неприятно ей это признать, Нора Келли произвела на нее сильное впечатление.

Мензис искательно посмотрел на коллег, но не дождался дальнейших комментариев. Повернулся к Марго.

– Что-нибудь хотите добавить? Можете высказаться.

Она вскочила.

– Да, я хотела бы возразить доктору Келли.

– Пожалуйста.

– Доктор Келли не заметила одну существенную деталь: маски – религиозные объекты, в отличие от всего того, что она перечислила.

Нора тоже немедленно оказалась на ногах.

– Разве Парфенон не храм? А Давид – не библейский герой? А пирамиды – не священные могилы?

– Я вас умоляю, сейчас это уже не религиозные объекты. Никто не приносит к

Парфенону жертвенных животных!

– Я с вами совершенно согласна. Эти объекты переступили свою первоначальную, исключительно религиозную функцию. Сейчас они принадлежат всем, вне зависимости от религии. То же и с масками Великой Кивы. Возможно, индейцы создавали их ради отправления религиозных ритуалов, но сейчас они принадлежат миру.

Марго чувствовала, что вся горит.

– Доктор Келли, на мой взгляд, ваша логика уместна в старшем классе школы на уроке философии, а не на собрании антропологов самого знаменитого музея естественной истории.

Все замолчали. Мензис медленно повернулся к Марго, уставился на нее голубыми глазами. Брови его недовольно сдвинулись.

– Доктор Грин, страсть в науке – чудесное качество. Но в то же время мы обязаны соблюдать корректность.

У Марго пересохло горло.

– Да, доктор Мензис.

Лицо ее горело. Как позволила она себе такую вольность? Она не смела поднять глаза на Нору Келли. Не хватает ей нажать врагов в собственном отделе.

Кураторы нервно закашляли, кто-то тихо перешептывался.

– Очень хорошо, – голос Мензиса звучал так же спокойно, как и в начале собрания. – Я узнал мнения обеих сторон. Похоже, мы поделились поровну. Я пришел к собственному решению.

И молча обвел группу глазами.

– Директору я выскажу две рекомендации. Первое: статья должна быть опубликована. Посоветую Марго начать общественные дебаты в лучших традициях журнала «Музееведение».

Набрал в грудь воздуха.

– Вторая рекомендация: маски должны быть возвращены тано. Незамедлительно.

Наступила звенящая тишина. Марго едва могла поверить своим ушам – Мензис стопроцентно на ее стороне. Она победила. Украдкой взглянула на Нору. Лицо женщины покраснелось от волнения, как у нее самой.

– Этика нашей профессии ясна, – продолжил Мензис. – Правило гласит... я процитирую: «Главная ответственность антрополога – перед людьми, объектом его исследования». Не могу выразить, как горько мне сознавать, что музей лишится этих масок. Но я вынужден согласиться с доктором Грин и доктором Уонг: если мы взяли себе за правило придерживаться этических норм, то мы обязаны вернуть маски. Да, момент для нас очень неблагоприятный, у нас возникнут огромные проблемы с выставкой. Прошу прощения, Джордж, ничего не поделаешь.

– Но урон антропологии, миру... – начала Нора.

– Я сказал то, что должен был сказать, – ответил Мензис, голос его звучал грустно. – Собрание закончено.

Глава 18

Билл Смитбек завернул за угол, остановился, облегченно вздохнул. Он заметил, что дверь кабинета Фентона Дэйвиса в дальнем конце коридора открыта, и фигура Брайса Харримана там не маячит. Вообще-то, Смитбек целый день его сегодня не видел, и потому к кабинету Дэйвиса он направился пружинящей походкой, потирая руки, со злорадством предвкушая поражение своего врага. Харриман так хотел заграбастать дело Хулигана. Что ж, пускай забирает. В ретроспективе эта история для «Таймс» слишком мелка: не дело, а какой-то водевиль. Пожалуй, и лучше, если она останется Харриману – тем более что совсем недавно он работал в «Пост». Такая тема как раз по нему.

Смитбек довольно хихикнул.

А вот он займется настоящим делом, убийством Дучэмпа. Кому, как не ему, освещать

такую историю – необычную, захватывающую, возбуждающую. В городе она сейчас у всех на устах: спокойного, милого художника по неизвестной причине заставили повеситься на окне собственной квартиры, в результате чего он свалился с двадцать четвертого этажа на стеклянную крышу манхэттенского французского ресторана. Причем все это произошло при свете дня, на глазах у сотен свидетелей.

Возле кабинета Дэйвиса Смитбек немного притормозил. По правде сказать, этих многочисленных свидетелей оказалось страшно трудно найти, и поэтому ему приходилось довольствоваться официальными данными полиции да тем, что удавалось узнать из конфиденциальных источников. И все же он своего добьется. Нора была права, когда говорила, что он всегда доводит дело до конца. Как хорошо она его понимала. Ему надо добраться до подноготной, использовать все возможности. Он понимал, почему Дэйвис пригласил его: редактор хотел получить информацию. Не страшно, он скажет Дэйвису, что проверяет данные, полученные из конфиденциальных источников. Потом снова отправится на перекресток Бродвея и 65-й стрит: копов там сегодня не будет, и никто ему не мешает. Затем поедет в полицейский участок, потолкует со старым дружкой, вытянет из него информацию до последней крошки. Нет, поправил он сам себя, крошки – не то слово. Крошки пусть подбирают другие репортеры, Смитбек отыщет целый пирог и съест его сам.

Радуюсь своему умению находить метафоры, он вошел в приемную. Секретаря не было на месте. Поздний ланч, подумал Смитбек. Шагнул вперед, ощущая себя асом до кончиков ногтей, поднял руку, чтобы постучать по открытой двери кабинета.

Дэйвис сидел за заваленным столом, словно Будда, – маленький, совершенно лысый, с изящными маленькими ручками, которые, казалось, постоянно совершали какие-то движения: приглаживали галстук, играли с карандашом, проводили пальцем по бровям. Редактор предпочитал голубые рубашки с белыми воротниками и галстук-бабочку. Голос у него был высокий, мягкий, манеры женственные. Тот, кто видел его впервые, думал, что имеет дело со слабовольным человеком. Но Смитбек уже знал, что это не так. Чтобы стать редактором «Таймс», нужно, чтобы в твоих венах текло несколько пинт крови барракуды. Дэйвис был так мягок в обращении, что порой ты и глазом не успеваешь моргнуть, а тебя уже выпотрошили. Своих карт он никому не раскрывал, слушал больше, чем говорил, и никто не знал, что он на самом деле думает. С репортерами он не фамильярничал, с другими редакторами не якшался и, казалось, предпочитал пребывать в одиночестве. В его кабинете был только один стул для посетителей, и обычно на нем никто не сидел.

Сегодня, правда, стул был занят. На нем восседал Брайс Харриман.

Смитбек так и замер на пороге. Рука, которой он намеревался постучать в дверь, тоже застыла на полпути.

– А, Билл, – кивнул ему Дэйвис. – Ты как раз вовремя. Заходи, пожалуйста.

Смит сделал шаг, затем другой. Он изо всех сил старался не встретиться глазами с Харриманом.

– Планируешь заняться убийством Дучэмпа? – спросил Дэйвис.

Смитбек кивнул. Он находился в сумеречном состоянии, словно кто-то ударил его в солнечное сплетение. Надеялся лишь, что никто этого не заметит.

Дэйвис провел кончиками пальцев по кромке стола.

– С какой стороны думаешь подступиться?

Ответ у Смитбека был заготовлен заранее. Это был любимый риторический вопрос Дэйвиса. Им он давал понять, что репортеры должны рыть когтями землю.

– Я собираюсь разузнать все местные обстоятельства, поискать столкновение интересов, – сказал он. – Опрошу соседей, друзей и родственников жертвы. Учту, разумеется, наработки полиции. Следовательно, ответственный за ведение дела, – самый молодой капитан на участке – Хейворд, к тому же это женщина.

Дэйвис, задумчиво кивнув, хмыкнул. Такой ответ, как и всегда, не дал понять, о чем он думает в данный момент. Смитбек занервничал еще больше.

– Вы знаете, как это бывает: насильственная смерть в Верхнем Манхэттене приведет к

тому, что дамы станут бояться выводить своих пуделей на вечернюю прогулку. Я выясню образ жизни жертвы, узнаю о его работе и привычках. Возможно, посижу за барной стойкой с капитаном Хейворд.

Дэйвис снова кивнул, взял ручку, медленно покатал ее между ладонями.

– Знаете, с таким материалом мы можем выйти на первую страницу раздела «Метро», – храбро сказал Смитбек.

Дэйвис отложил ручку.

– Билл, такая история стоит больше, чем публикация в разделе «Метро». Со времен убийства Катфорта – о нем писал Брайс, когда работал в «Пост», – это самое громкое преступление, когда-либо совершенное на Манхэттене.

Вот, значит, как: Брайс. Смитбек постарался придать лицу приятное выражение.

– В этом преступлении много неясностей. Дело здесь не только в сенсационном способе убийства, но и в том – как ты сам отметил, – что произошло оно в шикарном районе. Необычна и сама жертва. Художник. К тому же дело передано женщине-следователю. – Дэйвис сделал паузу. – Не хочешь ли ты откусить больше, чем сможешь проглотить? Не слишком ли много для одного дела?

– Я могу написать о нем две, а то и три статьи. Без проблем.

– Не сомневаюсь, что сможешь, однако время ограничено.

Смитбек облизнул губы, почувствовав вдруг, что он стоит, а Харриман сидит.

Дэйвис продолжил:

– Лично я понятия не имел, что Дучэмп был известным в своих кругах художником. У населения Сохо он особой популярностью не пользовался. Мы с Брайсом как раз говорили об этом вчера вечером.

– С Брайсом, – повторил Смитбек. Произнеся это имя, он почувствовал, как к горлу подступает желчь. – Вчера вечером?

Дэйвис с деланной небрежностью взмахнул рукой.

– Да, выпивали немножко в «Метрополитен клуб».

Смитбек задеревенел. Так вот как этот лстивый мошенник обделяет свои делишки. Пригласил Дэйвиса в модный клуб своего отца. Оказывается, Дэйвис, как и многие другие знакомые Смитбеку редакторы, падок до такого рода вещей. Редакторы редко поднимались по социальной лестнице, вечно околачивались на задворках у богатых и знаменитых в надежде ухватить свалившиеся со стола крошки. Смитбек представил себе, как Дэйвис входит в закрытую цитадель клуба «Метрополитен», садится в роскошное кресло в раззолоченном салоне, вышколенные официанты, облаченные в ливреи, подносят ему напитки, а сам он почтительно приветствует разных там Рокфеллеров и Вандербильтов. Было с чего закружиться голове.

Смитбек посмотрел наконец в сторону Харримана. Подонок сидел, чинно положив одну ногу на другую, и вид у него был такой небрежный, словно он всегда был завсегдатаем редакторского кабинета. Смитбека он и взглядом не удостоил. К чему?

– Мы потеряли не только гражданина, – продолжил Дэйвис. – Мы потеряли художника. И после этой потери Нью-Йорк стал беднее. Знаешь, Билл, порой мы не знаем, кто живет в соседней квартире. Это может быть продавец хот-догов или мусорщик. А может быть и хороший художник, картины которого висят в половине квартир Ривер Хаус.

Смитбек снова кивнул. На губах застыла улыбка.

Дэйвис разгладил галстук.

– Это серьезное преступление. Им займется мой друг Брайс.

О боже! В этот ужасный момент Смитбек подумал, что ему собираются поручить дело Хулигана.

– Он займется светской стороной этого дела. Брайс знает нескольких важных клиентов Дучэмпа. У него есть семейные связи. С ним будут разговаривать, в то время как...

Он примолк, но Смитбек понял, что тот имел в виду: «в то время как с тобой они говорить не станут».

– Короче, Брайс выдаст нам гламурную сторону дела. Читателям «Таймс» она придется по вкусу. Я рад, что ты займешься полицейской и уличной стороной преступления. Думаю, ты с этим справишься.

«Полицейская и уличная сторона». Смитбек почувствовал, как непроизвольно дернулись желваки.

– Само собой разумеется, вы будете делиться информацией. Я предлагаю вам устраивать регулярные встречи. Поддерживайте друг с другом связь. Преступление нешуточное, и вряд ли вы скоро с ним сладите.

В кабинете стало тихо.

– Что-нибудь еще, Билл? – мягко осведомился Дэйвис.

– Что? А, нет. Ничего.

– Тогда не стану тебя задерживать.

– Да-да, конечно, – сказал Смитбек.

От унижения и ярости он чуть было не начал заикаться.

– Спасибо.

И повернулся к дверям. Харриман наконец-то посмотрел в его сторону. На подлом лице играла довольная улыбочка. Выражение его лица, казалось, говорило: «Скоро увидимся, партнер. И будь осторожен».

Глава 19

– Ну, как прошел первый день на работе? – спросила Хейворд, разрезая куриную грудку.

– Хорошо, – ответил Д'Агоста.

– Синглтон не обидел?

– Нет.

– Тебя не было всего два дня. Возможно, он успокоился. Он страшный трудоголик, но превосходный коп. И ты не хуже. Вот почему я знаю, что вы друг с другом поладите.

Д'Агоста кивнул, поводит куском помидора по тарелке и поднес ко рту. Курица по-охотничьи – это то блюдо, которое он мог приготовить не напрягаясь.

– Очень вкусно, Винни. Пожалуй, теперь я чаще буду пускать тебя на кухню.

Она улыбнулась.

Д'Агоста тоже улыбнулся. Отложил на мгновение вилку и смотрел, как она ест.

Она постаралась – пришла домой вовремя. Похвалила его блюдо, хотя курицу он передержал. Даже не спросила, почему он так поспешно покинул ее во время завтрака. Было видно, что она старается дать ему побольше свободы, чтобы он сделал то, над чем работал. На Д'Агосту нахлынули чувства, он вдруг понял, что по-настоящему любит эту женщину.

От этого еще труднее осуществить то, что необходимо.

– Извини, что не могу отдать должное твоему обеду, – сказала она. – Он заслуживает, чтобы его смаковали. Но мне снова надо бежать.

– Новые сведения?

– Не совсем. Эксперт хочет рассказать нам об узлах. Возможно, прикрывает собственную задницу – нам он не слишком помог.

– Да?

– Он думает, что узлы азиатские, возможно, китайские. Однако ничего конкретного не сообщает.

Д'Агоста тяжело вздохнул.

– А ты рассматривала возможность, о которой я упомянул в ресторане? Что за всеми этими убийствами может стоять брат Пендергаста?

Хейворд не донесла до рта вилку.

– У нас слишком мало вещдоков для поддержания этой версии. Знаешь, я профессионал. Ты должен доверять мне. Я постараюсь провести это дело как можно лучше.

Когда будет время, обращай внимание на твои слова.

Д'Агосте нечего было возразить. Какое-то время они ели молча.

– Винни, – сказала она, и что-то в ее голосе заставило на нее взглянуть. – Извини, я не хотела тебя обидеть.

– Брось, я ничуть не обижен.

Она снова улыбнулась, темные глаза сияли в свете лампы.

– Знаешь, я просто счастлива, что ты снова на работе.

– Спасибо, – пробормотал Д'Агоста.

– Письмо Пендергаста с того света отвлекло тебя в самый неподходящий момент. Возможно, агентом он был хорошим, только вряд ли был нормальным человеком. Я знаю, ты был ему другом, но думаю... – она запнулась, – что он плохо на тебя влиял. И эта просьба из могилы, всякая чепуха насчет брата... должна тебе сказать, мне это не по душе.

Д'Агоста почувствовал раздражение.

– Я знаю, ты его никогда не любила. Но он был лучше всех.

– Знаю. Знаю. О покойниках плохо не говорят. Извини.

Раздражение сменило чувство вины. Д'Агоста промолчал.

– Во всяком случае все осталось в прошлом. Дело Хулигана многообещающее. Ты снова отличишься, Винни. Я в этом уверена. Все будет, как в прежние времена.

Д'Агоста разрезал куриное бедро и в сердцах бросил нож на тарелку. Это уж слишком. Он не мог больше оттягивать.

– Лаура, – начал он. – Мне нелегко тебе это сказать.

– Что сказать?

Он набрал полную грудь воздуха.

– Я ухожу.

Она замерла, не в силах понять. Затем лицо ее медленно поменяло выражение: на нем отразились неверие и боль, словно у ребенка, которого неожиданно ударил любимый отец. Увидев это выражение, Д'Агоста почувствовал себя так плохо, как никогда в жизни.

– Винни? – спросила она тусклым голосом.

Д'Агоста опустил глаза. Наступила долгая мучительная пауза.

– Почему?

Он не знал, что ответить. Знал лишь, что не может сообщить ей правду. Лаура, дорогая, возможно, мне грозит опасность. До тебя очередь пока не дошла, а я должен быть настороже. Оставаясь здесь, подставляю и тебя.

– Может, я сделала что-то не так? Или, наоборот, чего-то не сделала?

– Нет, – быстро ответил он.

Он должен что-то предпринять, быть с ней поласковее.

– Нет, – повторил он. – Ты замечательная. К тебе это не имеет никакого отношения. Я люблю тебя. Все дело во мне. Наши отношения... возможно, мы немного поторопились.

Хейворд молчала.

Д'Агосте показалось, что он прыгает в пропасть. Ничего он так не хотел сейчас, как остаться с этой женщиной, красивой, любящей, заботливой. Лучше бы он ранил себя, а не ее. И все же он ранил ее, каждым своим словом. Это было ужасно, но у него не оставалось выбора: «...Ты, Винсент, должен принять все меры предосторожности». Д'Агоста знал, что единственный способ спасти их взаимоотношения – и, возможно, жизнь Лауры Хейворд – прервать эти самые взаимоотношения.

– Мне просто нужно немного свободы, вот и все, – продолжил он. – Обдумать все. Поразмышлять о перспективах своей жизни.

Фразы звучали банально, и он замолчал.

Он сидел, ожидая, что Хейворд взорвется, проклянет его, велит убираться восвояси. Однако повисла еще одна долгая, ужасная пауза. Потом он поднял глаза. Обед стыл. Лаура сидела, сложив на коленях руки. Лицо бледное, глаза опущены. Красивые иссиня-черные волосы упали на лицо, закрыв один глаз. Это была не та реакция, которой он ожидал. Ее

тихую боль наблюдать ему было еще тяжелее.

Наконец она шмыгнула носом, отодвинула тарелку и встала.

– Мне нужно ехать на работу, – сказала она так тихо, что Д'Агоста еле расслышал.

Он сидел неподвижно, пока она убирала с лица волосы. Затем Лаура быстро пошла к дверям. Только когда взялась за ручку, остановилась, сообразив, что забыла надеть пальто и взять кейс. Повернувшись, медленно подошла к шкафу, надела пальто. Затем ушла, осторожно затворив за собой дверь.

Она не оглянулась.

Д'Агоста долго еще сидел за обеденным столом, слушал тиканье часов. В окно проникали слабые городские звуки. Он заставил себя подняться, прошел в кухню. Выбросил недоеденную пищу в мусорное ведро и вымыл посуду.

Затем медленно, как старик, направился в спальню укладывать вещи.

Глава 20

В три часа утра особняк на Риверсайд-драйв, 891, выглядел сонным или даже мертвым. Такое впечатление производили опущенные ставни и наглухо запертые двери. Однако глубоко внизу, в вырытом под домом тоннеле, ощущались признаки жизни. Длинный тоннель, объединявший подвальные помещения, продолжался под Риверсайд-драйв и Риверсайд-парк и шел в направлении Гудзона. Заканчивался тоннель грубой винтовой лестницей, спускавшейся в естественную пещеру, а оттуда выходил на каменный причал. Подземная река впадала в Гудзон, со стороны которого пещера была скрыта густой стеной тростника. Более двух столетий назад пират, владелец особняка, пользовался секретным ходом, верша по ночам свои темные делишки. Сегодня о тоннеле знало лишь несколько человек.

В этом изолированном от мира месте послышалось тихое шлепанье весел. Раздался слабый шорох. Сдвинулся в сторону зеленый занавес водных растений, открылся подводный коридор. Стояла туманная безлунная ночь, и только бледный луч высвечивал вошедший в тоннель ялик. Беззвучно заскользил он вперед под низким каменистым потолком, пока не подошел к каменному причалу.

Пендергаст вышел из лодки, привязал ее к крюку и огляделся. В темноте блестели глаза. Несколько минут постоял, прислушиваясь. Затем вынул из кармана фонарик, включил и направился к лестнице. Поднявшись наверх, вошел в большую комнату, заставленную деревянными шкафами с оружием – современным и тем, что насчитывало две тысячи лет. Из комнаты вышел в старую лабораторию. На длинном черном столе поблескивали мензурки и реторты.

В углу помещения стояла молчаливая, похожая на тень фигура.

Пендергаст осторожно пошел вперед, рука потянулась к оружию.

– Проктор?

– Сэр?

Пендергаст расслабился.

– Я получил сигнал от Констанции.

– А я – вашу записку с просьбой о встрече. Но, должен сказать, не верится, что вижу вас живым, сэр.

– Я надеялся, что приезжать не потребуется. Но поскольку необходимо кое-что сообщить Констанции, то я почувствовал, что должен сделать это лично.

Проктор кивнул.

– Понимаю, сэр.

– С этого момента ты обязан не спускать с нее глаз. Ты знаешь Констанцию, знаешь, насколько неустойчиво ее психическое состояние. Со стороны незаметно, что творится в ее душе. Ей довелось пройти через то, что вряд ли пережил какой-то другой человек. Боюсь, если к ней не отнестись с исключительной осторожностью и вниманием...

Он замолчал. Проктор снова кивнул.

– Все случилось в самый неподходящий момент. Я хочу сказать, что ей нужно быть готовой вернуться в то место... где она впервые от нас пряталась, где никто, никто не сможет ее найти.

– Да, сэр.

– Ты нашел брешь?

– Нашел и запечатал.

– Где она была?

– Под Бродвеем. Там, где фруктовые погреба, проходит сточная труба. Ею не пользовались пятьдесят лет. Он проник туда, проделав отверстие.

Пендергаст зорко взглянул на него.

– Он не нашел лестницу, ведущую в этот подвал?

– Нет. Похоже, в доме он был лишь несколько минут. Успел взять предмет из кабинета на первом этаже и тут же скрылся.

Пендергаст не отрывал от Проктора взгляд.

– Ты должен удостовериться в том, что особняк полностью изолирован. Это не должно повториться. Ясно?

– Ясно, сэр.

– Хорошо. Тогда пойдем. Я с ней поговорю.

Они покинули лабораторию и миновали несколько комнат со стеклянными шкафами, заполненными немисливо эклектичными коллекциями: чучелами перелетных птиц, амазонскими насекомыми, редкими минералами, банками с химикалиями.

Остановились в комнате с бабочками. Пендергаст направил на витрины свет фонарика и тихо сказал в темноту:

– Констанция?

Ответа не последовало.

– Констанция, – сказал он чуть громче.

Послышался тихий шорох, и женщина лет двадцати появилась словно бы ниоткуда. На ней было длинное белое старомодное платье с кружевом у шеи. Нежная кожа в свете фонаря была очень бледна.

– Алоиз, – сказала она, обняв его. – Слава богу.

Какое-то мгновение Пендергаст просто стоял, прижав ее к себе. Потом осторожно отодвинулся и нажал маленькую медную кнопку в стене. Помещение залил бледный свет.

– Алоиз, что случилось?

Ее глаза – странно умудренные на юном лице – приняли беспокойное выражение.

– Скажу через минуту, – Пендергаст успокаивающим жестом положил ей на плечо руку. – Расскажи мне о записке.

– Она пришла сегодня поздно вечером.

– Как ее доставили?

– Подсунули под входную дверь.

– Ты приняла меры предосторожности?

Констанция кивнула и достала из рукава ламинированную визитную карточку.

Пендергаст присмотрелся. На карточке каллиграфическим почерком оттиснуто «Диоген Пендергаст», ниже – приписка розовыми чернилами: «Пятерка мечей – Смитбек».

Какое-то время он смотрел на карточку, затем сунул в карман.

– Что это значит? – спросила Констанция.

– Мне бы не хотелось говорить тебе больше, чем нужно. Твои нервы и так расстроены.

Констанция слабо улыбнулась.

– Должна признаться, когда ты вошел в библиотеку, я была совершенно уверена, что вижу перед собой призрак.

– Ты знаешь планы моего брата и то, что он хочет меня уничтожить.

– Да. – Констанция побледнела еще больше и вроде бы слегка пошатнулась.

Пендергаст вновь положил ей на плечо руку.

С видимым усилием она старалась держаться.

– Все в порядке, спасибо. Продолжай, пожалуйста.

– Он уже начал. За последние несколько дней убиты трое моих ближайших друзей. – Пендергаст тронул карман. – Эта записка предупреждает меня, что следующей жертвой Диогена будет Уильям Смитбек.

– Уильям Смитбек?

– Это репортер из «Нью-Йорк таймс».

Пендергаст снова замолчал.

– И что из этого следует? – спросила Констанция. – Тебя еще что-то тревожит, я вижу это по твоему лицу.

– Да. Те трое, что погибли, были моими близкими друзьями. Но с Биллом Смитбеком нечто другое. Я знаю его несколько лет. Он имел касательство к некоторым моим делам. Журналист очень способный. Кому-то может показаться, что он карьерист и слишком импульсивен, но на самом деле человек он хороший. Беспокоит то, что он для меня скорее знакомый, чем друг. Диоген раскидывает сеть шире, чем я предполагал. Получается, что в зоне риска не только близкие мне люди. И ситуация становится сложнее, чем ожидалось.

– Чем я могу помочь? – тихо спросила Констанция.

– Тем, что сделаешь все для собственной безопасности.

– Ты думаешь...

– Что ты возможная жертва? Да. Но это еще не все. Третьей его жертвой стал Майкл Декер, старый мой коллега по ФБР. Вчера я обнаружил тело Майка в его вашингтонском доме. Его убили старинным штыком. Сделав это, он намекнул на дальнего моего предка, которого убили таким же способом. Он служил в наполеоновской армии во время русской кампании 1812 года.

Констанция вздрогнула.

– Встревожило меня само оружие. Констанция, штык был взят из коллекции этого самого дома.

Она замерла, осознав его слова.

– Винтовка системы Шаспо или магазинная винтовка? – спросила она, словно робот.

– Шаспо. На рукоятке выгравированы инициалы P.S.P. Ни с чем не спутаешь.

Ее внимательные, умные глаза расширились от страха.

– Диоген нашел вход в дом. Без сомнения, воспользовавшись этим штыком, он хотел дать мне почувствовать свое всемогущество.

– Понимаю.

– И все же в этом доме тебе будет безопаснее, чем в любом другом месте. В настоящее время в расчеты Диогена ты неходишь. Проктор нашел в трубе брешь, через которую Диоген проник в дом, и замуровал ее. Ты знаешь, что особняк защищен от всякого рода вторжений. Проктор будет на чеку, он намного сильнее, чем кажется. Все же ты должна быть настороже. Дом старый и очень большой. В нем много секретов, и тебе о них известно больше, чем кому-либо еще. Слушайся своих инстинктов. Как только почувствуешь что-то неладное, растворяйся в потаенных местах, известных только тебе. Будь готова в любой момент. И пока угроза не пройдет, спи в том месте, в котором ты пряталась поначалу от меня и от Рена.

При этих словах глаза Констанции дико расширились. Она вцепилась в Пендергаста.

– Нет! – закричала она. – Нет. Я не хочу снова там оказаться!

Пендергаст поспешно обнял ее.

– Констанция...

– Ты знаешь, что это место уносит меня в прошлое! Темные пространства, ужасные события... Не хочу вспоминать об этом!

– Констанция, выслушай меня. Там ты будешь в безопасности. Я не смогу действовать, если не буду уверен в твоей безопасности.

Констанция молчала, и Пендергаст крепче прижал ее к себе.
– Пообещай, что сделаешь это.
Она уткнулась головой в его грудь.
– Алоиз, – сказала она дрожащим голосом. – Всего несколько месяцев назад мы сидели наверху, в библиотеке. Ты читал мне газеты. Помнишь?
Пендергаст кивнул.
– Я начинала понимать. Мне казалось, будто я выплыла на поверхность после долгого погружения. Хочу, чтобы так и было. Не хочу снова... погрузиться на дно. Ты ведь понимаешь, Алоиз?
Пендергаст нежно погладил ее по каштановым волосам.
– Да, понимаю. И все будет так, как ты хочешь, Констанция. Ты почувствуешь облегчение, обещаю. Но сначала придется пройти через испытания. Ты ведь поможешь мне?
Она кивнула.
Пендергаст медленно опустил руки. Затем взял ее за голову и нежно поцеловал в лоб.
– Я должен идти.
Он повернулся и исчез в темноте.

Глава 21

Было без четверти восемь, когда Смитбек вышел из своего дома на Вест-Энд-авеню. Он вытянул руку, подзывая такси. Стоявший у угла желтый автомобиль послушно приблизился. Смитбек, облегченно вздохнув, уселся в машину.

– Угол Сорок четвертой и Седьмой, – сказал он.

Водитель – худой, смуглый мужчина с черными волосами и нездоровой колесой – пробормотал что-то на незнакомом языке и отъехал от тротуара.

Смитбек откинулся на спинку, поглядывая в окно. Ему бы следовало быть в постели с молодой женой, но застрявший в голове образ Харримана, сидящего в кабинете редактора с подлой улыбкой на устах, понудил его встать ни свет ни заря, чтобы заняться делом.

Само собой разумеется, что вы будете делиться информацией, – сказал Дэйвис. Как бы не так! Смитбек знал, что Харриман ему слова не скажет, зачем же он будет перед ним выслуживаться? Надо сейчас зайти в редакцию, узнать, не случилось ли за ночь каких-нибудь неприятностей, а затем отправиться на разведку. Статья у него вчера получилась слабая, надо постараться, чтобы следующая была лучше. Он обязан сделать это, даже если пришлось бы ради этого купить квартиру в доме Дучэмпа. А что если обратиться в агентство недвижимости и изобразить из себя потенциального покупателя...

Водитель резко свернул возле 72-й улицы.

– Эй, поосторожней, – сказал Смитбек. – У меня не зажила военная рана.

Водитель тут же поднял плексигласовую перегородку, отделявшую его от пассажира. Машина пропахла чесноком, луком и тмином. Смитбек открыл заднее окно. Как обычно, проклятое стекло спустилось лишь на треть. Настроение – и без того неважное – сделалось еще хуже.

Можно было бы выйти из дому на полтора часа раньше. Нора уже несколько дней пребывала в дурном настроении. Она почти не спала, оставалась на работе за полночь. Недосып плюс недоброжелательство, которое проявила она в кафе к Марго Грин, – все это тяжким грузом легло ему на сердце. Марго была ему давним другом, и Смитбеку было неприятно, что женщины не ладили. Они слишком похожи, подумал он. Умные и волевые.

Впереди было Вестсайдское шоссе и Гудзон. Вместо того чтобы ехать в южном направлении, к Среднему Манхэттену, шофер взял курс на север.

– Какого черта? – воскликнул Смитбек. – Эй, не туда едешь!

Водитель сильнее нажал на газ и, не обращая внимания на вой клаксонов, свернул в крайний левый ряд.

«Черт побери, видно, английский он понимает еще хуже, чем я думал». Смитбек

заколотил по плексигласовой поцарапанной перегородке.

– Ты едешь не туда. Понял? Не туда. Я же сказал – 44-я улица. Развернись на 95-й в обратном направлении!

Шофер не реагировал. Напротив, продолжал набирать скорость, то и дело меняя ряд, обгоняя автомобиль за автомобилем.

Во рту у Смитбека пересохло. Господи, кажется, меня похищают. Он схватился за дверной замок, но, как и в большинстве такси, кнопка была снята.

Он снова яростно застучал по плексигласу.

– Останови машину! – заорал он, когда автомобиль свернул за угол. – Выпусти меня!

Ответа не было. Смитбек сунул руку в карман и стал набирать на мобильнике 911.

– Уберите его, мистер Смитбек, – сказал голос с переднего сидения. – Вы в хороших руках, уверяю вас.

Смитбек замер. Голос был ему хорошо знаком, но он не мог принадлежать этому человеку, по виду жителю Средиземноморья.

– Пендергаст? – спросил он недоверчиво.

Мужчина кивнул. Он смотрел в зеркало заднего вида на следовавшие за ними машины.

Страх очень медленно отступил, сменившись изумлением. Пендергаст, думал Смитбек. О господи, почему каждый раз, когда я встречаю его, душа в пятки уходит?

– Значит, слухи оказались ложными, – сказал он.

– О моей смерти? Разумеется.

Смитбек чувствовал, что они движутся со скоростью не меньше ста миль в час. Мелькали машины, неясные тени и цветочные пятна.

– Может, скажете, что происходит? Почему вы в таком виде? Вы похожи на человека, сбежавшего из турецкой тюрьмы... если, конечно, извините мне такое сравнение, – торопливо добавил Смитбек.

Пендергаст снова глянул в зеркало заднего вида.

– Я везу вас в безопасное место.

Он не понял:

– Куда везете?

– На вас поставили. За вами гонится опасный убийца. Поэтому пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам.

Смитбек открыл было рот для протеста и тут же примолк. В душе смешались разнообразные чувства – тревога, недоверие, изумление. К этому моменту на бешеной скорости они проехали 125-ю улицу.

У Смитбека прорезался наконец голос:

– Убийца? За мной? Но почему?

– Чем больше будете знать, тем опаснее это будет для вас.

– Откуда вы знаете, что я в опасности? Я никому ничего не сделал... по крайней мере, в последнее время.

Слева пронеслась Северная гидроэлектростанция. С опаской глянув направо, Смитбек заметил старинный, похожий на призрак особняк на Риверсайд, 891, за ним поднимались деревья парка Риверсайд.

Автомобиль двигался предельно быстро – казалось, колеса едва касаются земли. Смитбек оглянулся в поисках ремня безопасности и не обнаружил его. Машины так и мелькали. Что за двигатель у этого такси? У Смитбека пересохло во рту. Никуда не поеду, пока не узнаю, что происходит. Я ведь теперь женатый человек.

– О Норе не беспокойтесь. Ей скажут, что «Таймс» отправила вас в командировку и с вами некоторое время нельзя будет связаться. Я обо всем позабочусь.

– Да, а как же «Таймс»? Сейчас я занят важным исследованием.

– Врач сообщит им о вашей внезапной серьезной болезни.

– Ну уж нет. В «Таймс» человек человеку волк. Им плевать, болен я или при смерти. Мое задание отдадут другому репортеру.

– Будут вам другие задания.

– Но не такое, как это. Послушайте, мистер Пендергаст, одно вам скажу – дудки!

Смитбек вцепился в сиденье, потому что, обогнав сразу несколько машин, такси проскочило через три полосы и, увернувшись от тяжелого грузовика, заняло место в потоке автомобилей. Смитбек застыл от ужаса.

Пендергаст снова глянул в зеркало заднего вида. Смитбек оглянулся – увидел четыре или пять автомобилей и заметил черный «мерседес», который, нарушая правила движения, явно преследовал их такси.

Смитбека охватила паника. Впереди, на обочине, полицейская машина остановила фургон. Офицер выписывал штраф. Когда они проехали мимо, Смитбек увидел, что коп недоуменно развернулся и побежал к своей машине.

– Бога ради, снизьте скорость! – заорал он, но если Пендергаст и слышал его, то не подал вида.

Смитбек снова оглянулся. Несмотря на страшную скорость, черный «мерседес» не отставал. Мало того, расстояние между ними сокращалось. У автомобиля были тонированные окна, и Смитбек не мог рассмотреть водителя.

Впереди показались информационные дорожные указатели – Интерстейт 95¹⁵ и мост Джорджа Вашингтона.

– Держитесь, мистер Смитбек, – закричал Пендергаст, перекрывая рев двигателя и свист ветра.

Смитбек схватился за дверную ручку и уперся ногами в пластиковый коврик. Он был так напуган, что не мог думать.

Движение стало более плотным, один поток автомобилей шел в сторону моста и Нью-Джерси, другой – в восточном направлении, к Бронксу. Пендергаст снизил скорость, поглядывая то на движение, то на «мерседес». Затем, уловив выгодный момент, рванул через все четыре полосы к правой обочине. Раздался скрежет тормозов и возмущенный рев клаксонов. Пендергаст снова нажал на газ – из-под колес, взрыхливших узкую обочину, полетел мелкий мусор.

– Черт побери! – завопил Смитбек.

Обочина сузилась, с правой стороны показался край тротуара. Пендергаст и не подумал сбросить скорость. Колеса со стороны пассажира взгромодились на поребрик, автомобиль под немыслимым углом, раскачиваясь вперед и назад, продолжал движение. Колеса скрипели.

Позади них слышался слабый вой сирены.

Пендергаст притормозил и, улучив момент, вклинился в промежуток между машинами, следовавшими по Транс-манхэттенской автостраде. Перешел на другую полосу движения. Сделал он это так быстро, что Смитбека откинуло на другую сторону сидения. Повторил маневр и раз, и другой, прибавляя скорость. Автомобиль мчался как пуля.

Впереди, в четверти мили, заплескалось в темноте море красных огней – неизбежная пробка на автостраде Бронкса. Правая полоса огорожена оранжевыми конусами, предупреждающими о ведущемся ремонте, при этом – что типично – ни одного рабочего здесь нет. Пендергаст въехал на полосу, раскидав конусы по сторонам.

Смитбек оглянулся. Черный «мерседес» по-прежнему шел позади, пропустив перед собой не более шести автомобилей. Две полицейские машины с мигалками и включенными сиренами значительно отстали.

Смитбека отбросило в сторону. Автомобиль взлетел на пандус и двинулся в сторону Гарлема. Скорость приблизилась к ста милям в час. Взвизгнули шины, машина соприкоснулась с огибающей пандус стенкой. Затрещал металл, посыпались искры.

¹⁵ Широкая автострада с четырьмя и более полосами движения, соединяющая между собой несколько штатов.

– Сукин сын! Мы же убьемся...

Смитбек смолк, так как Пендергаст резко затормозил. Автомобиль дернулся и перемахнул через разделительную линию к маленькому мосту, переброшенному через Гудзон. Машину занесло, и Пендергаст с трудом справился с управлением. Затем он снова надавил на газ, и, перелетев через реку, они углубились в лабиринт узких улиц, ведущих к южному Бронксу.

Едва отдышавшись, Смитбек посмотрел через плечо. Немыслимо: «мерседес» по-прежнему шел за ними, чуть подальше, но видно было, что скоро он их нагонит. Окно «мерседеса» вдруг открылось, из него вырвалось облачко дыма, и грянул выстрел.

Раздался звон. Пуля разбила зеркало со стороны пассажира. Взлетели в воздух осколки стекла и пластмассы.

– Черт! – заорал Смитбек.

– Ложитесь, – скомандовал Пендергаст, но Смитбек уже скорчился на полу, прикрыв руками голову.

В таком положении все происходившее казалось еще кошмарнее: не имея возможности что-либо увидеть, Смитбек мог лишь вообразить себе ужас погони – постоянную смену направления, визг тормозов, рев двигателя, вой сирен, ругательства на английском и испанском языках. Но больше всего действовал на нервы усиливающийся вой полицейских сирен. Снова и снова при каждом торможении швыряло его к переднему сиденью и откидывало назад, когда агент набирал скорость.

После нескольких бесконечных минут Пендергаст снова заговорил:

– Поднимайтесь, мистер Смитбек. Только осторожно.

Смитбек поднялся, цепляясь за сиденье. Кидаясь из стороны в сторону, автомобиль неся по широкому проспекту через район латиноамериканской бедноты. Смитбек инстинктивно глянул через плечо. «Мерседес» неотступно их преследовал, обгоняя медленно двигавшиеся фургоны и автомобили. Далее, на некотором расстоянии, вытянулось в ряд не менее полудюжины полицейских машин.

– Мы вот-вот остановимся, – сказал Пендергаст. – Необходимо, чтобы, выйдя из машины, вы последовали за мной как можно быстрее.

– За вами?

Смитбек был так напуган, что мозг его отказывался работать.

– Делайте, что я говорю. Держитесь за мной. Непосредственно за моей спиной. Понятно?

– Да, – хрипло ответил Смитбек.

В конце проспекта Смитбек увидел длинный забор из натянутой на металлические трубы колючей проволоки и тяжелые ворота. Забор этот окружал пространство площадью не менее пяти акров. За забором машины: легковые, пикапы, фургоны – море машин всех размеров и моделей. Они стояли впритык, одна к другой, между ними и самокат бы не протиснулся. К воротам приколочена разбитая вывеска – «Стоянка эвакуированных автомобилей».

Пендергаст достал из кармана блок дистанционного управления, набрал код. Ворота медленно открылись. Пендергаст въехал, не снижая скорости, и Смитбек, схватившись за ручку, сжал зубы.

Автомобиль влетел в ворота, Пендергаст нажал на тормоза и остановился. Не потрудившись выключить двигатель, Пендергаст выпрыгнул из машины и махнул рукой Смитбеку. Репортер вывалился с заднего сиденья и рванул за Пендергастом. Тот уже бежал сквозь автомобильный лабиринт. Они неслись к тыльной стороне забора. Смитбек еле успевал за летящим впереди агентом.

Развив спринтерскую скорость, они одолели почти полмили. Пендергаст остановился возле последнего ряда машин, стоявших в нескольких десятках ярдов от забора. Забор был изготовлен из тех же тяжелых стальных труб. Агент вынул из кармана ключ, открыл дверцу видавшего виды «шевроле» и жестом пригласил Смитбека на заднее сиденье. Пендергаст

уселся за руль, повернул в зажигании ключ. Двигатель зарычал.

– Держитесь, – сказал он и повернул рычаг.

Фургон, набирая скорость, пошел на забор.

– Подождите, – воскликнул Смитбек. – Вам этот забор не свернуть. Мы... черт!

Он отвернулся, защищая руками лицо от неминуемого катастрофического столкновения.

Раздался громкий звон, машина дрогнула, однако продолжила движение вперед. Смитбек поднял голову, опустил руки. Сердце колотилось как бешеное. Оглянулся и увидел, что часть забора отлетела, оставив после себя ровное прямоугольное отверстие.

– Трубы были заранее подрезаны и поставлены на место, – объяснил Пендергаст. Сейчас он двигался гораздо медленнее. Он сделал несколько поворотов по городским улицам, одновременно снимая парик и шелковым платком стирая с лица грим. Ни черного «мерседеса», ни полицейских автомобилей не было видно.

– Помогите мне переодеться.

Смитбек пересел на переднее сиденье. Под дешевой курткой из полиэстера обнаружили белая рубашка и галстук.

– Подайте, пожалуйста, пиджак.

С вешалки на переднем сиденье Смитбек снял прекрасно отутюженный пиджак. Пендергаст быстро надел его.

– Так вы спланировали все заранее? – спросил Смитбек.

Пендергаст свернул на 138-ю улицу.

– От подготовки в таком деле зависит, останетесь ли вы в живых.

Смитбек понял, в чем состоял план.

– Выходит, вы заманили парня – того, что гнался за нами, – в такое место, откуда он был не в состоянии нас преследовать. Стоянку не объехать.

– Почему же? Объехать можно, только придется три мили плутать по городским улицам. – Пендергаст взял северное направление и выехал на автостраду Шеридан.

– Так кто же, черт побери, это был? Человек, который, по вашим словам, пытался меня убить?

– Я ведь вам сказал: чем меньше будете знать, тем лучше для вас. Хотя должен признать: высокоскоростная гонка и использование огнестрельного оружия – слишком грубо для него. Возможно, понял, что упускает шанс, и разъярился. – Пендергаст взглянул на Смитбека. – Ну, мистер Смитбек? Удовлетворены?

Смитбек задумчиво кивнул.

– Но почему меня? Что я сделал?

– К сожалению, на этот вопрос я и сам не знаю ответа.

Сердце Смитбека только сейчас начинало сбавлять темп. Он чувствовал себя выжатой тряпкой. Раньше ему приходилось бывать в переделках с Пендергастом. В душе понимал, что без необходимости агент ничего не сделает. Карьера в «Таймс» впервые показалась Смитбеку не столь уж важной.

– Дайте, пожалуйста, ваш мобильник и кошелек.

Смитбек удовлетворил его просьбу. Пендергаст положил их в бардачок и протянул Смитбеку дорогой кожаный бумажник.

– Что это?

– Ваше новое удостоверение личности.

Смитбек открыл бумажник. Денег там не было, только карточка социального страхования и водительские права.

– Эдвард Мердхаус Джонс? – прочитал он.

– Верно.

– Да, но Джонс... Это же банально.

– Специально. Чтобы вам не составило труда запомнить это имя... Эдвард.

Смитбек сунул бумажник в задний карман.

– Как долго будет это продолжаться?
– Надеюсь, что недолго.
– Что, по-вашему, означает «недолго»? День или два?
Пендергаст промолчал.
– Куда, черт побери, вы меня везете?
– В Ривер Оукс.
– Ривер Оукс? Психушка для миллионеров?
– Вы теперь больной сын банкира с Уолл-стрит. Нуждаетесь в отдыхе, релаксации, некотором лечении и изоляции от безумного мира.
– Постойте. Я не хочу в психушку.
– Ривер Оукс – роскошное заведение. У вас будет отдельная комната, высококлассная пища, элегантная обстановка. Местность очень красивая. Жаль, что сейчас нападало два фута снега. Там имеются гидромассажные ванны, библиотека, игровая комната. Полный комфорт. Заведение размещается в бывшем особняке Вандербильта, в графстве Ольстер. Директор – милый человек. Он будет чрезвычайно заботлив, уверяю. Самое важное, что убийца вас там не достанет. Извините, но больше я ничего не могу сказать.
Смитбек вздохнул.
– Директор все обо мне знает?
– Он располагает информацией, которая ему понадобится. Вас будут лечить. Гарантировано особое отношение.
– Насильственных мер не будет? Смирительной рубашки? Шоковой терапии?
Пендергаст слегка улыбнулся.
– Ничего подобного, верьте мне. Вас обложат с ног до головы. Одна часовая беседа в день, только и всего. Директор полностью информирован, у него есть все необходимые документы. Я купил одежду, которая, думаю, вам подойдет.
Смитбек немного помолчал.
– Высококлассная еда, говорите?
– Причем в неограниченном количестве.
Смитбек подался вперед.
– А Нора? Она будет беспокоиться.
– Как я и говорил, ей скажут, что редакция послала вас в специальную командировку. К тому же, ей сейчас не до того. Она так занята выставкой, что о вас ей некогда будет думать.
– Если меня хотят убить, то и она может быть в опасности. Нужно предупредить ее.
– Заверяю вас, в данный момент Норе ничто не угрожает. А вот если вы будете рядом, пострадает и она, и все потому, что вы – запланированная жертва. Вы должны скрываться для ее же блага. Чем дальше вы будете, тем безопаснее для нее.
– Это крах моей карьеры, – простонал Смитбек.
– В случае безвременной кончины ваша карьера пострадает еще больше.
Смитбек чувствовал, как оттопыривается задний карман с бумажником. Эдвард Мердхаус Джонс.
– Извините, но мне все это очень не нравится.
– Нравится или нет, но я спасаю вам жизнь.
Смитбек не ответил.
– Вам все ясно, мистер Смитбек?
– Да, – сказал Смитбек. На душе у него было скверно.

Глава 22

Нора Келли попыталась отключиться от шума, царившего в выставочном зале, и сосредоточиться на ящике с песком. С одной его стороны лежали предметы, которые требовалось расставить, – скелет с найденными при нем бесценными золотыми украшениями, нефритом, монохромной керамикой, костью, резными раковинами. С другой

стороны ящика стояла фотография самой могилы, сделанная через несколько минут после поразительного открытия. Похоронена была принцесса Чак Ксель из племени индейцев майя. Норе требовалось в мельчайших подробностях восстановить могилу к выставке «Священные образы».

Раздумывая над работой, Нора чувствовала за спиной тяжелое дыхание раздраженного охранника, крайне недовольного тем, что его сняли с обычной работы – из сонного зала Океанических птиц – и бросили в дикий муравейник зала Священных образов. Дитина переминался с ноги на ногу и театрально вздыхал, побуждая ее поторапливаться.

Торопиться, однако, было нельзя: это же один из главных экспонатов выставки. Хрупкие артефакты требовали исключительного внимания и осторожности. Она еще раз попыталась отрешиться от рева электродрелей и визга пил, криков и беготни кураторов, дизайнеров и ассистентов. Мало того, в который раз уже шла проверка усовершенствованной системы безопасности: проверяли работу новых датчиков. То есть творился полный бедлам.

Нора начала с костей: укладывала их на песок, сверяясь с фотографией. Покойницу-принцессу не положили на спину, как это принято на Западе. Ее колени подтянули к лицу, сложили впереди руки и завернули в красивые вязаные одеяла. Постепенное гниение заставило скелет раскрыться, и кости беспорядочно развалились на дне могилы. Вот этот беспорядок Нора и пыталась дотошно воссоздать.

Затем очередь дошла до найденных в могиле предметов. Нора надела матерчатые перчатки и взяла самый большой предмет – тяжелое нагрудное украшение из природного золота в виде ягуара, окруженного рельефно вырезанными фигурами. Она подняла его и замерла от восторга: ее ослепил блеск золотых изгибов. Осторожно положила украшение на грудь скелета. Обвила шейный позвонок золотым ожерельем. Надела на фаланги пальцев с десяток золотых колец. Череп украсила золотая тиара с нефритами и бирюзой. Осторожно полукругом расставила горшки с жертвоприношениями в виде полированных нефритов, бирюзы и блестящего черного обсидиана. Затем дошла очередь до сделанного из обсидиана ножа длиной в фут. Зубчики режущей поверхности были все еще очень остры. Если не поостеречься, можно сильно порезаться.

Она помедлила. Последний предмет – нефритовая маска, стоящая миллионы. Выточена из единого совершенного куска темно-зеленого нефрита. На место глаз вставлены рубины и белый кварц, зубы сделаны из бирюзы.

– Мадам, – вывел ее из задумчивости охранник. – У меня через пятнадцать минут перерыв.

– Знаю, – сухо ответила Нора.

Потянувшись к маске, услышала голос Хьюго Мензиса. Говорил он не громко, но, несмотря на шум, его голос донесся до нее с некоторого расстояния.

– Удивительная работа! – воскликнул он. – Великолепная!

Нора подняла глаза и увидела знакомую фигуру с вечно растрепанной шевелюрой. Он пробирался по залу, переступая через электрические провода, опилки, куски пенопласта и прочие обломки. С плеча свешивалась пресловутая парусиновая сумка, которую он носил вместо кейса. Мензис обменивался рукопожатиями, одобрительно кивал, подбадривал, называл каждого человека по имени – от плотника до куратора. Каждый получал от него кивок, улыбку, теплое слово. Как же отличался он от Эштона, старшего куратора выставки. Тот считал ниже своего достоинства говорить с человеком, не имевшим докторской степени.

На собрании Нору страшно возмутило то, что Мензис поддержал Марго Грин. Но долго это продолжаться не могло: разве можно злиться на такого человека? Он всегда верил в то, что делает. Нора часто видела, как он поддерживает отдел – в больших и малых делах. Нет, на Мензиса невозможно злиться.

А вот с Марго Грин – другая история.

Мензис подошел к ним.

– Привет, Фрэнк, – сказал он охраннику и положил руку ему на плечо. – Приятно тебя здесь видеть.

– Вас тоже, сэр, – охранник распрямился, и недовольную мину как рукой сняло.

– Ах, – сказал Мензис, повернувшись к Норе. – Эта нефритовая маска – один из самых моих любимых экспонатов. Знаете, как удавалось им делать их такими тонкими? Они полировали их вручную травой. Но, полагаю, вам это известно.

– По правде говоря, да.

Мензис рассмеялся.

– Ну разумеется. О чем я думаю? Отличная работа, Нора. Этот экспонат будет гвоздем программы. Могу я посмотреть, как вы положите маску?

– Да, конечно.

Нора не без трепета взяла маску руками в белых перчатках. Осторожно положила в песок над головой скелета – в то место, где она и была найдена. Убедилась в том, что маска лежит надежно.

– Чутьочку влево, Нора.

Она слегка сдвинула маску.

– Превосходно. Я рад, что пришел вовремя и увидел это.

Он улыбнулся, подмигнул и пошел сквозь хаос. Люди после разговора с ним начинали трудиться энергичнее, если такое вообще было возможно. Нора восхищалась его умением общаться.

Ящик был подготовлен, но Нора хотела проверить все еще раз. Она просмотрела список предметов и сравнила их с фотографией. Сейчас у нее единственная возможность сделать все как надо: ящик запечатают пуленепробиваемым стеклом и откроют лишь через четыре месяца, в последний день работы выставки.

Мысли ее по неизвестной причине обратились к Биллу. Он срочно укатил в Атлантик-Сити. Ему поручили написать статью о казино, а вернется он... она и сама не знала когда. Он сказал что-то неопределенное. Все случилось неожиданно. Это и называется – выйти замуж за репортера? А как же убийство, о котором он собирался писать? Он ведь занимается местными новостями, а казино в Нью-Джерси вряд ли входит в этот разряд... Да и по телефону он говорил так странно, напряженно, чуть ли не задышался.

Нора покачала головой. Возможно, это и к лучшему: сейчас она все равно не могла бы уделять ему внимание. Все, как обычно, запаздывали, и Эштон вышел на тропу войны. Из другого конца зала до нее доносился голос старшего куратора. Он злобно кого-то отчитывал.

Охранник снова многозначительно вздохнул, и Нора вышла из задумчивости.

– Минуточку, – сказала она через плечо. – Сначала надо запечатать ящик.

Она глянула на наручные часы. Уже половина четвертого, а она работает с шести утра. Сегодня задержится по меньшей мере до полуночи, и каждую потраченную здесь минуту она отнимает у своего сна.

Нора повернулась к бригадиру, ожидавшему этого момента.

– Готовьтесь запечатать ящик.

Вскоре группа рабочих, под руководством бригадира, кряхтя и постанывая, стала закрывать могилу страшно тяжелым стеклянным щитом.

– Нора?

Она обернулась. Марго Грин. Как обычно, в самый неподходящий момент.

– Здравствуйте, Марго, – сказала она.

– Вот это да! Прекрасный экспонат.

Краем глаза Нора заметила ухмылку охранника. Рабочие гоготали.

– Кажется, это по нашему адресу, как думаете?

– Наверняка. – Она помолчала. – Я не хочу отвлекать вас от работы.

«Ну так и не отвлекай», – подумала Нора, притворно улыбаясь. Ей надо было подготовить и запечатать еще четыре ящика. Она с беспокойством следила за рабочими. Вдруг они уронят стекло...

Марго подошла ближе, понизила голос.

– Я хочу извиниться за свои утренние слова.

Нора выпрямилась. Этого она не ожидала.

– Я была несправедлива. Ваши аргументы были обоснованны и профессиональны, а вот я вела себя не как профессионал. Просто... – Марго запнулась.

– Просто что?

– Вы были чертовски... компетентны. И убедительны. Я просто струсил.

Нора не знала, что на это ответить. Она внимательно смотрела на Марго, а та краснела от неумения извиняться.

– С вами не так-то легко сладить, – сказала она.

– Знаю. Вы тоже упрямы. Но упрямство – хорошая черта, особенно у женщин.

Нора не могла не улыбнуться. На сей раз – искренне.

– Давайте не будем называть это упрямством. Подберем другое выражение – мужество в отстаивании собственных убеждений.

Марго тоже улыбнулась.

– Это и в самом деле звучит лучше. Хотя большинство людей назовут эту черту обыкновенной стервозностью.

– Что ж, – сказала Нора. – Стервозность – тоже неплохо.

Марго рассмеялась.

– Во всяком случае, Нора, я просто хотела извиниться.

– И я от души вас прощаю. Спасибо, Марго.

– До скорой встречи.

На мгновение Нора позабыла о ящиках. Она смотрела вслед удалявшейся стройной фигурке. Марго осторожно обходила встававшие на пути препятствия...

Глава 23

В лаборатории, на двенадцатом этаже полицейского управления, сидела на пластиковом стуле капитан Лаура Хейворд и изо всех сил старалась не смотреть на наручные часы. Арчибалд Квинс, старший химик, эксперт по тканям, расхаживал взад и вперед возле стола, заваленного вещдоками. Квинс то складывал за спиной руки, то размахивал ими. Говорил он, повторяясь, сбивчиво и злобно, однако сразу было видно: он потерпел неудачу.

Квинс остановился на полпути, пошел к ней, длинный, костлявый – локти да колени.

– Позвольте мне обобщить.

«Слава тебе, господи», – подумала Хейворд. Наконец-то она увидит свет в конце туннеля.

– Обнаружена горстка неизвестных волокон. Часть из них пристала к веревкам, которыми связали жертву. Другие найдены на диване, там жертва лежала перед смертью. Из этого можно сделать вывод, что упомянутые волокна оставил убийца. Согласны?

– Да.

– Поскольку все волокна одинаковые – длина, состав, скрутка и прочее, – мы можем также предположить, что волокна не пристали к одежде убийцы, а выдрались из самой одежды.

Хейворд кивнула, заставляя себя прислушиваться. Весь день, занимаясь работой, она испытывала странное ощущение: ей казалось, что она плывет над собственным телом. Она не знала, чему это приписать – то ли усталости, то ли шоку, вызванному неожиданным уходом Д'Агосты. Ей даже хотелось бы рассердиться, но гнев почему-то не приходил, осталось только горе. Куда он ушел, недоумевала она, и что сейчас делает? А самое главное – она не понимала, как все хорошее внезапно стало плохим.

– Капитан?

Хейворд догадалась, что ее о чем-то спросили. Быстро подняла глаза.

– Прошу прощения?

– Я сказал, не хотите ли взглянуть на образец?

Хейворд поднялась.

– Да, разумеется.

– Это чрезвычайно тонкая шерстинка, принадлежащая животному. Ничего подобного я еще не встречал. Мы решили, что это исключительно редкий вид кашемира, смешанный с небольшим процентом мериноса. Страшно дорогой. Оба волокна сначала окрасили, а потом соединили. Взгляните сами.

Квинс отошел и жестом указал ей на стереоскопический микроскоп, стоявший рядом с лабораторным столом.

Хейворд приблизилась и посмотрела в окуляры. Полдюжины тонких черных нитей лежали на фоне светлых нитей, гладких, блестящих и очень ровных.

Страшно дорогой. Хотя она еще не слышала заключения психолога, некоторые сведения о преступнике уже узнала. Он – или, возможно, она – был образован, очень умен и обладал большими финансовыми возможностями.

– Краску тоже трудно распознать. Приготовлена она из натуральных растительных пигментов, без использования синтетики, но пока нам не удалось выявить красящее вещество. Ни в одной компьютерной базе его не обнаружили. Самое близкое, к чему мы пришли, – это редкая ягода, растущая на горных склонах Тибета. Ее используют местные племена и шерпы.

Хейворд отошла от микроскопа. В сознании забрезжило что-то знакомое. На интуицию она пожаловаться не могла, и, когда в мозгу появлялось подобное ощущение, обычно ей удавалось соединить разрозненные кусочки картины. Но в данный момент мозаика не желала складываться. Возможно, она устала больше, чем думала. Лучше бы ей пойти домой, поужинать и попытаться уснуть.

– Волокна очень тонкие, но тем не менее необычайно плотно сплетены, – сказал Квинс. – Вы знаете, что это может означать?

– Что одежда очень мягкая и уютная?

– Да. Но дело не в этом. Такая одежда почти не теряет волокон. Потому-то их так мало и обнаружено.

– Возможно, это свидетельствует о борьбе.

– Вот и я подумал то же самое, – нахмурился Квинс. – Когда эксперт имеет дело с необычной тканью, это только на пользу – помогает выявить преступника. Но в данном случае ткань столь необычна, что получается обратный эффект. Ни в одной из баз данных по текстилю не обнаружено ничего подобного. И еще одна странная деталь – возраст волокон.

– Какой же?

– Наши испытания показали, что шерсть сплетена не менее двадцати лет назад. Однако это не значит, что сама одежда такая же старая. Волокна не изношены, не повреждены, как это бывает в процессе носки и после химчистки. Кажется, что одежда только-только из магазина.

Квинс наконец замолчал. Раскинул руки ладонями вверх, словно сдаваясь.

– И?.. – спросила Хейворд.

– Это все. Как я сказал, наши поиски ни к чему не привели. Мы опросили всех производителей текстиля и одежды – иностранных и отечественных. То же самое и с веревкой. Впечатление, что все это изготовлено на Луне. Вот и все, что мы можем сказать.

– «Вот и все, что мы можем сказать?» Простите, но такой ответ нас удовлетворить не может.

Усталость и нетерпение придали резкости ее голосу.

– У нас это – единственные вещественные доказательства, доктор Квинс. Вы сказали, что волокна чрезвычайно редкие. Промышленных производителей вы опросили, а почему же не обратились к частникам?

Квинс сжался под ее натиском. Большие влажные собачьи глаза обиженно заморгали.

– Но, капитан Хейворд, как вы это себе представляете? Обращаться ко всем портным, что живут на Земле, все равно что разыскивать иголку в...

– Если волокна, как вы говорите, такие тонкие, то вам следует обратиться только к

самым дорогим портным. И только в трех городах – Нью-Йорке, Лондоне и Гонконге.

Хейворд почувствовала, что тяжело дышит и говорит слишком громко. «Успокойся», – сказала она самой себе.

В лаборатории повисла неловкая пауза. Хейворд услышала за спиной тактичное покашливание. Обернулась через плечо и увидела стоявшего на пороге капитана Синглтона.

– Глен, – сказала она.

Интересно, долго ли он здесь стоит?

– Лаура, – кивнул Синглтон. – Можно вас на минутку?

– Конечно. – Хейворд обратилась к Квинсу. – К завтрашнему дню представьте мне, пожалуйста, доклад.

Лаура вышла за Синглтоном в коридор.

– Что-то случилось? – спросила она, когда они остановились в многолюдном коридоре. – Вот-вот начнется собрание.

Синглтон помолчал, прежде чем ответить. На нем был элегантный костюм в узкую полоску. Хотя наступил уже вечер, белая рубашка выглядела так безупречно, словно он только что ее надел.

– Мне позвонил специальный агент, Карлтон, – сказал он и жестом показал ей отойти в сторонку, чтобы не мешать сновавшим взад и вперед людям. – Сделал он это просьбе Квонтико.

– В чем состоит просьба?

– Вы слышали о человеке по имени Майкл Декер?

Хейворд на мгновение задумалась и покачала головой.

– Он занимал высокую должность в ФБР, жил в фешенебельном пригороде Нью-Йорка. Вчера его убили. Воткнули в горло штык. Неприятное происшествие, сами понимаете, ФБР поставило всех на уши. Они опрашивают коллег Декера, пытаются выяснить, не было ли у него в прошлом врагов, решивших с ним расквитаться. – Синглтон пожал плечами. – Кажется, в числе коллег и ближайших друзей Декера был человек по имени Пендергаст.

Хейворд вскинула на него глаза.

– Агент Пендергаст?

– Да. Вы работали с ним над делом об убийстве Катфорта, верно?

– Я и до Катфорта расследовала с ним несколько дел.

Синглтон кивнул.

– Поскольку Пендергаст давно отсутствует и не объявляется, по всей видимости, он уже мертв. Карлтон просил меня поговорить с офицерами нью-йоркской полиции, которые с ним раньше работали. ФБР хочет знать, говорил ли он когда-нибудь с ними о Декере, упоминал ли людей, которые испытывали к нему враждебные чувства. Вот я и подумал, может, вы что-то знаете.

Хейворд задумалась.

– Нет, Пендергаст никогда не говорил со мной о Декере. – Поколебалась. – Может, следует поговорить с лейтенантом Д'Агостой? Семь лет назад он с ним работал, по меньшей мере, над тремя делами.

– Вот как?

Хейворд кивнула, надеясь, что сохранила бесстрастное выражение лица.

Синглтон покачал головой.

– Дело в том, что я не могу найти Д'Агосту. После ланча он так и не объявился, и другие его тоже не видели. По неизвестной причине мы не можем связаться с ним по рации. Может, вы случайно знаете, где он может находиться?

Синглтон произносил эти слова вроде бы равнодушно, при этом смотрел не на нее, а на проходивших мимо людей.

В этот момент Хейворд поняла, что ему известно о ней и Д'Агосте. Она страшно смутилась. «Оказывается, не такой это большой секрет, как мы думали». Интересно, скоро ли Синглтон узнает, что Д'Агоста от нее ушел?

Она облизнула пересохшие губы.

– Извините, я понятия не имею, где может быть Д'Агоста.

Он помолчал.

– Пендергаст никогда не упоминал при вас имя Декера?

– Никогда. Он всегда отличался скрытностью, ни о ком не говорил, тем более о самом себе. Извините, но я больше ничем не могу вам помочь.

– Как я и сказал, на это я почти не надеялся. Пусть уж ФБР само о себе позаботится. – Теперь он взглянул ей в глаза. – Могу я угостить вас чашечкой кофе перед собранием?

– Нет, спасибо. Мне нужно сделать два коротких звонка.

Синглтон кивнул, покачал головой и пошел прочь.

Хейворд смотрела ему вслед и размышляла. Затем медленно пошла в другом направлении, к своему кабинету. Все вдруг сразу отпало: и разговоры шедших по коридору людей, и даже острая боль в сердце.

Она кое-что вспомнила.

Глава 24

Уильям Смитбек мерил шагами роскошную комнату, помещавшуюся на третьем этаже. Пендергаст оказался прав: дом Ривер Оукс и в самом деле великолепен. Комната выдержана в викторианском стиле: затянутые бархатом стены, огромная кровать под балдахином, мебель из красного дерева. На всех четырех стенах картины в золоченых рамах: ваза с фруктами; закат над океаном; пастораль с коровами и стогами сена, причем все написаны маслом, не какие-нибудь репродукции. Ни к полу, ни к стенам ничего не привинчено, однако Смитбек заметил, что в комнате отсутствуют режущие предметы, а при входе у него нагло отобрали ремень и галстук. Намеренно не держали здесь и телефонов.

Уильям подошел к большому окну. Шел снег, к стеклу прилипали крупные хлопья. Темнело, хотя еще можно было различить заснеженные кусты и садовые деревья, и большую лужайку под толстым снежным одеялом, и обледенелые скульптуры. Сад окружала высокая каменная стена, за ней поднимался лес, видна была и дорога. Виляя, спускалась она с горы к ближайшему городку, в шести милях отсюда. Решеток на окне не было, но толстые стекла, судя по всему, разбить нелегко.

Просто так, на всякий случай, попытался открыть окно. Хотя замка не было видно, рама не шелохнулась. Смитбек нажал сильнее – ничего. Пожал плечами и отошел.

Ривер Оукс прилепился к одной из невысоких вершин Кэтскиллских гор. Это огромное здание было летней резиденцией commodora Корнелия Вандербильта, прежде чем его превратили в психиатрическую лечебницу для привилегированных пациентов. На санитарях и сестрах была черная, а не обычная белая форма, и они готовы были удовлетворять каждое желание «гостей». Твердого распорядка дня ему не установили, за исключением легких дневных обязанностей да часа терапии. Еда воистину фантастическая. В обязанности Смитбека входило дежурство на кухне, и он узнал, что шеф-повар был выпускником знаменитой французской кулинарной школы.

И все же Смитбек чувствовал себя несчастным. Те несколько часов, что он пробыл здесь, старался не нервничать. Смитбек внушал себе, что все происшедшее для его же блага, а потому надо расслабиться и насладиться роскошью. В других обстоятельствах такой стиль жизни он бы только приветствовал. Он предлагал себе смотреть на все как на драму, о которой он когда-нибудь напишет книгу. Казалось невероятным, что кто-то хочет его убить.

Очень скоро утешительный разговор с самим собой стал ему надоедать. В момент прибытия он все еще находился под впечатлением от бешеной погони и был оглушен внезапностью жизненных перемен. Сейчас у него появилось время для размышлений. Много свободного времени. Навалились вопросы и темные мысли.

Он говорил себе, что о Норе ему, во всяком случае, можно не беспокоиться. По дороге в Ривер Оукс он сам ей позвонил по телефону Пендергаста, сочинил историю о том, что

«Таймс» направила его в командировку в Атлантик-Сити рассказать о скандале в казино, а потому некоторое время с ним нельзя будет связаться. Пендергаст заверил его, что Нора будет в безопасности, а он никогда никого не подводил. Смитбек испытывал чувство вины из-за того, что пришлось ей лгать, но, в конце концов, он делал это для ее же блага, и позднее он все объяснит.

Больше всего его мучили мысли о работе. Они, конечно же, поверят в то, что он заболел: Пендергаст все устроит. Но тем временем Харриман возьмет все в свои руки. Смитбек знал, что, когда вернется после своего «выздоровления», повезет, если ему доверят дело Хулигана.

Самое страшное, что он не знает, сколько времени придется здесь оставаться.

Повернулся и снова зашагал, вне себя от беспокойства.

Послышался тихий стук в дверь.

– Ну, что такое? – раздраженно сказал Смитбек.

Пожилая медсестра высунулась из дверей. Черные волосы стянуты на затылке в суровый пучок.

– Обед подан, мистер Джонс.

– Сейчас спущусь, спасибо.

Эдвард Джонс, больной сын банкира с Уолл-стрит, нуждающийся в отдыхе, релаксации, небольшой терапии и изоляции от безумного мира. Странновато играть роль Эдварда Джонса и жить в месте, где тебя принимают за кого-то другого. Особенно те, у кого не все дома. Только знакомый Пендергаста, директор Ривер Оукс доктор Тизандер знает правду. Смитбек видел его мельком, когда Пендергаст оформлял бумаги, и пока еще с ним не беседовал.

Выйдя из комнаты и притворив за собой дверь – кажется, замков на дверях «гостей» не было, – Смитбек пошел по длинному коридору. Шаги заглушал толстый розовый ковер. Резные карнизы, безукоризненно начищенные панели из красного дерева, писанные маслом картины. Единственный звук – еле слышное завывание ветра. Огромный особняк погружен в неестественную тишину.

Смитбек вышел из коридора на площадку величественной лестницы. За углом услышал тихие голоса. Немедленно разыграл инстинкт репортера – любопытство. Он замедлил шаг.

– ...Не знаю, долго ли смогу работать в этой психушке, – прохрипел грубый мужской голос.

– Кончай ныть, – откликнулся более молодой голос. – Работа нетрудная, и платят прилично. Еда замечательная. Психи спокойные. Чего тебе еще надо?

Разговаривали два санитары. Смитбек – не в силах удержаться – остановился и продолжал слушать.

– Осточертело мне все, торчу здесь, некуда податься. На горе, зимой, лес кругом... тут и сам чокнешься.

– Что ж, тогда вернешься сюда в качестве гостя, – громко рассмеялся его собеседник.

– Да я серьезно, – сердито ответил первый. – Ты знаешь мисс Хэвишэм?

– Сумасшедшую Нелли? И что с ней?

– Она заявляет, будто видит людей, которых здесь нет.

– Всем здесь кто-нибудь мерещится.

– Да, но я и сам кое-что видел. Сегодня в полдень. Шел на пятый этаж и посмотрел с лестницы из окна. Там кто-то был, клянусь. На снегу.

– Как же, рассказывай.

– Говорю тебе, видел своими глазами. Под деревьями быстро двигалось что-то темное. Когда снова посмотрел, все пропало.

– Вот как? А сколько ты до этого принял на грудь?

– Нисколько. Все было, как я сказал. Это место...

Смитбек, подбираясь ближе к собеседникам, споткнулся.

Мужчины – санитары в черной униформе – отпрянули друг от друга и словно бы разом

надели бесстрастные маски.

– Может, вам помочь, мистер... Джонс? – спросил один из них.

– Спасибо, не надо. Я иду в столовую.

Смитбек пошел по широкой лестнице, напустив на себя достойный вид.

Обширная столовая помещалась на втором этаже. Смитбеку она напомнила мужской клуб на Парк-авеню. Стояло по меньшей мере тридцать столов, но помещение было таким большим, что туда свободно можно было поставить еще несколько десятков. Все столы накрыты крахмальными льняными скатертями. Тускло сияют серебряные приборы. Хрустальные люстры свисают с голубого, словно веджвудский фарфор, потолка. Несмотря на изысканное убранство комнаты, Смитбек полагал, что обед в пять часов дня – варварский обычай. За некоторыми столами уже сидели «гости» и спокойно трапезничали. Кто-то мирно беседовал, кто-то мрачно смотрел в пустоту. Другие, шаркая, шли к своим местам.

«О господи! Обед живых мертвецов», – подумал Смитбек и оглянулся по сторонам.

– Мистер Джонс? – окликнул его санитар, угодливый, как метрдотель, с таким же видом превосходства под маской услужливости. – Куда предпочитаете сесть?

– Пожалуй, я займу вон тот столик, – Смитбек указал на стол, за которым сидел только один молодой человек. В этот момент он намазывал маслом рулет. Одет он был безупречно – дорогой костюм, белоснежная рубашка, блестящие ботинки. Выглядел он самым нормальным из собравшихся здесь гостей. Он приветливо кивнул Смитбеку, когда журналист уселся за стол.

– Роджер Фрокмортон, – сказал он, поднимаясь. – Приятно познакомиться.

– Эдвард Джонс, – ответил Смитбек, довольный столь теплым приемом.

Он взял у официанта меню и помимо своей воли углубился в длинный перечень блюд. Остановился, наконец, не на одном, а сразу на двух основных блюдах – камбала а ля «Морней» и филе ягненка – вместе с горчичным салатом и заливными яйцами ржанки. Он отметил свой выбор на карточке, лежавшей подле приборов, и отдал официанту карточку и меню. Затем снова обратился к мистеру Фрокморту. Он был примерно одного с Смитбеком возраста. Удивительно красивый молодой человек, белокурые волосы тщательно разделены пробором, легкий запах дорогого лосьона после бритья. Что-то в нем напомнило Смитбеку о Брайсе Харримане. Возможно, ощущалось, что за ним стоят многие поколения родовитых и богатых людей.

Брайс Харриман...

Сделав усилие, Смитбек изгнал из головы его образ. Встретился глазами с человеком, сидевшим напротив.

– Итак, – сказал он, – что привело вас сюда?

Как только он задал этот вопрос, тут же раскаялся в своей бестактности.

Но молодой человек вроде бы ничуть не обиделся.

– Возможно, та же причина, что и вас. Я сумасшедший.

И засмеялся, желая показать, что шутит.

– Если серьезно, то у меня был небольшой срыв, и отец прислал меня сюда, чтобы я чуть-чуть отдохнул. Ничего серьезного.

– И сколько времени вы здесь находитесь?

– Два месяца. А вы тут как оказались?

– Та же причина. Решил отдохнуть.

Надо бы сменить тему. Интересно, о чем говорят сумасшедшие? Смитбек вспомнил, что буйных больных держат в особых палатах, в другом крыле. Гости, живущие в главной секции дома, просто «тронутые».

Фрокмортон положил рулет на тарелку и аккуратно промокнул рот салфеткой.

– Вы только сегодня приехали?

– Да.

Официант принес напитки – чай для Фрокмортона и томатный сок для Смитбека, недовольного тем, что не может, как обычно, выпить односолодового виски. Смитбек снова

обшарил глазами комнату. Все двигались, словно улитки, разговаривали тихо. Казалось, он видит замедленную съемку. «Господи, да я здесь и дня не выдержу». Он снова напомнил себе то, что сказал Пендергаст, – за ним охотится убийца, и находясь здесь, он обеспечивает не только собственную безопасность, но и безопасность Норы. И все же ему хватило несколько часов, чтобы дойти до точки кипения. Почему убийца наметил его в жертвы? Абсурд какой-то. Насколько он разумел, та пуля из «мерседеса» предназначалась Пендергасту, а не ему. К тому же Смитбек знал, как себя вести. Он бывал в сложных ситуациях, некоторые из них были по-настоящему опасны.

Сделав усилие, отогнал от себя тревожные мысли и обратился к соседу по столу:

– И что же вы... думаете об этом месте? – спросил он немного неуклюже.

– Местечко неплохое, ничего не скажешь.

В глазах его промелькнули иронические искорки, и Смитбек подумал, что, возможно, нашел единомышленника.

– Вы не устали от всего этого? Из-за того, что некуда пойти?

– Осенью здесь гораздо приятнее. Окрестности впечатляющие. Снег немного ограничивает передвижение, согласен, но как бы то ни было, куда отсюда уйдешь?

Смитбек обдумал его слова.

– А чем вы занимаетесь, Эдвард? – спросил Фрокмортон. – Чем зарабатываете на жизнь?

Смитбек вспомнил инструкцию Пендергаста.

– Мой отец – банкир с Уолл-стрит. Я работаю у него.

– Моя семья тоже с Уолл-стрит.

В голове Смитбека вспыхнула лампочка.

– Вы случайно не тот Фрокмортон?

Молодой человек улыбнулся.

– Боюсь, что да. По крайней мере, один из них. Семья у нас довольно большая.

Официант вернулся с их заказами – речной форелью для Фрокмортон и двумя блюдами – камбалой и ягненком – для Смитбека. Фрокмортон взглянул на большие порции Билла.

– Терпеть не могу людей с плохим аппетитом.

Смитбек рассмеялся. Да этот человек совершенно нормален.

– Никогда не упускаю бесплатную еду.

Взяв нож и вилку, принялся за камбалу. Теперь он чувствовал себя чуть лучше. Еда превосходна. И Роджер Фрокмортон вроде бы приятный парень. Возможно, переживет в Ривер Оукс денек-другой, раз есть с кем поговорить. Конечно, следует быть осторожным, не проговориться, кто он на самом деле.

– А чем здесь целый день занимаются? – спросил он, набив рот рыбой.

– Прошу прощения?

Смитбек проглотил пищу.

– Как вы проводите время?

Фрокмортон рассмеялся.

– Я веду дневник, пишу стихи. Пытаюсь время от времени следить за рынком. В хорошую погоду гуляю по окрестностям.

Смитбек кивнул, подцепил еще один кусок рыбы.

– А по вечерам?

– На первом этаже имеются бильярдные столы, в библиотеке играют в бридж и вист. Есть и шахматы. Я доволен, когда нахожу партнера. Но большую часть времени читаю. Недавно прочел много стихов. Вчера начал «Кентерберийские рассказы».

Смитбек одобительно кивнул.

– Моя любимая глава – «Рассказ мельника».

– А моя – «Общий пролог». В ней так много надежд на обновление, возрождение. – Фрокмортон откинулся на спинку стула и процитировал вступительные строки:

Когда апрель обильными дождями
Разрыхлил землю, взрытую ростками...

Смитбек тоже обратился мыслями к прологу. Ему удалось вспомнить несколько строк.
– А как насчет этого:

Случилось мне в ту пору завернуть
В харчевню «Табард», в Соуерке, свой путь
Свершая¹⁶...

– Или еще:

– Я сидел у канала
И удил, за спиною – безводная пустошь¹⁷.

Смитбек, принявшийся к тому моменту за ягненка, заметил перемену.
– Постойте. Это не Чосер, это...
– Погасите свечу! – Фрокмортон сел очень прямо, словно прислушиваясь.
Смитбек не донес до рта кусок. Улыбка замерла на его лице.
– Прошу прощения?
– Вы разве ничего не слышали?
Фрокмортон сидел, все так же прислушиваясь, склонив набокголову.
– А... нет.
Фрокмортон снова наклонил голову.
– Да, я сейчас же об этом позабочусь.
– О чем позаботитесь?
Фрокмортон обратил на него раздраженной взгляд.
– Я говорю не с вами.
– О, извините.
Фрокмортон поднялся из-за стола, промокнул рот, аккуратно сложил салфетку.
– Надеюсь, вы простите меня, Эдвард, но у меня срочное дело.
– Хорошо, – сказал Смитбек, осознав, что улыбка намертво приклеилась к лицу.
– Да. – Фрокмортон перегнулся через стол и заговорщицки прошептал: – А это ужасная ответственность, скажу я вам. Но когда Он зовет, кто мы такие, чтобы отказать Ему?
– Он?
– Господь Бог. – Фрокмортон выпрямился, пожал Смитбеку руку. – Мне было очень приятно. Надеюсь на скорую встречу.
И пружинистой походкой вышел из комнаты.

Глава 25

Д'Агоста медленно и смущенно шел по помещениям убойного отдела. Будучи лейтенантом нью-йоркской полиции, он имел, так сказать, карт-бланш на посещение управления в любое время. Сейчас же чувствовал себя разведчиком, засланным на вражескую территорию.

«Я должен знать больше», – сказал ему Пендергаст. Даже крошечная, вроде бы

¹⁶ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. Перевод И. Кашкина.

¹⁷ Элиот Т. С. Бесплодная земля. Перевод С. Степанова.

незначительная подробность может иметь решающее значение. Д'Агоста отлично понимал, что тот имел в виду: ему был нужен файл Чарльза Дучэмпа. И он ждал, что Д'Агоста его добудет.

Однако сделать это оказалось не так легко, как поначалу предполагал Д'Агоста. На работу он вернулся два дня назад, и ему пришлось уделять много времени делу Хулигана. Придурок с каждым разом все больше нагнел: за два дня, пока Д'Агоста отсутствовал, он обчистил еще три банкомата. В связи с убийством Дучэмпа стало не хватать полицейских для выставления наблюдательных постов. Д'Агоста координировал действия постов, беседовал с менеджерами пострадавших банков. Все это съедало много времени. Получалось, что работе он уделял больше внимания, чем рассчитывал, а ему еще следовало опросить потенциальных очевидцев. Однако Д'Агоста не забыл, как требовательно звучал голос Пендергаста. «Мы должны не допустить нового убийства, Винсент».

И хотя он потратил драгоценные часы на просмотр отчетов по убийству Дучэмпа, в базе данных не обнаружил того, чего до сих пор не знал или чего сам Пендергаст не нашел с помощью ноутбука. Ничего не оставалось, как добраться до файла.

В левой руке он держал небольшую пачку бумаг – вчерашние интервью с возможными очевидцами проделок Хулигана. Они нужны были в качестве камуфляжа: не с пустыми же руками ходить по коридорам! Д'Агоста взглянул на часы. Без десяти шесть. В огромной комнате стоял шум – офицеры, собравшись в небольшие группы, о чем-то беседовали, кто-то говорил по телефону, кто-то набирал текст на компьютере. Полиция всегда работала двадцать четыре часа в сутки, без выходных. На любом участке, в любое время дня и ночи всегда кто-то сидел за столом, занимаясь нескончаемой бумажной работой. Большая часть времени копа уходила на писанину. Убойный отдел по этому показателю неизменно удерживал первое место.

Д'Агоста ничего не имел против этой активности. Он даже приветствовал ее: в таком муравейнике на тебя не обратят внимания. Главное, что Лауры Хейворд он сейчас здесь не встретит. Сегодня четверг, и комиссар Рокер проводит собрание. Лаура непременно будет там в связи с делом Дучэмпа.

Д'Агоста немного виновато посмотрел в дальний конец коридора. Там был ее кабинет. В открытую настежь дверь увидел заваленный бумагами стол. В поясницу словно ударило током. Несколько месяцев назад стол Лауры использован был совсем не для писанины. Он вздохнул. Но, конечно же, тогда ее кабинет был этажом выше. И с тех пор чего только не случилось, по большей части невеселого.

Д'Агоста оглянулся по сторонам. Справа от него – несколько пустых столов. К фасадам прикреплены таблички с именами владельцев. Выстроились в ряд компьютеры. Впереди, по левой стене, по меньшей мере дюжина шкафов с файлами – от пола до потолка. Здесь хранились дела о расследуемых на данный момент убийствах.

Хорошо, что дело Дучэмпа пока не закончено. Все закрытые дела уходили в архив, и для того, чтобы с ними ознакомиться, требовалось пройти бюрократическую процедуру. Была в этом и плохая сторона: поскольку дело не закончено, ему придется изучать его на виду у всех.

Снова оглянулся – ну прямо как на блюде. «Будешь мямлить да озираться, тут тебя и засекут, приятель», – сказал он себе. С выражением деловой озабоченности на лице Д'Агоста приблизился к шкафам с файлами. В отличие от других отделов, сортировавших дела в порядке возрастания номеров, убойный отдел расставлял файлы по фамилиям жертв. Д'Агоста пригляделся к табличкам: ДА – ДЕ. ДЕ – ДО. ДО – ЕВ.

Ну, вот. Остановился возле нужного шкафа, выдвинул ящик. Увидел на вешалках десятки зеленых папок. Господи, неужели они расследуют столько убийств?

Теперь надо действовать поживее. Отвернувшись от столов, Д'Агоста принялся просматривать папки слева направо, проводя указательным пальцем по табличкам с именами. Донателли, Донато, Донацци... уж не мафиозная ли у них сейчас неделя? Доусон, Дублиавитц.

Дуггинс.

Черт!

Палец Д'Агосты замер на папке с делом Рэндалла Дуггинса.

Единственное, чего он не предусмотрел, так это вероятности, что файла с делом Дучэмпа в шкафу не окажется.

Может, оно у Лауры? Может, она оставила его на столе, когда пошла на собрание Рокера? А что, если оно сейчас у одного из следователей?

Как бы там ни было, он оплошал. Придется прийти в другой раз, в другую смену, чтобы не вызвать подозрений у той же группы. Но когда же явиться так, чтобы Лауры не было? Она ведь трудоголик, торчит здесь до потери пульса. Особенно сейчас, когда у нее нет причин спешить домой.

У Д'Агосты опустились плечи. Он вздохнул и хотел было закрыть шкаф.

В этот момент взгляд его упал на папку, висевшую за файлом Рэндалла Дуггинса. На табличке было написано: «Чарльз Дучэмп».

Должно быть, в спешке кто-то повесил ее не на место.

Д'Агоста взял дело и начал листать. Оно оказалось намного тяжелее, чем он предполагал. Лаура жаловалась на недостаток вещественных доказательств, но сюда были вшиты десятки толстых документов: лабораторные исследования отпечатков пальцев; сравнительные анализы; доклады о ходе расследования; опросы свидетелей; заключение токсиколога. Да уж, Хейворд в своем репертуаре, ничего не упустит.

Он надеялся быстро все просмотреть и вернуть файл на место, а затем разыскать Пендергаста и дать ему устный отчет. Оказалось, что материала слишком много. Выбора нет: придется скопировать, и побыстрее.

Все с тем же непринужденным видом Д'Агоста закрыл дверцу шкафа и осмотрелся. В середине комнаты стояло большое фотокопировальное устройство, однако его окружали столы. Тем более, к нему только что подошел офицер. Унести дело и скопировать его в другом месте слишком рискованно. Впрочем, в больших подразделениях, таких как отдел по раскрытию убийств, имелось обычно несколько копиров. Наверняка поблизости есть еще один. Только где, черт побери, его найти?

Там. Он увидел его у дальней стены, рядом с кабинетом Хейворд, между доской объявлений и бачком с охлажденный питьевой водой.

Д'Агоста быстро подошел к нему. Аппарат был в рабочем состоянии, и пароль для включения не понадобился. Пока что ему везет, но нужно поторопиться: скоро шесть, а собрание у Рокера долго не продлится.

Он положил папку на край аппарата, прикрыл сверху документами с делом Хулигана. Надо начать с самых важных документов – вдруг помешают. Д'Агоста вынул отчет офицера и начал копировать.

Минуты ползли, как черепахи. Возможно, потому что у Д'Агосты была толстая пачка бумаг, а может, потому что аппарат стоял далеко от столов, никто к нему не подошел и не занял очередь на копирование. Д'Агоста методично пропустил через машину лабораторные анализы, отчеты токсиколога, специалиста по отпечаткам пальцев, опросы свидетелей. Работал быстро, как только мог, и каждый раз подкладывал скопированные документы под дело Хулигана.

И снова глянул на часы. Уже 6:15, почти 6:20. Надо выметаться, а то Лаура нагрянет в любую минуту...

В этот момент в другом конце комнаты появился лейтенант, один из доверенных помощников Хейворд. Что ж, вот и сигнал: надо уходить. Закончив последний отчет о беседе со свидетелем, Д'Агоста сложил ксерокопии в аккуратную пачку, а папку с делом вернул в шкаф. Скопировал не все, однако самые важные документы теперь у него есть. Вместе с данными, собранными Пендергастом в Новом Орлеане, это будет весьма неплохо. Закрыв шкаф, он пошел к выходу, по-прежнему разыгрывая роль завсегдатая.

Ему казалось, что он идет бесконечно долго. В любой момент в дверях могла появиться

Лаура. Наконец Д'Агоста вышел в сравнительно безопасный центральный коридор. Только бы до лифта добраться.

В коридоре было почти пусто, и возле лифта никто не ждал. Д'Агоста нажал на кнопку. Через мгновение звякнуло, и идущий на спуск лифт распахнул перед ним двери. Д'Агоста шагнул в проем.

В кабине был только один человек – Глен Синглтон.

Д'Агоста остолбенел от удивления. Похоже на кошмарный сон: такие вещи в обычной жизни не случаются.

Синглтон смотрел на него с ледяным спокойствием.

– Вы задерживаете лифт, Винсент, – сказал он.

Д'Агоста быстро вошел в кабину. Синглтон нажал на кнопку, и двери закрылись с тихим шорохом.

Синглтон дождался, пока лифт не начнет движение, и лишь потом заговорил:

– Я только что с собрания у комиссара Рокера, – сказал он.

Д'Агоста молча проклял себя. Как же он сразу не подумал, что Синглтон наверняка будет там!

Синглтон снова взглянул на Д'Агосту. Он ничего не говорил, да в этом и не было нужды. «Что вы-то здесь делаете?» – прочел Д'Агоста в его глазах.

Д'Агоста быстро думал. Последние два дня он старался не попадаться на глаза Синглтону, чтобы не услышать этот вопрос. Что бы он ему ни сказал, ответ прозвучал бы неправдоподобно.

– Мне сказали, что следователь из убойного отдела был случайным свидетелем последней проделки Хулигана, – вымолвил он. – Вот я и подумал, что надо зайти и проверить.

И он потряс пачкой бумаг из дела Хулигана в качестве подтверждения собственных слов.

Синглтон медленно кивнул. Словам, сказанным Д'Агостой, можно было бы поверить, если бы не этот аморфный тон. Хорошо бы его пропустить через детектор лжи.

– Как зовут следователя? – мягко осведомился Синглтон.

Д'Агоста постарался не выдать удивления и сомнений. Перед его мысленным взором прошли ряды пустых столов, мимо которых он проходил, и он припомнил имена на табличках.

– Детектив Конте, – сказал он. – Майкл Конте.

Синглтон снова кивнул.

– Его не оказалось на месте, – сказал Д'Агоста. – Придется прийти еще раз.

Наступила пауза.

– Вы не слышали об агенте по имени Декер? – спросил Синглтон.

И снова Д'Агоста постарался скрыть удивления.

– Декер? Кажется, нет. А в чем дело?

– Его убили вчера в собственном доме. Кажется, он был в дружеских отношениях с агентом Пендергастом. Насколько мне известно, вы работали с ним до его исчезновения. Пендергаст не упоминал при вас о Декере, о его возможных врагах?

Д'Агоста притворно задумался.

– Нет, кажется, не упоминал.

Еще одна короткая пауза.

– Я рад, что вы снова на работе, – продолжил Синглтон. – Дело в том, что за последние два дня я получил несколько жалоб по поводу нерешенных вопросов. Задания сделаны либо наполовину, либо не сделаны вообще.

– Сэр, – вздохнул Д'Агоста.

То, что сказал Синглтон, было правдой, однако Д'Агоста попытался принять вид несправедливо обиженного человека.

– Я делаю все, что могу. Навалилось разом много работы.

– Я слышал также, что, вместо того чтобы полностью отдаться делу Хулигана, вы задаете слишком много вопросов по поводу убийства Дучэмпа.

– Дучэмп? – переспросил Д'Агоста. – Это необычное преступление, капитан. Мне кажется, что я проявляю к нему интерес, как любой другой человек.

Синглтон снова кивнул и сделался еще задумчивее. Он обладал уникальной чертой: по выражению его лица можно было прочесть, что он в этот момент думает.

– К этому делу вы проявляете больший интерес, чем любой другой человек.

Однако капитан тут же сменил тему.

– У вас что-то не в порядке с рацией, лейтенант?

Черт! Д'Агоста специально отключил ее в этот день, надеясь избежать вот такого допроса. Ему следовало знать, что такой поступок вызовет еще больше подозрений.

– Сегодня она и вправду барахлит.

Он похлопал себя по карману куртки.

– Лучше проверьте или закажите новую.

– Да, обязательно.

– С вами все в порядке, лейтенант?

Вопрос был задан так быстро, вдогонку за следующей фразой, что Д'Агоста растерялся и переспросил:

– Сэр?

– Я имею в виду вашу мать. Как ее дела?

– О да. Прогноз оказался лучше, чем можно было ожидать. Благодарю за сочувствие.

– И на работе все нормально?

– Абсолютно, капитан.

Лифт замедлил движение, но Синглтон по-прежнему не спускал глаз с Д'Агосты.

– Ну и хорошо, – сказал он. – Приятно слышать. Потому что, сказать по правде, Винсент, я предпочел бы, чтобы мой сотрудник вовсе не был на работе, чем был бы здесь только наполовину. Вы понимаете, что я имею в виду?

Д'Агоста кивнул.

– Да, понимаю.

Двери лифта открылись. Синглтон улыбнулся и протянул руку.

– После вас, лейтенант.

Глава 26

У кабинета Марго помедлила, глубоко вдохнула и постучала. Дверь открыл сам Мензис. Несколько лет назад он отказался от услуг секретаря, сказав, что они его отвлекают. Мензис улыбнулся, шагнул в сторону и жестом пригласил войти.

Этот кабинет она хорошо знала. Когда студенткой проходила практику, его занимал предшественник Мензиса, руководитель ее дипломной работы доктор Фрок. В то время комната была забита викторианской мебелью, окаменелостями и прочими древними редкостями. С приходом Мензиса комната стала выглядеть просторней и приятней. Пыльные окаменелости уступили место гравюрам, удобные кожаные кресла вытеснили тяжелую старинную мебель. В углу кабинета обосновался новый плазменный телевизор. Марго оглянулась: лучи заходящего солнца пробивались в выходящее на запад окно, рисуя позади стола красный параллелограмм.

Мензис подвел Марго к креслу, а сам уселся за стол. Сложил руки и подался вперед.

– Благодарю за то, что так быстро пришли, Марго.

– Не за что.

– Работаете, я смотрю, допоздна?

– Сегодня необходимо закончить выпуск журнала.

– Конечно. – Мензис расцепил руки и, прислонившись к спинке стула, вступил в солнечный квадрат, неухоженные седые волосы вспыхнули золотом. – Как вы, вероятно,

догадались, я пригласил вас, потому что получил ответ от попечителей относительно масок тано.

Марго подвинулась в кресле, стараясь выглядеть спокойной и уверенной.

Мензис тяжело вздохнул.

– Я не стану ходить вокруг да около. Мы проиграли. Правление проголосовало за то, чтобы маски остались у нас.

Марго напряглась.

– Вы не представляете, как тяжело мне это услышать.

– Мне тоже. Господь знает: я сделал все, что в моих силах. Коллопи нам сочувствовал, но попечители встали стеной. Большинство из них – юристы и банкиры, и в антропологии они понимают столько же, сколько я – в судопроизводстве или в валютных курсах. К сожалению, в мире сложилась такая обстановка, что именно они диктуют нам, что делать. Скажу откровенно: такому решению я ничуть не удивился.

Марго заметила, что обычно спокойный куратор сильно раздражен. Сама она надеялась, что попечители, несмотря ни на что, примут правильное решение. Ей казалось это столь очевидным. Впрочем, если даже сотрудники музея не разделяли ее точку зрения, разве можно ждать понимания от юристов с Уолл-стрит?

Мензис подался вперед и внимательно посмотрел на нее.

– Это ставит вас в еще более трудное положение.

– Да, понимаю.

– На вас будет оказано давление, с тем чтобы вы не печатали статью. Вам скажут, что решение принято, так зачем дразнить гусей?

– Я опубликую ее в любом случае.

– Я так и думал, что вы это скажете, Марго. Хочу, чтобы вы знали: я с вами на сто процентов. Но вы должны быть реалистом и знать, что вам это так не пройдет.

– Я готова. «Музееведение» более ста лет говорило то, что думало, и я не собираюсь пойти на уступки с первого же своего выпуска.

Мензис улыбнулся.

– Я восхищаюсь силой вашего духа. Но есть и другие сложности, которые нам с вами придется разделить.

– И в чем они заключаются?

– Индейцы тано собираются пройти по стране маршем протеста. К музею придут накануне открытия выставки. Сделают они это не для того, чтобы привлечь внимание общественности к их требованию, а для того чтобы «вернуть заблудшие души масок» или что-то в этом роде. Они устроят религиозную церемонию и танцы возле музея на всю ночь. Попечители сегодня получили предупреждение.

Марго нахмурилась.

– Пресса устроит шум.

– Разумеется.

– Администрации придется несладко.

– Без сомнения.

– Они сорвут церемонию открытия.

– Другого исхода и быть не может.

– Господи, какой кошмар.

– Разделяю ваши чувства.

Наступила долгая пауза. Наконец Мензис заговорил.

– Делайте то, что считаете нужным. Академическая свобода – главное завоевание нашего времени. Могу я дать вам совет?

– Будьте добры.

– Не говорите прессе ни слова. Когда они станут наседать, вежливо отошлите их к статье, которую вы написали, и скажите, что в ней – все, что вы можете сообщить по этому вопросу. Из-за статьи музей не сможет вас уволить, но не сомневайтесь, что будут искать

другой повод. Затаитесь, закройте рот на замок и не поддавайтесь.

Марго поднялась.

– Доктор Мензис, я благодарна вам больше, чем могу выразить словами.

Мензис пригладил непослушную шевелюру и тоже поднялся. Протянул Марго руку.

– Вы храбрая женщина, – сказал он и восхищенно улыбнулся.

Глава 27

В стеклянную дверь офиса легонько постучали. Лаура Хейворд с удивлением оторвалась от экрана монитора. На долю секунды подумала, что, возможно, Д'Агоста пришел забрать ее домой. Оказалось, это уборщица, вооруженная шваброй и ведром. Женщина улыбнулась и кивнула головой.

– Можно, я уберу? – спросила она.

– Ну, конечно.

Хейворд откатилась от стола, чтобы уборщица взяла мусорную корзину. Глянула на часы: почти половина третьего ночи. Пора бы и в постель, но, вспомнив, сколько работы еще нужно, переделать, успокоилась: что угодно, лишь бы не возвращаться в пустую квартиру.

Дождавшись, когда женщина уйдет, подкатилась на кресле к компьютеру, еще раз просмотрела федеральную базу данных. Проверки, впрочем, и не требовалось: у нее сейчас было все, что нужно.

Снова вернулась к столу, как всегда заваленному бумагами: здесь были компьютерные распечатки, скоросшиватели, фотографии, CD-ROM'ы, факсы, картотечные карточки – результаты исследования последних нераскрытых преступлений, отвечающих определенным критериям. Эти бумаги были свалены в кучу. На другом углу стола лежала небольшая и аккуратная стопка, сложенная из трех папок. На каждой папке имелась табличка с фамилией: Дучэмп, Декер, Гамильтон. Все эти люди – знакомые Пендергаста. И все они мертвы.

Дучэмп и Декер: первый – друг Пендергаста, второй – коллега. Является ли совпадением то, что их убили с разницей в один день?

Пендергаст пропал в Италии при странных и невероятных обстоятельствах. Так ей рассказал Д'Агоста. Свидетелей не было, тела не нашли, доказательств гибели – тоже. Спустя семь недель погibli трое его знакомцев, один за другим. Она взглянула на стопку. Насколько она понимала, жертв может быть гораздо больше, если исходить из того, что преступник убивает людей, близких Пендергасту. Трое убитых – уже повод для беспокойства.

Что же, черт побери, происходит?

Она беспокойно постукивала по маленькой стопке. Затем вытащила папку с табличкой «Гамильтон». Открыла, взяла телефон и набрала междугородный номер.

Прозвучало семь, восемь, девять гудков. Наконец кто-то взял трубку. Молчание длилось слишком долго. Хейворд подумала даже, что звонок сорвался. Затем послышалось тяжелое дыхание, и невнятный заспанный голос сказал:

– Лучше бы ты помер.

– Лейтенант Кэссон? С вами говорит капитан Хейворд из нью-йоркской полиции.

– Мне плевать, даже если вы капитан Кенгуру. Вы знаете, который сейчас час в Новом Орлеане?

– На час позже, чем в Нью-Йорке, сэр. Извините за поздний звонок, но это очень важно. Мне нужно задать несколько вопросов об одном из ваших дел.

– Да гори оно огнем. Неужели нельзя дождаться утра?

– Меня интересует убийство Гамильтона. Торранс Гамильтон, профессор.

Послышался долгий, мучительный вздох.

– Ну, и что именно?

– У вас есть подозреваемые?

– Нет.

- А какие-нибудь зацепки?
- Нет.
- Вещественные доказательства?
- Очень мало.
- Что именно?
- Яд, которым его убили.

Хейворд выпрямилась.

- Рассказывайте.

– Яд сильный – нейротоксин, похожий на тот, что выпускают некоторые пауки. В нашем случае эта штука синтетическая, сильно концентрированная. Кто-то потрудился. Наши химики пришли в изумление.

Хейворд прижала трубку подбородком и принялась набирать текст.

- А каково его действие?

– Вызывает кровоизлияние в мозг, энцефалитный шок, внезапную деменцию, психоз, сильные судороги и смерть. Вы не поверите, но после этого случая я преуспел в медицине. Произошло все на глазах у его студентов в университете штата Луизиана.

- Зрелище, должно быть, впечатляющее.

- Шутки тут неуместны.

- Как вам удалось распознать яд?

– Нам и усилий не пришлось прикладывать. Убийца заботливо оставил нам образчик. На столе Гамильтона.

Хейворд перестала печатать.

- Что?

– Похоже, он явился в кабинет Гамильтона среди бела дня и оставил яд на столе. В это время старик читал последнюю в своей жизни лекцию. За полчаса до этого он отравил кофе Гамильтона, а стало быть, некоторое время отравитель находился в помещении университета. Преступник оставил яд на видном месте, словно визитную карточку. Возможно, решил подразнить полицию.

- Кого-нибудь подозреваете?

– Нет. Никто не заметил, чтобы в то утро кто-то входил и выходил из кабинета Гамильтона.

- Эта информация стала достоянием гласности? Я имею в виду яд.

- То, что его отравили, известно. А о самом яде не распространялись.

- Может, еще что-то нашли? Отпечатки пальцев и прочее?

– Вы же знаете, как это бывает. Является команда, снимает для анализа кучу следов, которые вряд ли имеют отношение к делу. Было, правда, одно исключение – недавно выпавший человеческий волос, вместе с луковицей. Его взяли для анализа. С ДНК Гамильтона, его секретаря и других завсегдатаев кабинета он не совпал. Цвет волоса необычный. Как сказала секретарша, у людей, посещавших в последнее время Гамильтона, такого цвета волос она не видела.

- И что же это за цвет?

- Светлый блондин. Очень светлый.

У Хейворд сильно стукнуло сердце.

- Алло? Вы меня слушаете?

– Да, – сказала Хейворд. – Не можете ли вы послать мне факсом список вещдоков и данные ДНК?

- Без проблем.

- Я позвоню в вашу контору утром, оставлю номер своего факса.

- Хорошо.

– Еще один вопрос. Насколько я поняла, вы расследуете прошлое Гамильтона, его знакомых и прочее.

- Разумеется.

– Встречалось ли вам имя Пендергаст?
– Не могу сказать. Это что же, зацепка?
– Как хотите, так и рассматривайте.
– Ну, ладно. Только прошу вас, в следующий раз звоните днем. В это время я гораздо любезнее.

– Вы и сейчас были весьма любезны, лейтенант.

– Я ведь южанин. Думаю, это наследственное.

Хейворд положила трубку на рычаг. Минут десять сидела неподвижно. Затем медленно, но решительно отложила папку Гамильтона и взяла ту, на которой стояло имя Декер, снова взялась за телефон и принялась набирать номер.

Глава 28

Высокая, сухопарая, сморщенная медсестра – в черной униформе, белых чулках и туфлях, этакий персонаж семейки Адамс – высунула голову из-за двери красного дерева.

– Директор сейчас примет вас, мистер Джонс.

В этот момент Смитбек изнывал от скуки в длинном коридоре Ривер Оукс. Услышав обращенные к нему слова, подскочил так быстро, что лежавшая на спинке кресла салфетка свалилась на пол.

– Спасибо, – сказал он и поспешно положил салфетку на место.

– Сюда, пожалуйста.

Смитбек вошел в дверь, и медсестра повела его вниз, еще по одному тускло освещенному, богато украшенному и, казалось, бесконечному коридору.

С директором оказалось на редкость трудно встретиться. «Гости» постоянно просили аудиенции у доктора Тизандера. Получив разрешение, обычно сообщали ему, что стены шепчутся с ними по-французски, иногда требовали, чтобы он перестал подавать им в мозг команды. Тот факт, что Смитбек не хотел говорить, по какому вопросу намеревается беседовать с директором, еще больше затруднял их встречу. Но Смитбек все же настоял. Последней каплей стал вчерашний обед с Фрокмортоном и прогулка по особняку, во время которой он вдоволь насмотрелся на восковые фигуры с пустыми глазницами и мрачные окаменелости, переполнявшие библиотеку и многочисленные гостиные. Обеспокоенность Пендергаста относительно его безопасности была весьма трогательной, однако Смитбек не представлял себе, как сможет пробыть в этом жутком мавзолее хотя бы еще один день.

Он уже все продумал: поедет в Джерси-Сити, снимет номер в гостинице, постарается, пока все не утрясется, держаться подальше от Норы. Сам-то он о себе позаботится. Сейчас он все объяснит директору. Они не могут держать его здесь против воли.

Смитбек шагал по бесконечному коридору за крошечной фигуркой медсестры, проходил ряды закрытых дверей с номерами, обрамленными золотыми листьями. С какого-то момента за ним следовали два дюжих санитаря. Коридор наконец-то закончился, и Смитбек увидел необычайно большую дверь с единственной надписью – «Директор». Медсестра постучала и отступила в сторону, жестом призывая Смитбека войти.

Смитбек поблагодарил. За дверью обнаружилось несколько элегантных комнат. На стенах, облицованных темным деревом, горящие бра, в камине резного мрамора – пылающий огонь, из эркера главной комнаты – вид на зимний пейзаж. Не было ни книжных полок, ни других признаков, указывавших на то, что это – кабинет директора больницы, хотя в открытую дверь одной из комнат Смитбек увидел нечто вроде медицинской лаборатории.

Посредине главной комнаты стоял накрытый стеклом стол на тяжелых ножках в виде орлиных лап. За ним сидел доктор Тизандер и что-то писал. На мгновение он поднял глаза и одарил Смитбека теплой улыбкой.

– Приятно видеть вас, Эдвард. Садитесь, пожалуйста.

Смитбек уселся. Последовала минута, во время которой в комнате слышалось лишь потрескивание огня да скрип пера. Затем Тизандер вставил ручку в письменный прибор,

промокнул бумагу и, откинувшись на спинку тяжелого кожаного кресла и доверительно улыбаясь, приготовился внимательно выслушать Смитбека.

– Ну вот, я закончил. Расскажите мне, что вас волнует, Эдвард. Возможно, есть жалобы на бытовые условия в Ривер Оукс? – Голос у него был тихий и медоточивый, лицо доброе. Над огромным лбом, презрев законы гравитации, поднимались седые волосы. Он напоминал Эйнштейна с известного портрета.

Смитбек заметил, что позади него, у стены, стоят сопровождавшие его санитары.

– Может, хотите чего-нибудь выпить? Сельтерской? Минеральной?

– Спасибо, нет. – Смитбек указал жестом на санитаров. – Они что же, так и будут здесь стоять?

Тизандер тепло ему улыбнулся.

– Увы, это одно из наших правил. То, что я директор Ривер Оукс, не означает, что я выше законов.

– Ну, если вы уверены, что они будут соблюдать конфиденциальность...

– Я им абсолютно доверяю.

Тизандер ободряюще кивнул, жестом призывая Смитбека продолжить разговор.

Смитбек подался вперед.

– Вы знаете обо мне все, о том, почему я здесь.

– Естественно.

Мудрое директорское лицо осветила теплая улыбка.

– Я согласился приехать сюда в целях собственной безопасности. Но должен сказать вам, доктор Тизандер, что свои намерения я изменил. Не знаю, много ли известно вам об убийце, который меня преследует, однако считаю, что смогу позаботиться о себе сам. Не испытываю нужды в дальнейшем пребывании в вашем доме.

– Понимаю.

– Мне нужно вернуться обратно на работу в Нью-Йорк, в «Таймс».

– Прямо сейчас?

Смитбек вдохновился проявленным к нему сочувствием.

– Я готовил очень важную статью. Если немедленно не вернусь, ее отдадут другому репортеру. Этого я допустить не могу. Под угрозой моя карьера. Все поставлено на карту.

– Расскажите о вашей статье.

– Она об убийстве Дучэмпа. Вы слышали о нем?

– Нет.

– Убийца повесил художника по имени Дучэмп на окне многоэтажного дома, после чего обрезал веревку, и тот свалился на стеклянную крышу ресторана. Это одна из сенсаций, которые случаются не каждый день.

– Почему вы так говорите?

– Жуткий способ убийства, известность жертвы, тот факт, что убийцу никто не заметил. Это сенсация. Я не могу ее упустить.

– Может, расскажете подробности?

– Подробности не важны. Мне нужно выбраться отсюда.

– Подробности всегда важны.

Смитбек почувствовал, что его оптимизм начинает испаряться.

– Дело не только в работе. Дело в жене. Норе. Она думает, что я сейчас в Атлантик-Сити, в командировке, но я уверен, что она беспокоится обо мне. Если я выйду отсюда, то позвоню и дам ей знать, что со мной все в порядке. Мы женаты всего несколько месяцев. Вы должны понять.

– Да, конечно, я понимаю.

Директор слушал его с исключительным вниманием и сочувствием.

Смитбек снова приободрился и продолжил:

– Я не беспокоюсь насчет убийцы, который, как говорят, гонится за мной. Я о себе сам позабочусь. Нет никакой нужды прятаться здесь и притворяться сумасшедшим.

Доктор Тизандер снова кивнул.

– Вот так обстоят дела. Несмотря на то, что поместили меня сюда с лучшими намерениями, факт остается фактом: я не могу находиться здесь ни одной минуты. – Он поднялся. – Ну а теперь, будьте так добры, вызовите мне такси. Я уверен, что агент Пендергаст возместит вам расходы. И я буду счастлив послать вам чек, как только вернусь в Нью-Йорк. По дороге к вам он забрал мой кошелек и кредитные карточки.

Смитбек продолжал стоять.

В комнате наступила минутная пауза. Затем директор медленно подался вперед, положил на стол руки и переплел пальцы.

– Послушайте, Эдвард, – начал он спокойным и добрым голосом, – как вы знаете...

– И, пожалуйста, – в раздражении прервал его Смитбек, – не называйте меня Эдвардом. Меня зовут Смитбек. Уильям Смитбек, младший.

– Будьте добры, позвольте мне договорить. – Еще одна пауза, еще одна доброжелательная улыбка. – Боюсь, я не могу исполнить вашу просьбу.

– Это не просьба, а требование. Я заявляю, что покидаю вашу лечебницу. Вы не можете держать меня против моей воли.

Тизандер деликатно откашлялся.

– Вас вверили нашим заботам. И ваша семья подписала контракт. Вас направили сюда для обследования и лечения. Мы хотим вам помочь, а для этого требуется время.

Смитбек не верил своим ушам.

– Простите, доктор Тизандер, но не считаете ли вы, что пора нам покончить с этой крышей?

– Какую крышу вы имеете в виду, Эдвард?

– Я не Эдвард! О Господи, я знаю, что вам все сказали, так что нечего притворяться. Мне нужно вернуться на работу, к жене, к моей жизни. Повторяю: не боюсь я никакого киллера. Я ухожу отсюда. И немедленно.

Доктор Тизандер по-прежнему улыбался – спокойной и благожелательной улыбкой.

– Вы находитесь у нас, Эдвард, потому что вы больны. И все эти разговоры о работе в «Нью-Йорк таймс», и о «крыше», и о том, что вас преследует убийца... мы вам поможем от этого избавиться.

– Что? – вспыхнул Смитбек.

– Как я сказал, мы многое о вас знаем. Мы располагаем вашим досье толщиной в два фута. Мы хотим вам помочь, а для этого вам требуется узнать правду, забыть о фантазиях, выйти из мира грез, в котором вы пребываете. Вы никогда не работали в «Таймс», и вообще нигде не работали. Вы не женаты. И киллер за вами не охотится.

Смитбек медленно опустился в кресло, схватившись в качестве опоры за подлокотники. По телу побежали мурашки. Ему припомнились слова Пендергаста по дороге из Нью-Йорка. Теперь они приобрели для него зловещее значение. Директор полностью информирован, у него есть все необходимые документы. Смитбек понял, что директор не подозревает об обмане. «Необходимые документы», возможно, составлены были по всем правилам. План Пендергаста защитить его открылся Смитбеку во всей полноте. Как бы ему того ни хотелось, уйти отсюда он не мог. Все, что он сейчас говорил, – протесты, отрицание, упоминание о киллере, – лишь подтвердило то, что директор узнал из досье. Он верил, что у пациента бред. Смитбек перевел дух и попытался говорить как можно более разумно и убедительно.

– Доктор Тизандер, позвольте мне объяснить. Человек, который сюда меня привез, – агент ФБР Пендергаст. Он представил вам фальшивые документы, желая защитить меня от киллера. Все эти бумаги поддельные. Это обман. Если не верите, позвоните в «Нью-Йорк таймс». Попросите прислать по факсу мою фотографию и описание. Вы убедитесь, что я – Уильям Смитбек, а Эдварда Джонса не существует.

Он замолчал, сообразив, каким сумасшествием все это кажется со стороны. Доктор Тизандер по-прежнему внимательно его слушал, улыбался, но теперь Смитбек распознал нюансы его поведения. Врач относился к нему с жалостью, смешанной, возможно, с

облегчением, – чувствами, свойственными нормальным людям, когда они видят перед собой сумасшедшего. То же выражение лица было, должно быть, и у него, когда накануне в столовой он слушал Фрокмортону, говорившего, что ему назначена встреча с Богом.

– Послушайте, – начал он снова. – Вы, конечно же, слышали обо мне, читали мои книги. Я написал три бестселлера: «Реликт», «Гробница» и «Грозовой фронт». Если они есть в вашей библиотеке, можете убедиться. Моя фотография имеется на всех трех книгах.

– Вы к тому же и автор бестселлеров? – Доктор Тизандер позволил себе улыбнуться чуть шире. – Мы не держим в библиотеке бестселлеры. Они предназначены для нетребовательных читателей, а что еще хуже – такие книги слишком возбуждают наших гостей.

Смитбек вздохнул и попытался доказать собственное здравомыслие.

– Доктор Тизандер, я понимаю, что могу показаться вам сумасшедшим. Прошу вас только разрешить мне сделать один звонок по вашему телефону – всего один – и я докажу вам обратное. Я поговорю со своей женой или с редактором «Таймс». Любой из них тут же подтвердит, что я – Билл Смитбек. Всего один звонок – вот и все, чего я прошу.

– Благодарю вас, Эдвард, – Тизандер поднялся из кресла. – Вижу, вам есть о чем поговорить с вашим терапевтом. Мне же надо работать.

– Черт побери, дайте же мне позвонить! – взорвался Смитбек и бросился к телефону.

Тизандер с удивительным проворством отскочил назад, а Смитбек почувствовал, что санитары схватили его за руки.

Он начал вырываться.

– Я не сумасшедший. Вы, кретин, неужели не видите, что я здоров, как и вы? Дайте мне позвонить!

– Вы почувствуете себя лучше, Эдвард, как только окажетесь в своей комнате, – сказал директор, усаживаясь в кресло. К нему вернулось спокойствие. – Скоро мы с вами побеседуем еще раз. Пожалуйста, не отчаивайтесь, к новому месту трудно привыкнуть. Я хочу, чтобы вы знали: мы здесь для того, чтобы вам помочь.

– Нет! – закричал Смитбек. – Это смешно! Это какой-то фарс! Вы не должны так поступать со мной!

Упировавшегося Смитбека осторожно, но твердо вывели из кабинета.

Глава 29

Пока Марго разогревала в кухне обед, Нора оглядела неожиданно большую и элегантную квартиру. У стены стояло пианино с разложенными на пюпитре нотами популярного бродвейского мюзикла. Рядом на стене висело несколько гравюр работы девятнадцатого века с изображением странных животных. У противоположной стены стоял стеллаж, половина полок которого была забита книгами, а вторая половина занята разнообразными интересными предметами: тут были римские монеты; египетский флакон для духов; маленькая коллекция птичьих яиц; наконечники стрел; индийский горшок; обломок сучковатого топляка; окаменелый краб; морские раковины; два птичьих черепа; несколько минералов и золотой самородок – кунсткамера в миниатюре. На дальней стене Нора увидела яркий навахский ковер.

Квартира кое-что рассказала ей о Марго. Нора подумала, что она более интересный человек, чем могла показаться на первый взгляд. И денег у нее гораздо больше, чем ожидала Нора. Квартира не дешевая.

Из кухни послышался голос Марго.

– Извините, что оставила вас в одиночестве. Сейчас приду.

– Может, помочь?

– Нет-нет, отдыхайте. Красное или белое?

– Буду пить то же, что и вы.

– Тогда белое. У нас будет рыба.

Нора уже почувствовала доносившийся из кухни аппетитный запах. Судя по всему, Марго припускала лосося в нежном кур-буйоне¹⁸. Минуту спустя Марго внесла на блюде большой кусок рыбы, гарнированной укропом и кружками лимона. Она поставила блюдо на стол, вернулась в кухню и принесла бутылку охлажденного вина. Наполнила бокал Норы, налила вина себе и уселась.

– Да это настоящий обед, – воскликнула Нора, потрясенная не столько блюдом, сколько тем, что Марго взяла на себя такой труд.

– Я просто подумала, что Билл в командировке, а вы с этой выставкой совсем замучились, и решила, что вам нужен небольшой перерыв.

– Перерыв нужен, но я никак не ожидала, что он будет таким приятным.

– Я люблю готовить, но мне редко представляется такая возможность. Не хватает времени встречать гостей. – Она насмешливо улыбнулась и быстрым жестом отвела от лица короткие каштановые волосы. – Ну, и как дела с выставкой?

– На этой неделе я впервые ушла с работы до полуночи.

– Ничего себе.

– Времени у нас в обрез. Не знаю, как они собираются все успеть, но те, кто раньше этим занимались, заверяют, что в конце концов все будет в порядке.

– Я знаю, как это бывает. Придется сегодня вечером зайти в музей.

– В самом деле?

Марго кивнула.

– Надо довести до ума выпуск «Музееведения».

– Господи, Марго. Вам не следовало тратить время, готовя для меня еду.

– Вы шутите? Я должна была выбраться из этой пыльной дыры хотя бы на несколько часов. Поверьте, мне этот перерыв так же приятен.

Она отрезала кусок лосося и положила Норе на тарелку, добавила несколько побегов отлично сваренной спаржи и немного дикого риса.

Нора смотрела, как она раскладывает еду, и удивлялась, что так ошибалась в оценке этого человека. Марго действительно при первых их встречах была довольно резка, но вне стен музея она предстала совершенно другим человеком, открытым и душевным. Нора была удивлена. Марго явно стремилась к примирению. Не удовлетвоваввшись извинением, она пригласила Нору на домашний обед.

– Кстати, я хочу, чтобы вы знали: статью я все же опубликую. За этим, скорее всего, ничего не последует, однако считаю долгом изложить свое мнение.

Нора почувствовала невольное восхищение. Даже при поддержке Мензиса на такой поступок нужно было решиться. Ей и самой приходилось выступать против администрации музея. Протесты даром не проходили: некоторые чиновники на редкость мстительны.

– Это мужественный поступок.

– Да какое там мужество, скорее глупость, но раз я сказала, что собираюсь это сделать, обязательно сделаю, хотя попечители на меня уже ополчились.

– А ведь это ваш первый выпуск.

– Первый и, возможно, последний.

– Я своего мнения не изменила. Хотя по сути я с вами и не согласна, но считаю, что у вас все права на опубликование статьи. Можете на меня рассчитывать. Думаю, что и в отделе все с этим согласятся, за исключением, возможно, Эштона.

Марго улыбнулась.

– Знаю. И мне приятна ваша поддержка, Нора.

Нора отхлебнула вина, взглянула на этикетку: «Верментино». К тому же очень

¹⁸ Кур-буйон (court-bouillon) – ароматический бульон, в котором во французской кухне отваривают или припускают рыбу, а также варят ракообразных. Готовят такой бульон с белым сухим вином, лимонным соком или уксусом, репчатым луком, сельдереем, морковью, пряными травами и специями – в подобной кислой среде рыба не разваривается. Рыбу погружают в кур-буйон полностью.

хорошее. Билл, знаток вин, многому научил ее за последние два года.

– Женщине тяжело работать в музее, – сказала она. – Хотя сейчас много лучше, чем прежде, но во главе отдела женщину встретишь не часто. Попечительский совет составлен из амбициозных юристов и банковских служащих, две трети из которых мужчины, при этом они мало интересуются наукой и просвещением.

– Обидно, что такой знаменитый музей, как наш, идет по накатанной дорожке.

– Так уж устроен мир.

Нора положила в рот кусочек лосося. Замечательный вкус, ей редко доводилось отведать столь замечательно приготовленную рыбу.

– Расскажите мне, Нора, как вы познакомились с Биллом? Я знала его в музее, когда была студенткой. Считала его закоренелым холостяком. Несмотря на это, он мне нравился, но я скрывала свою симпатию. Человек он любопытный.

– Он вам нравился? Когда я его впервые увидела, подумала, что такого придурка еще не встречала. – Она улыбнулась своим воспоминаниям. – Это было в городе Пейдж, штат Аризона. Он сидел в лимузине, ставил автографы на собственные книги.

Марго рассмеялась.

– Я очень хорошо себе это представляю. Забавно, он поначалу действительно производит плохое впечатление, пока вы не обнаружите, что у него золотое сердце... и львиное мужество.

Нора кивнула, слегка удивившись ее проницательности.

– Поняла я это не скоро, пока не разглядела, что стоит за позой «неустранимого репортера». Мы с Биллом очень разные, но, думаю, браку это на пользу. Я не смогла бы выйти замуж за человека, похожего на меня: слишком я властная.

– Я тоже, – сказала Марго. – А что вы делали в Пейдже?

– Это целая история. Я возглавляла археологическую экспедицию в каньоны Юты, а Пейдж был местом сбора.

– Звучит романтично.

– Да. Как оказалось, слишком романтично. Потом получила работу в музее Ллойда.

– Что вы говорите! Значит вы были там, когда он закрылся?

– Закрылся он, можно сказать, раньше, чем открылся. Пальмер Ллойд, похоже, разорился. К тому времени я сожгла корабли и снова осталась без работы. В конце концов устроилась сюда.

– Что ж, Ллойд потерял, а мы приобрели.

– Вы имеете в виду зал бриллиантов, – засмеялась Нора.

Когда планы Ллойда открыть музей потерпели неудачу, Нью-Йоркский музей естественной истории поднапрягся и – благодаря огромному пожертвованию богатого мецената – выкупил у Пальмера Ллойда известную на весь мир коллекцию бриллиантов для залов драгоценных камней.

Марго тоже засмеялась.

– Не глумитесь. Я имела в виду вас.

Нора отпила глоток вина.

– Ну а вы, Марго? Не расскажете о себе?

– Я здесь проходила студенческую практику. В это время в музее произошло несколько убийств. Билл писал о них в первой своей книге. Вы ее читали?

– Да вы шутите. Билл не стал бы со мной встречаться, если бы я не прочла все его книги. Он, конечно, не настаивал на этом, но намеки были слишком очевидны.

Марго снова рассмеялась.

– Из того, что я прочла, – сказала Нора, – видно, что у вас были удивительные приключения.

– Да. Кто сказал, что наука скучна?

– Что же привело вас снова в музей?

– После защиты докторской диссертации я устроилась в фармацевтический концерн.

Сделала это, чтобы порадовать маму: ей страшно хотелось, чтобы я пошла по семейным стопам, а я все время отказывалась. Я получала кучу денег, однако, работая там, словно бы делала матери одолжение. Бедная мама. Она никак не могла взять в толк, зачем я трачу жизнь на изучение людей, протыкающих в нос кости. Несмотря на большие деньги, работа меня не увлекала, к тому же я не умею трудиться в команде и лебезить перед начальством. И вот однажды мне позвонил Хьюго Мензис. Он знал меня по прежней работе в музее и прочитал некоторые мои статьи на медицинские темы. Мензис спросил, не хочу ли я вернуться в музей. В «Музееведении» только что появилась вакансия, и он предложил мне ее занять. Вот так я здесь и оказалась. – Она показала Норе на тарелку. – Хотите еще?

– Не откажусь.

Марго положила ей кусок лосося и взяла немного себе.

– Вы не слышали о марше индейцев тано через страну? – спросила она, не отрывая глаз от своей тарелки.

Нора вскинула на нее глаза.

– Нет.

– Музей пытается это замалчивать, надеется, что правда не выйдет наружу. Поскольку вы являетесь одним из кураторов выставки, думаю, вам следует об этом знать. Тано начали марш протеста. Вышли из Нью-Мексико и направились в Нью-Йорк просить о возвращении масок. Они хотят встать перед музеем в день открытия, танцевать, петь и раздавать листовки.

– Только не это, – простонала Нора.

– Мне удалось поговорить с лидером группы, жрецом и старейшиной. Человек он очень приятный, однако твердо намерен осуществить задуманное. Они верят, что каждая маска обладает душой, и индейцы хотят обратиться к ним и сказать, что они не забыты.

– Но в день открытия? Будет скандал.

– Они очень искренни, – тихо сказала Марго.

Нора взглянула на нее, резкость едва не сорвалась с ее губ. Затем смягчилась.

– Полагаю, вы правы.

– Я действительно пыталась отговорить их от этого шага. Как бы то ни было, говорю об этом, потому что знаю: вы уважаете прямоту.

– Спасибо, – Нора на мгновение задумалась. – Эштон впадет в истерику.

– Как вы только его терпите? Такой придурок.

Нора расхохоталась: Марго сказала правду.

– Вы бы посмотрели, как он все это время носится по выставке, орет на всех, машет руками, шерсть дыбом.

– Перестаньте! Даже представлять противно.

– А Мензис? У него для каждого найдется доброе слово, ободрение. За пять минут он достигает того, чего Эштону не удастся сделать за целое утро.

– Это называется урок менеджмента. – Марго указала Норе на бокал. – Еще?

– Пожалуйста.

Марго наполнила оба бокала и предложила тост:

– Выпьем за нас с вами, Нора. Расшевелим грудь окаменелостей.

Нора засмеялась.

– Не возражаю.

И они чокнулись.

Глава 30

В два часа ночи Смитбек приотворил дверь своей комнаты. Сдерживая дыхание, выглянул в узкую щель. В коридоре третьего этажа было пусто и темно. Сделав щель пошире, он отважился посмотреть в другом направлении.

Тоже пусто.

Смитбек закрыл дверь и прислонился к ней. Сердце сильно колотилось, и он сказал

себе, что причина – в долгом ожидании этого момента. Он несколько часов лежал в постели, притворяясь, что спит, а сам прокручивал в голове план. Вечером, как и всегда, за дверью слышались приглушенные шаги. Около одиннадцати к нему заглянула медсестра – убедилась, что пациент лежит в постели, – и осторожно, чтобы не разбудить, вышла из комнаты. С того момента до Смитбека не донеслось ни звука.

Смитбек снова взялся за дверную ручку. Пора приводить план в действие.

После скандала у директора Смитбек, как обычно, отправился обедать. Его посадили и подали меню, словно ничего не произошло. Похоже, такие срывы были обычным явлением в Ривер Оукс. После обеда он часок поработал на кухне: укладывал скоропортящиеся продукты в холодильники.

Во время дежурства Смитбеку удалось прикарманить ключ от подвала.

Хотя Смитбек дежурил только два раза, он успел разобраться в том, как функционирует кухня. Продукты подавались на погрузочную платформу с тыльной стороны дома, а затем из подвала поднимались в кухню. Над безопасностью в Ривер Оукс можно было только посмеяться: ключи от подвала имелись у половины кухонных работников – от шеф-повара до последней судомойки, и дверь никогда не запиралась на замок. Когда помощник повара спустился за чем-то вниз, Смитбек воспользовался моментом и – пока никто не видел – положил в карман торчавший из замка ключ. Повар поднялся, кряхтя под тяжестью жаровни, а про ключ совершенно забыл.

Все прошло без сучка без задоринки.

Смитбек готовился снова открыть дверь. Он напялил на себя три рубашки, свитер и две пары штанов. Ему было жарко, и он обильно потел. Оделся он так из предосторожности: если все пойдет согласно плану, ночь ему предстоит холодная.

На дежурстве он узнал, что первый продуктовый фургон прибывает к погрузочной платформе в 5:30 утра. Если удастся пройти по подвалу и дожидаться прибытия машины, он сможет проникнуть в фургон перед самым отбытием. Никто ничего не заметит. Пройдет более двух часов, прежде чем его отсутствие обнаружат, а тогда он уже будет подъезжать к Нью-Йорку. Доктору Тизандеру и легиону черных сестер будет его не достать.

Снова приоткрыл дверь. Мертвая тишина. Так, пошире... Он выскользнул в коридор и бесшумно затворил за собой дверь.

Посмотрел через плечо и осторожно, по стенке, двинулся по коридору к площадке. Вряд ли его заметят: свет приглушен до минимума. Пейзажи и портреты на стенах выглядят как темные прямоугольники. Мягкий ковер кажется почти черным.

За пять минут добрался до площадки. Здесь свет был чуть ярче. Смитбек постоял, прислушиваясь, не идет ли кто по лестнице. Сам сделал шаг, другой... наострил уши.

Ничего.

Пошел вниз, держась за перила. Каждую секунду Смитбек готов был броситься вверх по ступеням. Добравшись до площадки второго этажа, укрылся в темном углу, скорчился за сервантом. Здесь он провел рекогносцировку. От площадки расходились четыре коридора: один вел в столовую, второй – в библиотеку и западную гостиную, другие – в лечебные помещения и кабинеты администрации. На этом этаже было так же тихо и пусто, как и на предыдущем, и Смитбек, осмелев, тихонько вышел из угла.

Со стороны административного блока слышался звук закрывающейся двери.

Он быстро нырнул в укромное место, скорчился и стал ждать.

Слышно было, как повернулся в замке ключ. Потом – примерно минуту – не слышно было ничего. Кто-то заперся внутри кабинета? Или закрыл дверь снаружи?

Подождал еще минуту. Ничего.

Только собрался он снова подняться, как кто-то вышел из темноты административного коридора. Это был санитар. Он шел медленно, сцепив на спине руки. Мужчина шел, поглядывая слева направо, словно бы проверяя, все ли двери закрыты.

Смитбек скорчился в темноте за сервантом, не только не двигаясь, но даже не дыша, пока мужчина не прошел по площадке и не исчез в коридоре, ведущем в библиотеку.

Смитбек подождал, все так же не двигаясь, еще пять минут. Затем, согнувшись, пошел вниз по лестнице к первому этажу.

Здесь было еще темнее. Убедившись, что никого нет, Смитбек бросился к широкому коридору, идущему в кухню. За тридцать секунд он добрался до тяжелых распашных дверей. Последний раз оглянувшись через плечо, он толкнул дверь, чтобы войти в кухню.

Дверь не поддалась.

Смитбек нажал сильнее.

Заперто.

Черт! Этого он никак не ожидал: днем кухня никогда не запиралась.

Он сунул руку в карман, надеясь, что ключ от подвала подойдет и к кухне. Этого не случилось.

Снова глянул через плечо. Разочарование и надежда сменяли друг друга. У него был такой хороший план! Еще чуть-чуть, и он бы выбрался отсюда. И так погореть...

Хотя... Возможно, есть еще шанс.

Осторожно пошел обратно, к площадке. Прислушался, но бархатная темнота по-прежнему хранила молчание. Бесшумно прокрался по лестнице на второй этаж, миновал площадку и вошел в столовую.

Обширное призрачное пространство напоминало своей тишиной склеп. В высокие окна заглядывала луна, обливая комнату таинственным светом. Смитбек быстро прошел между столов, накрытых уже к завтраку. Декоративная перегородка шла параллельно стене, скрывая за собой служебную зону. Нырнув за перегородку, Смитбек, теперь уже в крошечной темноте, осторожно крался к своей цели – кухонному лифту, прикрытому металлической панелью.

Медленно, стараясь не звякнуть, Смитбек взялся за металлическую панель и открыл ее. Внутри была пустая шахта. Тяжелая веревка, привязанная к блоку на потолке, исчезала в чернильной темноте.

Смитбек не мог не улыбнуться.

Во время кухонного дежурства он видел, как столовые приборы и грязная посуда спускались в баках с верхнего этажа. Теперь, в случае удачи, бак спустит другой груз.

Возле панели Смитбек увидел несколько кнопок. Нажимая на них, работники спускали и поднимали груз. Смитбек пригляделся и нажал на верхнюю кнопку. Он поднимет из кухни бак, заберется в него и спустится вниз...

И тут он оцепенел. Двигатель наделает много шума. К тому же, хотя и маловероятно, в кухне мог кто-нибудь находиться. Меньше всего хотелось ему выдать свое присутствие.

Он наклонился и схватил веревку, дернул ее разок, другой и затем, кряхтя, начал тянуть вверх.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем, пытая и отдуваясь, он вытянул лифт. Три слоя одежды промокли от пота. Он немного передохнул и оглянулся. Никого.

Затем переключил внимание на лифт. Забрался внутрь. Трудно было уместить длинные ноги в узком пространстве. Закрыл панель.

Полная темнота.

Сидя в лифте с подтянутыми к ушам коленями, Смитбек понял, что спустить устройство не так-то просто. Затем сообразил, что упираясь руками в переднюю стенку и надавливая на пол, он может заставить лифт двигаться вниз, дюйм за дюймом. Работа была изнурительной, слепой, потной, однако прошло несколько минут, и он почувствовал, что руки касаются стальной рамы другой панели. Он добрался до первого этажа и, стало быть, до кухни.

Хотелось тут же выбраться из душной клетки, но он подождал минуту, прислушался. Ничего не услышав, открыл панель.

В кухне никого не было. Единственный свет исходил от алых лампочек запасного выхода.

Смитбек вылез, расправил затекшие ноги и огляделся. Посмотрел на дверь, ведущую в

подвал.

Его охватило волнение. Ничто теперь его не остановит. В Ривер Оукс могут заточить безвольных психов, подобных Роджеру Фрокмортону, но не таких людей, как Уильям Смитбек.

Кухня являла собой странное смешение старого и нового. Почерневший от сажи очаг и огромные профессиональные миксеры из нержавеющей стали; свешивающиеся с потолка длинные связки чеснока, перца и пряных трав. Шеф-поваром служил здесь выходец из Бретани. Блестящие ряды кухонной посуды на гранитных столешницах; в шкафах из стекла и стали заперты десятки разделочных немецких ножей высшего качества.

Но глаза Смитбека были устремлены лишь на тяжелую деревянную дверь, находившуюся в противоположном от него углу. Он быстро подошел к ней и отпер замок. Каменная лестница уходила в темный колодец.

Смитбек начал осторожно спускаться, стараясь не поскользнуться на липких ступенях. Дверь после себя запер, оставив позади бледно-красные огоньки запасного выхода. Лестница погрузила его в полную темноту. Спускался он крайне осторожно, считая ступеньки.

На двадцать четвертой ступени добрался до дна.

Остановился, чтобы осмотреться. Видеть, однако, было нечего: крошечная темнота. Пахло плесенью и сыростью. Только сейчас подумал, что ему надо было раздобыть фонарик и навести справки о планировке подвала, чтобы знать, в какой стороне находится погрузочная платформа. Может, лучше отложить попытку побега на день-другой, вернуться в свою комнату и пойти в другой раз...

Смитбек отогнал от себя эти мысли. На попятную идти уже поздно. К тому же ему не удастся подняться в столовую лифт. На карту, кроме того, поставлена его работа. И он хотел, страшно хотел поговорить с Норой. До прихода продуктового фургона осталось три часа – чтобы найти дорогу, этого более чем достаточно.

Стараясь успокоиться, сделал глубокий вдох и еще один: надо подавить в себе страх. Затем, вытянув перед собой руки, начал медленно переставлять ноги – сначала одну, потом другую. Сделав с десятков шагов, наткнулся на кирпичную стену. Повернулся направо и снова пошел, в этот раз чуть быстрее, держась рукой за стену.

Послышался какой-то звук. Смитбек понял, что это бегают и визжат крысы.

Нога его неожиданно наступила на что-то – низкое, тяжелое и неподвижное. Он начал падать и лишь в последнюю минуту удержался и не растянулся на полу. Выпрямился, выругавшись, потер икру и снова двинулся вперед, ощупывая рукой стену. Какой-то выступ преградил ему дорогу. Он осторожно обошел его и продолжил путь. Крысиный писк затихал, должно быть, животные разбежались при его приближении.

Слева от него стена вдруг закончилась. Он снова потерял ориентировку.

Это какое-то сумасшествие. Надо было раньше обо всем хорошенько подумать.

Мысленно прикинул, что ему известно о планировке особняка. Вспомнив изгибы и повороты верхних этажей, подумал, что тыльная часть дома должна быть слева от него.

Когда повернул, увидел на расстоянии слабое мерцание. Это был тоненький лучик среди крошечной тьмы, но он кинулся к нему с порывистостью тонущего человека, увидевшего твердую почву. Он шел, а огонек отступал, словно мираж. Пол то поднимался, то снова опускался. Когда, наконец, подошел ближе, увидел, что огонек находится на уровне глаз. Это был маленький зеленый дисплей, прикрепленный к автомату вроде термостата. Огоньки слабо освещали странную комнату с крестовыми известняковыми сводами. В ней находилось с полдюжины бойлеров из полированной латуни и меди. Изготовлены они были не позже середины девятнадцатого века, а потом их модифицировали и разноцветными проводами подсоединили к термостату. Бойлеры шипели и ворчали, словно бы ритмично похрапывая вместе с домом, который согревали.

Снова завозились и завизжали крысы, перекрывая шум бойлеров.

Вдруг по каменному полу явственно застучали каблуки.

Смитбек круто обернулся.

– Кто тут? – вскричал он.
Своды и бойлеры откликнулись эхом.
– Кто здесь? – крикнул Смитбек чуть громче. Медленно отступил назад. Он слышал лишь громкий стук собственного сердца.

Глава 31

Марго внесла в статью последнее исправление и отложила корректуру в сторону. Возможно, я единственный редактор в стране, который работает с готовым для набора текстом, подумала она. Со вздохом откинулась на спинку стула, взглянула на часы: ровно два. Зевнула, потянулась – старый дубовый стул, протестуя, крикнул.

Редакция «Музееведения» помещалась в душных мансардных комнатах западного крыла музея. Днем в грязное окно заглядывал свет, но сейчас это был черный прямоугольник, и комнату скудно освещала викторианская лампа. Казалось, словно металлический гриб, она выросла прямо из стола.

Марго вложила исправленные листы в папку и написала короткую записку менеджеру журнала. Корректуру занесет по пути в типографию. Журнал рано утром отдадут в печать. К полудню пробные оттиски разнесут директору музея, заместителю по научной части, Мензису и другим руководителям.

Она невольно вздрогнула, на мгновение усомнившись в себе. Следовало ли ей выходить на тропу войны? Она была рада вновь оказаться в музее, думала, что проработает здесь до конца своих дней. Так зачем самой все портить?

Марго покачала головой. Слишком поздно, к тому же она считала, что должна это сделать. Мензис выступил на ее стороне, так что вряд ли ее посмеют уволить.

Она спустилась по металлическим ступеням и вошла в огромный коридор пятого этажа. Коридор растянулся на четыре городских квартала и был самым длинным в Нью-Йорке. Каблуки цокали по мраморному полу. Остановилась наконец у лифта, нажала на кнопку. В глубинах здания заурчало – кабина шла наверх. Через минуту двери раздвинулись.

Марго вошла и нажала кнопку второго этажа. Ей очень нравился некогда элегантный лифт с медной решеткой девятнадцатого века, старинными панелями из клена разновидности «птичий глаз». Со временем его сильно поцарапали. Лифт кряхтел и стонал всю дорогу, потом дернулся и остановился, с грохотом отворив двери. Марго пошла по старым, знакомым музейным залам – «Африка», «Азиатские птицы», «Раковины», «Трилобитовая пещера». Освещение в витринах было отключено, и выставленные в них экспонаты выглядели зловеще.

Марго постояла в темноте. На нее чуть было не нахлынули воспоминания об ужасной ночи семилетней давности. Усилием воли она их отбросила и ускорила шаг. Подошла к двери типографии. Опустила в щель корректуру, повернулась и пошла обратно по пустынным галереям. Каждый шаг отдавался эхом.

На площадке второго этажа она остановилась. Когда Марго говорила с вождем племени тано, он сказал ей, что, если маски все-таки выставят, они должны смотреть в правильном направлении. Каждая из четырех масок обладала духом определенной направленности, поэтому необходимо, чтобы они смотрели, куда им положено. Если их повесят не так, мир низвергнется в хаос. Во всяком случае, тано свято в это верили. Более вероятным будет то, что музею предъявят новые претензии, а этого Марго хотела избежать. Она передала полученную ею информацию Эштону, но тот был загружен и невнимателен, и Марго слабо верила в то, что он сделает все, как надо.

Вместо того чтобы пойти к выходу, Марго повернула налево и направилась к выставочному залу. Дверь – по задумке дизайнеров – выглядела как портал старинной индийской гробницы в кхмерском стиле: перемычки из резного камня представляли собой сошедшихся в схватке богов и демонов. Фигуры изображены были в яростном движении: танцующий Шива, боги с тридцатью двумя руками, демоны, извергающие изо рта огонь,

змеи с человеческими головами. Все это выглядело так тревожно, что Марго остановилась и подумала: а может, все-таки поехать домой и утром сделать то, что задумала. Но завтра здесь снова будет сумасшедший дом, и Эштон помешает ей, и – кто знает – может, из-за публикации статьи вовсе запретит ей сюда входить.

Марго печально покачала головой. Не станет она уступать демонам прошлого. Если уйдет, так и не избавится от своих страхов.

Она вставила магнитную карту в считывающее устройство рядом с дверью. Тихо щелкнуло, и загорелся зеленый огонек. Марго толкнула дверь и вошла, затем тщательно закрыла ее за собой и убедилась, что лампочка снова стала красной.

В зале было тихо и пусто, помещение слабо освещалось наружными огнями, в витринах темно. Два часа ночи – слишком позднее время даже для самого увлеченного куратора. Пахло свежими пиломатериалами, опилками и клеем. Большая часть экспонатов была на своих местах, осталось смонтировать не так много. То тут, то там стояли тележки, груженные пока не размещенными предметами. Пол засыпан опилками, обрезками досок, кусками плексигласа и электрическими проводами. Марго оглянулась: неужели справятся за три дня? Пожала плечами, довольная, что открытие выставки – проблема Эштона, а не ее.

Проходя по выставочному залу, она чувствовала, как, несмотря на беспокойство, в ней разгорается любопытство. В прошлый раз, когда разыскивала Нору, она не очень обращала внимание на то, что происходит вокруг. Сейчас ей стало ясно, что даже в неоконченном виде выставка будет чрезвычайно драматичной. Комната была точной копией склепа древнеегипетской царицы Нефертари в долине Цариц в Луксоре. Вместо того, чтобы воспроизвести первоначальную могилу, музейщики показали, как она выглядела после разграбления. Расхитители разбили огромный гранитный саркофаг на несколько частей, а гробы украли. Мумия лежала сбоку, в груди зияла дыра: грудь вскрыли грабители, чтобы похитить золото и лазуритового скарабея, лежавшего рядом с сердцем как обещание вечной жизни. Марго остановилась перед защищенной стеклом мумией. Табличка извещала, что это подлинная мумия царицы, доставленная из музея Каира на время экспозиции.

Она читала табличку, на время забыв о своем намерении. Оказывается, вскоре после погребения могилу разграбили те же священники, которым было предписано ее охранять. Воры страшно боялись, что мертвая царица покарает их, и разбили фигурки положенных в могилу богов, надеясь, что тем самым лишили их священной силы. В результате все то, что не украли, грабители разбили, и обломки лежали возле скелета.

Марго нагнулась, прошла под низкой аркой с высеченными в темном камне изображениями и словно бы оказалась в катакомбах древних христиан под Римом. Она стояла в узком проходе, выбитом в скале. Полости расходились лучами в нескольких направлениях, ниши набиты костями. В некоторых нишах имелись грубо сделанные латинские надписи вместе с высеченными крестами и другими священными христианскими атрибутами. Все было натуралистично, вплоть до муляжей крыс, шныряющих вокруг костей.

Эштон хотел сенсации, и Марго вынуждена была признать, что это ему удалось. В этом месте будут толпиться.

Она поспешила в совершенно другое место – там демонстрировалась японская чайная церемония. Марго увидела садик с растениями и дорожкой из камней – все в безупречном порядке. За садом располагалась сама чайная комната. После клаустрофобии катакомб приятно было войти в это открытое, опрятное место. Чайная комната являлась живым воплощением чистоты и покоя – блестящий деревянный пол, бумажные экраны, перламутровые инкрустации, татами и простые составляющие церемонии: металлический чайник, бамбуковый ковш, льняная салфетка. Несмотря на столь мирную обстановку, пустота помещения, глубокие тени, темные углы снова начали действовать ей на нервы.

Пора наконец-то сделать что нужно и поскорее уходить.

Она быстро прошла через чайную комнату и направилась дальше, мимоходом

поглядывая на экспонаты: мрачную индийскую гробницу, хоган¹⁹, заполненный навахскими картинами, сделанными из песка, и чукотскую юрту с шаманом. Он был посажен на цепь, чтобы его душу не украли демоны.

Наконец Марго подошла к четырем маскам Кивы. Насаженные на тонкие стержни маски смотрели в разные стороны. На окружающие стены нанесли великолепную панораму Нью-Мексико, и каждая маска была обращена к одной из четырех священных гор земли тано.

Марго не могла отвести от них глаз: ее заново поразила исходившая от масок сила. Они были вызывающе свирепыми и в то же время исполненными человеческих чувств. Хотя вскоре им должно было стукнуть восемьсот лет, они казались современными, и искусствовед мог бы отнести их к разновидности формального абстракционизма. Это были настоящие шедевры.

Марго заглянула в свои записи и подошла к висевшей на стене карте, чтобы сориентироваться. Затем стала проверять каждую маску и удивилась, обнаружив, что все они смотрят в правильном направлении. Эштон, несмотря на истерику, сделал все, как надо. Нехотя ей пришлось признать, что он создал выдающуюся экспозицию.

Марго сунула записи в сумку. Тишина, темнота снова действовали на нее удручающе. Остальную часть выставки она посмотрит в другой раз, при свете дня, когда здесь будет толпиться народ.

Не успела она сделать несколько шагов, как вдруг услышала громкий стук. Казалось, в соседней комнате упала доска.

Марго так и подпрыгнула, сердце бешено заколотилось. В следующую минуту снова все стало тихо.

Пульс начал приходить в норму. Марго подошла к арке, заглянула в темноту. Там был представлен интерьер аризонского «дома с привидениями», написанный тысячу лет назад. В комнате было пусто, валялись обрезки дерева, тут, скорее всего, и упала так напугавшая ее доска.

Марго глубоко вздохнула. Мертвая тишина, призрачность обстановки вселяли в нее ужас. Не думай о том, что когда-то с тобой произошло. С тех пор музей изменился, совершенно изменился. Возможно, сейчас она находится в самом безопасном месте Нью-Йорка. Прошло семь лет, и с тех пор систему сигнализации совершенствовали шесть раз. Последняя – сейчас ее доводили до ума – была самой лучшей. Без магнитной карточки в зал не войти, а считывающее устройство регистрирует данные каждого входящего человека, вместе с точным временем его появления.

Марго пошла назад. Стала напевать себе под нос, лишь бы нарушить тишину. Но тут ее снова остановил шум падающих досок, в этот раз гроыхнуло в комнате, в которую она должна была войти.

– Эй? – крикнула она. – Кто здесь?

В царившей вокруг тишине голос прозвучал неестественно громко.

Ответа не последовало.

Должно быть, охранник обходит помещения и спотыкается о валяющиеся доски. В прежние времена сторожей, добравшихся до спирта, хранившегося в отделе энтомологии, находили по ночам пьяными. Думаю, некоторые вещи никогда не меняются.

Марго снова двинулась в направлении входа мимо темных экспонатов. Шла она быстро, каблуки ободряюще цокали по керамическим плиткам.

Вдруг что-то щелкнуло, и выставочные залы погрузились в кромешную темноту.

Спустя мгновение включилось дежурное освещение, на потолке одна за другой зашумели трубки флюоресцентного освещения.

И снова она постаралась успокоить бешеное биение сердца. В конце концов, это глупо.

¹⁹ Обмазанная глиной хижина у индейцев навахо.

Не в первый раз в музее происходит отключение света. В старом здании это случается постоянно. Нет причин для волнения.

Не успела она сделать шаг, как снова услышала стук падающих досок, на этот раз звук раздался из комнаты, через которую она только что прошла. В этом грохоте было что-то намеренное, словно кто-то специально ее пугал.

– Кто там? – внезапно рассердившись, она повернулась назад.

В зале в полном одиночестве стоял алый склеп с черными украшениями.

– Если кому-то вздумалось пошутить, то я такие шутки не одобряю.

Марго ждала, напрягшись, точно пружина.

А что если это совпадение? Может, просто, сама по себе, упала еще одна доска. День-то был суматошный. Порылась в сумочке в поисках того, что можно использовать как оружие. Ничего не нашла. В годы, что последовали за музейными убийствами, она носила в сумочке пистолет, однако отказалась от этой привычки, когда ушла из музея и стала работать фармацевтом. Теперь она ругала себя за то, что утратила бдительность.

И тут она увидела нож, которым вскрывали коробки. Он лежал на рабочем столе в дальнем конце комнаты. Она подбежала туда, схватила нож и, выставив его перед собой, пошла к дверям.

Еще один стук, громче прежнего. Похоже, швырнули какой-то предмет.

Теперь Марго была уверена: в выставочном зале кто-то есть. И этот человек намеренно пытается ее напугать. Неужели все дело в публикации статьи? Вероятно, таким способом вынуждают от нее отказаться. Она узнает у охраны, кто еще приходил в зал, и немедленно доложит об этом руководству.

Марго бросилась бежать. Она миновала японскую чайную комнату и влетела в разграбленную египетскую гробницу, когда раздался еще один резкий щелчок. В этот раз погасли дежурные огни, и зал, в котором не было окон, окутала тьма.

Марго остановилась, парализованная страхом и чувством deja vu: она вспомнила такой же момент на другой выставке в этом же музее.

– Кто здесь? – закричала она.

– Это всего лишь я, – ответил голос.

Глава 32

Смитбек замер, чувства его были обострены до предела. Посмотрел налево, направо, напряг зрение в зеленоватой темноте. Не было слышно ни звука, никто на него не накинулся.

Должно быть, воображение разыгралось, подумал он. Такое место кого угодно с ума сведет.

Очень не хотелось оставлять бойлерную с ее слабым освещением, однако он знал, что должен идти. Надеялся отыскать погрузочную платформу. Не менее важно найти поблизости хорошее место, где можно укрыться. Судя по всему, на поиски уйдет немало времени.

Подождал пять минут, прислушался: надо же убедиться, что ничто ему не угрожает. Затем выбрался из бойлерной и пошел туда, где, по его разумению, должна была находиться тыльная сторона здания. Бледный свет пропал, и Смитбек снова замедлил шаги. С выставленными вперед руками осторожно переставлял ноги, чтобы ненароком не ушибиться снова.

Остановился. Кажется, опять какой-то звук. Уж не идет ли кто-то следом?

Сердце заколотилось, и он остановился. Стал ждать. Нет, тихо, лишь вдалеке пищат мыши. Через минуту медленно пошел вперед.

Неожиданно руки наткнулись еще на одну стену: грубый камень, скользкий от влаги. Следуя вдоль стены направо, он обнаружил перпендикулярную стену, а в ней, похоже, стальную дверь. Пальцы заскользили по косяку, пока не нащупали ручку. Он схватился за нее, нажал.

Ручка не повернулась.

Набрав в грудь воздуха, нажал со всей силы. Тот же результат: ручка не двигалась.

Выругавшись, пошел вдоль стены в другом направлении. Через двадцать шагов стена закончилась, и руки его снова схватили воздух. Завернул за угол, потом остановился, сердце стучало в горле.

Вдруг он увидел впереди пучок света, обрамлявший поворот в коридоре. Кто-то только что включил там свет. А может, он находился там все это время??..

Смитбек замер на месте, не зная, что делать. Он был уверен, что туда ему и надо идти. Свет словно приглашал его... а что, если там кто-то поджидает?

Он стал красться вперед, прижимаясь к стене. Затем заглянул за угол.

Коридор был освещен тусклыми лампами, свисавшими с потолка. Их было немного, они отстояли далеко друг от друга, и свет, который отбрасывали, был слабым, но зато он видел, куда идет. Самое главное – коридор был пуст. Стало быть, решил Смитбек, никто не включал свет, он горел здесь давно. Просто он его поначалу не заметил. Или, возможно, был слишком далеко отсюда.

Смитбек медленно пошел по каменному коридору. По обеим сторонам – распахнутые старинные двери, а за дверями – полумрак. Он останавливался, заглядывал внутрь. Винный погреб, ряды бутылок, покрытые плотной паутиной тяжелые деревянные бочки. Другая комната оказалась старинным архивом – деревянные шкафы, набитые пожелтевшими документами. Бильярдная комната – сукно на столе порвалось и сбилось. Этого и можно было ожидать в особняке, превращенном в психушку для богачей.

Смитбек шел дальше, к нему возвращалась уверенность. План его хорош: подвал не может продолжаться бесконечно. Скоро он увидит погрузочную платформу. Должен увидеть...

И снова возникло ощущение, что кто-то его преследует, и этот «кто-то» намеренно идет за ним шаг в шаг, чтобы Смитбек не услышал.

Он резко остановился. Он не был уверен, но ему показалось, что он услышал звук прерванных шагов, словно кто-то в темноте, позади него, замер, занеся ногу. Он повернулся. Коридор, во всяком случае его освещенная часть, был пуст.

Смитбек облизнул губы.

– Пендергаст? – попробовал он сказать, но горло пересохло, и язык не шевелился. Он печенкой чувствовал, что кто-то был позади него, но не Пендергаст. О боже, только не Пендергаст...

Снова пошел вперед, сердце колотилось, как бешеное. Теперь он не считал слабый свет подарком судьбы. Свет был предательским, разоблачающим... И теперь он был уверен: свет включил тот, кто крадется следом, чтобы лучше его видеть.

«На вас поставили. За вами гонится опасный убийца...»

Смитбек постарался отогнать от себя желание бежать. Паника здесь неуместна. Ему нужно подумать. Нужно отыскать темный угол, место, в котором он мог бы спрятаться. Но прежде необходимо удостовериться. Знать наверняка.

Он быстро миновал одну лампочку и вошел в темный промежуток. Замедлил шаг, затем круто обернулся.

Темная тень отпрянула от света в закоулок.

В этот миг – ожидаемый, но ужасный – нервы Смитбека не выдержали. Он развернулся и понесся по коридору, как напуганный заяц.

Стук тяжелых ботинок позади него понуждал бежать еще быстрее.

Дыхания не хватало. Смитбек миновал последнюю лампу и очутился в бесконечной спасительной темноте...

И вдруг на него обрушилось что-то холодное и беспощадное. Смитбек остановился. Голову и грудь пронзила дикая боль, в черепе полыхнуло белым огнем, сознание оставило его, и он упал на землю. В последний миг он почувствовал, как кто-то стальной хваткой вцепился ему в плечо.

Глава 33

– Кто? – пронзительно вскрикнула Марго, угрожающе выставив перед собой нож. – Кто это?

– Я.

– Кто такой "я" и какого черта вам от меня надо?

– Я ищу честного человека – мужчину... или женщину, это уж как получится.

Голос был негромкий и почти женственный.

– Не подходите ко мне! – закричала она, размахивая в темноте ножом.

Она старалась успокоить колотившееся сердце и сосредоточиться. Это не шутник. Она инстинктивно чувствовала, что он опасен. Дежурные огни скоро должны загореться, ведь они работают в автоматическом режиме. Но секунды шли, и ужас ее возрастал. А что если этот человек и вывел из строя освещение? Да разве такое возможно? Что происходит?

Стараясь успокоиться, она бесшумно, как только могла, продвигалась вперед. Ощупывала ногами пол, осторожно переступала через встречавшиеся на пути предметы и взмахивала ножом в разных направлениях. Она слабо представляла, где находится выход. Мужчина молчал, должно быть, в темноте он, как и она, ориентировался слабо. Марго добралась до стены и пошла вдоль нее. Затем руки ее ощутили холодное прикосновение стали. Почувствовав облегчение, искала дверную ручку, нашла считывающее устройство, вытащила из сумочки магнитную карту и вставила в щель.

Ничего.

Чувство облегчения быстро сменилось страхом. Ну, конечно, ведь магнитный замок электрический, а свет отключен. Она попыталась открыть дверь вручную, навалилась на нее всем телом. Дверь не поддавалась.

– Когда электричество отключено, – сказал из темноты высокий голос, – система безопасности все запирает. Вы не можете выйти.

– Только попробуйте подойти ко мне, и я вас зарежу! – закричала она и встала спиной к двери, выставив в темноту нож.

– Вы не захотите сделать этого. При виде крови я изнемогаю... от удовольствия.

Несмотря на страх, Марго сообразила, что ей лучше молчать. Она должна контролировать свое дыхание, взять себя в руки. Нужно сделать что-то неожиданное, удивить его. Она беззвучно шагнула вперед.

– А какое впечатление производит вид крови на вас, Марго? – шепнул невидимый собеседник.

Она шагнула на голос.

– Кровь такая странная субстанция, не правда ли? Совершенный, утонченный цвет, исполненный жизни... все эти красные и белые тельца, антитела и гормоны. Это – живая жидкость. Даже на грязном музейном полу она живет какое-то время.

Она сделала еще шаг в направлении голоса. Теперь она была очень близко. Приготовилась. Прыгнула вперед и молниеносным дугообразным движением взмахнула ножом. Почувствовав контакт, нанесла режущий удар. Отступив, услышала шум падения и удивленное восклицание.

Подождала в темноте, надеясь, что вскрыла артерию.

– Bravo, Марго, – прошептал голос. – Я потрясен. Да вы испортили мне пальто!

Она снова пошла на голос, надеясь ударить еще раз. Теперь уже он вынужден защищаться. Если ранит его, выиграет время и убежит назад, в выставочный зал. В случае удачи, между ней и злобным бестелесным голосом будет полдюжины комнат. В темноте ему ее не найти. Она дождется охранников, совершающих очередной обход.

Раздался тихий задыхающийся смех. Похоже, человек кружил возле нее.

– Марго, Марго, Марго, уж не решили ли вы, что ранили меня?

Она снова взмахнула ножом, однако рассекла только воздух.

– Хорошо, хорошо, – сказал он, посмеиваясь.

Смех все продолжался и словно бы брал ее в кольцо.

– Уйдите, или я убью вас, – сказала Марго, сама удивляясь, как спокойно она это произнесла.

– Какая храбрая!

Марго швырнула сумку в направлении голоса, услышала по звуку, что не промахнулась, и молниеносно нанесла удар. Поняла, что на этот раз попала в цель.

– Ничего не скажешь, хороший трюк. Да вы опаснее, чем я предполагал. Сейчас вы меня и в самом деле порезали.

Марго повернулась, чтобы бежать, и скорее почувствовала, чем услышала, неожиданное движение. Она бросилась в сторону, но мужчина схватил ее за запястье и одним движением вывернул руку. Хрустнули кости, а нож отлетел в сторону. Она закричала, отбиваясь, несмотря на страшную боль, пронзившую руку. Он снова повернул, и она застонала, махнула ногой и нанесла мужчине удар здоровой рукой, но тот потянул ее на себя быстрым, сильным движением, и она едва не потеряла сознание от боли в сломанном запястье. Рука его, словно стальной наручник, обхватила предплечье, и она ощутила горячее дыхание, слабо отдававшее сырой землей.

– Вы порезали меня, – прошептал он.

Сильно толкнув ее, отступил назад. Марго упала на колени. В глазах ее потемнело от шока и боли. Она прижимала к себе сломанное запястье, стараясь собраться с мыслями, сообразить, куда упал ее нож.

– Хотя я и жестокий человек, – сказал голос, – я не дам вам страдать.

Она услышала еще одно быстрое движение, казалось, над головой пронеслась огромная летучая мышь. Страшный удар сзади свалил ее на пол. Лежа на полу, она поняла с чувством странного недоверия, что он всадил ей в спину нож и этот удар смертельный. Марго все же цеплялась за пол, пытаясь подняться. Только благодаря воле она встала на колени. Бесполезно. Что-то горячее текло по руке на пол, но полная чернота накрыла ее со всех сторон. Последнее, что слышала она, словно во сне, с большого расстояния – злорадный смехок.

Глава 34

Лаура Хейворд быстро шла по Большому залу музея. Раннее солнце бросало вымпелы в высокие бронзовые окна. Хейворд шагала по светлым стягам, надеясь, что физический процесс ходьбы подготовит ее к тому, что она увидит. Рядом с ней, почти вприпрыжку, чтобы не отставать, шел Джек Манетти, ответственный за систему безопасности. За ними двигалась молчаливая, но быстрая фаланга следователей из убойного отдела и сотрудники музея.

– Мистер Манетти, я полагаю, что выставка обеспечена системой безопасности. Верно?

– Да. Сейчас мы завершаем окончательную проверку.

– Проверку? Так что же, сигнализация не была включена?

– Была. В каждой зоне у нас имеются датчики. Странно, но тревога не была поднята.

– Как же сюда проник преступник?

– Пока не знаем. У нас имеется список лиц, имеющих доступ к месту экспозиции.

– Я хотела бы со всеми поговорить.

– Пожалуйста, вот список. – Манетти вытащил из кармана пиджака компьютерную распечатку.

– Хорошо. – Хейворд взяла бумагу, быстро просмотрела ее и отдала список одному из следователей. – Расскажите мне о системе.

– Она основана на магнитных ключах. Система следит за каждым человеком, проходящим и уходящим в неурочное время. У меня есть об этом сведения.

Он подал ей еще один документ.

Они завернули за угол зала «Жизнь океана». Хейворд не удостоила взглядом огромного

голубого кита, угрожающе свисавшего с потолка.

– Никто не заявлял о пропаже магнитной карты?

– Нет.

– С них можно снять дубликат?

– Меня заверили, что это невозможно.

– А если кто-то взял карту на время?

– Это возможно, хотя на настоящий момент нам предъявлены все карты, за исключением карты жертвы. Я рассмотрю этот вопрос.

– Мы – тоже. Не исключено, что преступник – музейный служащий.

– Сомневаюсь.

Хейворд фыркнула. Она и сама в этом сомневалась, хотя кто знает – вокруг этого здания шатается немало сумасшедших. Как только услышала о том, что случилось, сразу же попросила направить ее сюда, несмотря на то что с убийством Дучэмпа они еще не продвинулись. У нее была теория – нет, скорее предчувствие, – что два преступления связаны друг с другом. Если она права, дело станет громким. Очень громким.

Они прошли через зал «Индейцы северо-западного побережья». Затем остановились перед большим порталом, от которого начиналась экспозиция «Священные образы». Хейворд слышала бормотание экспертов, работавших на месте преступления.

– Вы, вы и вы, – она поочередно ткнула пальцем в трех следователей, – пройдете со мной. Остальные ждут здесь и не впускают любопытных. Мистер Манетти, вы тоже пойдете со мной.

– Но придет доктор Коллопи...

– Это – место преступления. Не пускайте его. Прошу прощения.

Манетти не возражал. Лицо его было серым. Ясно, что утром он даже кофе не выпил.

Она поднырнула под ленту, кивнула ожидавшему сержанту и записала свою фамилию. Затем вошла в фойе экспозиции. Двигалась она медленно и осторожно. Эксперты уже проверили все ходы и выходы, но надо держать ухо востро.

Группа следователей пробиралась по первой комнате между почти готовыми экспонатами. Переступая через обломки пиломатериалов, они вошли в следующую комнату, туда, где и произошло преступление. На полу очерченный мелом силуэт – место, где нашли жертву. Крови вытекло много. Фотографы сделали свою работу и дожидались специальных распоряжений Хейворд. Два эксперта с пинцетами все еще ползали на четвереньках.

Она осматривала место преступления почти свирепо: задержала взгляд на луже крови, на отдельных брызгах, на кровавых следах обуви, пятнах. Подозвала жестом Хэнка Барриса, старшего офицера команды криминалистов. Тот поднялся, убрал пинцет.

– Как много крови, – сказала она.

– Фельдшеры пытались оказать экстренную помощь.

– Орудие убийства?

– Нож. Вместе с жертвой отправился в больницу. Понимаете, его не сумели вынуть...

– Знаю, – отрезала Хейворд. – Вы видели, как это место выглядело сначала?

– Нет. Когда приехал, тут уже был беспорядок.

– Документы, удостоверяющие личность жертвы, обнаружены?

– Не знаю, надо позвонить в больницу.

– Есть ли здесь люди, первыми пришедшие на место преступления?

Баррис кивнул.

– Есть. Техник по имени Эндерби. Ларри Эндерби.

Хейворд обернулась.

– Пригласите его.

– Сюда?

– Куда же еще?

Наступила пауза. Хейворд смотрела по сторонам. Тело ее было абсолютно неподвижно, двигались лишь темные глаза. Она разглядывала кровавые пятна, изучала траектории и

скорость полета брызг. Постепенно в мозгу ее сложилась картина преступления.

– Капитан! Мистер Эндерби ждет вопросов.

Хейворд обернулась и увидела прыщавого, тощего черноволосого юнца. На нем была надета задом наперед бейсболка, драные джинсы и футболка.

Сначала ей показалось, что его высокие ботинки выкрашены в красный цвет, пока она не пригляделась.

Полицейский подтолкнул юношу.

– Вы первый обнаружили жертву?

– Да, мадам. Простите... офицер.

Он был напуган.

– Можете называть меня «капитан», – мягко сказала Хейворд. – Кем вы работаете в музее, мистер Эндерби?

– Я техник. Дипломированный.

– Что вы делали в зале в три часа ночи?

Голос юноши был высоким, дрожащим, готовым сорваться. Мертвых всегда находят самые робкие – вспомнила Хейворд шутку профессора судебной психиатрии в Нью-Йоркском университете. Она перевела дыхание и постаралась придать своему голосу сочувственное выражение, лишь бы не вспугнуть юнца.

– Проверял установку новой системы безопасности.

– Понимаю. Система в зале работала?

– Как обычно. Мы вносили в нее некоторые усовершенствования, и вдруг произошел сбой. Мой босс...

– Его имя?

– Уолт Смит.

– Продолжайте.

– Босс послал меня посмотреть, не произошло ли отключение энергии.

– И что же, произошло?

– Да. Кто-то перерезал кабель.

Хейворд взглянула на Барриса.

– Мы знаем об этом, капитан. По-видимому, преступник обрезал кабель, чтобы отключить дежурное освещение и напасть в темноте на жертву.

– Расскажите о новой системе безопасности, – попросила она, снова обратившись к Эндерби.

– Система многоуровневая, с аварийным резервированием. В ней установлены сенсоры, фиксирующие движение, видеокамеры, инфракрасные лазерные лучи, сенсоры вибрации и давления.

– Звучит внушительно.

– Так оно и есть. В последние полгода музей совершенствовал систему в каждом зале, доводя ее до последней версии.

– И что сюда входит?

Эндерби набрал в грудь воздуха.

– Связь со службой безопасности, переоснащение комплекта программного обеспечения, тест-контроль и прочее. Все выверено по спутниковым часам. Все это делали по ночам, чтобы не мешать работе музея.

– Понимаю. Итак, вы пришли сюда узнать, не произошло ли отключения энергии, и обнаружили тело.

– Да.

– Если сможете, мистер Эндерби, опишите точно, как лежала жертва.

– Ну... тело... лежало так, как здесь и показано. Одна рука отброшена в сторону. Ну, вы видите. Из пояса торчал нож с костяной ручкой. Он был вогнан по самую рукоятку.

– Вы дотрагивались до него, может, пытались вытащить?

– Нет.

Хейворд кивнула.

– Правая рука жертвы была разжата или сжата?

– Вроде бы разжата. – Эндерби судорожно глотнул.

– Потерпите еще, мистер Эндерби. Жертву передвигали, прежде чем пришел фотограф?

Все, чем мы располагаем, это ваши показания.

Он утер лоб тыльной стороной руки.

– Левая нога – повернута внутрь или наружу?

– Наружу.

– А правая?

– Внутрь.

– Вы уверены?

– Не думаю, что когда-либо это забуду. Тело было немного изогнуто.

– Как?

– Лежало лицом вниз, а ноги почти скрещены.

В процессе разговора Эндерби понемногу овладел собой. Он оказался хорошим свидетелем.

– А кровь на ваших ботинках? Как она туда попала?

Эндерби посмотрел на ботинки, и глаза его расширились.

– О, я... кинулся туда и пытался помочь.

Хейворд почувствовала к нему некоторое уважение.

– Опишите, пожалуйста, ваши действия.

– Погодите... я стоял вон там, когда увидел тело. Подбежал, встал на колени, пощупал пульс. Тогда, должно быть, я в кровь и наступил. Руки у меня тоже были в крови, но я их вымыл.

Хейворд кивнула и мысленно вставила эти факты в реконструируемую ею картину.

– Пульс был?

– Кажется, нет. Хотя я был так взволнован, что не могу сказать с уверенностью. К тому же пульс я считать не умею. Первым делом я позвонил в охрану...

– По телефону?

– Да, за углом. Затем попробовал сделать искусственное дыхание – рот в рот, но через минуту прибыл охранник.

– Фамилия охранника?

– Роско Уолл.

Хейворд сделала знак одному из следователей, чтобы тот сделал соответствующую запись.

– Затем прибыли фельдшеры. Они меня прогнали.

Хейворд снова кивнула.

– Мистер Эндерби, отойдите на несколько минут в сторонку со следователем Хардкаслем. Возможно, я задам вам еще несколько вопросов.

Она прошла в первую комнату экспозиции, огляделась, затем медленно вернулась назад. Тонкий слой опилок на полу, хотя и был потревожен, сохранил следы борьбы. Она наклонилась и рассмотрела мелкие брызги крови. В голове ее сложилось понимание того, что произошло. На жертву было совершено нападение в первой комнате экспозиции. Возможно, ее преследовали с противоположного конца выставки. Там есть черный ход, хотя при осмотре выяснили, что дверь заперта. Похоже, преступник и жертва какое-то время кружили друг возле друга. Затем убийца схватил жертву, отбросил в сторону и с ходу ударил ножом...

Она на мгновение закрыла глаза, мысленно представляя себе эту картину.

Затем подумала о крошечном пятне, которое заметила при первом осмотре комнаты. Подошла к нему, посмотрела: капля крови размером с десятицентовик. Упала, судя по всему, с вертикально стоящего объекта, высотой около пяти футов.

Указала на него.

– Хэнк, мне нужна эта капля. Только сначала сфотографируйте. Немедленно сделайте анализ ДНК и пропустите через все базы данных.

– Будет сделано, капитан.

Хейворд огляделась, глаза ее провели касательную от нарисованного мелом силуэта, через одинокую каплю крови к дальней стене. Она заметила большое отверстие в новом деревянном плинтусе. Хейворд сощурилась.

– Хэнк?

Он взглянул на нее.

– Думаю, оружие жертвы вы найдете за этим экспонатом.

Следователь подошел к экспонату, заглянул за него.

– Черт возьми!

– Что это? – спросила Хейворд.

– Нож для разрезания коробок.

– Кровь?

– Вроде не видно.

– Присовокупите его к вещдокам. Сопоставьте с каплей, которую вы только что взяли. Ставлю последний доллар, что они связаны друг с другом.

Хейворд задумчиво смотрела по сторонам, и в голову ей пришла еще одна мысль:

– Пригласите Эндерби.

Мгновение спустя следователь Хардкасл вернулся вместе с Эндерби.

– Вы говорили, что делали жертве искусственное дыхание – рот в рот.

– Да, капитан.

– Вы, полагаю, его узнали?

– Это не он, а она. Да, узнал.

– И кто же это?

– Марго Грин.

Хейворд встрепелась.

– Марго Грин?

– Да, когда-то она проходила здесь студенческую практику. Теперь вернулась и стала редактором...

Эндерби не договорил. Хейворд больше его не слушала. Она мысленно вернулась на шесть лет назад, к убийствам в подземке и знаменитым бесчинствам в Центральном парке. Тогда она была рядовым полицейским. Тогда же встретила Марго Грин, молодую, вздорную и храбрую женщину, которая, рискуя жизнью, помогла раскрыть преступление.

В каком чудовищном мире они живут!

Глава 35

Смитбек мрачно сидел в том же кресле, что и день назад. Он испытывал неприятное чувство дежа вю. В нарядном камине потрескивал тот же огонь, слабо пахло горелой березой. Те же гравюры украшали стены, из эркера виден все тот же зимний пейзаж.

Еще того хуже, за огромным столом сидел все тот же директор с той же сочувственно-снисходительной улыбкой на гладко выбритом лице. Должно быть, полагал, что его полный мягкого упрека взгляд оказывает терапевтическое воздействие на пациента. В голове у Смитбека болезненно пульсировало, и немудрено: в темноте он с разбега ударился в цементную стену. Он испытывал страшное унижение, из-за того что ударился в панику, заслышав шаги санитара. И каким же он был тупицей, думая, что таким примитивным способом ему удастся обмануть систему безопасности. А в результате чего добился? Лишний раз убедил директора в том, что он – настоящий придурок.

– Эдвард, – сказал доктор Тизандер, сцепив покрытые венами руки. – Ну и эскападу же вы устроили сегодня ночью! Прошу простить, если санитар Монтени вас напугал. Надеюсь, нашу медицинскую помощь вы нашли удовлетворительной?

Смитбек проигнорировал вопрос.

– Прежде всего, я хотел бы узнать, зачем он за мной крался? Я мог погибнуть.

– Ударившись в стену? Ну, это вряд ли. – Еще одна снисходительная улыбка. – Хотя вам повезло: избежали сотрясения мозга.

Смитбек не ответил. Бинт на голове болезненно натягивался всякий раз, когда он двигал челюстью.

– Вы меня удивляете, Эдвард. Мне казалось, я вам все объяснил: то, что вы не видите здесь системы безопасности, вовсе не означает, что ее нет. В этом-то и состоит наша цель. Зачем лишний раз беспокоить гостей?

Смитбека страшно раздражало слово «гость». Они были обыкновенными обитателями психушки. Вот и все.

– Мы следили за вашими ночными передвижениями с помощью инфракрасных лучей и датчиков, мимо которых вы проходили. Только после того, как вы проникли в подвал, мы послали санитаров Монтени, чтобы он ненавязчиво наблюдал за вами. Задание он исполнил в точности. Думаю, вы надеялись бежать, забравшись в продуктовый фургон. Это – первое, что они у нас делают.

Смитбеку захотелось вскочить и вцепиться доброму доктору в горло. Они? Я не сумасшедший, ты, идиот! Однако он не сделал этого. Понял, наконец, в какую ловушку угодил: чем больше он настаивал на своем здравомыслии, тем больше убеждал врача в обратном.

– Я просто хочу знать, как долго здесь пробуду, – сказал он.

– Поживем – увидим. Должен сказать, что попытка побега не настраивает меня на оптимистический лад. Вы сопротивляетесь нашим усилиям помочь вам. Мы не можем помочь без вашего содействия, мистер Джонс. И не отпустим вас, пока эта помощь не будет оказана. Как я люблю повторять, вы – самый главный в процессе выздоровления.

Смитбек сжал кулаки и страшным усилием воли принудил себя промолчать.

– Должен сказать вам, Эдвард, еще одна попытка побега – и распорядок вашего дня будет изменен, что вам явно не понравится. Мой совет: смириться с ситуацией и работайте вместе с нами. Начните сначала. Я почувствовал необычно сильное сопротивление с вашей стороны.

«Да это потому, что я так же здоров, как и ты!» Смитбек перевел дух и попытался изобразить послушную улыбку. Надо вести себя умнее, если собираешься бежать.

– Да, доктор Тизандер, понимаю.

– Хорошо, хорошо! Кажется, у нас намечается прогресс.

Должен же быть отсюда какой-то выход. Если графу Монте-Кристо удалось сбежать из замка Иф, то и Уильям Смитбек сбежит из Ривер Оукс.

– Доктор Тизандер, что я должен сделать, чтобы выйти отсюда?

– Идите нам навстречу. Позвольте помочь вам. Ходите на лечебные сеансы, обращайтесь всю вашу энергию на то, чтобы излечиться, находите личный контакт с врачами и санитарями. Единственный способ выйти отсюда – это получить документ с моей подписью.

– Единственный способ?

– Да. Окончательное решение принимаю я, а основано оно, конечно же, на медицинских заключениях и, если необходимо, на юридическом совете.

Смитбек вскинул на него глаза.

– Юридическом?

– У психиатрии два хозяина – медицина и закон.

– Не понимаю.

Тизандер, похоже, оседлал любимого конька. Голос его зазвенел, как у проповедника.

– Да, Эдвард, мы обязаны иметь дело не только с медициной, но и с законом. Взять хотя бы вас: ваша семья вас любит, заботится о вашем здоровье, а потому и поместила вас к нам. Это в равной степени медицинский и юридический процесс. Лишить человека свободы – серьезный шаг, и его следует скрупулезно расследовать.

– Простите... вы сказали – моя семья?
– Да. Кто же еще мог вас сюда поместить, Эдвард?
– Вы знаете мою семью?
– Я встречал вашего отца, Джека Джонса. Очень достойный человек. Мы все хотим вам добра, Эдвард.
– Как он выглядит?
Лицо Тизандера приняло озадаченное выражение, и Смитбек выругал себя за столь безумный вопрос.
– Я хотел спросить, когда вы с ним встречались?
– Когда вас сюда привезли. Он подписал все нужные бумаги.
Пендергаст, подумал Смитбек. Черт бы его побрал.
Тизандер поднялся, протянул руку.
– Ну, Эдвард, может, еще о чем-нибудь хотите спросить?
Смитбек ответил рукопожатием. В голове родилась идея.
– Да, еще один вопрос.
Тизандер поднял брови, все с той же снисходительной улыбкой.
– Здесь ведь есть библиотека?
– Конечно. За бильярдной комнатой.
– Благодарю вас.
У дверей Смитбек оглянулся. Тизандер, откинувшись на спинку кресла, поправлял галстук. На лице играла самодовольная улыбка.

Глава 36

Когда Д'Агоста добрался до старой двери на Гудзон-стрит, над рекой меркнул водянистый зимний свет. Д'Агоста постоял немного, чтобы успокоиться, несколько раз глубоко вдохнул. Он точно следовал сложным инструкциям Пендергаста. Агент снова переехал – кажется, намерен был на шаг опережать Диогена. Интересно, с вялым любопытством подумал Д'Агоста, какое обличье принял он сейчас?

Успокоившись, в последний раз оглянулся по сторонам: нет ли хвоста? Семь раз постучал в дверь, подождал. Спустя мгновение дверь открыл мужчина. Судя по всему, это был опустившийся человек, законченный алкоголик. Хотя Д'Агоста и знал, что это – Пендергаст, он снова поразился его умению менять личину.

Не говоря ни слова, Пендергаст впустил его и запер дверь на засов. Затем провел вниз по сырой винтовой лестнице в зловонный подвал. Там стоял большой бойлер и система отопления. Огромная картонная коробка с грязными одеялами, пластмассовая молочная бутылка, свеча, посуда и аккуратная стопка консервных банок завершали картину.

Пендергаст убрал с пола тряпку, под ней обнаружился компьютер iMac G5 с беспроводным подключением к Интернету. Рядом лежала захватанная стопка бумаг: папка с ксерокопиями, теми, что Д'Агоста сделал в полицейском управлении, и несколько документов об отравлении Гамильтона – они, как предположил Д'Агоста, были взяты из полицейского досье. Было видно: Пендергаст изучал их с большим вниманием.

– Я... – Д'Агоста и сам не знал, с чего начать. Его душил гнев. – Этот подлец... этот сукин сын. Господи, он убил Марго...

Замолчал. Слова не могли передать охватившую его ярость, сумятицу чувств, неверие. Он не знал, что Марго вернулась в Нью-Йорк, не говоря уже о том, что снова стала работать в музее, но он хорошо был знаком с ней в прошлом. Они вместе работали над убийствами в музее и подzemке. Это была отважная, предприимчивая, умная женщина. Она не заслуживала такой участи – быть зарезанной в темном выставочном зале.

Пендергаст молча стучал по клавишам, но лицо его покрылось потом, и Д'Агоста видел, что это не игра. Агент переживал случившееся не меньше его.

– Диоген лгал, когда объявил Смитбека следующей жертвой, – сказал Д'Агоста.

Не глядя на него, Пендергаст потянулся к корзине и вытащил из нее сумку на молнии, карту Таро и записку. Подал все это Д'Агосте.

Д'Агоста взглянул на карту. На ней была изображена высокая башня из красного кирпича. Башню поражали многочисленные молнии. Башня горела, и из нее на траву падали крошечные фигурки. Д'Агоста обратился к записке.

Ave, frater!²⁰

С чего бы я стал говорить тебе правду? После стольких лет следовало бы знать, что я – искусный лжец. Пока ты прятал хвастуна Смитбека – должен, кстати, тебя похвалить: я его пока что не обнаружил, – у меня появилось свободное время, и я расправился с Марго Грин. Она, между прочим, оказала мне достойное сопротивление.

Ну разве я не доказал еще раз свой недюжинный ум?

Открою тебе секрет, братец. Я сейчас в исповедальном настроении. Назову следующую жертву – лейтенант Винсент Д'Агоста.

Забавно, правда? Говорю ли я сейчас правду? Или снова лгу? Представляю, как ты бьешься над этой загадкой, дорогой братец.

Говорю тебе не adieu, а au revoir²¹?

Диоген

Д'Агоста вернул записку Пендергасту. У него было странное ощущение. Не страх, нет! Он испытывал новую вспышку гнева. Буквально трясся от ярости.

– Подайте мне этого сукина сына, – проскрежетал он.

– Садись, Винсент. У нас мало времени.

Это были первые слова, сказанные Пендергастом. Д'Агоста замолчал, ощутив страшную серьезность в его голосе. Он уселся на корзину.

– А что означает эта карта Таро? – спросил он.

– Это – Башня. Означает разрушение, время неожиданных перемен.

– Шутки в сторону.

– Я весь день составлял список потенциальных жертв и обдумывал, как их защитить. К сожалению, моя тайна выйдет наружу. Те, с кем я имел дело, обещали молчать, но, думаю, это лишь вопрос времени: скоро все узнают, что я жив. Винсент, взгляни на этот список.

Д'Агоста склонился над экраном. Некоторые имена были ему известны, но встречалось и много незнакомых фамилий.

– Есть ли кто-то еще, кого ты считаешь нужным включить?

Д'Агоста смотрел на список.

– Хейворд.

От мысли о ней сжалось сердце.

– Хейворд – одна из тех, кого Диоген никогда не наметит в жертвы. Для этого есть причины. Не буду о них говорить.

– А как насчет... – Д'Агоста замялся. Пендергаст был очень закрытым человеком, и неизвестно, как он среагирует, если упомянуть ее имя. – Виола Маскелене?

– Я о ней много думал, – тихо сказал Пендергаст и взглянул на свои руки. – Она до сих пор на Капрайе. Этот остров для нее лучше любой крепости. Добраться туда почти невозможно, на дорогу уйдет несколько дней. Там есть единственная маленькая гавань, и чужой человек – какое бы обличье он ни принял – будет немедленно замечен. Диоген сейчас здесь, в Нью-Йорке. Быстро подобраться к ней он не сможет, а нанимать никого не станет. И наконец, – он заговорил еще тише, – Диоген не может знать о... моем интересе к ней. Никто в мире, кроме тебя, об этом не знает. Диогену известий лишь, что я однажды говорил с ней о скрипке. С другой стороны, если я приму меры по ее защите, то тем самым привлеку к ней

²⁰ Приветствую тебя, брат! (лат.)

²¹ Не прощай, а до свидания (фр.).

его внимание.

– Понимаю.

– Так что в данном случае я оставил все, как есть.

Он расцепил руки.

– Что до других, то я принял меры для их защиты, хотя бы они того или нет. Теперь переходим к самому трудному вопросу: что будем делать с тобой, Винсент?

– Прятаться не намерен. Как я и говорил, предоставь ему свободу действий. Я буду приманкой. Лучше умру, чем побегу, как собака, от убийцы Марго.

– Спорить не стану. Риск, который берешь на себя, огромен, и ты об этом знаешь.

– Разумеется, знаю. И готов к нему.

– Не сомневаюсь. Нападение на Марго совершено по тому же сценарию, что и на мою незамужнюю тетку. Недовольный слуга воткнул ей в спину нож с перламутровой ручкой. Этим ножом вскрывали письма. Есть надежда, что вещественные доказательства, найденные на месте преступления, помогут привести нас к Диогену. Мне понадобится твоя помощь. Когда весть о моем воскрешении из мертвых дойдет до полиции, возникнет серьезная проблема.

– Какая?

Пендергаст покачал головой.

– Придет время, сам поймешь. Как долго захочешь оставаться со мной, зависит от тебя. С какого-то момента я намерен вершить закон по-своему. Я никогда не доверю Диогена специалистам по уголовному праву.

Д'Агоста энергично кивнул.

– Я тебя не оставляю.

– Худшее еще впереди. Для меня и в особенности для тебя.

– Этот негодяй убил Марго. Конец дискуссии.

Пендергаст положил руку ему на плечо.

– Ты хороший человек, Винсент. Один из лучших.

Д'Агоста не ответил. Загадочные слова Пендергаста его удивили.

– Я устроил так, что все потенциальные жертвы Диогена выехали в безопасное место. Это – стадия номер один. Сейчас наступает стадия номер два: мы должны остановить Диогена. Мой первоначальный план провалился. Есть выражение: «пусть поражение послужит тебе уроком». Урок заключается в следующем: в одиночку мне брата не победить. Я думал, что хорошо его знаю, могу предсказать каждый следующий его шаг, что при наличии доказательств смогу сам его остановить. Но я ошибался, и эта ошибка привела к чудовищным последствиям. Мне нужна помощь.

– Я в твоём распоряжении.

– Да, и я благодарен тебе, но мне нужна помощь другого рода. Профессиональная.

– Какая именно?

– Я слишком близок к Диогену. Я необъективен и неспокоен, особенно сейчас. Путем горького опыта я понял, что не понимаю брата и никогда его не понимал. Мне требуется психолог, который создал бы подлинный портрет моего брата. Это чрезвычайно трудная задача, так как в психологическом смысле он – уникальный человек.

– Я знаю нескольких специалистов, отлично разбирающихся в психологии преступника.

– Не каждый сможет подойти. Мне нужен исключительный профессионал. – Он отвернулся и стал что-то писать. – Иди в дом на Риверсайд-драйв и отдай записку Проктору. Он передаст ее Констанции. Если такой человек есть, Констанция его отыщет.

Д'Агоста сложил записку и сунул в карман.

– У нас почти нет времени: до 28 января осталось два дня.

– Ты не знаешь, что означает эта дата?

– Нет, за исключением того, что в этот день брат пообещал совершить исключительное преступление.

– Откуда ты знаешь, может, он и насчет даты соврал?
Пендергаст ответил не сразу.
– Верно, не знаю, однако инстинкт подсказывает мне, что здесь все точно. У меня лишь один ответ: я слушаюсь своей интуиции.

Глава 37

В академической библиотеке Уит де Винтер III сгорбился над тяжеленным учебником математики. Он смотрел на формулу, составленную исключительно из греческих букв, пытаясь внедрить ее в затуманенный мозг. До промежуточного экзамена оставалось менее часа, а он не запомнил и половины нужных формул. Ну зачем, вместо того чтобы прилежно готовиться к испытанию, вчера вечером он курил травку с подружкой Дженнифер? Тогда ему казалось, что он отлично проводит время... Глупо, так глупо. Если завалит экзамен, с отметки «хорошо» он скатится до «удовлетворительно», и придется ему тогда идти вместо Йельского университета в Массачусетский. Он никогда не поступит на медицинский факультет, не получит достойную работу, а будет прозябать в жалком доме с какой-нибудь коровой-женой и кучей орущих детей...

Глубоко вздохнул и снова углубился в книгу, но тут его отвлек громкий возглас из расположенного неподалеку отсека. Уит выпрямился. Голос был ему знаком: эта ядовитая девчонка в одной с ним группе изучала курс английской литературы. Волосы у нее были выкрашены в пурпурный цвет... Корри. Корри Свонсон.

– В чем дело? Не видите, что я занимаюсь? – ее голос разнесся по всему атриуму.

Уит прислушался, но не расслышал, что ответил ей тихий собеседник.

– В Австралию? С ума сошли? – так же громко прозвучал женский голос. – У меня сессия в разгаре! Кто вы такой, извращенец что ли?

Послышалось шиканье недовольных студентов. Уит выглянул из своего отсека, довольный тем, что отвлекся от скучной книги. Он увидел мужчину в темном костюме, наклонившегося над одним из отсеков.

– Он так и сказал? Что ж, покажите удостоверение.

Послышалось бормотание.

– Хорошо. Я вам верю, тем более что я не прочь поваляться на пляже. Но вы говорите, надо ехать прямо сейчас? Вы, должно быть, шутите.

Снова невнятный разговор. Студенты опять зашикали.

– Ладно, ладно. Скажу одно: если завалю биологию, виноват будет Пендергаст.

Он услышал скрип стула и увидел Корри Свонсон. Она вышла из своего отсека и последовала за мужчиной. Мужчина был похож на агента разведывательного управления – застегнут на все пуговицы, квадратная челюсть, темные очки. Интересно, что Корри натворила на этот раз?

Уит смотрел ей вслед: обтянутые черным платьем узкие бедра соблазнительно покачивались, позванивали металлические висюльки, по спине рассыпались густые пурпурные волосы, кончики их остались черными. Черт побери, да она – та еще штучка. Отцу он ее, правда, не посмел бы показать. Старик убил бы его, если бы он вздумал назначить ей свидание.

Уит обратил воспаленные глаза к формуле, с помощью которой можно было вычислить радиус кривой в функции с двумя переменными. Он смотрел на нее, как на текст, написанный на незнакомом ему греческом языке, как на первую строку Илиады.

Уит простонал. Жизнь близилась к концу. И все из-за Дженнифер и ее магической травки...

* * *

На белый, обшитый вагонкой дом падал легкий снег. Фонари проливали желтые лужи

на широкие заснеженные улицы тихого пригорода Кливленда. Отдаленный гудок поезда добавлял меланхолическую нотку ночному пейзажу.

За окном двухэтажного дома с остроконечной крышей двигалась тень – фигура в инвалидном кресле, едва очерченная в пробивавшемся из глубин комнаты слабом голубом свете. Занятая неизвестным делом, фигура эта двигалась назад и вперед в молчаливой пантомиме. Внутри комнаты стояли металлические стеллажи, они занимали стены от пола до потолка. Полки забиты электронным оборудованием: мониторы, принтеры, жесткие диски, дистанционные блоки (с их помощью можно было снять изображение с экрана монитора), перехватчики разговоров на сотовых телефонах, беспроводные маршрутизаторы и внешние системы хранения данных. В комнате пахло горячей электроникой и ментолом.

Кресло каталось туда-сюда, иссохшая рука стучала по клавишам, нажимала на кнопки, поворачивала диски. Устройства медленно отключались, огоньки гасли один за другим, прекратили работу локальные сети, отключился внешний доступ, жесткие диски, потемнели экраны, погасли дисплеи. Мужчина, известный в сообществе хакеров под кличкой Мим, закрывался от мира.

Погас последний свет – большая плазменная панель, – и комната погрузилась во тьму.

Закончив дело, Мим переводил дух в непривычной темноте. Теперь он был совершенно отрезан от внешнего мира. Он знал, что сейчас его невозможно найти. И все же информация, полученная им от человека по имени Пендергаст, одного из двух в мире людей, которым он безоговорочно доверял, вселила в него беспокойство.

Долгие годы Мим не чувствовал себя оторванным от мира: огромные потоки информации омывали его дом, словно невидимый океан. В одночасье ему стало холодно и одиноко.

Сидел, думал. Через минуту он обратится к совсем другим устройствам. В комнате вспыхнут новые огоньки – заработают мониторы видеокамер, включится система слежения, фиксирующая все, что происходит снаружи и внутри дома. Это была защитная мера. Оборудование он установил много лет назад, однако оно ни разу не потребовалось. Теперь до него дошла очередь.

Мим вздыхал в темноте. Впервые в жизни он испытывал страх.

* * *

Проктор запер дверь большого особняка на Риверсайд-драйв, 891. Огляделся по сторонам и уселся в поджидавший его «хаммер». Здание было закрыто надежно: ни с какой стороны к нему не подступиться. Констанция до сих пор находилась внутри, скрывалась в секретном месте, которое выручило ее в прошлом. Никто, даже Пендергаст, не знал, где оно находится. Припасы у нее были, был сотовый телефон, лекарства – все, в чем она нуждалась.

Проктор включил двигатель, огромный бронированный автомобиль завернул за угол и в южном направлении двинулся по Риверсайд-драйв. По привычке Проктор глянул в зеркало заднего вида: нет ли хвоста. Ничего подозрительного не заметил, хотя – и Проктору это было хорошо известно – отсутствие видимых признаков слежки еще не означает, что слежки нет.

На углу перекрестка Проктор притормозил у переполненного мусорного бака. На ходу кинул в контейнер пакет из «Макдональдса» – замороженный картофель «фри», густо политый застывшим кетчупом. Набрав скорость, выехал на вестсайдскую автостраду. Соблюдая скоростной режим и не забывая поглядывать в зеркало заднего вида, взял северное направление. Проехал через Ривердейл и Йонкерс к Сомилл-Ривер-паркуэй, миновал Таконик, затем I-90, I-87 и Нордуэй. Он будет ехать всю ночь и все утро, пока не доберется до домика на маленьком озере в двадцати милях к северу от Сент-Аман л'Эглис, Квебек.

Посмотрел направо: на сиденье лежал AR-15, заряженный пулями калибра 5,6. Проктор почти надеялся на то, что его преследуют. Ничего он так не хотел, как преподать этому парню урок, которого тот до конца жизни не забудет, впрочем, конца ему долго ждать не придется.

Небо посветлело, над Гудзоном занялся грязный рассвет, промозглый ветер раскидывал по пустым улицам обрывки газет. По Риверсайд-драйв, шаркая ногами, тащился одинокий оборванец. Возле помойки он остановился, начал рыться в контейнере. Довольно крикнув, вытащил пакет «Макдональдса» с наполовину размороженным картофелем «фри». Жадно стал запихивать его в рот, тем временем левая рука ловко сунула в карман маленький клочок бумаги, спрятанный на дне пакета. На бумажке было написано несколько строк красивым старомодным почерком:

В мире есть только один человек, отвечающий вашим требованиям:
Эли Глинн из фирмы «Эффективные инженерные решения».
Литтл Вест, 12-я стрит, Гринвич-Виллидж, Нью-Йорк.

Глава 38

Огромная, белая, ослепительно яркая луна серебрила распростершееся далеко внизу море. Виола Маскелене смотрела в иллюминатор. По блестящей воде тянулся белый след, узкий, словно прочерченный карандашом. Оставлял его позади себя огромный океанский лайнер, казавшийся игрушечным с высоты 33 000 футов. Это «Куин Мэри», подумала она, по пути из Саутгемптона в Нью-Йорк.

Виола не отрывала от корабля зачарованных глаз, ее воображению представлялись тысячи людей – далеко внизу, на огромном лайнере посреди океана. Они едят, пьют, занимаются любовью – целый мир на корабле, таком маленьком, что она могла бы уместить его на своей ладони. Смотрела, пока корабль не исчез за линией горизонта. Забавно: она летала не менее тысячи раз, но воздушное путешествие до сих пор было для нее волнующим приключением. Взглянула на мужчину, сидевшего через проход. Тот дремал над газетой «Файнэншиал таймс» и, кажется, ни разу не выглянул в окно. Таких людей она не понимала.

Пошла вторая половина ее путешествия из Италии: в Лондоне Виола пересела на другой самолет. Откинувшись на спинку кресла, она задумалась: чем бы теперь занять себя? Взятую в дорогу книгу она уже прочла, пролистала и журнал, который ей предложили в полете. Салон первого класса был почти пуст. По лондонскому времени два часа ночи, несколько пассажиров, что были с Виолой в салоне, крепко спали, так что стюардесса была в ее полном распоряжении. Виола встретила с ней глазами.

– Могли ли я быть вам полезной, леди Маскелене?

При упоминании титула Виола моргнула. И как они все узнают?

– Шампанского, пожалуйста. И, если не возражаете, не называйте меня «леди Маскелене». Я чувствую себя старой вешалкой. Называйте Виолой.

– Прошу прощения. Я немедленно принесу вам шампанского.

– Большое спасибо.

В ожидании шампанского Виола порылась в сумочке и вынула письмо. Три дня назад оно пришло к ней на итальянский остров Капрайя. Заметно было, что письмо часто раскрывали и складывали, но она еще раз стала его читать.

Милая Виола,

Думаю, это письмо станет для вас шоком, а потому прошу прощения. Ощущения – примерно как у Марка Твена. Объявляю, как и он: слухи о моей смерти оказались сильно преувеличенными. Я жив, здоров, но вынужден уйти в подполье, и все из-за исключительно деликатного дела, над которым сейчас работаю. Это обстоятельство, вкупе с недавними событиями в Тоскане, о которых вы, без сомнения, осведомлены, произвели ложное впечатление на моих друзей и коллег, решивших, что я погиб. Некоторое время мне было выгодно держать их в неведении. Но я жив, Виола, хотя и был на волосок от смерти.

Ужасная ситуация, в которой я тогда оказался, и явилась причиной, понудившей меня написать это письмо. За те несколько страшных часов я понял, как коротка и как хрупка жизнь, а потому мы не должны пропускать редкие моменты, в которые можем быть счастливы. Когда мы случайно встретились на Капрайе, я был поражен и, если вы простите

мне эти слова, думаю, что и вами овладели сходные чувства. Что-то произошло между нами. Вы произвели на меня невероятное впечатление. Надеюсь, что и я не оставил вас равнодушной. Поэтому мне хотелось бы пригласить вас на десять дней в Нью-Йорк, чтобы получше узнать друг друга. Необходимо выяснить, действительно ли то впечатление нас не обмануло.

Дойдя до этого места, Виола улыбнулась: старомодный, какой-то неловкий стиль письма так напомнил ей Пендергаста, что она почти слышала его голос. Но факт оставался фактом: письмо было совсем не похоже на те, что она когда-либо получала. Внимания Виолы добивалось много мужчин, используя разные способы, но такого еще не было. Что-то произошло между нами. Справедливо. Но даже если это и так, большинство женщин были бы шокированы подобным приглашением. Во время их единственной встречи Алоиз каким-то образом понял ее так хорошо, что был уверен: его письмо не произведет на нее неприятного впечатления. Наоборот...

Она снова обратилась к письму.

Если примете столь неожиданное приглашение, возьмите, пожалуйста, билет на 27 января компании Бритиш Эйр-вэйз, рейс 822, до аэропорта Кеннеди. Не говорите никому, куда едете. Объясню все, когда прибудете сюда. Скажу одно: если хоть кто-то узнает о вашей поездке, моя жизнь будет в опасности.

В аэропорту Кеннеди, возле багажной карусели, вас встретит мой дорогой брат Диоген.

Диоген. Она улыбнулась, вспомнив, как Алоиз сказал ей на Капрайе, что в их семье любили экзотичные имена. Он не шутил: ну кому придет в голову назвать своего ребенка Диогеном?

Вы узнаете его тотчас, потому что он очень на меня похож. Он, правда, носит аккуратно подстриженную бородку. Самое странное в нем – то, что в результате несчастного случая, произошедшего в детстве, глаза у него разного цвета: один карий, другой – сизо-голубой. Опылательной таблички при нем не будет, и он, конечно же, не знает, как вы выглядите. Придется вам самой его опознать. Я не доверю вас никому, кроме брата. Он будет хранить конфиденциальность.

Диоген привезет вас в мой коттедж на Лонг-Айленде, в маленьком городке в бухте Гардинерз Бэй. Там я и буду вас ожидать. Мы проведем с вами несколько дней. Коттедж с виду простоват, но в нем есть все удобства, к тому же из окон открывается великолепный вид на остров Шелтер. У вас, конечно же, будут свои комнаты, и мы соблюдем все приличия, если, конечно, обстоятельства этому не воспрепятствуют.

Виола громко рассмеялась. Ну какой же он старомодный! Тем не менее не побоялся сделать ей столь смелое предложение, умудрившись при этом сохранить такт и не потерять чувство юмора.

Через три дня после вашего приезда дело, над которым работаю, будет завершено. Я снова заживу нормальной жизнью, и (надеюсь) вы будете рядом со мной. Мы проведем восхитительную неделю – будем ходить в театры, слушать музыку, вы познакомитесь с кулинарией Нью-Йорка прежде чем вернетесь к себе на Капрайю.

Виола, прошу вас еще раз: никому ни слова. Телеграфируйте, пожалуйста, свой ответ по следующему адресу:

А. Пендлтон
15 Гловер'с Бокс Роуд
Спрингс, Нью-Йорк 10511
И подпишите «Анна Ливия Плюрабель».

Вы сделаете меня счастливым, если примете приглашение. Знаю, что не умею выражать чувства, изящная словесность – не мой конек. Свою привязанность выражу, когда встретимся лично.

Ваш Алоиз

Виола снова улыбнулась. Она почти слышала Пендергаста. Речь его была элегантна, хотя и немного строга. Анна Ливия Плюрабель... приятно знать, что Пендергаст не чуждается остроумной литературной аллюзии, к тому же эзотерической. Как же он обаятелен! От одной мысли, что она скоро его увидит, разгоралась душа. А намек на грозящую ему опасность лишь добавлял остроты ожидавшему ее приключению. Ну разве не удивительно, что, проведя с ним один лишь день, она ощущала, будто знает его всю жизнь. Раньше она не верила в такую ерунду, как родство душ, в любовь с первого взгляда, в то, что браки совершаются на небесах. Но сейчас...

Она сложила письмо и вынула вторую бумагу. Это была телеграмма, в ней были такие слова:

Счастлив, что вы приезжаете! Мой брат встретит вас. Знаю, что могу рассчитывать на конфиденциальность.
Ваш Л. Х. Л. П.

Она аккуратно сложила оба послания и спрятала в сумку. Потягивая шампанское, вернулась мыслями к их встрече на Капрайе. Она работала в винограднике, когда заметила мужчину в черном костюме. В сопровождении американского полицейского в гражданской одежде он осторожно обходил кучки навоза. Зрелище было столь нелепым, что она чуть не рассмеялась. Они окликнули ее, думая, что она крестьянка. Затем подошли ближе, и она впервые увидела странное и красивое лицо Пендергаста. Никогда еще не испытывала она такого непонятного чувства. Лицо его выразило изумление, хотя он и попытался его скрыть. Визит был коротким, около часа. Они разговаривали за бокалами белого вина на террасе с видом на море. Мыслями Виола постоянно возвращалась к тому дню, будто понимала: с ней произошло что-то важное.

Затем был второй визит – приехал один Д'Агоста. Лицо полицейского было усталым и тревожным. Он принес ей ужасную весть о смерти Пендергаста. Только тогда она поняла, как ждала новой встречи с агентом Пендергастом, как верила в то, что он будет с ней до конца ее жизни.

Тот день был самым страшным. Письмо, которое она получила, сделало ее счастливой.

Она улыбалась, радуясь, что увидит его снова. Ей нравилась интрига. Она никогда не шарахалась от сюрпризов, которые приносила ей жизнь. Импульсивность не раз доставляла ей неприятности и тем не менее расцветивала ее жизнь яркими красками, делала ее интересной, и она не променяла бы ее на что-то другое. Это загадочное приглашение напоминало авантюрный роман, такими книгами она зачитывалась в юности. Неделя в коттедже, затерянном на Лонг-Айленде, с человеком, который заинтересовал ее, как никто другой, а потом полная удовольствий неделя в Нью-Йорке... Ну как тут отказаться? Ей не надо будет спать с ним, ведь он же настоящий джентльмен, хотя мысль об этом пронизывала ее, словно током, и вызывала жаркий румянец...

Она допила шампанское – отличное, да в первом классе другого вина не подают. Иногда мучила совесть за то, что она летает только первым классом, но ведь это – трансатлантический перелет, и так гораздо удобнее. Виола привыкла к примитивной жизни – она много лет раскапывала египетские гробницы, но зачем же постоянно отказывать себе в комфорте?

Сверила время. Через несколько часов она приземлится в аэропорту Кеннеди.

Интересно встретить брата Пендергаста, этого Диогена. Можно многое узнать о человеке, познакомившись с его братом.

Глава 39

Д'Агоста следовал за Пендергастом. Агент – в обличье бродяги – тащился по улице, завернул за угол Девятой авеню, вышел на 12-ю стрит. Было девять часов вечера, с Гудзона дул колючий ветер. Занимавшийся производством фасованного мяса старый район был

втиснут в узкий коридор: с севера его подпирал Челси, с юга – Гринвич-Виллидж. За те несколько лет, что Д'Агоста здесь не был, территория сильно изменилась. Рядом с мясными лавками и домами оптовых торговцев выросли современные рестораны, модные бутики и новые производства. Неуместное, казалось бы, соседство для специалиста в судебной медицине.

Пройдя половину квартала, Пендергаст остановился перед большим двенадцатизэтажным складским помещением, знававшим лучшие времена. Пыльные окна за стальной сеткой стали непроницаемыми, нижние этажи покрылись сажей. Кроме потускневшей надписи, выведенной прямо на старой кирпичной стене – «Прайс & Прайс. Упаковка свинины Инк.», – не было никаких вывесок, указывавших на наличие в здании других фирм. Широкие ворота, позволявшие фургонам въезжать в здание, были заперты и закрыты на засов. Рядом с воротами имелась дверь со звонком. Пендергаст нажал на кнопку.

– Да? – немедленно откликнулся голос из спрятанного за решеткой микрофона. Пендергаст пробормотал что-то – сработал электронный замок. За раскрывшейся дверью обнаружилось маленькое белое помещение. Кроме крошечной камеры, установленной под потолком на торцевой стене, в комнате ничего не было. Дверь закрылась за ними с легким щелчком. Полминуты они стояли, глядя на камеру. Затем в торцевой стене отъехала в сторону почти невидимая дверь. Пендергаст и Д'Агоста прошли по белому коридору и оказались в полутемном, поистине удивительном помещении.

Нижние этажи склада пустовали, осталась, так сказать, шестиэтажная оболочка. Перед гостями выстроился лабиринт столов, громоздкое научное оборудование, компьютерные терминалы, сложные модели и диорамы. Внимание Д'Агосты привлек огромный стол, представлявший собой модель океанского дна где-то возле Антарктики. Модель в разрезе демонстрировала подводную геологию, был там и вулкан или что-то в этом роде. Д'Агоста заметил и другие интересные модели, в том числе корабль с научным оборудованием и военной техникой.

Из полумглы раздался голос:

– Добро пожаловать.

Д'Агоста повернулся и увидел фигуру в инвалидном кресле. Человек двигался к ним между двумя рядами длинных столов. У него были коротко стриженные каштановые волосы, тонкие губы и квадратная челюсть. Одет он был в неброский, но хорошо сшитый костюм. Рука в черной перчатке управляла креслом с помощью джойстика. Д'Агоста понял, что один глаз мужчины стеклянный, потому что в нем не было яростного огня, который излучал другой его глаз. С правой стороны лица, от линии волос и до челюсти, тянулся красный шрам, похожий на рану, полученную во время дуэли.

– Я – Эли Глинн, – сказал он низким мягким голосом. – Вы, должно быть, лейтенант Д'Агоста и агент Пендергаст. – Он остановил кресло и протянул руку. – Добро пожаловать в «Эффективные инженерные решения».

Они двинулись за ним между столами, миновали маленькую оранжерею с призрачно мерцавшим освещением, вошли в кабину лифта и поднялись в коридор четвертого этажа. Следуя за инвалидным креслом, Д'Агоста испытывал некоторые сомнения. «Эффективные инженерные решения»? Мистер... нет, доктор Эли Глинн? Уж не сделала ли Констанция Грин – несмотря на выдающиеся способности к поисковой работе – ошибку? Этот человек не был похож на консультанта в области криминалистики.

А Д'Агоста на своем веку повидал немало специалистов в этой области.

Глинн оглянулся, окинул здоровым глазом форму Д'Агосты.

– Лейтенант, можете отключить рацию и сотовый телефон. В этом здании мы блокируем все радиосигналы.

Он привел их в маленькую переговорную комнату, отделанную полированным деревом. Закрыл дверь и жестом пригласил усесться. Сам откатился к противоположной стороне стола, где между угольно-черными стульями было предусмотрено место для его

коляски. Перед ним лежал тонкий конверт, больше на безупречно чистом столе ничего не было. Откинувшись в кресле, Глинн обратил на них испытующий взгляд.

– Ваша просьба необычна, – сказал он.

– Да и проблема необычна, – ответил Пендергаст.

Глинн окинул его взглядом с головы до ног.

– Очень удачная маскировка, мистер Пендергаст.

– Неплохая.

Глинн сложил руки.

– Расскажите подробнее о вашей проблеме.

Пендергаст оглянулся.

– Расскажите мне сначала о том, чем занимается ваша компания. Спрашиваю, потому что все это, – он сделал широкий жест, – не похоже на контору специалиста в области криминалистики.

На лице Глинна появилась медлительная невеселая улыбка, растянувшая и воспламенившая шрам.

– Справедливый вопрос. «Эффективные инженерные решения» – это фирма, которая разрешает уникальные инженерные проблемы и исследует причины неудач.

– Какого рода инженерные проблемы? – спросил Пендергаст.

– Ну, например: нейтрализация подземного ядерного реактора, который использует в военных целях некое государство Среднего Востока. Выяснение причин таинственного и неожиданного исчезновения спутника, стоящего миллиард долларов. – Он поднял палец, и этот маленький жест выглядел очень значительным – так неподвижен до сих пор был этот человек. – Ну, вы понимаете, я не буду вдаваться в детали. Видите ли, мистер Пендергаст, «анализ будущего» – другая сторона медали: тут нужно понимать отчего происходят неудачи. Благодаря такому пониманию, мы предотвращаем возможный провал либо выясняем причину, после того как срыв уже произошел. К сожалению, последний случай – более частое явление.

Д'Агоста не выдержал.

– Я все-таки не понимаю. Какое отношение к криминальной практике имеет анализ техногенных аварий?

– Я уже к этому подхожу, лейтенант. Анализ неудач начинается и заканчивается психологической проработкой. Наша фирма давно осознала, что ключом к пониманию неудачи является точное знание того, как люди совершают ошибки. То же самое относится и к решениям, которые принимают люди. Нам нужна сила предсказания – способ, с помощью которого можно предсказывать, как тот или иной человек поведет себя в определенной ситуации. Поэтому мы разработали систему психологического испытания. В данный момент она работает на основе суперкомпьютера IBM. Мы делаем психологический анализ лучше, чем кто-либо в мире. Говорю вам это не с целью рекламы. Это простой факт.

Пендергаст наклонил голову.

– Очень интересно. Как же вышло, что я о вас никогда не слышал?

– Мы не хотим, чтобы о нас знали. Нам достаточно и небольшого круга клиентов.

– Прежде чем начнем, я должен быть уверен, что все останется между нами.

– Мистер Пендергаст, наша фирма выдает две гарантии. Первая – полная конфиденциальность. Вторая – гарантированный успех. Теперь изложите, пожалуйста, вашу проблему.

– Дело касается человека по имени Диоген Пендергаст, моего брата. Он пропал более двадцати лет назад, инсценировав собственную смерть. Считается, что Диоген исчез с лица земли, по крайней мере официально. Его нет ни в одной государственной базе данных. Есть только свидетельство о смерти, которое, как я знаю, поддельное. О нем нет никаких сообщений – ни адреса, ни фотографий, ничего. – Он вынул толстый скоросшиватель и положил его на стол. – Все, что мне известно, находится здесь.

– Откуда вы знаете, что он до сих пор жив?

– Прошлым летом у нас произошла любопытная встреча. Об этом сказано в досье. Есть там и факты, свидетельствующие о том, что он сделался серийным убийцей.

Глинн задумчиво кивнул.

– Диоген ненавидел меня с детства, он всю жизнь положил на то, чтобы меня уничтожить. 19 января этого года он в конце концов стал приводить свой план в действие. Начал убивать моих друзей и соратников, одного за другим. Изводит меня тем, что я не могу их спасти. Убил уже четверых. Два последних раза присылал мне записки с предупреждением – кто станет жертвой. В первый раз не обманул, во второй раз сблефовал и тем самым заставил меня защищать не того человека. Я не сумел его остановить. Сейчас заявляет, что следующая цель – лейтенант Д'Агоста. Сведения об убийствах подробно изложены в этой папке.

Д'Агоста заметил, как в здоровом глазе Глинна вспыхнул интерес.

– Насколько умен этот Диоген?

– В детстве ему измерили IQ, и он равнялся 210. Было это после перенесенной им скарлатины. Болезнь совершенно его изменила.

Глинн вскинул бровь.

– Мы что же, имеем дело с органическим повреждением мозга?

– Вряд ли. У него и до скарлатины были странности. Болезнь их сильно обострила.

– Поэтому вы ко мне и обратились? Вам нужен полный анализ личности этого человека. С психологической, криминальной и поведенческой точек зрения. Естественно, поскольку вы его брат и слишком близки к нему, сделать этого сами не можете.

– Верно. Диоген вынашивал свой план годами. Он всегда был на три шага впереди меня. На месте преступления улики не оставляет – разве что намеренно. Единственный способ остановить его – предугадать, что он сделает в следующий раз. Я должен подчеркнуть, что время не терпит. Диоген угрожает совершить свое главное преступление завтра, 28 января. Он назвал эту дату кульминацией своего плана. Незачем и говорить, что сейчас в опасности находится много жизней.

Глинн открыл папку здоровой рукой и начал листать ее.

– Я не смогу выдать анализ за двадцать четыре часа.

– Вы должны.

– Это невозможно. Единственное, что могу сделать – отставить в сторону всю остальную работу и сосредоточиться на вашем задании. На это мне потребуется семьдесят два часа. Вы слишком поздно пришли ко мне, мистер Пендергаст. По крайней мере поздно для той даты, которую назвал ваш брат. – Он наклонил голову набок и с любопытством уставился на Пендергаста.

Агент на мгновение замер.

– Ладно, пусть будет так, – тихо сказал он.

– Тогда не будем терять время. – Глинн положил руку на лежавшую перед ним папку и перекинул ее через стол. – Это наш стандартный контракт. Моя цена – один миллион долларов.

Д'Агоста так и подскочил.

– Миллион баксов? Вы в своем уме?

Пендергаст остановил его взмахом руки.

– Согласен.

Он взял папку, открыл ее и быстро просмотрел контракт.

– В конце, – сказал Глинн, – вы найдете наши стандартные заявления. Мы даем абсолютную, безоговорочную гарантию успеха.

– Вы второй раз помянули эту любопытную гарантию. Как вы определяете слово «успех», мистер Глинн?

На лице Глинна снова промелькнула призрачная улыбка.

– Естественно, мы не можем гарантировать, что вы схватите Диогена. Не можем гарантировать и того, что вы предотвратите новые убийства. Это зависит только от вас.

Гарантируем мы следующее. Во-первых, мы дадим вам психологический портрет Диогена, который объяснит мотив его преступлений.

– Мотив мне известен.

Глинн пропустил его слова мимо ушей.

– Во-вторых, составленный нами портрет будет обладать силой предвидения. Он подскажет вам в ограниченном пределе возможностей, каковы будут дальнейшие действия Диогена Пендергаста. Мы предлагаем дополнительные услуги – если у вас есть специальные вопросы о будущих действиях интересующего вас лица, то мы пропустим их через нашу систему и выдадим точные ответы.

– Сомневаюсь, что это возможно сделать в отношении любого человека, не говоря уже о Диогене.

– Я не собираюсь пускаться с вами в философские рассуждения, мистер Пендергаст. Люди до отвращения предсказуемы, и психопаты, и старушки-одуванчики. Мы делаем то, что говорим.

– У вас случались ошибки?

– Никогда. Есть только один вопрос, который остается – если можно так сказать – открытым.

– Вы имеете в виду термоядерное устройство?

Если Глинн и удивился, то виду не показал.

– Что еще за термоядерное устройство?

– То, что вы разрабатываете внизу. Я заметил на доске несколько уравнений, имеющих отношение к энергии связи.

Рядом на столе лежала бумага с проектом обработки дробящего взрывчатого вещества, которое может быть использовано лишь для сжатия ядра.

– Придется поговорить с моим старшим инженером, разбрасывающим документы, относящиеся к другим проектам.

– Я также вижу, что вы занимаетесь генетически модифицированным вирусом растительной мозаики. Это тоже относится к другому проекту?

– Мы обещаем конфиденциальность и другим нашим клиентам. Может, вернемся к разговору о Диогене? В частности, к мотиву его преступлений.

– Погодите, – сказал Пендергаст. – Я своим словам цену знаю. Ваши манеры – речь, движения, напор – говорят о человеке с избыточной одержимостью. Я также обратил внимание на ваш шрам. Судя по всему, вы обзавелись им недавно. Все это, вкуче с тем, что я заметил внизу, – скажу прямо – меня насторожило.

Глинн поднял брови.

– Насторожило?

– Боюсь, такой человек, как вы, решающий проблемы более серьезные, чем моя, не станет уделять полное внимание моему делу.

Глинн сидел очень тихо, не отвечая. Пендергаст смотрел на него и тоже не двигался.

Прошла минута, другая, оба человека молчали. Глядя на них, Д'Агоста встревожился. Казалось, эти двое сражались на дуэли: один делал выпад, другой отражал удар и наносил контрудар, и все это без слов и даже без движений.

Неожиданно, без всякой преамбулы, Глинн заговорил все тем же спокойным, нейтральным голосом.

– Если вы когда-либо решите уйти из ФБР, мистер Пендергаст, предложу вам место у себя. С моей стороны нет никакой одержимости, я просто выполняю обещание, гарантирую успех. Видите ли, гарантия эта важна не столько нашим клиентам, сколько нам самим. Другой проект я собираюсь завершить так же успешно, хотя заказчик больше не в состоянии его одобрить. В определенной точке Южной Атлантики происходят серьезные сейсмические сдвиги, что требует ядерной коррекции. Я сообщил вам больше, чем требуется. Сказать по правде, за вашу маленькую проблему я решил взяться главным образом потому, что в данный момент стеснен в средствах. Тем не менее я вложу в это дело всю свою энергию и

довежу его до успеха, потому что, если потерплю неудачу, мне придется вернуть вам деньги и испытать моральное унижение. И, как я уже докладывал, наша фирма не ошибается. Вам все ясно?

Пендергаст кивнул.

— А теперь вернемся к мотиву вашего брата, источнику его ненависти. Что-то между вами произошло, и я должен знать, что именно.

— В папке об этом все сказано. Он всегда меня ненавидел. Последней каплей стало то, что я сжег дневники брата.

— Расскажите об этом.

— Мне было четырнадцать, ему — двенадцать. Мы с ним никогда не ладили. Он был жестоким и странным, а после скарлатины эти черты только усилились.

— Когда это произошло?

— Когда ему исполнилось семь.

— Медицинская карта сохранилась?

— Нет. Его лечил семейный врач.

— Продолжайте.

— Однажды я наткнулся на его дневники с ужасными откровениями. Нормальному человеку такое и в голову бы не пришло. Он вел их несколько лет. Я их сжег, и это был опрометчивый шаг. Несколько лет спустя сгорел наш дом, родители погибли в огне. Я в то время был в школе, но Диоген присутствовал при пожаре, слышал, как они звали на помощь. Наверное, от этого он и рехнулся.

На губах Глинна играла холодная улыбка.

— Думаю, это не так.

— Вы не согласны?

— Я не сомневаюсь в том, что брат ревновал вас к родителям, а история с дневниками привела его в ярость. Однако вряд ли его патологическая ненависть родилась после сожжения дневников. Да и скарлатина тоже тут ни при чем. Нет, мистер Пендергаст, ненависть в душе Диогена проклюнулась гораздо раньше. Между вами тогда что-то произошло. Эта информация нам и нужна. А вы — единственный человек, который может ее сообщить.

— В этой папке содержится все, хоть сколько-нибудь достойное внимания, включая нашу последнюю встречу в Италии. Уверяю вас, не было ни единого инцидента, который мог бы объяснить его ненависть.

Глинн взял папку, стал листать бумаги. Прошло три минуты, пять, Глинн отложил папку.

— Вы правы. Никаких зацепок.

— Как я и говорил.

— Вполне возможно, вы что-то пропустили.

— Я ничего не пропустил. У меня исключительная память. Помню себя с первого дня жизни.

— Тогда вы намеренно о чем-то умалчиваете.

Пендергаст притих. Д'Агоста удивленно смотрел на них. Он никогда не видел, чтобы кто-нибудь осмелился бросить Пендергасту вызов.

Глинн стал еще более непроницаемым.

— Мы не можем продолжать без этой информации. Она необходима, и необходима сейчас. — Он взглянул на часы. — Я собираюсь вызвать нескольких доверенных помощников. Они будут здесь в течение часа. Мистер Пендергаст, за той дверью есть маленькая комната с кроватью. Пожалуйста, располагайтесь там и ждите дальнейших инструкций. Лейтенант, ваше присутствие более не требуется.

Д'Агоста взглянул на Пендергаста. Впервые он увидел на лице агента что-то вроде дурного предчувствия.

— Никуда я не пойду, — раздраженно сказал Д'Агоста.

Пендергаст слегка улыбнулся, покачал головой.

– Все в порядке, Винсент. Мне страшно не хочется рыться в прошлом, отыскивая то, чего в действительности, возможно, не существует, но сделать это необходимо. Встретимся в условленном месте.

– Ты уверен?

Пендергаст кивнул.

– И не забудь: ты – следующий человек, названный Диогеном. 28 января настанет менее чем через три часа. Винсент, будь предельно осторожен.

Глава 40

Лаура Хейворд металась по комнатухе, словно тигрица в клетке, то и дело взглядывая на висевшие позади стола уродливые часы. Ей казалось, что если она не избавится от переполнявшей ее нервной энергии, то взорвется. Покинуть кабинет она не могла, вот и успокаивала себя таким образом.

Почти весь вечер она занималась вещдоками, которые были добыты в ходе расследования дел Дучэмпа и Грин. Сравнивала их с другими свидетельствами, которые ей удалось вывести, выпросить и выбить в Новом Орлеане. Пробковый щит она очистила от всех других дел и разделила на четыре части, каждая для одного убийства: профессор Торранс Гамильтон, 10 января; Чарльз Дучэмп, 22 января; специальный агент Майкл Декер, 23 января; и доктор Марго Грин, 26 января. Были обнаружены микрочастицы волокон и волос, сфотографированы узлы и следы обуви; имелись выдержки из отчетов медицинских экспертов; анализы крови; фотографии, сделанные на местах преступлений; орудия убийства; сведения об отпечатках пальцев; там, где требовалось, сделаны диаграммы; имелись показания свидетелей. Связь преступлений демонстрировали цветные кнопки – красные, желтые, зеленые и голубые. Имелись и различия, однако Хейворд не сомневалась в том, что все четыре убийства совершил один и тот же человек.

Никаких сомнений.

Посреди ее стола лежал тощий отчет. Он пришел только что от главного специалиста в области криминологии. Специалист подтвердил, что преступления психологически связаны и могли быть совершены одним и тем же преступником. Более того, он нарисовал психологический портрет убийцы. Очень странно, если не сказать больше.

Заместитель комиссара и Новый Орлеан этого еще не знали; ФБР этого не знало; даже Синглтон и Рокер этого пока не знали, но они имели дело с серийным убийцей – расчетливым, умным, методичным, холодным и в то же время безумным серийным убийцей.

Она развернулась, прошла по кабинету и снова развернулась. Как только она докажет Рокеру, что преступления связаны друг с другом, начнется свистопляска. ФБР, которое в связи с убийством Декера уже подключилось, узнав о серийном убийце, обрушится на них, как тонна кирпичей. Пресса устроит землетрясение – серийные убийцы всегда выходили на первые полосы изданий. Но о таком серийном убийце еще не слыхали. Она представила огромный заголовок в «Пост». Тут и мэр подключится, а может, и губернатор. Начнется хаос, настоящий хаос.

Однако она не могла ничего сказать Рокеру, пока не получит последнее доказательство, последний кусочек пазла. Ей нужна улика, и она готова была переворошить пылающие угли. Публичная реакция будет ужасной. Ей необходимо выстроить неопровержимую цепь доказательств, только так удастся спасти свою шкуру.

Кто-то робко постучал в дверь. Она замерла на полушаге.

– Войдите.

Человек с папкой сунул голову в дверь.

– Где вы пропадали? Я должна была получить этот отчет еще два часа назад!

– Прошу прощения, – заикаясь, сказал мужчина и сделал вперед несколько шажков. – Как я объяснил по телефону, мы должны были трижды все проверить, потому что...

– Да ладно. Давайте сюда ваш отчет.
Он протянул его издалека, словно боялся, что его укусят.
– Здесь есть анализ ДНК? – спросила она, забирая папку.
– Да. Два замечательных образца. Кровь с ножа для разрезания коробок и пятно на полу. Кровь одного и того же человека, но не жертвы. Только здесь есть проблема: ДНК не значится ни в одной базе данных – ни ФБР, ни малолетних преступников, поэтому мы сделали то, что вы просили, и прогнали ее через базы всех имеющихся у нас ДНК. Обнаружили ее в Федеральной базе данных. У нас возникла проблема в связи с конфиденциальностью и...
Он замялся.
– Продолжайте, – сказала Хейворд, как можно мягче.
– Причина, по которой я вынужден был трижды проверить программу, – страх совершить ошибку. Это поразительное открытие, капитан. Настоящая бомба.
– И? – Хейворд еле дышала.
– Вы, наверное, не поверите. ДНК соответствует данным одного из главных агентов Бюро.
Хейворд выдохнула.
– Я этому верю. Господи, помилуй, я этому верю.

Глава 41

Эли Глинн находился в своем кабинете на четвертом этаже компании «Эффективные инженерные решения». Комната была маленькой и аскетической: в ней были стол, несколько компьютеров, небольшая книжная полка и часы. Стены выкрашены в серый цвет, ничего личного, кроме маленькой фотографии. На снимке с мостика танкера махала рукой статная блондинка в форме морского капитана. Под фотографией сделанная от руки надпись – строчка из стихотворения Одена.

Электричество в комнате было выключено, свет исходил лишь от большого монитора. На плоский экран выводилось четкое изображение того, что происходило в кабинете подвального помещения здания. Видеокамера показывала двоих людей – Пендергаста и психолога компании, Рольфа Краснера, готовившего клиента к беседе.

Глинн с интересом смотрел на стройную фигуру Пендергаста. Проницательность и сообразительность агента, недюжинная способность увидеть и из нескольких разрозненных деталей сложить целое взволновали Глинна и вызвали любопытство.

Наблюдая картинку – изображение шло без звука – Глинн снова вернулся к папке, которую передал ему Пендергаст. Хотя дело это, сравнительно с тем, чем они занимались, было незначительным, в нем были любопытные моменты. Библейская история Каина и Авеля напоминала ему взаимоотношения этих двух необыкновенных братьев. Ибо Пендергаст был поистине необыкновенным – Глинн не встречал еще человека, чей интеллект он мог бы уподобить собственному. Глинн всегда чувствовал себя белой вороной, и вот явился человек, с которым он мог, выражаясь современным языком, себя идентифицировать. Брат Пендергаста, похоже, еще умнее, однако он представляет собой едва ли не олицетворение вселенского зла. Глинн был заинтригован. Этот человек несет в себе столь сильную ненависть, что посвятил ей всю свою жизнь. Такое чувство сродни всепоглощающей любви. Что бы ни питало его ненависть, чувство это поистине уникально.

Глинн взглянул на монитор. Предварительная рутинная беседа закончилась, и Рольф Краснер приступал к делу. В психологе компании сочетались обезоруживающее дружелюбие и высокий профессионализм. Трудно было поверить, что этот веселый, круглолицый, скромный человек с венским акцентом может представлять опасность. И в самом деле, на первый взгляд он казался самым безобидным человеком на свете, но только до тех пор, пока вы не увидели его в работе. Глинн знал, к какому успеху приводит стратегия Джекилла и

Хайда²² в разговоре с клиентом, который ни о чем не догадывается.

С другой стороны, у Краснера никогда еще не было такого клиента.

Глинн перегнулся и включил звук.

– Мистер Пендергаст, – весело сказал Краснер, – может, вам что-нибудь нужно, прежде чем мы начнем? Вода? Безалкогольный напиток? Двойной martini?

Он рассмеялся.

– Нет, спасибо.

Пендергаст, похоже, чувствовал себя не в своей тарелке. Впрочем, это неудивительно. Компания пользовалась тремя способами опроса в зависимости от типа личности. Экспериментальный четвертый способ применяли только для самых трудных, сопротивляющихся – и умных – клиентов. После того как они прочитали собранные Пендергастом документы и обсудили ситуацию, поспорили, какой из методов следует использовать. Пендергаст был шестым человеком за все время их работы, к которому решили применить четвертый способ. Он еще не подводил.

– Мы используем методику старого доброго психоанализа, – сказал Краснер. – Поэтому прошу вас прилечь на кушетку, чтобы вы не видели моего лица. Устраивайтесь, пожалуйста, поудобнее.

Пендергаст улегся на покрытую парчой кушетку и сложил на груди свои белые руки. В этой позе он напоминал труп. Что за потрясающий человек, подумал Глинн и продвинулся в инвалидном кресле поближе к монитору.

– Возможно, вы узнаете кабинет, в котором мы с вами находимся, мистер Пендергаст? – сказал Краснер, приступая к беседе.

– Да. Номер 19 Берггассе.

– Точно. Комната смоделирована по образцу кабинета Фрейда в Вене. Нам даже удалось приобрести некоторые принадлежавшие ему африканские резные украшения. И персидский ковер в центре комнаты тоже бывшая его собственность. Фрейд называл свой кабинет «gemutlich». Это почти непере译имое немецкое слово, означающее «приятный», «удобный», «комфортабельный», «дружелюбный». То есть та атмосфера, которую мы и постарались создать. Вы говорите по-немецки, мистер Пендергаст?

– Немецкий, к сожалению, не входит в число моих языков. Мне бы хотелось прочесть «Фауста» Гете в оригинале.

– Удивительное произведение, сильное и поэтичное.

Краснер уселся на деревянную табуретку так, чтобы Пендергаст его не видел.

– При работе с клиентами вы пользуетесь методами свободной ассоциации? – сухо спросил его Пендергаст.

– О нет! Мы разработали собственную методику. Она очень прямолинейная – никаких трюков, и сны мы не разгадываем. Единственное, что мы позаимствовали у Фрейда, это убранство кабинета.

Он снова рассмеялся.

Глинн невольно улыбнулся. В четвертом методе трюке были, но, конечно же, клиент не должен их замечать. Метод этот и в самом деле казался на редкость простым, но только на поверхности. Можно было обдурить самых умных людей, но очень тонко и осторожно.

– Я собираюсь помочь вам с помощью простых визуальных технологий и некоторых вопросов. Все просто, и без всякого гипноза. Надо лишь, чтобы вы были спокойны, сосредоточенны и отвечали на вопросы. Согласны, Алоиз? Можно я буду называть вас по имени?

– Можете, я к вашим услугам, доктор Краснер. Боюсь, правда, что не смогу дать нужную вам информацию, так как я и сам не верю, что она существует.

– Пусть это вас не волнует. Просто расслабьтесь, выполняйте мои указания и отвечайте

²² Персонажи романа Стивенсона «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда».

на вопросы так полно, как сможете.

«Расслабьтесь». Глинн знал, что Пендергаст вряд ли будет способен на это, стоит лишь Краснеру приступить к допросу.

– Замечательно. Теперь я гашу свет и прошу вас закрыть глаза.

– Как хотите.

Свет погас, осталось лишь слабое рассеянное сияние.

– Сейчас мы проведем три минуты в молчании, – сказал Краснер.

Минуты ползли очень медленно.

– Теперь начнем, – сказал Краснер тихим, бархатным голосом.

После еще одной долгой паузы он продолжил.

– Медленно вдохните. Задержите дыхание. Теперь выдыхайте еще медленнее. Еще раз. Вдохните, задержите дыхание, выдохните. Расслабьтесь. Очень хорошо. Теперь представьте, что вы находитесь в самом любимом вашем месте в любой части света. Место, где вы чувствуете себя как дома, очень свободно. Даю вам минуту на то, чтобы вы туда перенеслись. Оглянитесь по сторонам. Вдохните воздух, ощутите запахи, звуки. Теперь скажите мне: что вы видите?

Минутная пауза. Глинн приник к монитору.

– Я на большой зеленой поляне возле старой березовой рощи. В дальнем конце лужайки стоит беседка. На западе сад и мельница возле ручья. Лужайка поднимается к каменному дому, окруженному вязами.

– Что это за место?

– Рейвенскрай. Усадьба двоюродной бабушки Корнелии.

– Какой это год и сезон?

– 1972 год, 15 августа.

– Сколько вам лет?

– Двенадцать.

– Вдохните воздух. Какой запах вы ощущаете?

– Запах свежескошенной травы и садовых пионов.

– А звуки?

– Крик козодоя. Шелест березовых листьев. Отдаленное журчание воды.

– Хорошо. Очень хорошо. Теперь я хочу, чтобы вы поднялись. Поднимитесь с земли, дайте себе воспарить... Посмотрите вниз. Вы видите с высоты луг, дом?

– Да.

– Теперь поднимитесь выше. На сотню футов. На две сотни. Снова посмотрите вниз. Что видите?

– Большой дом, гараж, сад, лужайки, мельницу, пруд с форелью, дендрарий, оранжереи, березовую рощу и подъездную аллею, убегающую к каменным воротам. Высокую ограду.

– А за ней?

– Дорогу в Готэм.

– Пусть теперь будет ночь.

– Сейчас ночь.

– Вы понимаете, что сейчас вами управляют, что все это в вашей голове и на самом деле не существует?

– Да.

– Во время нашего сеанса вы должны постоянно помнить об этом. Вы под контролем. Всего того, что вы видите и чувствуете, не существует. Все совершается в вашей голове.

– Понимаю.

– Сделайте так, чтобы внизу, на лугу, собралась ваша семья. Кто они? Назовите их, пожалуйста.

– Мой отец, Линнакус. Мать, Изабелла. Двоюродная бабушка, Корнелия. Сирил, садовник, он работает в стороне...

Наступила долгая пауза.

– Кто-нибудь еще?

– И мой брат, Диоген.

– Его возраст?

– Десять лет.

– Что они делают?

– Стоят там, куда я их поставил.

Голос Пендергаста звучал сухо и иронично. Глинн хорошо видел, что Пендергаст занимает позицию скептически настроенного наблюдателя и пытается придерживаться ее так долго, насколько возможно.

– Сделайте так, чтобы они занимались характерной для них деятельностью, – мягко предложил Краснер. – Что они делают теперь?

– Заканчивают пить чай на одеяле, расстеленном на лугу.

– Теперь я хочу, чтобы вы спустились вниз. Медленно присоединитесь к ним.

– Спустился.

– Что вы делаете?

– Чай допили, и Корнелия пускает по кругу тарелку с птифурами. Она привезла их из Нового Орлеана.

– Они вкусные?

– Естественно. Тетя Корнелия придерживается высших стандартов.

Голос Пендергаста сделался еще ироничнее, и Глинн заинтересовался Корнелией. Он посмотрел в документы Пендергаста, полистал их и нашел ответ на свой вопрос. По спине пробежал холодок. Быстро захлопнул папку: сейчас это ему мешало.

– Какой сорт чая вы пили? – спросил Краснер.

– Тетушка Корнелия пьет только «Т. G.». Она привезла его из Англии.

– Теперь взгляните на окружающих. На каждого из присутствующих. Посмотрите на всех и задержите взгляд на Диогене.

Долгая пауза.

– Как выглядит Диоген?

– Он высок для своего возраста, бледен, волосы очень короткие, глаза разного цвета. Он худ, а губы – очень красные.

– Глаза... взгляните в них. Он на вас смотрит?

– Нет. Он отвернул голову. Ему не нравится, когда кто-то на него смотрит.

– Продолжайте смотреть. Не отводите глаз.

Наступила еще более длинная пауза.

– Я отвел глаза.

– Нет. Помните, что вы изучаете сцену. Продолжайте смотреть.

– Не хочу.

– Заговорите с братом. Скажите, чтобы он встал. Скажите, что хотите поговорить с ним наедине.

Еще одна пауза.

– Готово.

– Пусть пойдет с вами в беседку.

– Он отказывается.

– Он не может отказаться. Вы им управляете.

Даже на мониторе Глинн заметил испарину на лбу Пендергаста. «Начинается», – подумал он.

– Скажите Диогену, что в беседке его ждет человек, который хочет задать вам обоим вопросы. Объясните, что это – некий доктор Краснер. Скажите ему это.

– Да. Он пойдет посмотреть на доктора. Это ему любопытно.

– Извинитесь перед родственниками и идите в беседку. Там я буду вас ждать.

– Хорошо.

- Короткая пауза.
- Вы там?
 - Да.
 - Хорошо. Что видите?
 - Мы внутри. Вижу брата, вас и себя. Мы все стоим.
 - Хорошо. Мы будем оставаться на ногах. Теперь я задам вам и вашему брату несколько вопросов. Вы будете передавать мне ответы брата, так как он не сможет общаться со мной.
 - Если вы настаиваете, – сказал Пендергаст с легкой иронией.
 - Вы контролируете ситуацию, Алоиз. Диоген не может уклониться от ответов, потому что на самом деле отвечать за него будете вы. Готовы?
 - Да.
 - Скажите Диогену, чтобы он смотрел на вас. Чтобы не спускал с вас глаз.
 - Он не хочет.
 - Заставьте его. Вы можете это сделать.
- Молчание.
- Хорошо.
 - Диоген, сейчас я говорю с вами. Помните ли вы, как впервые увидели вашего старшего брата Алоиза?
 - Он сказал, что помнит, как я рисовал картину.
 - Что за картина?
 - Каракули.
 - Сколько вам лет, Диоген?
 - Он говорит, что ему шесть месяцев.
 - Спросите Диогена, что он думает о вас.
 - Он думает обо мне как о будущем Джексоне Поллоке.
 - «Снова иронический тон, – подумал Глинн. – Очень трудный клиент».
 - Необычная мысль для шестимесячного ребенка.
 - Диогену на самом деле десять лет, доктор Краснер.
 - Хорошо. Попросите Диогена смотреть на вас. Что он видит?
 - Говорит – ничего.
 - Что значит «ничего»? Он молчит?
 - Он сказал. Произнес слово «ничего».
 - Что вы имеете в виду под словом «ничего»?
 - Он говорит: «Я не вижу того, чего здесь нет, а это значит – ничего».
 - Прощу прощения?
 - Это цитата из Уоллеса Стивенса²³, – сухо сказал Пендергаст. – Уже в десятилетнем возрасте Диоген интересовался Стивенсом.
 - Диоген, когда вы говорите «ничего», не означает ли это, что вы считаете своего брата Алоиза ничтожеством?
 - Он смеется и говорит, что это сказали вы сами, а не он.
 - Почему?
 - Он еще больше смеется.
 - Как долго вы будете в Рейвенскрай, Диоген?
 - Он говорит, что будет здесь, пока не пойдет в школу.
 - А где она?
 - На Лафайет-стрит, в Новом Орлеане.
 - Вам нравится школа, Диоген?

²³ Стивенс Уоллес (1879 – 1955), американский поэт. Воспринял традиции «озерной школы» и французских символистов.

– Он говорит, что она ему нравится так же, как понравилась бы вам, если бы вас заперли в комнате с двадцатью пятью умственно отсталыми детьми и пожилым истериком.

– Какой ваш любимый предмет?

– Он говорит – экспериментальная биология... на игровой площадке.

– Теперь я хочу, чтобы вы, Алоиз, задали Диогену три вопроса, на которые он должен ответить. Заставьте его отвечать. Помните, вы находитесь под контролем. Готовы?

– Да.

– Назовите вашу любимую еду, Диоген.

– Полынь и желчь.

– Мне нужен настоящий ответ.

– Этого, доктор Краснер, вы из Диогена не вытянете, – сказал Пендергаст.

– Помните, Алоиз, что на вопросы отвечаете вы.

– И с большим терпением, должен прибавить, – сказал Пендергаст. – Я делаю все, чтобы избавиться от недоверия.

Глинн откинулся на спинку инвалидного кресла. Не получалось. Бывало, клиенты сопротивлялись изо всех сил, но тут другое. Пендергаст заслонился и защитился иронией. Глинн никогда еще с этим не встречался и все же узнавал в агенте самого себя: Пендергаст полностью контролировал ситуацию. Он не сделал ни одного опрометчивого шага, не забылся ни на секунду. Стена, которой он отгородился от мира, стояла неколебимо.

Глинн мог понять этого человека.

– Хорошо, Алоиз, вы по-прежнему находитесь в беседке с Диогеном. Представьте, что в вашей руке заряженный пистолет.

– Представил.

Глинн выпрямился, слегка удивившись. Краснер двигался к тому, что называлось у них «фаза два», причем без подготовки. Видимо, он тоже понял, что здесь придется действовать наскоком.

– Что это за пистолет?

– Это пистолет из моей коллекции, системы Яма и Викерса, 1911 года, калибра 45.

– Дайте его ему.

– Это в высшей степени неразумно – давать пистолет десятилетнему ребенку, как вы думаете? – Снова иронический тон.

– Тем не менее сделайте это.

– Сделал.

– Скажите, чтобы он направил на вас оружие и нажал на спуск.

– Сказал.

– Что случилось?

– Он хохочет во все горло. На курок не нажал.

– Почему?

– Говорит, еще рано.

– Он собирается вас убить?

– Конечно. Но он хочет... – Пендергаст замолчал.

Краснер настаивал.

– Чего он хочет?

– Какое-то время поиграть со мной.

– Что это за игра?

– Он говорит, что хочет оторвать мои крылья и посмотреть, что получится. Я для него что-то вроде насекомого.

– Почему?

– Не знаю.

– Спросите его.

– Он смеется.

– Схватите его и потребуйте ответ.

– Я бы предпочел его не трогать.
– Схватите. Примените силу. Заставьте его ответить.
– Он по-прежнему смеется.
– Ударьте его.
– Это нелепо.
– Ударьте.
– Я не стану продолжать эту шараду.
– Отнимите у него пистолет.
– Он бросил пистолет, но...
– Поднимите его.
– Поднял.
– Застрелите его. Убейте.
– Это уж полный абсурд...
– Убейте его. Сделайте это. Вы ведь убивали раньше, знаете, как это делается. Вы можете и вы должны это сделать.

Долгое молчание.

– Вы сделали?
– Это дурацкое предложение, доктор Краснер.
– Но вы вообразили это. Разве не так? Вы вообразили, что убиваете его.
– Ничего подобного я не вообразил.
– Неправда, вообразили. Вы его убили. Вы вообразили это. И теперь представили его мертвое тело на земле. Вы видите его, потому что не можете не видеть.

– Это... – Пендергаст замолчал.

– Вы видите его, не можете не видеть. Я говорю вам это, и вы видите... Но подождите, он еще не умер... Он шевелится, он еще жив... Хочет сказать что-то. Он собирается с последними силами, дает вам знак приблизиться. Говорит вам что-то. Что он сказал?

Долгое молчание. Затем Пендергаст сухо произнес:

– *Qualis artifex pereo.*

Глинн моргнул. Он узнал цитату, но видел, что Краснер не понял. То, что стало переломным моментом для Пендергаста, внезапно превратилось в интеллектуальную игру.

– Что это значит?

– Это на латыни.

– Повторяю: что это значит?

– Это значит: «Какой великий артист погибает!»

– Почему он это сказал?

– Это последние слова Нерона. Думаю, Диоген пошутил.

– Вы убили вашего брата, Алоиз, и теперь смотрите на его тело.

Раздраженный вздох.

– Вы сделали это во второй раз.

– Во второй раз?

– Вы убили его раньше, много лет назад.

– Прошу прощения?

– Да, вы сделали это. Вы убили то хорошее, что еще было в нем. Оставили пустую оболочку, заполненную злом и ненавистью. Вы сделали что-то, что погубило его душу!

Глинн невольно затаил дыхание. Спокойный, умиротворяющий голос остался в прошлом. Доктор Краснер вступил в третью фазу, и снова с необычной быстротой.

– Ничего подобного я не делал. Он таким родился – пустым и жестоким.

– Нет. Вы убили в нем доброту! Другого ответа быть не может. Разве вы не понимаете, Алоиз? Ненависть, которую испытывает к вам Диоген, невероятна в своей интенсивности. Она не могла возникнуть ниоткуда. Энергию невозможно ни создать, ни разрушить. Эту ненависть породили вы сами, вы сделали что-то, что вытравило из него душу. Все эти годы вы замалчивали свой ужасный поступок. А сейчас вы снова убили его, и буквально, и

фигурально выражаясь. Вы должны посмотреть правде в глаза, Алоиз. Вы сами породили свою судьбу. Вы виновник. Вы сделали это.

Наступила долгая пауза. Пендергаст неподвижно лежал на кушетке. Лицо его было серым, застывшим.

– Сейчас Диоген поднимается. Снова смотрит на вас. Я хочу, чтобы вы его о чем-то спросили.

– О чем?

– Спросите Диогена, что вы ему сделали. За что он вас так ненавидит?

– Спросил.

– Его ответ?

– Он снова смеется. Говорит: «Ненавижу тебя, потому что ты – это ты».

– Спросите еще раз.

– Он говорит, что это – достаточная причина. Ненависть его не связана с моими поступками. Она просто существует, как солнце, луна и звезды.

– Нет, нет, нет. Что именно сделали вы, Алоиз? – Голос Краснера снова стал мягким, но настойчивым. – Освободите себя от этого груза. Как ужасно, должно быть, носить его на плечах. Сбросьте его.

Пендергаст медленно приподнялся, свесил ноги с кушетки. Какое-то мгновение сидел неподвижно. Потом провел рукой по лбу, взглянул на часы.

– Полночь. Настало 28 января, у меня нет времени. Я прекращаю испытание.

Он встал и повернулся к доктору Краснеру.

– Вы приложили гигантские усилия, доктор. Поверьте мне, в моем прошлом нет ничего, что могло бы объяснить поведение Диогена. За свою карьеру я изучил немало криминальных умов. В результате понял простую истину: некоторые люди рождаются монстрами. Вы можете изучать мотивы их поведения и реконструировать их преступления, но не сможете объяснить их злую природу.

Краснер смотрел на него с выражением глубокой печали.

– Вот тут вы ошибаетесь, друг мой. Никто не рождается злым.

Пендергаст протянул ему руку.

– Здесь мы с вами расходимся, доктор.

Затем глаза его обратились на спрятанную камеру. Глинн вздрогнул: как Пендергаст догадался, где она находится?

– Мистер Глинн? Я и вас благодарю за ваши усилия. В папке еще много документов, с помощью которых вы сможете завершить вашу работу. Больше я помогать вам не буду. Сегодня произойдет что-то ужасное, и я должен сделать все, что в моих силах, чтобы предотвратить это.

С этими словами он повернулся и быстро вышел из комнаты.

Глава 42

Дом 891 на Риверсайд-драйв стоял над одной из самых сложных геологических зон Манхэттена. Пласт кристаллического сланца под замусоренными улицами уступал место другой формации – кембрийскому Манхэттену. Гнейс манхэттенской формации был очень сильно поврежден: в нем встречались слабые участки, трещины и природные туннели. Одна такая слабая зона несколько столетий назад расширилась, и образовался подземный коридор, берущий начало в подвале дома и заканчивающийся возле поросшего тиной берега Гудзона. Но были там и другие туннели, более старые и неизвестные глубины.

О них не знал никто, кроме одного человека.

Констанция Грин медленно шла по одному из таких туннелей. В темноте она чувствовала себя уверенно. Фонарь у нее был, однако она его не зажгла. Глубокие и потаенные места были ей так хорошо знакомы, что свет не требовался. Коридор местами настолько сужался, что она могла дотянуться до обеих стен руками. Хотя туннель находился

в природной скале, потолок был высок и довольно ровен, да и пол, казалось, был вырублен человеком.

Тем не менее, кроме Констанции, здесь никто еще не ходил.

Всего несколько дней назад она надеялась, что никогда сюда не вернется. Это место напоминало ей о прошлом – ужасном прошлом, – когда она видела вещи, которые не следовало видеть человеку. Тогда пришел он, жестокий убийца, и отнял у нее единственного человека, бывшего ей вместо отца. Убийца перевернул гармоничный мир, к которому она привыкла. Она бежала сюда, в холодную утробу земли. Казалось, что само здравомыслие сбежало сюда, спасаясь от безумия.

Но мозг ее выпестовали с детства, и в безумие она не впала. Медленно, очень медленно пришла в себя. Снова почувствовала интерес к жизни, пошла назад, к своему старому дому, к особняку на Риверсайд, 891. Тогда она стала приглядываться к человеку по имени Рен и наконец подружилась со старым добрым джентльменом.

Тот, в свою очередь, привел ее к Пендергасту.

Пендергаст. Он снова познакомил ее с миром, помог выбраться из темного прошлого и обратиться к более светлому настоящему.

Но работа все еще была не закончена. Она слишком хорошо знала о слабой нити, с которой она могла сорваться в нестабильность. И теперь это произошло...

Констанция прикусила губу, чтобы не разрыдаться.

Нет, все будет хорошо, говорила она самой себе. Все будет хорошо. Алоиз обещал. И он может все что угодно, чуть ли не воскреснуть из мертвых.

Она пообещала ему, что будет проводить здесь ночи. Тут даже Диоген Пендергаст ее не отыщет. Она сдержит свое обещание, несмотря на страшный груз воспоминаний, которые навевало это место.

Проход впереди сузился, потом разделился на два рукава. Справа коридор спускался в темноту. Слева более узкий путь горизонтально отходил в сторону. Констанция пошла налево, следуя за изгибами и поворотами. Расстояние составило сто ярдов. Потом она остановилась и наконец-то зажгла фонарь.

В желтом свете стало видно, что коридор сильно расширился: перед Констанцией была небольшая уютная комната, размером десять на шесть футов. Пол застелен дорогим персидским ковром, принесенным сюда из кладовой особняка. Очертания голых каменных стен смягчены репродукциями картин художников Ренессанса: Пармиджанино – «Мадонна с длинной шеей», Джорджоне – «Гроза» и с полдюжины других картин. В нише стояла узкая кровать и столик. Аккуратная стопка книг Теккерея, Тrolлопа и Джордж Элиот стояла рядом с «Республикой» Платона и «Исповедью» Блаженного Августина.

Внизу было гораздо теплее. Воздух довольно приятно пах камнем и землей. Однако и тепло, и попытки создать домашний уют не приносили Констанции утешения.

Она поставила на стол фонарь, села и посмотрела в угол. В скале была ниша, возвышавшаяся над полом на три фута. Констанция вынула из нее тетрадь в кожаном переплете – последний дневник, который вела, будучи подопечной родителей Пендергаста.

Она открыла дневник, стала медленно и задумчиво переворачивать страницы, пока не дошла до последней записи. Она была датирована июлем прошлого года.

Дважды перечитала запись, утерла слезу. Затем с тихим вздохом убрала дневник в углубление, к его сотоварищам.

В углублении стояли сорок две тетради – одного размера и формы. Те, что стояли справа, выглядели совсем еще новыми, но по мере удаления на левый фланг они утрачивали свой парадный облик, становились потрепанными и старыми.

Констанция смотрела на свои дневники, положив руку на краешек ниши. При этом ее движении рукав платья сполз вниз, обнажив длинный ряд мелких заживших шрамов на предплечье – двадцать или тридцать одинаковых следов, выстроившихся параллельно друг другу.

Еще раз вздохнув, она отвернулась. Затем погасила свет и, быстро помолившись в

темноте, подошла к кровати, легла и повернулась лицом к стене. Она лежала с открытыми глазами, готовясь к ночным кошмарам, которые непременно ее посетят.

Глава 43

Виола Маскелене сняла свой багаж с карусели в аэропорту Кеннеди, наняла носильщика. Тот погрузил чемоданы на тележку, и она прошла через таможенную. Время было за полночь, и осмотр прошел быстро. Усталый таможенник задал ей несколько дежурных вопросов, поставил штамп в ее британский паспорт и отпустил.

В зоне прибытия собралась небольшая толпа. Виола остановилась, осмотрела толпу, пока не заметила высокого мужчину в сером фланелевом костюме, стоявшего чуть поодаль. Она узнала его тотчас: так велико было сходство с братом – тот же высокий гладкий лоб, орлиный нос и аристократическая манера держаться. Увидев человека, столь сильно похожего на Пендергаста, она почувствовала, как невольно забилося сердце. Впрочем, были и отличия. Он выше и не такой худой. Сложение его, пожалуй, несколько тяжеловато, но черты лица острее. Скулы и надбровные дуги более выражены. Все это, вместе взятое, придавало лицу любопытную асимметрию. У него были рыжеватые волосы и густая, аккуратно подстриженная борода. Но самое сильное отличие в глазах: один его глаз зеленовато-карий, а другой – сизо-голубой.

Она улыбнулась и помахала рукой.

Он тоже улыбнулся и вальяжной походкой пошел к ней. Сжал ее ладонь обеими руками, прохладными и мягкими.

– Леди Маскелене?

– Зовите меня Виола.

– Виола, я очарован.

Голос, как и у брата, бархатистый, и выговор южный, хотя манера говорить почти такая же небрежная, как и походка. Слова произносились четко, но окончания словно бы обрубались. Все это производило необычайное, почти странное впечатление.

– Приятно познакомиться с вами, Диоген.

– Брат говорил о вас как-то загадочно, но знаю, он ждет вас с нетерпением. Это ваш багаж?

Он щелкнул пальцами, и носильщик кинулся к ним со всех ног.

– Отнесите багаж леди к черному «линкольну», припаркованному у входа, – сказал ему Диоген. – Багажник открыт.

Двадцатидолларовая бумажка появилась в его ладони, словно по волшебству, но носильщик так загляделся на Виолу, что едва ее заметил.

Диоген снова повернулся к Виоле.

– Как долетели?

– Ужасно.

– Прошу прощения, что не мог предложить более удобный рейс. Сейчас у брата очень хлопотное время, вы, наверное, знаете, а служащие, устроившие поездку, были не слишком расторопны.

– Неважно. Самое главное, я уже здесь.

– Вы правы. Ну что, пойдём?

Виола оперлась на предложенную руку. Она оказалась удивительно сильной, мускулы твердые, словно стальные. Полная противоположность мягким, небрежным движениям.

– Вас ни с кем не спутаешь: сразу видно, что вы – брат Алоиза, – сказала она, когда они вышли из багажного отделения.

– Я рассматриваю это как комплимент.

Через вращающиеся двери вышли на улицу. В лицо пахнул холодный воздух. На дорожках блестел свежевыпавший снег.

– Брр! – сказала Виола и передернула плечами. – Когда я уезжала, на Капрайе были

благословенные двадцать градусов. А здесь варварство какое-то.

– Вы, должно быть, имели в виду двадцать градусов по Цельсию, – подмигнул ей Диоген. – Как я вам завидую – вы можете жить там круглый год. Мой автомобиль.

Он открыл для нее дверь, обошел машину, дождался, когда носильщик закроет багажник, и уселся сам.

– На самом деле живу я там не круглый год. Обычно в это время я в Луксоре – работаю на раскопках в Долине Царей. Но сейчас, в связи с неблагоприятной обстановкой на Среднем Востоке, у меня возникли проблемы.

Диоген плавно отъехал от тротуара и влился в поток машин, следовавших к выходу из аэропорта.

– Египтолог, – сказал он. – Как интересно. Я и сам провел некоторое время в Египте. Был младшим сотрудником в экспедиции фон Херцгарда.

– Не в той ли, что искала в Сомали алмазные копи царицы Хатшепсут? В той, где Херцгард был найден обезглавленным?

– В той самой.

– Как увлекательно! Мне бы хотелось побольше узнать об этом.

– «Увлекательно» – вы, пожалуй, употребили точное слово.

– Верно ли, что Херцгард отыскал копи Хатшепсут, после чего его и убили?

Диоген тихо рассмеялся.

– Я в этом сомневаюсь. Вы же знаете, как распространяются подобные слухи. Царица Хатшепсут интересует меня куда больше, чем эти мифические копии. Она – единственная женщина-фараон. Да вы о ней сами все знаете.

– Удивительная женщина.

– Она предъявила свои права на власть, заявив, что ее мать спала с богом Амоном. Как гласит знаменитый текст? «Амон увидел царицу, спящую в своих покоях. Приятный аромат, исходивший от него, обнаружил его присутствие, и она пробудилась. Амон предстал перед ней во всем своем божественном великолепии. Царица заплакала от радости при виде его силы и красоты и отдалась ему».

Виола была заинтригована. Диоген, похоже, не меньший эрудит, чем его брат.

– Расскажите мне, Виола, что за работу вы ведете в Долине Царей?

– Мы раскапываем могилы царских писцов.

– А сокровища находите – золото или, что еще лучше, драгоценные камни?

– Нет, их там нет. Разграбили еще в древности. Мы ищем таблички с текстами.

– Что за чудесная профессия – египтология! Похоже, мой брат предпочитает интересных женщин.

– Сказать по правде, я едва знаю вашего брата.

– На этой неделе все изменится. Не сомневаюсь.

– С нетерпением жду этого. – Она чуть смущенно рассмеялась. – Все еще не верю, что я уже здесь. Моя поездка – такой... каприз. Это загадка, а загадки я люблю.

– Алоиз – тоже. Чувствуется, что вы созданы друг для друга.

Виола почувствовала, что краснеет, и быстро переключила тему.

– Знаете ли вы, над каким делом он сейчас работает?

– Сейчас у него самое трудное дело за всю карьеру. К счастью, оно почти окончено. Сегодня наступит развязка, и он будет свободен. Это дело о серийном убийце, человеке воистину безумном. Тот по разнообразным темным причинам возненавидел Алоиза. Он убивает людей и дразнит брата тем, что он неспособен его поймать.

– Как ужасно.

– Да. Брат вынужден был уйти в подполье. Ему выгодно, чтобы все считали его убитым, а сам он тем временем занимается расследованием.

– Я тоже думала, что он погиб. Мне сообщил об этом лейтенант Д'Агоста.

– Только я знал правду. И помог ему после того итальянского приключения, поставил на ноги. Спас ему жизнь, если на то пошло.

– Я рада, что у него такой брат, как вы.

– У Алоиза мало по-настоящему верных друзей. Он очень старомоден, немного замкнут. Я постарался быть ему не только братом, но и другом. И рад, что он нашел вас. Я очень беспокоился о нем после ужасного несчастного случая с его женой в Танзании.

Жена? Танзания? Виоле страшно захотелось расспросить, что же случилось. Но она сдержалась и не спросила: Алоиз когда-нибудь сам ей расскажет. В Виоле сильно было свойственное англичанам нежелание копаться в частной жизни другого человека.

– Нельзя сказать, что он меня «нашел». Мы с ним только-только подружились.

Диоген обратил на нее свои странные, разноцветные глаза и улыбнулся.

– Уверен, что мой брат в вас влюбился.

На этот раз Виола страшно покраснела. Ее охватили смешанные чувства – волнение, смущение и стыд за собственную глупость. «Вот еще! – подумала она. – Как он может влюбиться в меня после единственной встречи?»

– Мне кажется, что и вы в него влюблены.

Виола постаралась беззаботно рассмеяться, но внутри у нее все дрожало.

– Не рановато ли для такого вывода? – с трудом проговорила она.

– Хотя мы с Алоизом очень похожи, я, в отличие от него, всегда говорю напрямую.

Извините, если я вас смутил.

– Ничего страшного.

Заснеженная автострада Лонг-Айленда убегала в темноту. Было около часа ночи, и машин на дороге было мало. Снег падал хлопьями, налипая на ветровое стекло.

– Алоиз всегда был замкнутым. Я никогда не знал, о чем он думает, даже в детстве.

– Да, похоже, своих чувств он не выдает.

– Так и есть. Мотивы своих поступков он не открывает. Я, например, всегда считал, что он посвятил себя публичной деятельности, чтобы все позабыли о паршивой овце в роду Пендергастов.

– В самом деле?

Любопытство Виолы снова было задето.

Диоген весело рассмеялся.

– Да. Взять хотя бы нашу двоюродную бабушку Корнелию. Живет недалеко отсюда, в доме для умалишенных преступников.

Любопытство перешло в изумление.

– Умалишенные преступники?

– Верно. В каждом семействе имеется своя паршивая овца.

Виола подумала о своем прадедушке.

– Да, согласна.

– В некоторых семьях их больше одной.

Виола кивнула, заметила, что Диоген смотрит на нее и опустила глаза.

– Думаю, такие персонажи прибавляют семейству интереса, остроты. Лучше, чтобы ваш прадед был убийцей, чем торговцем.

– Уникальная точка зрения.

Диоген, оказывается, не без странностей, но разговаривать с ним интересно.

– А у вас в роду были преступники? – спросил Диоген. – Если вы простите мое любопытство.

– Спрашивайте, не возражаю. Нет, преступников не было, но у меня был предок, знаменитый скрипач-виртуоз. Он жил в девятнадцатом веке. Этот человек сошел с ума и замерз в лачуге пастуха в Доломитовых Альпах.

– Ну, так и есть. Я был уверен, что у вас имеются достойные внимания предки. А скучных бухгалтеров или коммивояжеров в вашем роду не было?

– Во всяком случае, я об этом не слышала.

– А вот в нашем роду был коммивояжер – он сильно поспособствовал благосостоянию Пендергастов.

– В самом деле?

– Да. Он создал шарлатанское снадобье и назвал его эликсиром Иезекииля. Продавал его из своей повозки.

Виола рассмеялась.

– Какое странное название для лекарства!

– Название смешное. Правда, состояло снадобье из смертельной комбинации – кокаина, ацетанилида и нескольких довольно опасных растительных алкалоидов. Испробовавшие этого зелья пристрастились к нему, тысячи людей погибли, в том числе и собственная жена коммивояжера.

Виола уже не смеялась. Ей сделалось не по себе.

– Понимаю.

– Конечно, никто тогда не знал об опасности такого лекарства, как кокаин. Но нельзя винить в этом праотца Иезекииля.

– Нет, конечно, нет.

Они замолчали. Легкий снег продолжал падать, хлопья вылетали из темноты, фары на мгновение освещали их, и снежинки исчезали.

– Как думаете, есть такая вещь, как ген преступности? – спросил Диоген.

– Нет, – ответила Виола. – Я считаю, что это нонсенс.

– А я иногда задумываюсь. Уж очень много преступников было в нашем роду. Взять хотя бы дядю Антуана, одного из по-настоящему крупных убийц девятнадцатого века. Убил и замучил почти сотню молодых людей из исправительной колонии.

– Какой ужас, – пробормотала Виола.

Чувство неловкости усилилось.

Диоген весело рассмеялся.

– Англичане отправляли своих преступников в колонии – в Джорджию и Австралию. Они думали, что избавят англосаксонскую расу от криминала, но чем больше преступников они высылали, тем выше становился в стране уровень преступности.

– Преступления больше зависят от экономики, чем от генетики, – заметила Виола.

– Вы так думаете? Верно. Не хотел бы я родиться бедняком в Англии девятнадцатого столетия. Я, впрочем, считаю, что настоящими преступниками были представители высших слоев обществ. В руках менее одного процента населения находилось девяносто пять процентов земли. А с началом огораживания общинных земель английские лорды могли лишать фермеров их владений, и они бежали в города и либо умирали там с голода, либо становились преступниками.

– Верно, – пробормотала Виола.

Кажется, Диоген забыл, что и она происходит из высшего класса.

– Но здесь, в Америке, все обстояло по-другому. Как вы объясните тот факт, что в некоторых семьях в каждом поколении рождаются люди с преступными наклонностями? Так наследуются голубые глаза и светлые волосы. В каждом поколении рода Пендергастов на свет появлялся убийца. После Антуана, дайте-ка вспомнить... был Комсток Пендергаст, знаменитый гипнотизер, колдун и учитель Гарри Гудини. Он убил своего делового партнера и всю его семью, а затем покончил с собой. Дважды полоснул себя по горлу. Затем...

– Прошу прощения?

Виола поняла, что бессознательно хватается за дверную ручку.

– О да. Дважды. Первый раз он не слишком углубился, понимаете. Думаю, мысль о медленной смерти в результате потери крови его не прельстила. Что до меня, то я не стал бы возражать против медленной смерти от обескровливания. Человек при этом словно погружается в сон. К тому же я наслаждался бы видом крови, ведь у нее такой изысканный цвет. Вам нравится цвет крови, Виола?

– Что?

Виола впадала в панику.

– Кровь. Ее цвет напоминает рубин. Или наоборот. Я считаю, что лучше этого цвета

ничего и быть не может. Некоторые назовут меня эксцентричным, но что есть, то есть.

Виола пыталась подавить в себе страх и неуверенность. Теперь они были далеко от города, на них обрушилась черная ночь, и темные окрестности были едва различимы с дороги.

– Куда мы едем? – спросила она.

– В местечко под названием Спрингс. Очаровательный коттедж на берегу моря. Мы будем там через два часа.

– А Алоиз там?

– Конечно. Ждет вас – не дождется.

Путешествие оказалось страшной ошибкой. Теперь Виола ясно это видела: в который раз приняла глупое, импульсивное решение. Ее увлекла романтика и чувство облегчения, вызванное известием, что Пендергаст жив. Этого человека она едва знала. А уж его брат...

Мысль о том, что ей придется еще два часа провести рядом с ним, показалась ей непереносимой.

– Виола, – услышала она тихий голос. – Прошу прощения. Вы хорошо себя чувствуете?

– Да. Хорошо.

– Вы кажетесь встревоженной.

Она глубоко вздохнула.

– Сказать по правде, Диоген, я предпочла бы переночевать в Нью-Йорке. Я устала больше, чем думала. А с Алоизом увижусь, когда он приедет в город.

– О, нет! Он придет в отчаяние.

– Ничего не подлаешь. Будьте добры, поверните обратно. Прошу прощения за то, что я вдруг передумала, но так будет лучше. Вы были очень добры. Пожалуйста, отвезите меня в Нью-Йорк.

– Если это то, чего вы хотите, то мне придется ехать до следующего перекрестка, чтобы поменять направление.

Она почувствовала облегчение.

– Спасибо. Прошу прощения за то, что доставила вам беспокойство.

Вскоре показался знак: Хемпстед. Автомобиль замедлил движение, подъехал к указателю и остановился. Других машин не было видно. Виола сидела, бессознательно держась за дверную ручку, и ждала, что Диоген развернется.

Но он этого не сделал. А затем она вдруг ощутила странный химический запах.

Она быстро повернулась.

– Что такое?..

Рука со скомканным платком закрыла ей рот. Одновременно с молниеносной скоростью Диоген ухватил ее за шею и прижал к сиденью. Виола была обездвижена, а пахучая ткань заткнула ей рот и нос. Она пыталась дышать, и ей показалось, что перед ней распахнулась дверь, уходящая в темноту. Она падала и падала в черную бездну, пока все не исчезло.

Глава 44

Зимний пейзаж не мог быть более унылым. Накануне тонкий слой снега покрыл кладбище. Колочий ветер пронизывал деревья, трепал голые ветви, сбрасывая на мерзлую землю снежные хлопья. Могила – в окружении уложенного на снег ярко-зеленого «Астротэфа»²⁴ – казалась зияющей черной раной. Еще один ковер «Астротэфа» бросили на груды земли. Возле страшной ямы стоял гроб с накинутыми ремнями: в могилу его опустит машина. Повсюду лежали огромные букеты. Ветер теребил цветы, что добавляло сюрреализма в сцену шекспировского масштаба.

²⁴ «Астротэф» – фирменное название искусственного травяного покрытия.

Нора не могла отвести глаз от гроба. Ее к нему так и притягивало. Ящик был очень красивым – из полированного дерева, с медными ручками. Нора не могла поверить, что внутри лежала ее подруга, женщина, только что ставшая ей подругой. Мертвая. Как ужасно вспоминать, что всего несколько дней назад они с Марго вместе обедали в ее квартире, разговаривали о музее.

В ту же ночь ее убили.

А вчера раздался звонок от Пендергаста.

Нора невольно вздрогнула и несколько раз глубоко вдохнула. Пальцы ее замерзли даже в перчатках, а нос потерял чувствительность. Ей было так холодно, что, казалось, слезы замерзают на щеках.

Священник, облаченный в длинную черную сутану, гнусавым голосом читал первый похоронный обряд из Книги общей молитвы. Собралась большая толпа, удивительно большая – для такой погоды. Из музея пришло очень много людей. За короткое время Марго успела произвести на всех большое впечатление. Впрочем, одно время она проходила здесь студенческую практику. В первых рядах стоял директор музея, Коллопи, с потрясающе красивой женой, которая, кажется, была моложе Норы. Пришло большинство сотрудников отдела антропологии, за исключением тех, кто заканчивал подготовку к выставке. Сегодня вечером состоится торжественное открытие. Ей и самой следовало быть там, но она не простила бы себе, если бы не пришла на похороны Марго. В толпе стоял Прайн, закутанный, как эскимос. Он утирал платком ярко-красный нос. Начальник охраны Манетти выглядел по-настоящему расстроенным: возможно, чувствовал, что смерть Марго была его личной виной. Нора оглядела толпу. Впереди стояла тихо плачущая женщина. Ее поддерживали с обеих сторон. Это, конечно же, мать Марго. У нее, как и у Марго, светло-каштановые волосы, такие же правильные черты и хрупкое сложение. Кажется, кроме нее, родственников у Марго нет. Нора припомнила: за обедом Марго сказала, что она единственный ребенок в семье.

Сильный порыв ветра пронесся по кладбищу, на мгновение заглушив голос священника. Затем она услышала: «В Твои руки, Господь, предаем мы рабу Твою, Марго – нашу дорогую сестру, – в руки Создателя и всемилостивого Спасителя, да будет с ней благословение Твое...»

Слушая печальные, умиротворяющие слова, Нора склонилась под пронизывающим ветром и плотнее запахнула пальто. Как бы ей хотелось, чтобы Билл сейчас был рядом с ней. Станный телефонный звонок от Пендергаста – а это, без сомнения, был Пендергаст – взволновал ее. Жизнь Билла в опасности, и он скрывается? А теперь и ей угрожает опасность? Все это казалось невероятным, пугающим, словно на ее мир опустилась черная туча. И все же доказательство тому было налицо – перед ней лежала мертвая Марго.

Мрачные мысли нарушило жужжание: машина опускала гроб в могилу. Скрипели шестерни, урчал мотор. Голос священника зазвучал громче. Совершив крестное знамение, он дочитал последние слова молитвы. С глухим стуком гроб встал на место, и священник пригласил мать Марго бросить горсть земли. За ней пошли другие. Мерзлые комья застучали по крышке гроба.

Норе казалось, что сердце ее разорвется. Знакомство с Марго, столь плохо начавшееся, обратилось в искреннюю дружбу. Смерть ее стала настоящей трагедией – она была такой отважной, такой убежденной в отстаивании своих принципов.

Служба закончилась, и толпа двинулась к узкой площадке, где поджидали автомобили. Нора сверила время: десять часов. Пора в музей, завершить последние приготовления к открытию.

Повернувшись, увидела приближавшегося к ней мужчину в черной одежде. Он догнал ее и пошел рядом. Выглядел он усталым и сильно расстроенным. Может, у Марго все-таки есть и другие родственники, подумала она.

– Нора? – тихо сказал он.

Нора вздрогнула и остановилась.

– Не останавливайтесь, пожалуйста.

Она пошла, чувствуя, как тревожно забилося сердце.

– Кто вы?

– Агент Пендергаст. Почему вы находитесь на виду у всех после моего предупреждения?

– Я должна жить своей жизнью.

– Вы не сможете жить своей жизнью, если лишитесь ее.

Нора вздохнула.

– Я хочу знать, что случилось с Биллом.

– Билл в безопасности, как я и говорил, а вот о вас я тревожусь. Вы – главная цель.

– Что за цель?

– Этого я вам не открою. Могу лишь сказать, что вы должны принять меры, чтобы обезопасить себя. Вам следовало бы остеречься.

– Агент Пендергаст, я уже боюсь. Ваш звонок напугал меня до смерти. Но вы же не думаете, что я все брошу. Я вам говорила, сегодня мне нужно готовиться к вернисажу.

– Он убивает всех, кто соприкасается со мной, – устало и горько сказал мужчина. – Он и вас убьет. И тогда вы пропустите не только открытие, но и оставшуюся жизнь.

Сейчас в его голосе не было медовой тягучести, которую она запомнила. Он говорил резко и внушительно.

– Придется все же рискнуть. Весь день я проведу в музее. Выставка будет под усиленной охраной. А затем, на вернисаже, меня будут окружать тысячи людей.

– Усиленная охрана и раньше его не останавливала.

– О ком вы все время говорите?

– Я же сказал: вы от меня ничего не узнаете, иначе подвергнетесь большему риску. Ах, Нора, ну что я должен сделать, чтобы защитить вас?

Она была потрясена, слышав в его голосе нотки, близкие к отчаянию.

– Прошу прощения, но не в моем характере бежать и прятаться. Слишком долго работала я на эту выставку. Люди на меня рассчитывают. Поговорим об этом завтра. Сегодня – не тот день.

– Хорошо.

Он пошел прочь. Странно, как мало он был похож на того Пендергаста, которого помнила Нора. Агент растаял в темной толпе людей, направлявшихся к своим автомобилям.

Глава 45

Д'Агоста остановился у дверей кабинета Хейворд, не решаясь постучать. В мозгу всплыло болезненное воспоминание о первой их встрече. Отбросив его усилием воли, он постучал громче, чем требовалось.

– Войдите.

От одного лишь звука ее голоса дрогнуло сердце. Он толкнул дверь.

Кабинет выглядел совсем по-другому: исчезли груды бумаг, пропал уютный деловой беспорядок. Все строго и организовано: стало ясно, что Хейворд работает, живет и дышит расследованием одного-единственного дела.

А вот и она: стоит за столом – невысокая стройная фигурка в аккуратном сером костюме с лычками капитана на плече – смотрит прямо на него. Взгляд был таким пронзительным, что Д'Агоста едва не отшатнулся.

– Садитесь.

Голос холоден и спокоен.

– Послушай, Лаура, прежде чем мы начнем, я хочу сказать...

– Лейтенант, – перебила она, – вы находитесь на полицейской службе, и разговоры личного характера здесь неуместны.

Д'Агоста смотрел на нее. Это было несправедливо.

– Лаура, пожалуйста...

Лицо ее смягчилось, но лишь на мгновение, и она тихо заговорила.

– Винсент, не поступай так со мной или с собой. Особенно сейчас. Я должна сказать тебе что-то очень важное.

Д'Агоста примолк.

– Пожалуйста, садись.

– Я постою.

Мгновение она смотрела на него. Потом снова заговорила.

– Пендергаст жив.

Д'Агоста почувствовал озноб. Он не знал, зачем она пригласила его, не осмеливался догадываться, но это было последнее, чего он ожидал.

– Как ты узнала? – выпалил он.

Ее лицо застыло от гнева.

– Так ты знал!

Еще одна напряженная пауза. Затем она нагнулась и положила перед собой лист бумаги. Д'Агоста заметил на нем рукописный список. Что это такое? Он никогда не видел Лауру столь взволнованной.

– 19 июля профессор Торранс Гамильтон был отравлен на глазах двух сотен студентов в лекционном зале университета в штате Луизиана. Умер часом позднее. Единственными вещдоками, обнаруженными на месте преступления, были несколько черных волокон.

Она положила на стол тонкую папку.

Д'Агоста взглянул на нее, но в руки не взял.

– В отчете написано, что упомянутые волокна представляют собой очень дорогую шерсть, которую в пятидесятых годах изготавливали на фабрике в окрестностях Прато, в Италии. Единственное место, где ее продавали в Америке, – это маленький магазин на рю Леспинар в Новом Орлеане. Магазином владела семья Пендергастов.

Д'Агоста почувствовал прилив надежды. Может, в конце концов, она ему поверила и навела справки о Диогене?

– Лаура, я...

– Лейтенант, позвольте мне закончить. Эксперты обыскали квартиру Пендергаста в Дакоте – по крайней мере, комнаты, в которые смогли проникнуть, – и взяли образцы волокон. Кроме того, в гардеробе мы обнаружили две дюжины одинаковых черных костюмов. Ткань костюмов и волокна с места преступления идентичны по составу – шерсть из смеси кашемира и мериноса, окрашенная в черный цвет. Это уникальная ткань. Ошибки быть не может.

Д'Агоста почувствовал, как по позвоночнику побежали мурашки: он догадывался, куда все это может завести.

– 22 января Чарльза Дучэмпа повесили на окне собственной квартиры в доме 65 на Бродвее. И снова место преступления было на удивление «чистым». Тем не менее наши эксперты обнаружили те же черные волокна, что и в случае с Торрансом. Приобщили к делу веревку, на которой повесили Дучэмпа. Это оказался редкий вид серого шелка. Мы выяснили, что такую веревку используют во время религиозных церемоний в Бутане. Монахи, в целях медитации, завязывают шелковые веревки невероятно сложными узлами. Такие узлы больше нигде не встречаются.

Она молча положила фотографию. Д'Агоста увидел на ней веревку с узлом, запачканным кровью.

– Этот узел называется Ran t'ankha durdag – «запутанная дорога в ад». Я вспомнила, что специальный агент Пендергаст некоторое время провел в Бутане, общаясь с монахами, которые вяжут такие узлы.

– На это имеется простой ответ...

– Винсент, если ты еще раз прервешь меня, придется использовать кляп.

Д'Агоста умолк.

– На следующий день, 23 января, в Вашингтоне, в собственном доме, обнаружили тело специального агента Майкла Декера. В рот ему вогнали штык времен Гражданской войны. На месте преступления, как и в предыдущих случаях, не было улик, кроме таких же шерстяных волокон. – Она положила перед Д'Агостой еще один отчет.

– Примерно в два часа ночи, 26 января, в Нью-Йоркском Музее естественной истории зарезали ножом Марго Грин. Я изучила списки людей, побывавших в тот день в музее. В выставочное помещение она вошла последней. На выходе из зала отметилась – должно быть, убийца воспользовался ее карточкой. В этот раз место преступления оказалось не таким чистым: Грин оказала сопротивление. Она ранила убийцу ножом для открывания коробок. В зале обнаружили кровь, не принадлежавшую жертве. Единственную каплю нашли на полу и на ноже (его плохо обтерли). – Она сделала паузу. – Анализ ДНК пришел вчера вечером.

Хейворд взяла лист бумаги и бросила его поверх других документов.

– Вот результаты.

Д'Агоста не мог заставить себя посмотреть. Ответ он знал заранее.

– Верно. Специальный агент Пендергаст.

Д'Агоста счел за лучшее промолчать.

– Теперь мне становится понятным мотив преступлений. У всех жертв есть нечто общее: они – близкие знакомые Пендергаста. Гамильтон обучал Пендергаста языкам. Дучэмп был его ближайшим и, возможно, единственным другом. Еще со школьных лет. Майкл Декер являлся наставником Пендергаста в ФБР. Благодаря Декеру Пендергаст уцелел в ФБР, несмотря на обвинения, которые предъявили ему за неортодоксальные методы ведения дел. И наконец, как тебе хорошо известно, Марго Грин была близкой подругой Пендергаста. Несколько лет назад они расследовали два дела – убийства в музее и в подземке. Все вещдоки и лабораторные анализы были проверены и перепроверены. Ошибки быть не может. Специальный агент Пендергаст – убийца-психопат.

Д'Агоста похолодел. Теперь он понял, зачем Диоген спас Пендергаста, зачем вернул его к жизни, после того что случилось в замке Фоско. Недостаточно было умертвить друзей брата. Нет, он понадобился ему в качестве ширмы для собственных преступлений.

– А теперь это, – сказала Хейворд. – Она показала ему другой отчет. Он был в прозрачной обложке, и Д'Агоста увидел заголовок:

Психологический портрет
Убийцы Гамильтона/Дучэмпа/Декера/Трин
Отдел поведенческой науки
Федеральное бюро расследования, Куантико

– Я не говорила им, что подозреваю их же сотрудника. Просто сказала, что, по нашему мнению, убийства связаны одно с другим, и попросила, чтобы они составили портрет предполагаемого преступника. В связи с убийством Декера они сделали его за двадцать четыре часа. Убийца – мужчина, получивший отличное последипломное образование. Он – химик-профессионал, прекрасно знаком с полицейскими процедурами. Возможно, когда-то работал в этой сфере или продолжает работать. Всесторонне развит – осведомлен в естественных науках, математике, литературе, истории, музыке, искусстве, короче – человек эпохи Ренессанса. Его IQ оценивают в диапазоне 180 – 200. Возраст – от тридцати до пятидесяти. Судя по всему, он много путешествовал, возможно, владеет многими языками. Вероятно, бывший военный. Имеет значительные средства. Обладает большими способностями к изменению внешности.

Она посмотрела Д'Агосте в глаза.

– Ну что? Этот портрет никого тебе не напоминает, Винсент?

Д'Агоста не ответил.

– Это все внешние черты. Затем следует психологический анализ. – Она стала отыскивать нужный абзац в докладе. – «Убийца – человек властный, умеющий контролировать свои чувства. Очень хорошо организован, точен и логичен. Подавляет

внешнее проявление эмоций и редко, если вообще когда-либо, открывает себя другим. Настоящих друзей у него мало, а может, и вообще нет. Он трудно налаживает отношения с противоположным полом. Должно быть, у него было трудное детство – холодная, властная мать и отдаленный, либо отсутствующий отец. Семейные отношения не сложились. Возможно, в роду имелись преступники или люди с расстройством психики. В детстве он перенес тяжелую эмоциональную травму, касавшуюся близкого члена семьи – матери, отца или родного *брата/сестры* – после этого он всю жизнь за нее расплачивается. Очень подозрителен, считает себя выше других – в интеллектуальном и моральном отношении...»

– Какая белиберда! – взорвался Д'Агоста. – Все искажено. Он совсем не такой!

И спохватился. Хейворд смотрела на него, вскинув брови.

– Стало быть, ты узнаешь этого человека.

– Конечно, узнаю! Но все искажено. Он не такой. Пендергаст не убивал этих людей. Его подставили. Улики, кровь... все подставлено. Убийца – его брат, Диоген.

Еще одна долгая пауза.

– Продолжай, – сказала она бесстрастным голосом.

– После итальянского происшествия, когда все мы думали, что Пендергаст погиб, Диоген отвез его в клинику. Пендергаст был болен, накачан снотворными, и это дало возможность Диогену собрать все, что требовалось, чтобы впоследствии подставить Пендергаста, – волосы, волокна, кровь. Это Диоген. Разве не видишь? Он всю жизнь ненавидел Пендергаста, все эти годы планировал расправу. Он прислал Пендергасту письмо, в котором пообещал устроить совершенное преступление, и назвал дату – это произойдет сегодня.

– Уж не думаешь ли ты, что я поверю в эту сумасшедшую теорию, Винсент...

– Теперь моя очередь говорить. Диоген хочет совершить свое преступление даже больше, чем убить брата. Он планировал убить каждого, кого любил брат, а Пендергаста оставить в живых. Похоже, он собирался выставить брата виновником за совершенные им самим преступления...

Д'Агоста замолк. Она смотрела на него как на больного.

– Винни, помнишь, ты просил меня поинтересоваться Диогеном? Я это сделала. Потратила массу времени, чтобы отыскать его следы, и вот что я нашла.

Она открыла папку, вынула из нее еще один листок и положила перед ним. На документе стояла печать, и он был заверен нотариусом.

– Что это?

– Свидетельство о смерти. Диоген Дэгрепонт Бернули Пендергаст. Погиб двадцать лет назад в автомобильной катастрофе в Великобритании.

– Подделка. Я видел его письмо. И знаю: он жив.

– А что, если письмо это написал сам Пендергаст?

Д'Агоста уставился на нее.

– Да я видел Диогена. Собственными глазами.

– В самом деле? Где?

– Возле замка Фоско. Когда за нами охотились. У него глаза разного цвета. Помнишь, нам говорила об этом Корнелия Пендергаст?

– А почему ты так уверен, что это был Диоген?

Д'Агоста замялся.

– Мне сказал об этом Пендергаст.

– Ты говорил с ним?

– Нет. Но я видел его детскую фотографию, совсем недавно. Это то же лицо.

Последовала длинная пауза. Хейворд снова обратилась к портрету преступника.

– Здесь есть еще кое-что. Прочти.

Она подала ему бумагу.

У предполагаемого преступника могут наблюдаться редкие симптомы диссоциированной личности. В этом случае субъект играет две разные, диаметрально

противоположные роли – убийцы и следователя. В данной необычной ситуации убийца может быть силовым офицером, расследующим дело. При другом варианте патологии убийца является гражданским человеком, инициирующим расследование преступлений. Часто бывает, что он совершает блестящие открытия – находит вещественные доказательства, пропущенные следователем. В обоих вариантах убийца оставляет столь мелкие и незначительные улики, что полиции трудно их обнаружить. Для выявления вещественных доказательств требуется обладать недюжинной наблюдательностью и/или способностями к дедукции. На сознательном уровне личности убийцы/следователя не подозревают о существовании друг друга, хотя в области патологического подсознания активно общаются.

– Чушь собачья. Все это свойственно человеку, желающему привлечь к себе внимание. Пендергаст старается остаться в тени. На него это не похоже. Ты его знаешь, работала с ним. Что тебе подсказывает интуиция?

– Ты вовсе не хочешь знать, что подсказывает мне интуиция. – Темные глаза пристально вглядывались в него. – Винни, догадываешься, почему я поделилась с тобой этой информацией?

– Почему?

– По единственной причине. Я думаю, ты находишься в смертельной опасности. Пендергаст – сумасшедший, и в следующий раз он убьет тебя. Я уверена.

– Он не убийца.

– Тот Пендергаст, которого ты знаешь, даже не подозревает, что он убийца. Он думает, что это – Диоген. Он уверен, что брат его жив и что вы с ним хотите его найти. Это та самая патология, которая описана здесь. – Она хлопнула по отчету. – Вторая его личность... Диоген. Он живет с ним в одном теле. С той его личностью ты пока не встретился. Но встретишься... когда он убьет тебя.

Д'Агоста не смог отыскать слов для ответа.

– Не знаю, может, не следовало все это тебе рассказывать. – Голос ее стал жестким. – Ты не имеешь права на мое доверие, после того как все разрушил. Я столько для тебя сделала, благодаря мне ты получил высокое положение на службе, и ты меня предал, отверг мою... – Она замолчала и, тяжело дыша, пыталась успокоиться.

Теперь Д'Агоста по-настоящему разозлился.

– Я предал тебя? Послушай, Лаура, я пытался поговорить с тобой об этом. Пытался объяснить. Но ты меня оттолкнула, сказала, что я свихнулся из-за его смерти. Как, думаешь, я тогда себя чувствовал? Или что чувствую сейчас, выслушивая обвинения в наивности, в том, что я слишком доверяю Пендергасту? Ты знаешь о прежней моей работе, тебе известно, на что я способен. Почему ты считаешь, что сейчас я заблуждаюсь?

Вопрос повис в воздухе.

– Сейчас не время и не место для дискуссий, – отрезала Хейворд. Теперь она говорила спокойно и деловито. – Тем более что мы отошли от темы.

– И в чем конкретно она заключается?

– Я хочу, чтобы ты привел Пендергаста.

Д'Агоста застыл на месте, словно громом пораженный. Как же он не понял, к чему она затеяла этот раз говор!

– Приведи его. Спаси собственную карьеру. Если он не виноват, пусть докажет это в суде.

– Но все улики против него...

– Верно. Так и есть. Причем ты пока и половины не видел. Но так работает наша система: приведи его, и пусть он выступит перед судом.

– Привести его? Но как?

– Я все продумала. Ты – единственный человек, которому он доверяет.

– Ты хочешь, чтобы я его предал?

– Предал? О господи! Винни, он – серийный убийца. Погибли четыре невинных человека. И есть еще одно обстоятельство, которое ты упускаешь из виду. Твои действия –

то, что ты держишь местопребывание Пендергаста в секрете, лжешь мне, лжешь капитану Синглтону – эти действия граничат с нарушением закона. Теперь, когда ты знаешь, что Пендергаст скрывается – одного этого достаточно для его ареста – любые действия с твоей стороны, направленные на его защиту, могут быть приравнены к пособничеству. Ты уже в глубоком дерьме, и есть единственный способ выбраться оттуда. Либо ты его приводишь, либо садишься в тюрьму. Вот как обстоят дела.

Д'Агоста долго молчал. Когда заговорил, голос его звучал тускло, скованно.

– Дай мне день, чтобы все обдумать.

– День? – Она взглянула на него с недоумением. В твоем распоряжении десять минут.

Глава 46

Виола проснулась от нестерпимой головной боли. Некоторое время непонимающе смотрела на кружевную оборку полого. И вдруг вспомнила все: езду по темной автостраде, разговоры, наводившие ужас, неожиданное нападение...

Она подавила волну паники, лежала тихо, сосредоточившись на дыхании, старалась ни о чем не думать.

Наконец, почувствовав, что овладела собой, медленно села. Голова закружилась, перед глазами заплясали черные мушки. Закрыла глаза. Когда пульсирующая боль чуть-чуть ослабела, снова открыла глаза и огляделась.

Она находилась в маленькой спальне. Обои с цветочным рисунком, старая викторианская мебель, решетка на единственном окне. Осторожно, чтобы не потревожить голову и не шуметь, свесила с постели ноги и нетвердо встала на пол. Тихонько взялась за дверную ручку – как и ожидала, дверь оказалась заперта. Вторую паническую волну удалось подавить быстрее, чем первую.

Виола подошла к окну и посмотрела сквозь стекло. Дом стоял в нескольких сотнях ярдов от побережья. Она увидела песчаные дюны и белые барашки на темных океанских волнах. Небо – цвета вороненой стали. С инстинктом человека, прошедшего много ночей под открытым небом, Виола догадалась, что сейчас утро. Справа и слева стояло несколько хибарок с заколоченными на зиму окнами. На берегу никого не было.

Виола просунула руку сквозь прутья и постучала по стеклу. Оно было синее и необычно толстое, вероятно, небьющееся и звуконепроницаемое, во всяком случае, шума прибора она не слышала.

По-прежнему медленно и бесшумно передвигаясь, она вошла в маленькую смежную ванную. Эта комната, как и спальня, была старомодной и чистой. В ней была раковина, ванна на ножках с лапами и маленькое окно, тоже зарешеченное, с таким же толстым стеклом. Виола повернула кран. Вода быстро нагрелась до очень высокой температуры. Закрыв кран, она вернулась в спальню.

Уселась на кровать. То, что случилось, казалось ей нереальным и таким абсурдным, что понять это просто невозможно. Человек, привезший ее сюда, брат Пендергаста. В этом она не сомневалась: в большинстве вещей он был практически его двойником. Но зачем ему понадобилось ее похищать? И – что самое важное – какова в этом случае роль самого Пендергаста? Как могла она в нем так ошибиться?

Вернувшись мыслями к их короткому свиданию на острове, она поняла, какой странной была та встреча. Возможно, весть о его трагической гибели придала их недолгому знакомству некий романтический оттенок. А потом это письмо, из которого она узнала, что Пендергаст жив, и сентиментальная, импульсивная просьба приехать...

Импульсивная. Точное слово. В который раз свойственная ей импульсивность сыграла с ней злую шутку. Правда, на этот раз ей, похоже, будет не до шуток.

Неужели и Д'Агоста замешан в этом? А что, если история о смерти Пендергаста была обманом, частью сложного плана, и все для того, чтобы выманить ее сюда? Может, она в руках могущественной организации, занимающейся похищением людей? Может, ее держат

здесь ради выкупа? Чем больше она думала об этом безобразии, тем быстрее страх уступал место гневу и возмущению. Но даже и эти эмоции она старалась подавить. Лучше направить всю энергию на побег.

Виола снова вернулась в ванную, быстро оглядела все, что в ней было: пластмассовая расческа, зубная щетка, зубная паста, стакан для воды, чистые полотенца, мочалка, шампунь. Она взяла зеркало. Оно было тяжелым и холодным – настоящее стекло.

Виола задумчиво повертела его в руках. Острый конец мог послужить не только оружием, но и инструментом. Выбраться из окна не представлялось возможным, да и дверь наверняка являлась непреодолимой преградой, впрочем, дом старый, а под обоями, возможно, штукатурка и деревянные панели.

Виола взяла полотенце, крепко обмотала им зеркало и несколько раз стукнула о край раковины, пока оно не разбилось. Развернула полотенце: как она и надеялась, стекло разбилось на несколько крупных осколков. Виола взяла самый острый, вернулась в спальню, подошла к дальней стене. Стараясь не шуметь, воткнула острие в обои и сделала пробный разрез.

Обои порвались, но ее ожидало разочарование: тускло блеснул металл. Виола подцепила ногтями оборванный кусок и отогнула его, обнажив гладкую стальную поверхность.

По спине пробежал холодок. В то же мгновение в дверь постучали.

Она вздрогнула, затем быстро забралась в постель, притворившись спящей.

В дверь стукнули еще раз, и еще, после чего она услышала скрежет ключа в замке. Дверь приоткрылась. Она лежала с закрытыми глазами, спрятав под одеялом кусок стекла.

– Дорогая Виола, я знаю, что вы уже встали.

Она продолжала лежать.

– Знаю: вы обнаружили, что я отделал вашу комнату металлом. Теперь сядьте, пожалуйста, и перестаньте притворяться. Мне нужно сообщить вам что-то важное.

Виола села, ее охватил гнев. На пороге стоял человек, которого она не узнала, хотя голос, без сомнения, принадлежал Диогену.

– Простите мою необычную наружность. Я оделся для города. Через несколько минут выезжаю.

– В другом обличье. Вы воображаете себя Шерлоком Холмсом?

Он наклонил голову.

– Чего вы хотите, Диоген?

– У меня уже есть то, что мне нужно, – вы.

– Зачем я вам?

Он широко улыбнулся.

– Зачем? Если честно, я не побеспокоил бы вас, если б вы не вызвали интерес у моего брата. Всего однажды при мне он назвал ваше имя. Это пробудило мое любопытство. К счастью, имя у вас необычное и фамилия известная: мне удалось многое узнать о вас. Я подозревал, что брат питает к вам нежные чувства. Когда вы откликнулись на мое письмо, понял, что был прав, и в мои руки плывет бесценная награда.

– Вы – осел. Ведь вы совсем ничего обо мне не знаете.

– Милая моя Виола, к чему беспокоиться о том, что я знаю? Вам бы следовало беспокоиться о двух вещах, которых не знаете вы. Во-первых, доведу до вашего сведения: из этой комнаты вы не выйдете. Стены, пол, потолок и дверь изготовлены из клепаной корабельной стали. Окна двухкамерные из небьющегося, не пропускающего звук, пуленепробиваемого стекла. Вы можете видеть, что происходит за окном, а снаружи ничего не видно. Да здесь и нет никого, так что некому любопытствовать. Говорю вам это только затем, чтобы зря не беспокоились. Книг в шкафу достаточно. Воду для питья наберете из-под крана. В нижнем ящике бюро есть леденцы – будет что пососать.

– Да вы, оказывается, очень хлопотали, да и потратились. Даже леденцы купили.

– Справедливо.

– «Справедливо», – она передразнила его аристократическую манеру растягивать слова. – Вы сказали, что сообщите мне два известия. Что у вас на второе?

– То, что вы должны умереть. Если вы верите в Творца, поведайте Ему то, что еще не успели. Вы умрете завтра утром, на рассвете, как и положено.

Виола рассмеялась неожиданно для себя самой. Смех был злой, горький.

– Если бы вы слышали себя со стороны! Вы кажетесь надутым ослом. Умрете на рассвете. Как театрально!

Диоген сделал шаг назад. Лицо слегка нахмурилось, но тут же приняло нейтральное выражение.

– Да вы, оказывается, настоящая мегера.

– Что я вам сделала, подлый псих?

– Мне – ничего, а вот брату сделали.

– Ничего я вашему брату не делала! Если это шутка, то скверная.

Он холодно рассмеялся.

– Это и в самом деле шутка, очень скверная шутка.

Гнев и усталость избавили ее от страха. Виола крепче сжала в руке кусок стекла.

– Странно, что столь отвратительный человек, как вы, может быть так доволен собой.

Смех замолк.

– Ну-ну! Кажется, с утра мы заточили язычок?

– Вы помешанный.

– В этом я не сомневаюсь: по существующим стандартам я клинически нездоров.

Виола прищурила глаза.

– Значит, вы – последователь шотландского психиатра Р. Д. Лэнг?

– Я не являюсь ничьим последователем.

– Утверждая это, вы расписываетесь в собственном невежестве. Упомянутый мной психиатр сказал: «Болезнь ума – здоровый ответ на нездоровье мира».

– Что ж, стоит признать: джентльмен – кем бы он там ни являлся – не лишен проницательности. Но, милая моя Виола, у меня нет времени обмениваться любезностями.

– Мой милый Диоген, если б вы только знали, каким невоспитанным выглядите в моих глазах. – Она очень точно изобразила его манеру говорить. – Как печально, что мы не можем продолжить нашу очаровательную беседу. Я полюбовалась бы на ваши слабые попытки показать себя светским человеком.

Наступило молчание. Диоген уже не улыбался, похоже, думал о чем-то, однако на лице эти мысли не отражались. Виола поражалась силе собственного гнева. Она быстро дышала, а сердце колотилось в груди, как бешеное.

Диоген вздохнул.

– Вы болтливы, как обезьянка, и почти так же сообразительны. На вашем месте я попридержал бы язык и встретил смерть с достоинством, как подобает знатной леди.

– Знатной леди? Только не говорите, что вы один из тех американских снобов, которые виляют хвостом, стоит им встретить красноногого баронета или трясущегося старого виконта.

– Виола, прошу вас. Вы перевозбудились.

– А вы бы не перевозбудились, если бы вас заманили на другой конец света, привели в бесчувственное состояние, похитили, заперли и стали угрожать...

– Виола, саuffit!²⁵ Я вернусь рано утром и исполню свое обещание. Кстати, рассеку вам горло. Дважды. В честь дядюшки Комстока.

Она замолчала. Страх вернулся к ней в полном объеме.

– Почему?

– Ну, наконец-то здоровый вопрос. Я – экзистенциалист. И имею собственное

²⁵ Довольно! (фр.)

представление о шаткости трухлявого каркаса нашего разлагающегося мира. Вашей вины в этом нет, но вы часть этого мира. Однако жалости к вам я не испытываю. В мире полно боли и страданий. Я же хочу править балом и вовсе не собираюсь предлагать самого себя в качестве безмозглой жертвы. Я не испытываю удовольствия от страданий других, за исключением одного человека. Вот в чем вся суть. Я живу ради своего брата, Виола. Он придает мне силы, он дает мне цель, жизнь. Он – мое спасение.

– Можете отправляться с вашим братцем в преисподнюю!

– Ах, дорогая Виола! Разве вы не поняли? Мы уже в преисподней. Правда, вы скоро обретете свободу.

Виола соскочила с кровати и бросилась на него с осколком стекла, но в мгновение ока оказалась на полу. Диоген лежал сверху, дыхание его сладко пахло гвоздикой.

– Прощай, моя проворная обезьянка, – пробормотал он и нежно поцеловал ее в губы.

А затем, в одно движение, быстро и плавно поднялся и вышел, хлопнув дверью. Она бросилась было к выходу, но слишком поздно: сталь звучно вошла в сталь. Дверь была холодной и неприступной, точно банковский сейф.

Глава 47

Д'Агосте не понадобился день на обдумывание предложения Хейворд, не потребовалось даже десяти минут. Он вышел из здания, вытащил сотовый телефон, подаренный ему Пендергастом, и попросил о срочной встрече.

Четверть часа спустя он вышел из такси на углу Бродвея и 72-й стрит. Осадок от встречи с Лаурой все еще саднил душу, однако он приказал себе в данный момент об этом не думать. Необходимо было упрятать личные чувства куда подальше, пока не миновал кризис, если это и в самом деле произойдет.

Д'Агоста пошел по 72-й улице. Впереди виднелся Центральный парк, на холодном январском небе отпечатались голые деревья, точно на гравюре. На следующем перекрестке он остановился, снова вынул сотовый телефон. «Позвони мне, когда дойдешь до Коламбус и 72-й», – сказал ему Пендергаст. Д'Агоста находился всего лишь в квартале от квартиры Пендергаста в Дакоте. Неужели он дома? В нынешних обстоятельствах это казалось невозможным.

Он набрал номер.

– Да? – послышался голос Пендергаста.

Издалека Д'Агоста услышал звон ключей.

– Я на углу, – ответил он.

– Очень хорошо. Иди, не привлекая внимания, до дома 24 на углу Вест и 72-й улицы. Здание отчасти жилое, отчасти коммерческое. В рабочие часы вход закрыт, но консьерж обычно впускает тех, кто прилично выглядит. Спустись в подвал и отыщи дверь под номером В-14. Проследи, чтобы рядом никого не было. Затем медленно постучи семь раз. Понял?

– Да. – Телефон замолчал.

Убрав трубку, Д'Агоста перешел улицу и направился к парку. Впереди, на углу, заметил здание с башенками песочного цвета. Оно напомнило ему дом из мультфильма Чарльза Адамса. Внизу, возле внушительного парадного входа в готическом стиле, стояла будка швейцара. Поблизости прогуливались два полицейских в форме, и на Централ-Парк-Вест стояли припаркованные полицейские автомобили.

В ход, похоже, пошла тяжелая кавалерия.

Д'Агоста замедлил шаг, приблизился к зданию, поглядывая на полицейских.

Дом двадцать четыре был большим строением, занимавшим половину квартала. Д'Агоста посмотрел по сторонам и, не увидев никого подозрительного, позвонил. Консьерж открыл дверь, и Д'Агоста быстро вошел.

Вестибюль был маленький и темный, стены облицованы грязно-серым мрамором.

Д'Агоста кивнул консьержу и спустился по лестнице. В подвале был коридор с металлическими дверями, отделенными друг от друга равными промежутками. В течение минуты Д'Агоста отыскал дверь с надписью В-14. Снова оглянулся, постучал семь раз, как и было условлено.

Сначала было тихо. Потом раздался звук отодвигаемого засова. Дверь открыл человек в черно-белой ливрее. Он осмотрел коридор и кивнул Д'Агосте, чтобы тот прошел.

Д'Агоста оказался не в комнате, а в очень узком коридоре, уходящем в темноту. Швейцар включил фонарик и куда-то его повел.

Казалось, они шли целую вечность. Поначалу стены были из шлакобетона, потом кирпичные, затем штукатуренные, потом – снова кирпичные. По пути коридор расширялся, затем так сильно сужался, что Д'Агоста касался стен плечами. Несколько раз они сворачивали налево, затем направо. Вошли в крошечный двор, чуть шире вентиляционной шахты, и высоко над головой Д'Агоста увидел кусочек голубого неба. Ему показалось, что он находится в основании дымохода. Затем поднялись по короткой лестнице. Большим старомодным ключом швейцар открыл еще одну дверь, после чего они вошли в еще один узкий коридор.

Этот коридор закончился маленьким служебным лифтом. Швейцар отворил медную решетку, отпер дверь лифта другим ключом и сделал Д'Агосте приглашающий знак. В кабине швейцар взялся за большую круглую ручку. С протестующим пыхтением лифт пошел вверх.

Окна в старинной двери не было, и Д'Агоста не знал, сколько этажей они проехали – то ли четыре, то ли пять. Лифт остановился, и швейцар распахнул дверь. Когда он отодвинул бронзовую решетку, Д'Агоста увидел короткий коридор, а в нем – единственную дверь. Дверь эта была отворена. Пендергаст стоял в комнате, на сей раз одетый, как обычно, – в черный костюм.

Д'Агоста остановился, глядя на друга. Воскреснув после итальянского происшествия, он постоянно носил ту или иную личину: его лицо или одежда, или и то и другое были изменены. Теперь Д'Агоста видел его таким, каким он был на самом деле.

– Винсент, – сказал он, – входи, пожалуйста. – Пендергаст пригласил его в маленькую, почти безликую комнату. У одной стены стоял дубовый комод и кожаный диван, возле другой – рабочий стол. На столе стояли четыре ноутбука и несколько внешних систем хранения памяти. Должно быть, подумал Д'Агоста, они объединены в сеть. В торцевой стене комнаты имелись две двери, одна закрыта, за другой, распахнутой, маленькая ванная комната.

– Это и есть твоя квартира в Дакоте? – недоверчиво спросил Д'Агоста.

Лицо Пендергаста осветила слабая улыбка.

– Нет, – сказал он, закрывая дверь. – Моя квартира выше этажом.

– А это что за место?

– Считай его лазейкой. Высокотехнологичной лазейкой. Ее устроили в прошлом году по совету моего знакомого из Огайо, когда его услуги были временно недоступны.

– Но ты не можешь оставаться здесь. Полицейские рыщут повсюду. Я только что от Лауры Хейворд. У нее есть главный подозреваемый.

– Я.

– Но как, черт побери, ты об этом узнал?

– Я знаю об этом уже несколько дней.

Глаза Пендергаста метались с монитора на монитор, руки летали по клавишам.

– Явившись на место убийства своего друга, Майкла Декера, я обнаружил в его мертвой руке несколько волосков, светлых волосков. У моего брата другие волосы – рыжеватые. Тут же я понял, что план Диогена был еще «интереснее», чем я предполагал. Он не только убивал близких мне людей: свои преступления он планировал повесить на меня.

– А как же письма, которые посылал тебе Диоген? Разве они не указывают на то, что он жив?

– Нет. Вспомни странный почерк, почерк, который, как я сказал, показался мне странно знакомым. Это был мой почерк, но измененный так, чтобы эксперт посчитал, будто я специально старался его изменить.

Д'Агоста помолчал, переваривая информацию.

– Почему ты об этом не сказал?

– Я не видел причины нагружать тебя до времени этой информацией. Когда нашел эти волосы, понял, что Диоген и другие места преступлений снабдил фальшивыми свидетельствами. Уверен, во время моего излечения в Италии он прикарманил все вещдоки, которые должны были понадобиться ему в будущем, включая и мою кровь. Так или иначе, полиция непременно вышла бы на меня. Я надеялся, что в моем распоряжении будет побольше времени. Хейворд проделала работу, достойную похвалы.

– Это не все. Лаура попросила меня выдать тебя. Они разыскивают тебя. Ты не можешь здесь оставаться.

– Напротив, Винсент. Я должен здесь остаться. Это единственное место, оборудованное всем, что мне сейчас необходимо, – это как похищенное письмо из рассказа Эдгара По: меньше всего они ожидают найти меня в собственном доме. Присутствие полиции – пустая формальность.

Д'Агоста уставился на него.

– Так вот как ты узнал, что Диоген не включит в число своих жертв Лауру. Она расследует убийство Дучэмпа. Он ставил на то, что она заподозрит тебя.

– Вот именно. Теперь поставь сюда стул, и я покажу, что делаю.

Пендергаст обвел рукой четыре ноутбука.

– Эти компьютеры подключены к городской сети с уличными камерами слежения вместе с двумя главными частными системами, например, банками и банкоматами. – Он указал на один из экранов, который разделился на дюжину маленьких окон: в каждом черно-белом окне видны были улицы, перекрестки и площади.

– Зачем?

– Я убежден в том, что «совершенное» преступление Диогена состоится где-то в районе Манхэттена. Ты не можешь передвигаться по городу, такому как Нью-Йорк, без того чтобы тебя не сфотографировали, не прослушали или не зафиксировали тем или иным способом твое присутствие.

– Но Диоген наверняка изменил облик.

– Для большинства – да, но не для меня. Ты можешь изменить наружность, но все изменить не в состоянии – свою манеру держаться, походку или то, как ты моргаешь. Мы с Диогеном физически очень похожи. Я снял себя на видео и пропускаю сейчас собственное изображение через опознавательные устройства. – Он указал на другой ноутбук. – Как видишь, я сосредоточил свое внимание на улицах у Дакоты и перекрестках в районе особняка на Риверсайд-драйв. Мы знаем, что Диоген посетил особняк. Возможно, что побывал и здесь. Если я обнаружу его, то задержу изображение, погоняю туда-сюда и уловлю в его движениях нечто, характерное для него.

– Может, требуется больше компьютеров, чем есть у тебя?

– Я позаботился об этом.

Пендергаст потянулся и отворил закрытую дверь. За ней обнаружился шкаф, забитый от пола и до потолка серверами и дисковым массивом.

Д'Агоста присвистнул.

– И ты во всем этом разбираешься?

– Нет. Но умею пользоваться.

Пендергаст развернулся на табурете и посмотрел на него. Хотя лицо его было бледнее, чем привык видеть Д'Агоста, глаза опасно блестели. В нем чувствовалась чудовищная энергия, обманчивое «второе дыхание» человека, не спавшего несколько дней.

– Диогена *там* нет, Винсент. Он блуждает в некоем потоке с мириадами информационных данных. Чтобы совершить преступление, он должен всплыть на

поверхность. В этом мой шанс – последний, единственный шанс – остановить его. Эта комната – единственное место, где у меня есть доступ к нужным мне технологиям. – Он застучал по клавишам. – Знакомый, о котором я упомянул, родом из Огайо. К этой работе он приспособлен лучше меня. Но ему пришлось уйти в тень... по причинам собственной безопасности.

– Лаура ждать не будет. Они идут за тобой.

– Можешь не сомневаться, и за тобой тоже.

Д'Агоста промолчал.

– Они обыскали мою квартиру, возможно, побывали и в доме на Риверсайд-драйв. А что касается этого дома... ты сам видел, у меня есть частный выход из Дакоты. Даже привратники о нем не знают. Только Мартин, который привел тебя сюда.

Он перестал печатать.

– Винсент, ты должен кое-что сделать.

– Что?

– Сходи к Лауре Хейворд и скажи, что будешь во всем ей содействовать, но я, мол, исчез и ты понятия не имеешь, куда я подевался. Зачем тебе из-за меня портить карьеру?

– Я уже сказал: я буду с тобой до конца.

– Винсент, я требую, чтобы ты ушел.

– Послушай, Алоиз. – Пендергаст взглянул на него. – Буду с тобой.

– Я не забуду этого, Винсент.

– Пустое.

Агент углубился в работу. Прошло девять минут, двадцать, и вдруг Пендергаст напрягся.

– Засек?

– Думаю, да, – ответил Пендергаст.

Он смотрел на монитор одного из компьютеров, крутил изображение так и этак, вперед и назад.

Д'Агоста заглянул через его плечо.

– Это он?

– Компьютер считает, что да. И я тоже. Хотя странно – изображение получено не возле Дакоты, как я предполагал. Это в шести кварталах к северу...

В это мгновение зазвенело из ящика на столе. Пендергаст быстро повернулся.

– Что такое? – спросил Д'Агоста.

– Это Мартин. Похоже, кто-то хочет повидаться со мной.

Д'Агоста напрягся.

– Полиция?

Пендергаст покачал головой и, нагнувшись к коробке, нажал на кнопку.

– Курьер на велосипеде, сэр, – сказала коробка. – У него для вас конверт.

– Вы просили его подождать?

– Да.

– А полиция о нем знает?

– Нет, сэр.

– Подними его наверх. Не забудь о мерах предосторожности. – Пендергаст снял палец с кнопки и выпрямился. – Посмотрим, в чем тут дело.

Голос звучал спокойно, но лицо выражало озабоченность.

Они прошли по короткому коридору к лифту. Прошла минута, во время которой они не сказали друг другу ни слова. Затем послышался звон, и лифт начал ползти вверх. Вскоре медная решетка отодвинулась, и появились две фигуры – швейцар, который привел Д'Агосту, и курьер – тощий юнец-латиноамериканец в шарфе и толстой куртке. В руке он держал большой конверт.

Пендергаст посмотрел на пакет, и лицо его стало серым. Без слов сунул руку в карман черного пиджака, вынул медицинские перчатки, надел их. Затем достал из кармана

двадцатидолларовую бумажку и отдал курьеру.

– Подождете несколько минут? – спросил он.

– Да, – ответил курьер, с подозрением поглядывая на перчатки.

Пендергаст взял конверт и переглянулся со швейцаром. Затем, кивнув Д'Агосте, быстро прошел в комнату.

– Это от Диогена? – спросил Д'Агоста, закрывая дверь.

Пендергаст не ответил. Вместо этого расстелил на столе лист чистой бумаги, положил сверху конверт и внимательно осмотрел его. Конверт не был заклеен. Верхняя его часть свободно перевязана красной нитью. Пендергаст оглядел нить. Затем развязал ее и осторожно раскрыл конверт.

Оттуда выпал маленький лист сложенной бумаги и локон блестящих черных волос.

Пендергаст резко втянул в себя воздух. Быстро открыл сложенный листок.

Бумага была красивой, вышедшей из-под ручного печатного станка, сверху герб – глаз без века над двумя лунами и спящим львом. Внизу пером чернилами табачного цвета выведена дата – 28 января.

Д'Агоста понял: записка была похожа на ту, которую Пендергаст получил несколько месяцев назад в особняке на Риверсайд-драйв. В отличие от предыдущей, на этой была не только дата. Взгляд его упал на следующие слова:

Она очень норовиста, братец. Понимаю, почему она тебе нравится.

В качестве доказательства посылаю локон ее прекрасных волос. Это последнее, что тебе от нее достанется. Поцелуй его, и почувствуешь сладкий запах Капрайи.

Конечно, я, как всегда, могу солгать. Локон может принадлежать кому-то другому.

Правду подскажет твое сердце.

*Frater, ave atque vale*²⁶.

– О господи... – сказал Д'Агоста.

Слова застряли у него в горле. Он посмотрел на агента. Тот сидел на полу и нежно гладил локон. Выражение лица было столь ужасно, что Д'Агоста отвернулся.

– Возможно, это и ложь, – сказал он. – Твой брат и раньше лгал.

Пендергаст не ответил. Настала короткая и ужасная пауза.

– Спрошу у курьера, – сказал Д'Агоста, не решаясь взглянуть на друга.

Вышел из комнаты, направился к лифту. Курьер ждал под присмотром Мартина.

– Нью-йоркская полиция, – произнес Д'Агоста и показал свой значок.

Все замедлилось, словно в кошмарном сне. Ему было так тяжело, что он едва шевелил руками и ногами. Может, это шок?

Юноша кивнул.

– Кто дал вам этот конверт?

– Кто-то из такси опустил его в наш служебный ящик.

– Как выглядел пассажир?

– Это был обыкновенный таксист. Пассажира не было.

– Как выглядел автомобиль?

– Обычная желтая машина. Городская.

– А номер заметили?

Даже задавая вопрос, Д'Агоста знал, что это совсем не важно – запомнил парень номер или нет: без сомнения, Диоген замел следы.

Курьер помотал головой.

– Вам заплатили?

– Водитель заплатил пятьдесят баксов. Сказал, что ему приказали доставить конверт какому-то доктору Пендергасту, на углу 72-й улицы и Вест. Если возможно, лично в руки. И

²⁶ Приветствую тебя, брат, и прощай (лат.).

никому об этом не говорить, кроме доктора Пендергаста или швейцара.

– Очень хорошо.

Д'Агоста записал имя парня и его начальника. Затем отвел Мартина в сторону и попросил его проследить, остановят ли полицейские курьера, когда тот выйдет из здания. Странная тяжесть не отпускала его. Он вернулся в маленькую комнату.

Пендергаст не поднял глаз. По-прежнему сидел на полу, подавшись вперед. Руки он держал на коленях, ладонями вниз. Потерянное, горькое выражение лица исчезло, уступив место бесстрастности. Он не двигался, не моргал, казалось, даже не дышал. На Д'Агосту взглянул, словно был за миллион миль отсюда.

Может, он и в самом деле далеко, подумал Д'Агоста. Занимается медитацией или чем-то в этом роде. Может, просто старается удержаться от безумия.

– Курьер ничего не знает, – сказал он как можно мягче. – Диоген надежно себя прикрыл.

Пендергаст никак не откликнулся. Он был по-прежнему неподвижен. Лицо так же бледно.

– Откуда, черт побери, Диоген прослышал о Виоле? – взорвался Д'Агоста.

Пендергаст ответил голосом робота:

– Первую неделю в больнице я бредил. Возможно, назвал ее имя. От Диогена ничто не укроется. Ничто.

Д'Агоста опустил на стул. Сейчас ему было все равно – ворвется ли в квартиру Лаура Хейворд с дюжиной агентов ФБР и полицейскими. Пусть запрут его и выбросят ключ. Безразлично. Жизнь – подлая штука.

Они сидели в комнате без движения, молча. Прошло полчаса.

Затем Пендергаст вскочил на ноги, причем так неожиданно, что у Д'Агосты замерло сердце.

– Она должна была путешествовать под собственным именем! – сказал он.

Глаза его сверкали.

– Что? – спросил Д'Агоста, приподнимаясь.

– Она бы не приехала, если бы он попросил ее использовать чужое имя или фальшивый паспорт. Должно быть, она только что приехала. Он не задержался с запиской, для этого у него не было времени!

Пендергаст подбежал к ближайшему ноутбуку и начал быстро печатать. Через двадцать секунд стук клавиш прекратился.

– Вот она! – закричал он.

Д'Агоста подбежал и посмотрел на экран.

Фолкстон Информационный центр Конфиденциально
Статистический контроль 4.041.

Поиск пассажира

Результаты поиска

Найдено: один

ВА-0002359148

Маскелене, леди Виола

Бритиш Эйрвейз, рейс 822

Отбытие: Лондон Гэтвик, 27 января, 11:54 пополудни.

Среднее время по Гринвичу

Прибытие: Кеннеди, международный аэропорт, 28 января, 12:10 Восточное поясное

время

Конец запроса.

Пендергаст оторвался от экрана. Теперь он был переполнен энергией. Глаза, прежде пустые и отдаленные, горели огнем.

– Пошли, Винсент. Едем в аэропорт Кеннеди. Каждая минута дорога. След остывает. – И не сказав более ни слова, выскочил из комнаты.

Глава 48

Все, как в старые добрые времена, мрачно думал Д'Агоста: облаченный в черный костюм Пендергаст мчался по улицам Нью-Йорка в своем «роллс-ройсе». Правда, были это уже далеко не добрые времена. За Пендергастом охотились, да и сам Д'Агоста находился в таком глубоком дерьме, что при подъеме ему потребовалась бы декомпрессионная камера, если он вообще вынырнет на поверхность.

«Роллс» подкатил к терминалу 7 зоны «Прибытие». Пендергаст выскочил из машины, оставив мотор включенным.

Дежурный полицейский прохаживался по тротуару взад и вперед. Пендергаст налетел на него, как коршун.

– Федеральное бюро расследования.

Взмахнул своим золотым удостоверением перед офицером, сложил его и спрятал в карман.

– Чем могу помочь, сэр? – быстро спросил полицейский, на которого Пендергаст явно произвел впечатление.

– Мы расследуем дело чрезвычайной важности. Могу я попросить, чтобы вы присмотрели за моим автомобилем, офицер?

– Да, сэр.

Полицейский едва ли не отсалютовал.

Пендергаст влетел в терминал, полы черного пальто развевались. Д'Агоста следовал по пятам. Внутри дюжий охранник внимательно выслушивал человека, сердито кричавшего, что у него украли сумку.

И снова Пендергаст открыл удостоверение.

– Специальный агент Пендергаст, Федеральное бюро расследования. Мой помощник, Винсент Д'Агоста, из нью-йоркской полиции.

– Ну вот, нашли время! – закричал пострадавший мужчина. – Дело идет о чрезвычайно дорогих украшениях моей жены...

– Никогда не кладите драгоценности в багаж, – сказал Пендергаст, взял мужчину за локоть, вывел его, после чего быстро вернулся и запер за собой дверь.

– Ловко у вас получается, – улыбнулся охранник.

– Скажите, офицер Картер сейчас дежурит? – спросил Пендергаст, незаметно взглянув на значок охранника.

– Это я. Рэндалл Картер. Чем могу служить?

– Мне сказали, что вы тот человек, который лучше всего решит мою проблему.

– В самом деле? – Лицо охранника просияло. – Кто...

– Нам нужно посмотреть пленку, снятую накануне камерами слежения. Сразу после полуночи. Это дело чрезвычайной срочности.

– Да, сэр. Позвольте мне вызвать начальника охраны.

Пендергаст удивленно покачал головой.

– Разве вам не сказали, что вопрос уже улажен?

– В самом деле? Я не знал. Странно, что они не послали...

– Ладно, – прервал его Пендергаст. – Я рад, что они, по крайней мере, догадались послать меня к вам. Вы – человек, который сам решает, а не какой-нибудь бюрократ. – Он неожиданно взял охранника за плечи. – Вы носите бронежилет, офицер?

– Бронежилет? Он нам не требуется... Но почему.

– Пора браться за дело.

– Да, сэр.

У офицера отпала охота к дальнейшим расспросам. Он ринулся в глубь терминала и отпер служебный вход.

Они прошли по коридору, открылась еще одна дверь, и они очутились в большой

комнате с компьютерами, мониторами, видеокамерами. Несколько охранников сидели вокруг стойки, пили кофе, а в углу тощий раздраженный техник стучал по клавишам.

– Этим джентльменам нужно посмотреть пленку, – сказал Картер технику.

– Минуточку, – сказал техник.

– Нет, сейчас. Этот человек из ФБР, он расследует дело чрезвычайной важности.

Техник поднялся, раздраженно вздохнув.

– Ладно, покажите-ка разрешение.

Он протянул руку.

– Все улажено. Поверьте на слово.

Техник закатил глаза.

– Так чего вы хотите?

Пендергаст вмешался:

– Бритиш Эйрвейз, рейс 822, прибыл сюда из Гэтвика сразу после полуночи. Мне нужны записи с видеокамер возле карусели с прибывшим багажом. Но самое главное, что я хочу видеть, – это зона за таможней.

– Сядьте. Это займет немало времени.

– Боюсь, что времени у меня в обрез.

– Дайте мне отдышаться. Я сделаю все, что смогу. Наберитесь терпения.

Пендергаст мило улыбнулся. Заметив его улыбку, Д'Агоста напрягся.

– Вас зовут Джонатан Мерфи, не так ли? – медовым голосом осведомился Пендергаст.

– Оказывается, вы можете прочитать надпись на карточке. Bravo.

– Мне нравится игра в вершки и корешки, Джонатан, – сказал Пендергаст все еще приятным голосом. – Через пять минут вы дадите мне эти видеозаписи и получаете вознаграждение в десять тысяч долларов от ФБР во исполнение программы – Публичная инициатива и вознаграждение, сокращенно ПИВ. Вы наверняка о ней слышали. Если не сделаете этого, я внесу в ваше досье красную метку, и это будет означать, что ни в одном аэропорту вам не удастся получить работу, да и в любом другом подобном месте тоже. Так что выбираете – вершок или корешок?

Молчание. Охранники подталкивали друг друга и улыбались. Было ясно, что техник у них популярностью не пользовался.

Мерфи глуповато ухмыльнулся:

– Возьму десять тысяч.

– Отлично.

Техник уселся за компьютер и с жаром принялся за работу. Пальцы так и летали по клавишам. Д'Агоста смотрел, как на экране выскакивают цифры.

– Мы больше не пользуемся видеопленкой, – сказал он. – Храним все в цифровом формате.

Вдруг он остановился.

– Есть. Самолет прибыл в десять минут первого, выход 34. Так, посмотрим... Проход через таможню в среднем занимает пятнадцать минут, плюс получение багажа на карусели... Думаю, на все про все уйдет двадцать пять минут.

На экране Мерфи появилось изображение. Пендергаст подался вперед, напряженно всматриваясь в монитор. Д'Агоста выглядывал из-за плеча. Он увидел международную багажную зону, вращающуюся пустую карусель.

– Я увеличу скорость, пусть появятся люди, – сказал Мерфи.

Теперь карусель поворачивалась гораздо быстрее. Внизу на экране быстро мелькали секунды. Вскоре к карусели стали подходить люди, отыскивающие свой багаж. Мерфи нажал на несколько клавиш, и изображение пошло с нормальной скоростью.

– Вот она! – прошептал Пендергаст, указывая на экран.

Д'Агоста разглядел стройную фигуру Виолы Маскелене с маленькой сумкой в руке. Она приблизилась к карусели, вынула из сумочки багажный билет, скрестила руки и стала ждать.

С минуту Пендергаст смотрел на изображение. Затем заговорил:

– Покажите место встречи пассажиров, пожалуйста. Установите то же время.

Техник внес несколько команд. Багажное отделение исчезло, на его месте появилось место встречи пассажиров. Народу там было мало, несколько человек нетерпеливо переминались с ноги на ногу.

– Вон там, – сказал Пендергаст.

Мужчина стоял чуть поодаль – высокий, стройный, одетый в темное пальто. У него были рыжеватые волосы, он озирался по сторонам. Вдруг он повернулся и уставился на камеру слежения.

Д'Агоста едва не сделал шаг назад. Мужчина смотрел прямо на них. Лицо загорелое, худое, коротко стриженная бородка, разноцветные глаза. Д'Агоста тотчас узнал его: этого человека он видел два месяца назад возле замка Фоско в Италии.

Человек кивнул, глядя в камеру, легонько помахал рукой. Губы его шевелились. Видимо, он что-то сказал.

Д'Агоста глянул на Пендергаста. Тот побелел от гнева.

Пендергаст повернулся к технику.

– Вернитесь назад и распечатайте кадр с человеком, машущим рукой.

– Да, сэр.

Мгновение спустя принтер зажужжал. Пендергаст вынул цветной снимок и сунул в карман.

– Теперь промотайте, пока на экране не появится дама и поприветствует его.

Снова на экране быстро замелькали изображения, и вот появилась Виола. Широко улыбающийся Диоген приблизился к ней с вытянутыми в приветствии руками. Д'Агоста, затаив дыхание, наблюдал, как эти двое, судя по всему, обменивались любезностями. Затем Диоген взмахнул купюрой, и к ним бросился носильщик. Они повернулись и направились к дверям. Носильщик шел следом с багажом Виолы.

Пендергаст указал на экран.

– Кто этот носильщик?

Картер прищурился:

– Вроде бы Норм. Норман Сондерс.

– Он сейчас на работе?

Картер покачал головой.

– Не знаю.

– Он уходит в восемь, – сказал охранник. – Но иногда работает сверхурочно.

Фигуры исчезли за стеклянными дверями.

– Теперь покажите стоянку.

– Хорошо.

Техник снова застучал по клавишам. Изображение поменялось: Диоген шел к темному «линкольну». Он взялся за дверную ручку, придержал дверь для Виолы, помог ей сесть. Подождал, пока носильщик закроет багажник. Обошел автомобиль и уселся на место водителя.

Машина отъехала и исчезла в темноте.

– Вернитесь назад, – сказал Пендергаст, – и распечатайте изображение машины. Задержите кадр, когда машина будет открыта: я хочу видеть салон. Сделайте еще одну распечатку: когда автомобиль станет отъезжать, нужно разглядеть номер.

Изображение на экране погасло, и Пендергаст немедленно надел куртку.

– Хорошо. Теперь нам надо найти Сондерса.

– Если он еще здесь, ищите его на восточной карусели, – сказал Картер.

– Спасибо. – Пендергаст повернулся, чтобы уйти.

– А теперь, – сказал техник, – я получу свои десять тысяч?

Пендергаст остановился.

– Десять тысяч долларов? За то, что выполняли свою работу? Смехотворная идея.

Они вышли из комнаты. Сотрудники посмеивались и качали головами.

– Если Сондерс здесь, то он в багажном отделении, – сказал Картер. – Я вас провожу.

Только что приземлилось несколько самолетов, и потоки пассажиров устремились в багажное отделение. Все карусели были забиты поклажей, носильщики деловито сновали к выходу и обратно.

Картер остановил одного из них:

– Сондерс не остался на вторую смену?

Человек покачал головой:

– Он будет только в полночь.

Д'Агоста заметил четверых копов на площадке над багажным отделением. Они изучали толпу. Он подтолкнул Пендергаста:

– Мне это не нравится.

– Мне тоже.

У Картера зазвонила рация, и он взял трубку.

– Лучше поскорее отсюда убраться, – пробормотал Д'Агоста.

Они поспешили к выходу.

– Эй! – раздался крик. – Подождите!

Д'Агоста оглянулся и увидел офицеров, расталкивающих толпу.

– Вы, двое! Стойте!

Пендергаст бросился бежать к выходу. Полицейский дежурил возле «роллса», переговариваясь по рации. Пендергаст обежал его, Д'Агоста то ли прыгнул, то ли повалился на заднее сидение. Рев мощного двигателя и скрежет шин заглушили протестующий крик офицера. «Роллс» рванул с места на огромной скорости.

На автостраде, ведущей от аэропорта, Пендергаст вынул из кармана компьютерные распечатки.

– Возьми-ка мой ноутбук и проверь нью-йоркскую лицензию автомобиля «Линкольн» 453 WQ6. Свяжись с 11-м постом на автостраде Вэн Уик и попроси, чтобы проверили, кто там проезжал между 12:30 и часом ночи в восточном и западном направлении.

– А мы куда?

– Мы едем на восток.

– На восток? Думаешь, он ее не в город увез?

– Именно так я бы и подумал. Но Диоген знает, что может прийти мне в голову, и потому едем на восток, в дальний конец острова.

– Хорошо.

– И еще: приобретем кое-что по дешевке.

Пендергаст свернул с автострады на стоянку. Поставил автомобиль на свободное место и выключил двигатель.

Д'Агоста оторвался от ноутбука:

– Что, возьмем что-нибудь напрокат?

– Нет. Украдем.

Глава 49

Смитбек снова вошел в огромный кабинет доктора Тизандера, зажав под мышкой стопку учебников. Было восемь часов, то есть с обеда (в Ривер Оукс, словно варвары, трапезничали в 5:30) прошло немало времени. Психиатр сидел за столом, но в этот вечер обычное для него выражение спокойной снисходительности было испорчено раздраженным блеском в глазах.

– Эдвард, – сказал доктор Тизандер. – Хотя я чрезвычайно занят, тем не менее счастлив уделить вам пять минут внимания.

Смитбек уселся без приглашения и бросил книги на стол.

– Я думал о том, что вы сказали мне позавчера, – начал он. – Вы сказали: «Лишить

человека свободы – серьезный шаг, и его следует скрупулезно расследовать».

– Возможно, что я сказал что-нибудь в этом роде, да.

– Вы произнесли именно эти слова. Мне стало любопытно, что это за скрупулезное расследование такое?

Тизандер снисходительно кивнул.

– Кажется, наша библиотека вас удовлетворила.

– Да, весьма. Я нашел то, что искал.

– Как приятно, – сказал Тизандер, притворяясь, что заинтересован, а сам то и дело поглядывал на часы.

Смитбек похлопал по верхней книге.

– Законы Нью-Йорка в части насильственного заключения людей в сумасшедшие дома являются самыми суровыми.

– Мне хорошо это известно, потому-то у нас так много бездомных.

– Разрешения семьи на заключение родственника без его на то согласия в сумасшедший дом недостаточно. Дело решается в суде.

Тизандер глубокомысленно кивнул.

– Правда ли, что судья должен объявить человека умственно неполноценным?

– Да.

– И даже судья не может сделать такого заявления без совпадения двух условий. Вы помните эти условия, доктор Тизандер?

На этот раз психиатр улыбнулся от души, довольный тем, что удастся показать свою эрудицию:

– Конечно, помню. Человек представляет опасность – психическую или физическую – либо для самого себя, либо для общества.

– Верно. В первом случае, если человек страдает склонностью к суициду и была уже осуществлена попытка, необходимо получить заключение врача. Когда же человек представляет опасность для общества, его необходимо арестовать.

– Вы поработали на славу, Эдвард, – заметил Тизандер.

– А после заявления судьи о невменяемости человека психиатры должны провести анализ – нуждается ли данный субъект в насильственном помещении в больницу.

– Стандартная процедура. Что ж, Эдвард, пошел девятый час, скоро погасят свет, так что вы должны...

Смитбек вытащил из стопки одну книгу.

– Минуточку.

Тизандер поднялся, поправил на столе бумаги.

– Только быстро.

Незаметно кивнул, и из темного уголка возле дверей вышел санитар.

Смитбек поспешно вытащил из книги лист бумаги, положил на стол:

– Я составил список документов, которые по закону должны быть в моем досье.

Тизандер взял список, нахмурившись просмотрел его.

– Заявление судьи. Сообщение о попытке суицида (подписанное врачом) или сообщение об аресте. Заключение психиатра, – прочитал он вслух. – Не сомневаюсь, что все это есть в досье. Ну а теперь, Эдвард, пора.

Санитар приблизился.

– Еще одна вещь, – сказал Смитбек.

– Благодарю вас, Эдвард. – В звучном голосе Тизандера послышалась нотка раздражения.

– Вопрос. Заключение психиатра, которое должно быть в досье... кто его составил?

– Мы. И только мы. Эдвард, разве вы не помните интервью и тесты, которые вы прошли?

– Вот где вы прокололись, Тизандер. – Ради пущего эффекта Смитбек бросил тяжелый том на стол. – Здесь сказано...

– Джонатан?
Санитар взял Смитбека под локоть:
– Сюда, мистер Джонс.
– ...по закону, – громко продолжил Смитбек, – заключение психиатра не может быть сделано сотрудниками принимающего заведения.
– Глупости. Проведите мистера Джонса в его комнату, Джонатан.
– Я говорю правду! – закричал Смитбек, когда санитар крепко ухватил его за руку. – В пятидесятых годах родственники по сговору уекли молодого человека в сумасшедший дом. Им нужно было лишить его наследства. После этого случая вышел закон, согласно которому заключение о психическом состоянии человека должно быть сделано независимым психиатром. Сами посмотрите. Страница 337.
– Сюда, мистер Джонс, – сказал санитар и настойчиво повел его по персидскому ковру. Смитбек упирался.
– Тизандер, когда я выйду отсюда, займусь Ривер Оукс и персонально вами. Если вы не сможете предъявить независимое заключение, то потеряете место.
– Доброй ночи, Эдвард.
– Я сделаю это главной целью своей жизни! Буду гнаться за вами, как Эринии за Орестом. Отберу у вас все – работу, репутацию, все! Вам ведь известно, что я богат, как Крез. Посмотрите досье. Я точно знаю, что вы сжульничали! Не было никакого независимого заключения, вы сами это знаете!
Смитбек почувствовал, что его волокут к двери.
– Будьте добры, закройте за собой дверь, Джонатан, – сказал доктор Тизандер.
– Тизандер! – возвысил голос Смитбек. – Можете ли вы позволить себе такую ошибку? Вы потеряете все, сукин...
Джонатан затворил дверь.
– Пойдемте, Джонс, – сказал он и легонько подтолкнул Смитбека. – Отдохните немного.
– Уберите руки! – сопротивляясь, закричал Смитбек.
– Послушай, парень, я просто исполняю свою работу, – спокойно сказал санитар. Смитбек расслабился.
– Верно. Извините. Думаю, работать здесь так же приятно, как и быть «гостем».
Санитар отпустил его, и Смитбек отряхнул пиджак.
– Все нормально, Джонатан, – сказал он, вымученно улыбнувшись. – Что ж, проводи меня до моей клетки. Завтра придумаю что-нибудь еще.
Когда они дошли до угла, в коридоре загремел голос Тизандера:
– Джонатан! Верните мистера Джонса.
Джонатан остановился.
– Похоже, вас еще раз выслушают.
– Да.
У дверей кабинета Тизандера Смитбек услышал тихий голос санитаря:
– Удачи.
Смитбек вошел в кабинет. Тизандер стоял за столом. Фигура его была напряжена. Смитбек увидел, что на столе перед ним – его досье, а рядом – книга, которую он показывал, раскрытая на странице 337.
– Садитесь, – бросил Тизандер и кивнул санитару. – Вы подождите в коридоре. Смитбек уселся.
– Вы считаете себя умным малым, – сказал Тизандер.
Поддельная мягкость и снисходительность исчезли. Лицо его было твердым и серым, как сваренная в мундире картофелина.
– Я был прав, – пробормотал Смитбек – больше самому себе, чем Тизандеру.
– Пустая формальность. В нашем штате нет психиатрической лечебницы, которая делает независимые заключения. Не думаю, что кто-нибудь знает об этом смехотворном

законе. Однако, учитывая сложившиеся обстоятельства, я не могу позволить себе вас здесь удерживать.

– Вы совершенно правы: вот именно, что не можете себе позволить. Я ославлю вас на весь белый свет...

Тизандер закрыл глаза и вытянул вперед руку.

– Мистер Джонс, пожалуйста. Мы руководствовались самыми лучшими намерениями, хотели помочь вам, но черт меня побери, если я позволю испорченному сынку разрушить то, что возводил долгие годы. Вы этого недостойны.

– Так я свободен?

– Как только я напишу соответствующие бумаги. К сожалению, у нас строгая изоляция. Вы не сможете уехать ранее шести часов утра завтрашнего дня.

– Завтра? – Смитбек почти боялся верить собственным ушам.

– Поверьте, я бы хотел избавиться от вас сию минуту. Джонатан?

Санитар вошел в комнату.

– Мистера Джонса завтра выписывают. Проследите, чтобы его пожелания были в полной мере удовлетворены.

Они вышли из кабинета, и, как только дверь закрылась, Смитбек широко улыбнулся:

– Джонатан, я ухожу отсюда.

Джонатан радостно хлопнул его по плечу.

– Приятель, как тебе это удалось?

Смитбек пожал плечами.

– Такой уж я умник.

Глава 56

Нора Келли остановилась на углу 77-й улицы и подъездной аллеи к музею. Парадный вход, в романском стиле, освещен прожекторами, к фасаду здания привязан баннер высотой в пять этажей. На аллее обычный нью-йоркский хаос – лимузины и черные «мерседесы» стояли впритык друг к другу. Из машин выходили знаменитости и меценаты, в мехах и черных бабочках, сопровождаемые вспышками фотоаппаратов. На гранитных ступенях – непременная красная дорожка. Здание огорожено веревкой, словно на кинопремьере, чтобы не допустить прессу и людей, не имеющих приглашения.

От этого зрелища ей стало тошно.

Марго Грин была убита всего два дня назад и похоронена сегодня утром, и, казалось, музей уже позабыл о ней. Что произойдет, если она сейчас развернется и пойдет домой? Ответ она, впрочем, знала: с ее карьерой будет покончено. Она должна была стать одной из звезд шоу, так, во всяком случае, дал ей понять Джордж Эштон. «Шоу продолжается».

Нора глубоко вдохнула и, плотнее запахнувшись в шерстяное пальто, пошла вперед. Подойдя поближе, заметила какой-то беспорядок. Группа невысоких крепких мужчин, одетых в кожаные штаны и накинута на плечи одеяла, стояла кружком, била в барабаны и монотонно распевала. Некоторые размахивали пучками дымящейся полыни. Преодолев замешательство, она поняла, в чем тут дело: это пришли индейцы тано. Она увидела Манетти, начальника охраны. Он говорил с ними, отчаянно жестикулируя. Позади него стояли два полицейских и несколько музейных охранников. Похоже, беспорядок стал привлекать внимание гостей: некоторые подходили, чтобы увидеть, в чем дело.

– Прошу прощения!

Нора проложила себе дорогу через толпу зевак, поднырнула под бархатную веревку, сунула под нос протестующему охраннику свое музейное удостоверение и подошла к индейцам. В этот момент подъехала красивая молодая женщина – звезда или старлетка – судя по толпе папарацци, устремившихся следом.

– Это – частная собственность, – говорил Манетти человеку, который, как догадалась Нора, был вождем тано. – Мы не возражаем против вашего протеста, но лучше бы вам

отойти подальше...

– Сэр, – спокойно пояснил индеец, – мы не протестуем, мы молимся...

– Как угодно. Это – частная собственность.

Подошла знаменитость. Нора вдруг узнала ее: это же киноактриса Ванда Мерсо, высокая, весьма экзотической внешности. Ходили слухи, что в следующий раз ей вручат премию «Оскар» как лучшей актрисе.

– Постойте! Почему вы лишаете людей законного права молиться? – произнесла она, и тут же зажглись двенадцать вспышек. Вырос и закачался лес микрофонов, ловящих каждое ее слово, включились телекамеры.

Нора поняла: актриса делает себе рекламу.

– Я не говорю, что они не могут молиться, – в голосе Манетти слышалось изнеможение. – Я лишь напоминаю, что это частная собственность...

– Это же коренные американцы, и они молятся. – Актриса повернулась и спросила, как бы спохватившись: – Почему вы молитесь здесь?

– Мы молимся о наших священных масках, запертых в музее, – сказал вождь.

– Ваши священные маски заперли?

Лицо актрисы отразило притворный ужас.

Объективы камер жадно вглядывались в эту сцену.

Что-то надо было сделать, и быстро. Нора протиснулась вперед, оттолкнула полицейского и Манетти.

– Эй, минуточку, – воскликнул начальник охраны.

– Нора Келли, помощник куратора выставки, – сообщила Нора полицейскому и покрутила своим удостоверением перед каждым официальным лицом.

Затем обернулась к начальнику охраны.

– Я все улажу, мистер Манетти.

– Доктор Келли, эти люди незаконно проникли на территорию музея...

– Знаю. Я все улажу.

Манетти замолчал. Удивительно, подумала Нора, как быстро резкий тон и властный вид – власти-то у нее и не было – могут развернуть ситуацию.

Она обратилась к вождю тано. С удивлением увидела, что он стар, по меньшей мере, лет семидесяти. Лицо отражало спокойствие и достоинство. Это был не молодой, злобный активист, какого она себе воображала. Другие индейцы тоже были в годах, шерстяные одеяла придавали их телам округлую форму. Старый автобус, на котором они приехали, – настоящая рухлядь – был незаконно припаркован на подъездной аллее музея, и его, без сомнения, эвакуируют.

– Y'aah shas slit dz'in nitsa, – сказала она вождю.

Тот уставился на нее, потеряв дар речи.

– Y'aah shas, – поспешно сказал он, опомнившись. – Как...

– Некоторое время я провела в Тано Пуэбло, – объяснила Нора. – К сожалению, это все, что я запомнила, так что не трудитесь отвечать!

Она улыбнулась и протянула ему руку.

– Нора Келли, один из кураторов выставки. Думаю, я говорила с одним из ваших коллег.

– Вы говорили со мной.

– Тогда вы, должно быть, мистер Уаметова.

Старик кивнул.

– Что я могу для вас сделать? – спросила Нора.

– Они хотят молиться! – закричала Мерсо.

Нора проигнорировала ее, обратив все свое внимание на Уаметова.

– Мы молимся маскам, – сказал он. – Все, чего мы хотим, – это поговорить с нашими масками.

– Поговорить с масками?

– Да. Сказать, что мы рядом, что заботимся о них. Хотим пообещать, что они не будут забыты.

Нора заметила, что Манетти закатил глаза.

– Это так возвышенно, – сказала кинозвезда, повернув голову, чтобы телекамеры зафиксировали ее профиль.

Еще один десяток камер полыхнул вспышками.

– Мы верим, что маски живые, что у них есть душа. Долгое время они были разлучены с нами. Мы пришли благословить их и утешить.

Неожиданно к Норе пришло решение.

Она сделала вид, что задумалась. За короткую неделю, проведенную в студенчестве в Тано Пуэбло, она узнала, что быстрое решение индейцы рассматривают как плохое решение.

– Вряд ли это место подходит для молитвы, – сказала она.

– Ну, так я об этом и говорю, – вмешался Манетти.

Нора не обратила на него внимания.

– Я думаю, где бы найти место получше.

– Есть такое место, – сказал Манетти. – Вон там, на тротуаре.

Нора метнула в него разъяренный взгляд.

– Нам хотелось бы быть поближе к маскам, а не дальше, – сказал Уаметова.

– Отчего же вы не входите? – спросила Нора.

– Нас не пустят.

– Входите как мои гости. Я подведу вас к маскам прямо сейчас, и вы сможете поговорить с ними лично, прежде чем зал откроют для посетителей.

– Доктор Келли, уж не сошли ли вы с ума? – запротестовал Манетти.

Вождь тано с минуту смотрел на нее. Потом его широкое древнее лицо осветила сияющая улыбка. Он с достоинством поклонился.

– Eesha lat dzil. Вы настоящий человек, мисс Нора.

– Bravo! – закричала Мерсо.

– Я не допущу этого, – сказал начальник охраны.

– Мистер Манетти, я беру на себя полную ответственность.

– Вы не можете провести этих людей в зал до того, как разрежут ленту. Это невозможно!

– Ничего невозможного. Все так и будет. – Она повернулась к индейцам. – Ну что, джентльмены, пойдете за мной?

– Мы будем счастливы, – ответили тано.

Кинозвезда взяла под руку изумленного старого индейца, и они пошли вслед за Норой. Далее двинулась толпа журналистов и зевак.

– Освободите дорогу старейшинам тано! – крикнула Мерсо. – Освободите дорогу!

Ее платье мерцало в свете прожекторов, лицо сияло: она счастлива была оказаться в центре внимания.

Толпа, словно по волшебству, расступилась, и они поднялись по красной ковровой дорожке. Тано начали тихонько напевать и бить в барабаны, как только миновали ротонду и вошли в зал «Небо», и Норма увидела перед собой замерших от восторга людей, пришедших на выставку: да и как было не поразиться? Ведь они увидели американских аборигенов. Наверняка подумали, что эта процессия – часть программы. Тут и мэр подоспел, почувствовав, как и Мерсо, шанс для саморекламы.

Манетти бежал сзади, лицо его раскраснелось, однако он помалкивал: очевидно, понимал, что неразумно было бы продолжать дискуссию на глазах всего города.

Вперед бросился Коллопи.

– Нора! Что вы себе позволяете?!

Она нагнулась к нему и быстро прошептала:

– Тано хотят провести несколько минут наедине с масками, прежде чем разрежут ленту.

– Зачем?

– Помолиться и благословить маски. Вот и все.

Коллопи нахмурился.

– Нора, сейчас не время. Это наверняка подождет!

Нора посмотрела ему в глаза.

– Доктор Коллопи, пожалуйста, доверьтесь мне. Я хорошо знаю индейцев с юго-запада. Я несколько лет бок о бок жила и работала с ними. Они пришли сюда не для того, чтобы причинить вам неприятности или возмутить общественное мнение. Они просто хотят, чтобы им дали провести немного времени наедине с их масками. Когда обряд закончится, они тут же уйдут. И вся ситуация рассосется. Это лучший способ уладить дело. Я знаю, если вы подумаете над этим, то согласитесь. – Она заговорила еще тише. – К тому же они сделают вам великолепную рекламу.

Коллопи смотрел на Нору. Его лицо патриция выражало изумление, затем он перевел взгляд на Манетти. Наконец пошел к ожидавшим индейцам. Прокашлялся, пригладил волосы, лоб избороздили глубокомысленные морщины.

Неожиданно лицо его расплылось в приветливой улыбке. Он протянул руку вождю тано. – Добро пожаловать! Мистер...

– Уаметова.

– Да, конечно! Добро пожаловать! Администрация музея счастлива принять вас и вашу группу как представителей народа тано. Вы, насколько я понимаю, проделали большой путь, чтобы увидеть маски Великой Кивы.

– Две тысячи миль.

По толпе прошел гул. Стрекотали камеры.

– Мы рады, что вам удалось преодолеть такое расстояние. Вы оказали большую честь музею и лично мне.

Пресса ловила каждое слово. Нора почувствовала огромное облегчение: кажется, все должно было пройти благополучно.

– Начальник охраны, мистер Манетти, проводит вас в зал, и вы без свидетелей навестите маски. Мистер Манетти? Надеюсь, вы заранее предупредите посты охраны и оставите наших гостей одних: пусть помолятся.

– Да, сэр.

– Хватит ли вам получаса? – спросил Коллопи у вождя.

– Да, благодарю вас, – ответил старейшина.

– Отлично! Затем все вы можете присоединиться к празднествам, мистер Уом... гм... Уем...

– Уаметова.

– Отлично! Есть ли еще какие-нибудь пожелания?

– Нет. Пока никаких.

Тано закивали головами, переглянулись друг с другом. – Сказать по правде, не ожидали, что к нам отнесутся с таким уважением.

– Да что вы! Мы просто счастливы встретить вас! – Коллопи повернулся к камерам. Теперь он чувствовал себя уверенно. – Музей благодарит народ тано за то, что они позволили показать эти замечательные маски всему миру.

Кинозвезда захлопала, и вскоре раздались оглушительные овации. Телевизионные камеры подмечали все подробности.

Нора видела, как Манетти, переговариваясь по рации, повел группу индейцев по коридору. Сама же подошла к ближайшему стулу и бессильно на него опустилась. Она и сама не верила, что посмела так говорить с директором музея. Ноги ее не держали.

Мелькнуло отдаленное, призрачное сожаление, что этого не видела Марго. Для нее вопрос о масках и праве на обладание ими индейцами тано был по-настоящему важен. Если бы Марго увидела, с каким почтением проводили индейцев на выставку, она была бы счастлива.

Неожиданно явился бокал холодного шампанского. Нора удивленно обернулась и увидела сияющего Хьюго Мензиса. Выглядел он великолепно: отлично сшитый смокинг, седые волосы аккуратно зачесаны назад.

Хьюго вложил холодный бокал в руку Нору, похлопал по спине и уселся рядом.

– Говорил ли вам кто-нибудь, что вы гений? – Он засмеялся. – Такого трюка, столь прекрасно разыгранного на глазах почтеннейшей публики, мне еще не приходилось видеть. Блестяще! Просто блестяще!

Он был преисполнен удовольствия, глаза сияли. Никогда еще Нора не видела его таким оживленным.

Она пригубила шампанское. Прошла всего лишь неделя, но за эти дни чего только не произошло. Убили Марго, Билл вынужденно скрывался, а тут еще треволнения, связанные с открытием выставки, предупреждения Пендергаста... В данный момент она слишком устала и изнемогла до такой степени, что страха не ощущала. Ей хотелось уехать домой, запереть дверь на все замки, заползти в постель. Но нет, вместо этого придется несколько часов выслушивать речи, мелькать в толпе, изображать прекрасное настроение.

Мензис положил ей на плечо руку.

– Когда все закончится, советую вам взять неделю отпуска. Вы его заслужили.

– Спасибо. Жаль, что нельзя прямо сейчас.

– Ну, потерпите, осталось всего три часа.

Нора подняла свой бокал.

– Еще три часа, – сказала она и отпила второй глоток.

Зазвучал струнный квартет. Исполняли «Императора» Гайдна. Толпа двинулась к столикам с едой. На тарелках были разложены блины с икрой, сырокопченые итальянские колбасы, редкие французские и итальянские сыры, горы хрустящих багетов, салаты из сырых овощей, свежие устрицы на крошеном льду, холодные омары, копченый осетр – деликатесы, одним словом. Другие столики ломились от вин и шампанского. Казалось, каждый третий присутствующий был официантом – они носились взад и вперед с серебряными подносами, нагруженными напитками и едой.

– Нора, – сказал Мензис, – вы должны уделить внимание гостям.

Она простонала:

– Боже, помоги мне.

– Пошли. Посмотрим на прожорливые орды.

Он взял ее под руку, и они медленно двинулись через толпу. На Нору со всех сторон сыпались поздравления, приперченные вопросами прессы. Ее договоренность с тано прошла на удивление хорошо, и поэтому все решили, что это было запланировано заранее.

Когда она наконец вернулась к столу, обнаружила, что там уже сидело несколько сотрудников отдела, включая Эштона, главного куратора выставки. Пока все угощались, Коллопи вместе с молодой женой взобрался на подиум и произнес краткую остроумную речь.

Затем наступил момент разрезания ленты. Нора, Мензис, Эштон с несколькими другими кураторами выстроились на подиуме, а Коллопи, вооружившись огромными ножницами, предназначенными как раз для таких случаев, подошел к ленте и измочалил ее в попытке разрезать. Когда же с этим было покончено, раздались приветственные крики, и огромные двери, скрывавшие за собой священные образы, гостеприимно отворились. Смеясь и приветливо кивая, Мензис, Нора и остальные сотрудники отдела антропологии пошли вперед, приглашая за собой взволнованную толпу.

До конца зала под напором толпы добрались примерно за полчаса. Проходя через комнату, в которой убили Марго, Нора невольно содрогнулась, но, разумеется, все следы разразившейся здесь трагедии были уничтожены, и никому, кроме нее, об этом, похоже, не было известно. По мере удаления от места преступления ужас сменился чувством спокойной гордости. Она едва могла поверить, что они сумели все это сделать.

Мензис не отставал, бормотал комплименты по поводу подготовленных ею витрин.

Тано пришли и ушли, оставив лишь кусочки бирюзы, цветочную пыльцу и кукурузную муку на витрине с масками. Их даров никто не тронул. Когда они дошли до последнего зала, Мензис повернулся к Норе и поклонился.

– Думаю, свой долг мы выполнили. – Он улыбнулся, отчего по лицу разбежались морщинки. – А теперь вы можете потихоньку ускользнуть домой. У меня, к несчастью, есть еще работа в кабинете наверху. Поговорим на следующей неделе после вашего отпуска.

Он еще раз поклонился, и Нора с облегчением добралась до ближайшего выхода и отправилась домой.

Глава 51

За последние два дня Ларри Эндерби в пятидесятый раз давал себе слово убраться из музея ко всем чертям.

Мало того, что он работал в подвале Музея естественной истории, где и окон-то не было, так еще и само место наводило на него ужас. Если привидения существуют, то всем подвалам Нью-Йорка они предпочли бы именно этот. Эндерби до сих пор не мог отойти от той ужасной находки. Администрация не соизволила дать ему день, чтобы он хоть немного очухался. Никто его не утешил и даже не поблагодарил. Выходит, он для них пустое место. Похоже, что и *она* им не очень-то была нужна, иначе отложили бы день открытия выставки. Куда там! Устроили шоу, словно ничего не случилось.

Марго Грин. Он мало ее знал, но те несколько раз, когда доводилось встречаться, она всегда была с ним приветлива. О большинстве кураторов и администраторов он бы этого не сказал. Что ж, в музеях всегда такое отношение к тем, кого считают ниже определенного уровня, – наемным работникам.

Но если бы он мог себе в том признаться, то расстроен был Эндерби главным образом тем, что музей вознамерился подключить еще один зал к новой системе безопасности именно в тот день, когда здесь устроили праздник (такие праздники проходили раз в пять лет). Вместо того чтобы в компании красивых людей лакомиться икрой и пить шампанское, они спустились в подвал и налаживали оборудование. А ведь на вечер пригласили всех... Это обстоятельство было особенно обидным.

Отвернувшись от компьютера, он преувеличенно громко вздохнул.

– Невмоготу? – спросил Уолт Смит, разработчик системы безопасности, сидевший за соседней консолью.

После происшествия двухдневной давности Смитти был необычно мягок с Эндерби, да и остальные обращались к нему так, словно в его семье кто-то умер.

– Может, сделаем короткий перерыв и посмотрим, как проходит вечеринка? – спросил у него Эндерби. – Я бы отведал несколько креветок под соусом «коктейль».

Смитти покачал головой. В одной руке он держал ежевичный десерт, в другой – сотовый телефон.

– Не думаю, что это возможно, Ларри. Извини.

– И в самом деле, Смитти, – вмешался в разговор Джим Цой, инженер-компьютерщик, сидевший за другим монитором. – Дай нам полчаса. Ты не поверишь, сколько креветок я умну за это время. Вечеринка почти закончилась, скоро и еды не останется.

– Ты же знаешь, расписание мы изменить не можем. Зал «Астер-холл» стоит у нас в списке, как и любой другой. Вот разве украдем пять минут у атомных часов, так, чтобы этого никто не заметил.

Смитти рассмеялся над собственной неудачной шуткой.

Цой закатил глаза. Остроумием Смитти не отличался.

Эндерби смотрел на подсакивавшую бородку Смитти. Маленькая, клочковатая, казалось, она удерживается на подбородке несколькими волосками. Эндерби почти надеялся, что бородка вот-вот отвалится. Несмотря на раздражение, Эндерби вынужден был признать, что работать со Смитти можно. Начиная с самой нижней ступеньки и должность получил

заслуженно. В свои тридцать пять считался ветераном музея. Он был поборником строгой дисциплины и с юмором не дружил, но, если к своей работе ты относился ответственно и исполнительно, он тебя отмечал. И не вина Смитти в том, что начальство потребовало срочной установки новой системы безопасности.

Смитти встал и мимо стеллажей с компьютерными установками и серверами направился к дальней стене, к блоку, составленному из шести дюжин маленьких мониторов, управляемых с главного компьютера. Большинство экранов демонстрировало застывшую черно-белую картинку – пустые музейные залы и витрины. Полдюжины мониторов в нижнем правом углу блока принимали изображение с видеокамер зала «Небо». Там продолжалась вечеринка, и на экранах бурлило движение. Эндерби видел мелкие танцующие фигурки. На сердце у него было тяжело. В то время как буквально над его головой сутулые кураторы с отвислыми носами общались со старлетками и нимфетками, он торчал в пещере, как какой-нибудь троглодит. Впрочем, бывало и хуже: его, например, могли усадить в «Яму» – центр управления системой безопасности музея. То помещение в два раза больше, чем здесь, но там страшно жарко, а мониторов и прочей техники наставлено под завязку. Хуже, конечно, но не намного хуже.

Смитти скосил глаза на свой десерт.

– Хорошо, приступим к последней проверке.

Никто ему не ответил.

– Молчание – знак согласия.

Он развернулся к своей консоли, быстро задал команду.

– «Астер-холл», – нараспев сказал он, – последняя проверка усовершенствованной системы безопасности. 28 января, 8:28 вечера.

«Господи, каждый раз завывает так, словно отправляет космический корабль на орбиту», – подумал Эндерби. Переглянулся с Джимом Цоем. Тот снова закатил глаза.

– Ларри, сообщи о состоянии старой системы, – сказал Смитти.

– Выглядит нормально.

– Джим, как ведет себя лазерная сетка в «Астер-холл»?

Короткая команда на клавишах.

– К работе готова, – сказал Цой.

– Переходим к низкоуровневой диагностике.

Наступила короткая пауза, так как Смитти и Цой выполняли независимые тесты. Поскольку в обязанности Эндерби входило отслеживание поведения предыдущей системы сигнализации, он смотрел на свой монитор. К лазерной системе слежения они подключали сегодня, кажется, сороковой зал. Для каждой такой конверсии требовалось совершить сотню предварительных шагов: анализ по месту установки, архитектура системы, кодирование, установка... В Пало-Альто за такую работу ему платили бы в три раза больше, и с премией в придачу. И не пришлось бы посреди ночи спотыкаться о мертвые тела.

Смитти глянул поверх клавиатуры.

– Джим, какова твоя контрольная сумма?

– 780E4F3.

– Совпадает. Приступим.

Смитти набрал на телефоне номер.

Эндерби смотрел без интереса. Он знал, что Смитти звонит парням в «Яму», предупреждает, что переключение вот-вот произойдет. Это было просто напоминание: мало ли, новичок какой-нибудь перепугается, увидев на экранах помехи. Все шло по накатанной схеме. Старая сигнализация будет остановлена, и через девяносто две секунды ее место займет новая, усовершенствованная система. Последует двадцатиминутная проверка, во время которой им останется только бить баклуши. Потом новая система вступит в полные права, а старая сигнализация войдет в режим архивации. Эндерби до хруста зевнул. Желудок его скорбно пожаловался.

– Центр безопасности? – сказал Смитти в трубку. – Кто это, Карлос? Привет, это Уолт

Смит. Мы подключаем лазерную систему в «Астер-холл». Начнем минут через пять. Хорошо. Позвоню, когда все будет готово.

Он положил трубку, оглянулся на Эндерби.

– Эй, Ларри, – тихо позвал он.

– Что?

– Сколько времени понадобится Цою, чтобы проглотить траулер креветок?

– Я же сказал, – послышался высокий голос Цоя. – Тридцать минут.

Смитти подался вперед, положил руку на консоль.

– Вот что. Когда мы все подключим и начнется двадцатиминутная фаза, я вам дам четверть часа, включая время на дорогу туда и обратно.

Эндерби так и подскочил.

– Серьезно?

Смитти кивнул.

Цой широко улыбнулся:

– Парень теперь твой!

– Хорошо. Тогда посмотрим, как скоро мы закончим контрольный список.

И Смитти снова повернулся к терминалу.

Глава 52

Хьюго Мензис вставил ключ в дверь служебного лифта и поднялся со второго на пятый этаж. Выйдя из подъемника, задумчиво пошел по длинному блестящему коридору. С обеих его сторон помещались кабинеты кураторов. Двери старые, дубовые, со вставками матового стекла, на каждой – имя куратора в рамке из золотых листьев. Мензис улыбнулся: даже недавно назначенные сотрудники испытывали ностальгию по старым временам и традициям.

Он остановился перед собственным кабинетом, открыл дверь и вошел в комнату. Ему нужно было забрать парусиновую сумку, которая повсюду его сопровождала. Закрыв дверь на замок, он направился к дальнему концу коридора, к двери, не имевшей таблички. Отпер ее, подошел к винтовой лестнице, спустился на два этажа и вышел в темный, пустынный зал – зал индейцев северо-западного побережья.

Помещение это было одним из старейших в музее и являлось подлинной жемчужиной конца девятнадцатого века. Здесь пахло старым кедром и дымом. В темных нишах поблескивали маски, тотемные шесты, глиняные чаши. Мензис остановился, с наслаждением вдохнул в себя воздух. Затем энергично прошел по пустынному залу и несколькими другим помещениям, оказавшись в конце концов возле большой металлической двери с надписью «Астер-холл. Зал бриллиантов».

Глаза его любовно оглядели дверь, ее внушительную стальную поверхность. Особое внимание он обратил на установленные с обеих сторон видеокамеры. Они смотрели на него, как два блестящих черных глаза. Правда, он знал, что сейчас они не функционируют. Мензис снова улыбнулся, вынул из кармана жилета большие круглые часы, взглянул на них. Хотя по форме они и напоминали карманные, на самом деле это был современный цифровой секундомер. Цифры на нем мелькали с чудовищной скоростью и с точностью до тысячных долей секунды.

Часы считывали сигнал времени с того самого спутника, которым пользовалась система безопасности музея.

Он подождал, пока секундомер дойдет до определенной цифры и отметит ее тихим звонком. Мензис немедленно убрал часы, быстро подошел к двери, прижался к ней ухом, после чего просунул магнитную карту в считывающее устройство. Дверь не отворилась. Вместо этого открылось маленькое окошко на уровне глаз, за окошком обнаружился оптический сканер, анализирующий сетчатую оболочку.

Мензис наклонил голову, вынул из глаз мягкие контактные линзы, сунул их в пластиковый контейнер, затем подошел к сканеру. Луч света упал на его лицо. Наступила

небольшая пауза, и раздался мягкий щелчок – замок открылся. Он вошел, и дверь автоматически за ним закрылась.

С удивительной для пожилого человека быстротой Мензис встал на колени, открыл свою сумку и принялся за работу. Сначала резким движением сдернул седой парик и сунул его в сумку. Пошарил во рту и вытащил зубной протез. Уже одно это действие произвело поразительную перемену в его облике. Затем он снял кустистые брови, содрал со щек родинки и пигментные пятна.

Проделав все это, человек вынул из сумки более дюжины маленьких зеркал, какими пользуются зубные врачи. Зеркала эти были насажены на маленькие медные подставки разнообразных форм и размеров. Затем настал черед соединенных друг с другом черных коробочек. На свет явилась стопка тонких пластмассовых листов, несколько небольших режущих инструментов экзотического вида и пачка липучек, размером и формой напоминавших чечевицу.

Когда все это с военной точностью было разложено на полу, мужчина, все так же скорчившись, подождал, не двигаясь, с секундомером в руке. Поднял голову, посмотрел на зал – там было темно, совершенно темно, ни малейшего блеска, намекавшего на необычное содержание помещения. Темнота была составляющей безопасности, потому что единственным электромагнитным излучением в зале после закрытия был мириад невидимых длинноволновых инфракрасных лучей. Даже перекрестные лазерные лучи, ошупывавшие зал, были инфракрасными, незаметными невооруженному глазу. Но свет человеку и не был нужен: он сотни раз отрепетировал все в точном дубликате зала, который сам же построил.

Часы снова тихо прозвонили, и человек тут же ожил. Со скоростью хорька понесся по залу, расставляя маленькие зеркальца в точно установленные места. Каждое зеркало было повернуто под скрупулезно выверенным углом.

Через две минуты он справился с этим и занял свой пост у двери. Дышал медленно и равномерно, с часами в руке.

Еще один тихий сигнал известил его, что лазерные лучи изменили направление и обследуют теперь внешние стены. Одной из черт новой системы безопасности была цикличность работы. Без сомнения, техники, сидевшие в подвале, поздравляли себя с новым успешным тестом.

И снова человек замер, глядя на часы. Еще один тихий сигнал, и он опять на ногах. В этот раз он взял с собой пластмассовые листы. Он их приставил к многочисленным видеокамерам, установленным в стратегически важных точках. Листы эти, на глаз чистые, на самом деле были исписаны голограммами, реагирующими на инфракрасный свет. С точки зрения безопасности все выглядело так, как надо: отражалась объективная картина того, на что указывала видеокамера. Только вот человека на этой картинке не было. Когда видеокамеры снова сюда вернутся и будут шарить по помещению, они увидят ту же скучную картину, которую видели раньше. Только вот она не будет реальной.

И снова человек вернулся, словно кот, в безопасный угол. Снова выжидал, когда секундомер подаст ему свой тихий сигнал.

В этот раз он побежал по периметру зала, оставляя в каждом углу гладкую черную коробочку, присоединенную проводами к маленькой силовой установке. Это были мощные радарные пистолеты, бывшие в ходу у государственной полиции. У него же они способны были глушить действие новой инфракрасной доплеровской радарной установки, настолько чувствительной, что она, по слухам, реагировала на движение таракана по ковровому покрытию.

Установив радарные глушилки, человек распрямился, отряхнул колени и тихонько засмеялся. Теперь его движения стали почти небрежными. Он вынул из сумки фонарик, включил и направил по залу тусклый зеленый луч. Длина волны была выбрана точно: ни один из новых электромагнитных сенсоров ее просто не замечал.

Человек вышел на середину зала. Там стояла прямоугольная четырехфутовая колонка с толстостенной плексигласовой коробочкой наверху. Мужчина наклонился и заглянул в

коробку. Внутри, на атласной подушечке, видны были темные очертания бриллианта с огранкой в форме сердца. Камень был необычайного, почти неправдоподобного размера – Сердце Люцифера, подлинное украшение коллекции, самый дорогой бриллиант в мире. Он был воистину прекрасен.

Хорошее место, с него и можно начать.

Маленьким резцом человек проделал отверстие в плексигласе. Затем с помощью изготовленных специально для этой цели тонких инструментов и крошечных липучек достал бриллиант, сделав все, чтобы триггер под камнем не приподнялся. На место бриллианта положил большую стекляшку: триггер должен остаться в прижатом положении.

Человек положил бриллиант на ладонь, посветил на него фонариком. В зеленом свете он казался черным и мертвым, без цвета, почти как кусок угля, но человека это не тревожило: он знал, что красный бриллиант под зеленым светом всегда кажется черным. А этот бриллиант был красным, точнее цвета корицы, но ни в коем случае не коричневым. В мире был только один бриллиант такого цвета. Голубые бриллианты получались в результате вхождения в их состав примеси бора или водорода, а зеленый цвет камням придавала естественная радиация. Желтые и коричневые бриллианты обязаны были своим цветом азоту. Розовый камень содержал в своем составе микроскопические частички костной ткани. Но как получился такой цвет, как у Сердца Люцифера? Этого никто не знал.

Он поднял бриллиант и посмотрел сквозь него на зажженный фонарик. Увидел собственные глаза, размноженные огранкой. Получился сюрреалистичный калейдоскоп глаз, сотен глаз, глядевших внутрь драгоценности. Он повертел камень взад-вперед, от глаза к глазу. Это зрелище ему нравилось.

Самое странное во всем этом было то, что глаза разноцветные: один карий, а другой – сизо-голубой.

Глава 53

Ларри Эндерби, слегка отдуваясь, сидел у консоли в Центре продвинутых технологий. Чувство голода пропало, зато стало тяжело дышать. Должно быть, такие ощущения испытывает откормленный на убой поросенок. Ларри икнул и ослабил ремень. Одного теперь не хватает – красного яблочка во рту.

Посмотрел на своих сослуживцев – Уолта Смита и Джима Цоя. Смитти, верный своей натуре, ел умеренно и сейчас, как ни в чем не бывало, смотрел на мониторы. Про Цоя этого не скажешь: тот сидел за терминалом, как квашня, и глаза у него были остекленевшие. За двадцать минут, которые дал им Смитти, Цой и в самом деле выказал удивительную способность к поеданию креветок. Эндерби сбился со счета, дойдя до шестидесяти двух. Да и шампанского Цой выпил не один бокал.

Эндерби снова икнул и похлопал себя по животу. К столу они успели вовремя: задержись еще, и не видать им угощения. На рубашку попало несколько икринок, и он скинул их ногтем. Четвертый бокал шампанского, опрокинутый напоследок, оказался, пожалуй, лишним. Эндерби надеялся, что как-нибудь дотянет до конца смены. Глянул на часы – еще шестьдесят минут. Теперь они удостоверятся в том, что «Астер-холл» благополучно подключился к новой системе безопасности, а потом займутся архивацией старой системы.

Прозвучал тихий звонок.

– Ну вот, – сказал Смитти. – Двадцать минут. – И посмотрел на Цоя. – Доложи состояние системы в «Астер-холле».

Цой, моргая, смотрел на экран.

– Тест закончен без каких-либо инцидентов. – Глаза его обратились к видеокамерам. – Зал выглядит нормально.

– Наличие ошибок?

– Ошибок нет. Система работает нормально.

– Модуляция лучей?

– Каждые пять минут, согласно программе. Никаких расхождений.

Смитти подошел к блоку с мониторами. Эндерби видел, как он вглядывается в изображения, передающиеся с видеокамер бриллиантового зала «Астер-холл». Он мог видеть витрину за витриной, бриллианты слабо мерцали в инфракрасных лучах. Движения, конечно же, не было, раз в дело вступили лазерные лучи. В эти залы вход запрещен даже охранникам.

Смитти одобрительно крикнул, пошел к своей консоли и поднял трубку внутреннего телефона.

– Карлос? Это Уолт из ЦПТ. Мы завершили двадцатиминутную проверку лазерной решетки «Астер-холла». Как все выглядит с вашего участка?

Пауза.

– Хорошо. Мы зададим стандартный режим и отправим старую систему в архив.

Он повесил трубку и глянул на Эндерби.

– «Яма» говорит: все в ажуре. Ларри, переводи систему на архивацию. Я помогу Джиму с переводом лазерной решетки в стандартный режим.

Ларри кивнул и подтянул стул поближе к консоли. Пора перевести старушку в режим архивации. Он мигнул, утер рот тыльной стороной ладони и начал набирать на клавиатуре серию команд.

Почти сразу же он выпрямился.

– Странно.

Смитти глянул в его сторону.

– Что такое?

Эндерби указал на экран светодиода, находившегося сбоку от его рабочего места. В левом верхнем углу горела красная точка.

– Я подал команду в первую зону, и система выдала красный код.

Смитти нахмурился. «Красный код» в старой системе означал знак тревоги. В «Астер-холле» это могло произойти, только если бриллиант снят со своего места.

– Какая зона?

– Зона № 1.

– Что в ней находится?

Эндерби повернулся к другой консоли, вызвал инвентарную базу данных, включил поисковую систему.

– Всего один бриллиант. Сердце Люцифера.

– Это в центре зала.

Смитти пошел к блоку мониторов, пригляделся к одному из экранов.

– Все выглядит нормально. Должно быть, в программном обеспечении произошел какой-то сбой.

Оглянулся на Эндерби.

– Проверь зону № 2.

Эндерби подал несколько команд на первый терминал. На экране светодиода немедленно загорелась вторая красная точка.

– Зона № 2 тоже выдала красный код.

Смитти подошел к нему. Лицо его было встревожено.

Эндерби смотрел на экран. Во рту у него пересохло, алкогольная хмарь быстро уходила.

– Проверь все подряд, – распорядился Смитти. – Все зоны зала.

Эндерби глубоко вдохнул и набрал на клавиатуре короткие команды... Его охватил ужас.

– О нет, – выдохнул он. – Нет.

Маленький экран светодиода на столе Эндерби вспыхнул огнями, словно рождественская елка.

В комнате установилась мертвая тишина. Спустя мгновение Смитти решительно взмахнул рукой.

– Незачем пугаться. То, что мы видим, называется глитч. Несовместимость между системами, скорее всего, вызвала нарушения старой сигнализации. Незачем беспокоиться. Ларри, выводи из работы старую систему, постепенно, модуль за модулем. Затем перезагрузи с главного архиватора.

– Доложим «Яме»?

– Еще чего! Чтобы нас приняли за идиотов? Сообщим, после того как решим проблему.

– Хорошо. Вы же начальник.

И Эндерби стал подавать команды.

Смитти выжал улыбку и указал на экраны пустого зала. Там, в витринах, поблескивали бриллианты.

– Сам посмотри. По-твоему, зал ограбили?

Эндерби захихикал. Кажется, у Смитти просыпается чувство юмора.

Глава 54

Д'Агоста прошелся по диапазонам портативного полицейского приемника, который он вынул из «роллса». Он хотел отыскать официальный разговор о себе и Пендергасте. Появление в аэропорту Кеннеди открыло охоту на них по всему Лонг-Айленду – от Куинса до Бриджгемптона. «Роллс» был оставлен на стоянке проката автомобилей, а со временем власти вычислят «Тойоту Камри», которую они угнали, и выдадут информационное сообщение. Им удалось избежать нескольких засад, организованных на автострадах Лонг-Айленда, потому что они выбирали второстепенные дороги.

Они были в петле, и петля становилась все туже.

Тем не менее Пендергаст продолжал поиски, останавливаясь то у одной, то у другой круглосуточной станции техобслуживания, отказываясь сдаваться. Д'Агосте это занятие казалось безнадежным. Такая грубая полицейская работа поглощала время и редко приносила результат. Он уподобил бы ее «игре в цифры»²⁷, числа в которой были слишком велики.

Пендергаст тем временем въехал на автозаправочную станцию в Япхэнке. Автозаправка выглядела точно так же, как и две дюжины других, которые они уже навестили: стеклянный фасад, тускло-зеленое освещение посреди крошечной темноты. «В какой-то момент, – подумал Д'Агоста, – они наткнутся на сотрудника, который слышал полицейское извещение, и все закончится».

И снова Пендергаст выпрыгнул из машины, как кот. Казалось, изнутри его сжигает яростный, неутолимый огонь. Они находились в пути более двенадцати часов подряд – то ли сами занимались поиском, то ли скрывались от преследования – и за все это время он сказал не более нескольких слов. «Сколько же еще сможет продержаться агент?» – недоумевал Д'Агоста.

Пендергаст вошел в маленький магазин и обратился к заспанному заправщику. Тот сидел в уютном кресле позади прилавка и смотрел фильм с элементами боевых искусств.

– Специальный агент Пендергаст, ФБР, – произнес он, как всегда спокойно и холодно.

Интонация была ровной, но явственно прозвучала угроза. Он взмахнул удостоверением перед носом заправщика. Тем временем Д'Агоста перегнулся через прилавок и выключил телевизор. Наступила тревожная тишина.

Заправщик поспешно выпрямился, ножки кресла закрипели по полу.

– ФБР? Да, хорошо. Что я могу для вас сделать?

²⁷ «Игра в цифры» – ежедневная нелегальная лотерея (денежные ставки делаются на комбинации цифр в какой-либо газете).

– Когда вы сменяетесь? – спросил Пендергаст.

– В полночь.

– Я хочу, чтобы вы взглянули на эти снимки.

Он вынул компьютерные распечатки, сделанные в аэропорту Кеннеди, и разложил их перед заправщиком.

– Вы видели этого человека? Он должен был проезжать здесь прошлой ночью, от часа до трех.

Заправщик взял фотографию, прищурился. Д'Агоста, внимательно за ним наблюдавший, слегка расслабился. Стало ясно, что о полицейском предупреждении парень ничего не знает. Д'Агоста отвернулся, посмотрел на темную дорогу. Было почти четыре часа утра. Теперь все зависит от времени. Никаких зацепок у них не было, это все равно что искать иголку в стоге сена. Полиция найдет их и...

– Да, – сказал парень. – Я его видел.

Воздух в крошечном помещении мгновенно наэлектризовался.

– Посмотрите на эту фотографию, пожалуйста. – Пендергаст протянул заправщику второй снимок. – Я хочу, чтобы вы были уверены.

Говорил он спокойно, но все его тело было напряжено, как сжатая пружина.

– Да, это опять он, – пробормотал парень. – Я помню эти странные глаза.

– А машину его видели?

Пендергаст подсунул ему третий снимок.

– Вот этого не могу сказать. Он ведь сам заправился, понимаете?

Пендергаст убрал фотографии.

– Ваше имя?

– Арт Малек.

– Мистер Малек, скажите, этот человек был один?

– В магазин пришел один. На улицу я не выходил, так что не могу сказать, был ли с ним в машине кто-нибудь еще. Прошу прощения.

– Спасибо. – Пендергаст положил фотографии в карман и придвинулся поближе. – Теперь расскажите мне все, что запомнили. С того момента, как этот человек вошел, и до того момента, как вышел.

– Ну... было это прошлой ночью, ближе к трем часам. Ничего необычного я не заметил. Он подъехал, бензин залил сам, пришел сюда расплатиться.

– Наличными?

– Да.

– Что-нибудь необычное вы заметили?

– Да нет. У него было забавное произношение, похожее на ваше. Не обижайтесь, – поспешно добавил Малек. – Да он вообще был похож на вас.

– Как он был одет?

Видно было, что парень силится припомнить.

– Все, что я запомнил, это темное пальто. Длинное.

– Он только расплатился или сделал что-то еще?

– Кажется, походил по рядам. Впрочем, ничего не купил.

Пендергаст напрягся.

– В задних рядах у вас есть камеры слежения?

– Да, конечно.

– Я бы хотел посмотреть записи, сделанные прошлой ночью.

Парень замаялся.

– Система на тридцатом часу работы заканчивает цикл и начинает новый, стирая предыдущие записи...

– Тогда, прошу вас, остановите запись сейчас. Я должен увидеть пленку.

Заправщик с готовностью вскочил и побежал куда-то.

– Похоже, мы наконец-то его опережаем, – сказал Д'Агоста.

Пендергаст обратил на него глаза, которые казались почти мертвыми.

– Напротив, Диоген надеялся, что мы найдем это место.

– Откуда ты знаешь?

Пендергаст не ответил.

Заправщик, отдуваясь, пришел с видео пленкой. Пендергаст вынул кассету из видеомэгнитофона и поставил на ее место пленку. На экран выплыло внутреннее пространство магазина с обозначением даты и времени в левом нижнем углу. Пендергаст нажал на кнопку перемотки, остановил, снова перемотал. Установил время – три часа ночи, 28 января. Затем дал зазор в полчаса, чтобы исключить возможность ошибки. Они стали просматривать запись, задав ускорение.

Черно-белая картинка отличалась плохим качеством. Торговые ряды блестели, и блики отражались на экране. Время от времени, словно шарик в пинболе, выскакивала тень, хватала что-то с полки и снова исчезала.

На экране появилась еще одна темная тень, и Пендергаст, нажав на кнопку «play», задал нормальную скорость. Фигура двигалась по проходу. Стало заметно, что глаза этого человека – разных оттенков серого цвета – ищут чего-то. И вот они, отыскав, остановились на видеокамере.

Это был Диоген. На лице его появилась улыбка. Он сунул руку в карман, извлек лист бумаги и невозмутимо развернул его перед камерой.

БРАВО, ФРАТЕР! ЗАВТРА НАБЕРИ НОМЕР 466 И СПРОСИ ВИОЛУ.
ЭТО НАША ПОСЛЕДНЯЯ СВЯЗЬ.
ВОЗМОЖНО, ЗАВТРА ДЛЯ НАС НАЧНЕТСЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ!
VALEAS

– Четыреста шестьдесят шесть? – сказал Д'Агоста. – Это не номер неотложной помощи...

Он вдруг остановился. Это не телефонный номер, понял он, это адрес. Первая авеню, четыреста шестьдесят шесть – вход в Бельвью, через который спускались в нью-йоркский городской морг.

Пендергаст поднялся, вынул видеоленту и положил в карман.

– Можете оставить ее себе, – сказал парень. И они ушли.

Пендергаст уселся за руль, завел мотор, но не двинулся. Лицо его было серым, глаза полужакрыты.

Настала тягостная пауза. Д'Агоста не знал, что сказать. Он испытывал едва ли не физическую боль. Это было даже хуже, чем в Дакоте. Хуже, потому что в последние двенадцать часов у них была хотя бы слабая надежда.

– Я послушаю полицейский диапазон, – произнес он скованным голосом.

Занятие было бесперспективное, но он должен был чем-то себя занять. И даже объявление об их розыске казалось ему предпочтительнее, чем ужасная тишина.

Пендергаст не ответил, и Д'Агоста включил радио.

Из приемника послышался треск перебивающих друг друга голосов.

Инстинктивно Д'Агоста выглянул из окна. Может, их уже обнаружили? Но дороги вокруг станции техобслуживания были пусты.

Он поменял частоту. Возбужденные голоса звучали здесь еще громче.

– Что за черт?

Д'Агоста жал на кнопку, снова и снова меняя частоту. Почти половина каналов была загружена, и там шли не просто разговоры. Казалось, в городе произошло что-то необычное. Слушая и стараясь понять, в чем же тут дело, он заметил, что и Пендергаст вышел из транса и тоже прислушивается.

Канал, который он сейчас включил, говорил о Музее естественной истории, о какой-то краже. Кажется, ограбили алмазный зал «Астер-холл».

– Переключи на служебный канал, – сказал Пендергаст.

Д'Агоста переключил.

– Рокер хочет, чтобы вы потрясли техников, – говорил голос. – Это кто-то из сотрудников поработал. Можно не сомневаться.

Д'Агоста не верил своим ушам. Рокер? В четыре часа утра? Должно быть, и в самом деле случилось что-то невероятное.

– Забрали все? Включая Сердце Люцифера?

– Да. И выясните, кто знает специалистов, разработавших систему безопасности. Возьмите список. Действуйте быстро. Проверьте музейных охранников.

– Понял. Назовите страховую компанию.

– Филиал «Трансглобал».

– Господи, да они рухнут, когда обо всем узнают.

Д'Агоста взглянул на Пендергаста. Его потрясло восхищенное выражение лица друга. Странно: в момент страшного кризиса он так на нем сосредоточивался, что, казалось, других проблем у него больше не было.

– Директор музея уже едет. И мэра из постели выдернули. Знаешь, как он разнесет любого, кто обойдет его на повороте...

– Кто-то обчистил бриллиантовый зал, – сказал Д'Агоста. – Вот почему от нас временно отстали.

Пендергаст ничего не ответил. Д'Агосту удивило выражение его лица.

– Эй, Пендергаст, – окликнул он. – Ты нормально себя чувствуешь?

Пендергаст обратил на него свои светлые глаза.

– Нет, – прошептал он.

– Не могу понять. Нам-то до этого какое дело? Это же кража бриллиантов...

– Самое непосредственное. – Агент ФБР отвернулся, уставился в зимнюю темень. – Все жестокие убийства и издевательские послания... не что иное, как дымовая завеса. Жестокая, хладнокровная, садистская дымовая завеса.

Он отъехал от тротуара и повернул назад, туда, откуда они только что приехали.

– Куда мы едем?

Вместо ответа Пендергаст нажал на тормоза и остановился возле дома, построенного на разных уровнях. Указал на пикап F150, припаркованный на подъездной аллее. На ветровом стекле машины была табличка «ПРОДАЕТСЯ».

– Нам нужен новый автомобиль, – сказал он. – Приготовь приемник и ноутбук. Перенесешь их в эту машину.

– Кто же покупает машину в четыре часа ночи?

– Сообщения об угонах передают оперативно. Надо выиграть время.

Пендергаст вылез из машины, прошел по короткой бетонной дорожке. Позвонил в дверь раз, другой. Через минуту на втором этаже зажегся свет. Со скрипом открылось окно. Сверху крикнули:

– Чего вам нужно?!

– Пикап в рабочем состоянии?

– Послушай, приятель, сейчас четыре часа ночи!

– Может, наличность поднимет вас из постели?

Наверху тихонько выругались, окно захлопнулось. Спустя минуту зажегся свет на крыльце, и в дверях появился полный мужчина в махровом халате.

– Три тысячи. Ездит хорошо. Бак залит полностью.

Пендергаст достал деньги, отсчитал три тысячи.

– А в чем дело? – недоуменно спросил мужчина.

Пендергаст показал свой значок.

– Я из ФБР. – Кивнул в сторону Д'Агосты. – А он – из нью-йоркской полиции.

Удерживая под мышкой приемник и ноутбук, Д'Агоста вытащил свое удостоверение.

– Мы расследуем дело о наркотиках. Будьте сознательным гражданином и держите нашу сделку в секрете, договорились?

– Конечно.
Мужчина взял деньги.
– Ключи?
Мужчина пошел в дом, через минуту вернулся с конвертом.
– Здесь ключи и документы на машину.
Пендергаст взял конверт.
– Скоро прибудет офицер и заберет нашу прежнюю машину. Но не рассказывайте ему ничего ни об автомобиле, ни о нас, даже полицейским. Вы же понимаете, это секретное расследование.
Мужчина энергично закивал.
– Да, конечно. Я читаю только книги о реальных преступлениях.
Пендергаст поблагодарил мужчину и пошел прочь. Скоро они уже отъезжали от дома.
– Что ж, мы купили себе несколько часов, – сказал Пендергаст и двинулся в направлении автострады Монтаук.

Глава 55

Диоген Пендергаст ехал медленно, не торопясь, по Старой каменной дороге: Барнс Хол, Истсайд, Спрингс. С обеих сторон его окружал по-зимнему блеклый городской пейзаж. На светофоре зажегся красный свет, и он остановился на перекрестке.

Повертел головой – налево, направо. С одной стороны тянулось картофельное поле, замерзшее, присыпанное снегом. Поле заканчивалось лесом, голые ветви деревьев покрыты инеем. «Черно-белому миру не свойственна глубина, он плоский, словно слащавое произведение Эдвина А. Абота. Какая эстетская мысль! И зачем?..»

Светофор замигал, значит, скоро зажжется зеленый. Диоген медленно нажал на педаль. Автомобиль устремился вперед, свернул направо, на Спрингс Роуд. Диоген надавил на газ и отпустил педаль, когда машина набрала скоростной лимит. Справа тянулись другие серые картофельные поля, а за ними – несколько рядов серых домов, а за домами – болота.

Все серое, изысканно-серое.

Диоген протянул руку к приборному щитку и повернул ручку обогревателя, пустив поток тепла в футляр из стекла, стали и пластика, окружавший его тело. Не было ни торжества победителя, ни ликования, лишь странная пустота. Такое чувство нередко возникает по достижении великой цели, к которой готовишься долгие годы.

Диоген жил в сером мире. Цвет туда не заглядывал, разве только случайно, когда он меньше всего этого ожидал. Приходил туда, как дзенский коан.

Его мир давно приспособился к оттенкам серого. Монохромная вселенная формы и тени. Настоящий цвет исчез даже из его снов. Нет, не совсем. Такое заявление прозвучало бы мелодраматично. Было все-таки в мире последнее хранилище цвета, и находилось оно сейчас в кожаном саквояже, рядом с ним.

Автомобиль ехал по пустой дороге. Никого, кроме него.

Судя по изменениям монохромного пейзажа, ночь утрачивала свою власть над миром. Скоро должен был начаться рассвет. Но солнечный свет Диогену не слишком был нужен, так же как не испытывал он потребности в тепле, или любви, или дружбе, или других бесчисленных чувствах, которыми тешат и обманывают себя люди.

Пока ехал, он откручивал назад в мельчайших подробностях события ночи. Он припомнил все события, движения, заявления, радуясь тому, что не допустил ни одной ошибки. В то же время он думал о будущем, делал мысленные зарубки: что именно следует подготовить, какие действия совершить, в какое путешествие отправиться. Задумывался, *aber natürlich*²⁸, и об окончании путешествия. Он думал о Виоле, о своем брате, о детстве,

²⁸ Ну конечно же (нем.).

переплетая сны и действительные события. В отличие от мешков с мясом и кровью, каковыми являлись почти все человеческие особи, Диоген мог одновременно удерживать в голове разные мысленные потоки.

Событие, изгнавшее цвет из жизни Диогена, украло также и способность ко сну. В полном уходе от действительности ему было отказано. Лежа на кровати, он погружался в мечты, вспоминал прошлое: поджоги, разговоры, отравленных и умирающих животных, распятые на крестах тела, глиняный горшок со свежей кровью – расчлененные образы прошлого пробегали по экрану мозга, словно в волшебном фонаре. Диоген не препятствовал им. Сопротивление было бы тщетным, а тщетности, безусловно, надо оказывать сопротивление. И потому он позволял этим сценам появляться и исчезать, как им заблагорассудится.

Скоро все изменится. Огромное колесо повернется, потому что – в конце концов – он подсунет под него бабочку. То, что он когда-то замыслил, наконец-то осуществится. Он сполна отомстит брату.

Диоген отпустил свои мысли почти на тридцать лет назад. После того, как это случилось, он потерялся в лабиринте собственного мозга, ушел так далеко от действительности и здравомыслия, насколько это было возможно, в то время как крошечная часть его – прозаичная и нормальная – оставалась снаружи и способна была взаимодействовать с внешним миром.

Но потом – медленно, очень медленно – безумие утратило способность скрываться. Ощущение перестало быть комфортным, и он вернулся назад. Чувствовал он себя при этом, как ныряльщик, ушедший на слишком большую глубину и нуждавшийся в воздухе.

Это был худший момент.

Но в тот же самый миг, балансируя на тонкой грани, отделявшей от безумия, он осознал, что есть еще цель, которую он не достиг в реальном мире. Двойная цель: расплата и протест. На осуществление требовались десятилетия подготовительной работы. Он превратит ее в произведение искусства, в шедевр.

И Диоген вернулся в мир.

Он знал, в каком месте находится, какие существа его населяют. Мир не был хорош, нет, он был попросту отвратителен: преисполнен боли, зла, жестокости, населен злобными существами, завален экскрементами и прочими отходами жизнедеятельности. Но поскольку теперь у него была цель, на достижение которой Диоген направил свой интеллект, мир стал для него более или менее переносим. Он сделался хамелеоном, скрывал все, буквально все, постоянно менял маски, уклонялся, вилял, прятался за иронией, холодным безразличием.

Временами, когда воля была на грани краха, он старался заняться чем-то преходящим, отвлекал, тащил себя из опасных глубин. Чувство, которое обуревало его, некоторые могли бы назвать ненавистью, но для него это был питательный нектар, дававший ему сверхчеловеческое терпение и фанатичное внимание к деталям. Он обнаружил, что может жить не только двойной или тройной жизнью; фактически он мог вжиться в личности полудюжины придуманных людей в нескольких странах, если того требовали поставленные им перед собой цели.

Иные из этих воплощений были задействованы им несколько лет, а то и десятилетий назад. Он положил их в основание своего великого плана.

Перед перекрестком Диоген сбросил скорость и повернул направо.

Ночь выпускала мир из своих объятий, но Саффолк все еще спал. Диогену приятно было знать, что его брат Алоиз не принадлежал к людям, погрязшим в чувственных удовольствиях. Да и спал Алоиз мало. Скоро брат полностью осознает, что он, Диоген, ему приготовил.

Его план состоял в создании мощной и безупречно работающей медвежьей западни. Алоиз уже угодил в капкан и сейчас сидел в ожидании охотника, который бы пустил ему в лоб милосердную пулю. Вот только Диоген не станет проявлять к нему милосердия.

Глаза его вернулись к лежавшему на пассажирском сиденье саквяжу. Он не открывал

его с тех пор, как наполнил несколько часов назад. Прекрасный миг, когда он не спеша посмотрит – или, вернее, рассмотрит – бриллианты, вот-вот наступит. Момент свободы, освобождения, то, чего он так долго ждал.

Только интенсивный, яркий отраженный свет, отбрасываемый глубоко окрашенным бриллиантом, поможет Диогену вырваться, хотя бы на мгновение, из черно-белой темницы. Только тогда сможет он восстановить слабое и неуловимое воспоминание, воспоминание о цвете. Из всех цветов, которые он жаждал увидеть, красный был главной страстью. Красный цвет и мириады его оттенков.

Сердце Люцифера. С него он начнет, им и закончит.

Альфа и омега цвета.

Потом надо будет разобраться с Виолой.

Инструменты начищены, отполированы, заточены до предела. Виола потребует некоторого времени. Она была *grand cru* – вином многолетней выдержки. Такое сокровище следует достать из подвала, принести наверх, довести до комнатной температуры, откупорить, дать вину подышать, ну а потом уже насладиться, пить мелкими глотками, пока в бутылки ничего не останется. Она должна пострадать, но не ради самого страдания, а для того, чтобы на теле остались следы. И никто лучше Алоиза не разглядит и не оценит эти следы. Он будет страдать не меньше, а то и больше самой жертвы.

Возможно, в сыром каменном подвале коттеджа он начнет с воссоздания сцены, изображенной в «Юдифи и Олоферне». Эта картина Караваджо всегда была его самой любимой. В Национальной галерее Рима он в восхищении простаивал перед ней часами. Его воображение сохранило маленькую решительную морщинку на лбу Юдифи, работающей ножом. Он запомнил, как напряглось все ее тело, видел голые руки, занятые грязной работой; запомнил яркие потоки крови, хлынувшие на простыни. Что ж? Это станет прекрасным началом. Возможно, они с Виолой сначала вместе полюбуются полотном, а потом он и сам приступит к работе. Юдифь и Олоферн. Правда, здесь они поменяются ролями. Не забыть бы кубок, чтобы не потерять ни капли драгоценной крови...

Диоген проехал через пустую деревню Джерард-парк: впереди показалась бухта Гарднер – тусклое серое пространство, прерываемое темными очертаниями отделенных островов. Автомобиль выехал на Джерард-драйв, с одной стороны гавань, с другой – бухта. Осталось менее мили. Он ехал и улыбался.

– Vale, frater, – пробормотал он по-латыни. – Vale²⁹.

* * *

Виола подтянула стул к зарешеченному окну. С чувством странного безразличия увидела первый луч света над черной Атлантикой – словно кто-то мазнул грязным мелом. Казалось, ей снится кошмар и она никак не может проснуться, избавиться от него. Этот сон настолько же реален и ярок, насколько бессмыслен. Поразило ее больше всего то, что Диоген вложил столько труда и денег в создание тюрьмы – стальные двери, полы, потолок, стальная дверь с сейфовым замком, не говоря уже о небьющихся окнах, специальной канализации и проводке. Все было надежно, словно в камере тюрьмы строгого режима, а может, и еще надежнее.

Но почему? Неужели с наступлением рассвета ей останутся считанные минуты жизни?

И она снова постаралась изгнать из головы бесполезные мысли.

Виола давно уже поняла, что побег невозможен. Устройство тюрьмы демонстрировало дьявольскую предусмотрительность ее тюремщика. Каждый шаг в поисках выхода был просчитан и блокирован. Диогена не было всю ночь, во всяком случае, так казалось из-за полной тишины. Время от времени она стучала в дверь, громко кричала. Колотила в дверь

²⁹ Будь здоров, брат (лат.).

стулом, пока он не развалился у нее в руках. Никто не пришел.

Грязный меловой мазок начал принимать слабый кровавый оттенок: над вздымающейся Атлантикой занимался бледный рассвет. По темному океану гулял сильный ветер, стали заметны белые шапки волн. Космы сухого снега – а может, песка? – секли мерзлую землю.

Она вдруг села, насторожилась. Ей послышался слабый, приглушенный стук открывающейся входной двери. Виола подбежала к своей двери, прижалась к ней ухом. Снизу раздавались очень слабые звуки: шаги, кто-то закрыл дверь.

Вернулся.

Она почувствовала страх и посмотрела в окно. Над серым океаном показался край солнца. Поднялось оно быстро и так же быстро исчезло в штормовой туче. Диоген сказал, что придет на рассвете, и сдержал слово. Теперь он приведет приговор в исполнение.

Виола выпатила губу. Если он думает, что убьет ее без борьбы, то сильно ошибается. Она будет сопротивляться до самого конца...

Проглотила подступивший к горлу комок, осознав, как глупа ее бравада. Что она может противопоставить человеку, у которого наверняка есть оружие, и он знает, как им пользоваться?

Она постаралась побороть приступ панического удушья. В душе поднимались противоречивые чувства: с одной стороны, инстинктивное желание выжить любой ценой; с другой – если уж смерть неминуема – умереть достойно, без криков и драки.

Слышны были и другие звуки. Виола легла на пол, к щели между дверью и порогом, и стала слушать. Звуки были слабыми, невнятными.

Она поднялась, побежала в ванную, сняла с держателя рулон туалетной бумаги, развернула его, нервно тряхнув рукой, и вытащила картонную трубочку. Затем вернулась к двери, прислонила один конец трубки к уху, а другой сжала и просунула в щель.

Теперь она слышала гораздо лучше: шелест одежды, постукивание, звук отодвинутой щеколды.

Послышался неожиданный резкий вдох. Затем стало тихо. Прошло пять минут.

И вдруг она услышала странный и ужасный звук: тихое, мучительное причитание, напомнившее ей предупреждающий кошачий вопль. Голос то усиливался, то затихал, пока неожиданно не набрал полную силу. Он выражал безраздельную муку. В нем не было ничего человеческого, это был вопль живого мертвеца. Такого страшного крика она никогда еще не слышала, и крик этот исходил от него.

Глава 56

Такси остановилось перед зданием «Таймс». Смитбек нетерпеливо подписал квитанцию кредитной карточки. Дорога обошлась ему в 425 долларов. Отдал квиток водителю. Тот взял его и нахмурился.

– А где чаевые? – спросил он.

– Шутись? За эти деньги я мог бы слетать в Египет.

– Послушай, приятель, я плачу за горячее, страховку...

Смитбек хлопнул дверцей, вбежал в здание и подлетел к лифту. Ему нужно повидать босса, сообщить, что он в городе, убедиться, что с работой порядок, затем прямо в музей, к Норе. Было четверть десятого. Дома ее нет, значит, на работе.

Он нажал кнопку тридцать третьего этажа и ждал, пока лифт поднимется, а он, как назло, полз точно черепаха. Наконец приехал, и Смитбек понесся по коридору. Перед дверью Дэйвиса остановился только для того, чтобы перевести дыхание да пригладить непокорный хохолок. Волосы имели привычку задираться в самый неподходящий момент.

Сделал глубокий вдох и вежливо постучал.

– Открыто, – откликнулся голос.

Смитбек вошел в комнату. Слава богу: Харримана не было.

Дэйвис поднял на него глаза.
– Билл! Мне сказали, что ты в больнице Святого Луки, чуть ли не при смерти.
– Я быстро поправился.
Дэйвис оглядел его с ног до головы, прикрыл глаза.
– Рад, что ты выглядишь таким здоровым и счастливым. – Он помолчал. – Может, дашь справку от врача?
– Конечно, конечно, – заторопился Смитбек.
Он полагал, что Пендергаст должен это уладить, как и все остальное.
– Ты выбрал удачное время, чтобы исчезнуть. – Голос Дэйвиса звучал иронически.
– Я не выбирал, оно само меня выбрало.
– Садись.
– Да я на минутку...
– О, прошу прощения, я и не знал, что у тебя напряженное расписание.
Это было сказано ледяным тоном, и Смитбек решил сесть. Ему страшно хотелось увидеть Нору, но не стоило портить отношения с Дэйвисом окончательно.
– Брайс Харриман сумел во время твоей болезни взять все под свой контроль – и убийство Дучэмпа, и убийство в музее, так как полиция утверждает, что эти дела связаны...
Смитбек подался вперед.
– Прошу прощения. Вы сказали, убийство в музее? В каком музее?
– Ты и в самом деле отстал от жизни. В Нью-Йоркском музее естественной истории. Три дня назад там убили куратора...
– Кого?
– Неизвестный для меня человек. Не беспокойся, Харриман теперь этим занимается. – Дэйвис взял скоросшиватель. – А вот это я приготовил для тебя. Это большая история, я тебе честно скажу, Билл: боюсь поручать ее человеку со слабым здоровьем. Хотел и ее передать Харриману, только у него сейчас и так много работы. Его уже не было, когда двадцать минут назад пришла эта новость. Вчера ночью в музее произошло крупное ограбление. Последнее время там все время что-то происходит. У тебя там есть контакты, ты и книгу о музее написал, так что это – твоя история, хотя я о тебе беспокоюсь.
– Но кто?..
Он подтолкнул конверт Смитбеку.
– Ночью кто-то обчистил бриллиантовый зал, как раз когда в музее праздновали открытие выставки. В десять часов должна начаться пресс-конференция. Ты уже в списке. – Он глянул на часы. – Осталось полчаса, тебе лучше поторопиться.
– Насчет убийства в музее, – снова сказал Смитбек. – Кто это был?
– Как я уже сказал, кто-то незначительный. Новая сотрудница по фамилии Грин. Марго Грин.
– Что? – Смитбек схватился за стул.
Это невозможно. Невозможно.
Дэйвис тревожно взглянул на Смитбека.
– Тебе плохо?
Смитбек встал на трясущихся ногах.
– Марго Грин... убита?
– Ты что, ее знаешь?
– Да, – еле выдавил Смитбек.
– Тогда лучше тебе за эту историю не браться, – быстро сказал Дэйвис. – Писать статью о близком человеке, как говорил мой старый издатель, все равно что быть собственным адвокатом. Окажешься в дураках как юрист и как... эй! Куда ты пошел?

Глава 57

Нора завернула с Коламбус-авеню на 77-ю улицу и тут же почувствовала, что в музее

случилось что-то необычное. Подъездная аллея музея была забита полицейскими автомобилями, машинами без опознавательных знаков, фургонами криминалистов. За первым кругом этих машин стояли фургоны телевизионщиков и толпа журналистов.

Нора взглянула на часы – без четверти десять. Обычно в такое время музей только просыпается. Сердце забилося: неужели еще одно убийство?

Она быстро пошла по дорожке к служебному входу. Полиция освободила ее для прохода музейных служащих и стояла, преграждая дорогу толпе любопытных. Очевидно, о том, что произошло, уже сообщили в утренних новостях, так как толпа все прибывала. Сама Нора в связи со вчерашним открытием проспала и радио не слушала.

– Музейный служащий? – спросил полицейский.

Она кивнула и вытатила удостоверение.

– Что происходит?

– Музей закрыт. Идите туда.

– Но почему?

Полицейский уже кричал на кого-то, и она почувствовала, как ее подталкивают к охраняемому входу. Там, кажется, собралась целая толпа. Манетти, яростно жестикулируя, требовал чего-то от двух незадачливых охранников.

– Прибывающие сотрудники, проходите в огороженную зону направо! – закричал один из охранников. – Готовьте удостоверения!

Нора заметила в толпе Джорджа Эштона и схватила его за руку.

– Что случилось?

Он уставился на нее.

– Да вы, наверное, единственный человек в городе, который ничего не знает.

– Я проспала, – раздраженно пояснила она.

– Туда! – кричал полицейский. – Музейные служащие, в ту сторону!

Бархатные веревки, отделявшие зевак и журналистов от вчерашних гостей, сегодня снова пошли в ход. В этот раз с их помощью направляли музейных работников к служебному входу. Охранники проверяли удостоверения и успокаивали раздраженных сотрудников.

– Кто-то ночью ограбил «Астер-холл», – задыхаясь сказал Эштон. – Вынес все. В разгар вечеринки.

– Все? И Сердце Люцифера?

– И Сердце Люцифера.

– Но как?

– Никто не знает.

– Я думала, что «Астер-холл» неуязвим.

– Так утверждали.

– Отойдите назад и стойте справа! – орал полицейский. – Через минуту вас впустят!

Эштон скорчил гримасу.

– То, что нужно наутро после пяти бокалов шампанского.

«Скорее после десяти», – подумала Нора, вспомнив, как вчера веселился Эштон.

Полицейские и музейные охранники проверяли удостоверения, задавали вопросы каждому сотруднику, затем отправляли в следующую огороженную зону перед входом.

– Подозреваемые есть? – спросила Нора.

– Нет. Хотя полиция уверена, что у грабителей имелись помощники среди сотрудников.

– Удостоверение! – гаркнул ей в ухо полицейский.

Она порылась в сумочке и снова показала удостоверение. Эштон сделал то же самое.

– Доктор Келли? – спросил коп.

Другой полицейский отвел в сторону Эштона.

– Могу я задать несколько коротких вопросов?

– Пожалуйста, – сказала Нора.

– Вчера вечером вы были в музее?

– Да.

Он что-то у себя отметил.

– В какое время ушли?

– Примерно в полночь.

– Пока все. Пройдите туда. Как только будет возможно, мы откроем музей, и вы приступите к работе. Мы свяжемся с вами позднее, чтобы назначить время встречи.

Нору отправили ко второй толпе. Она слышала, как Эштон позади нее повысил голос. Он требовал, чтобы ему объяснили его права. Кураторы и другие музейные работники били в ладоши, чтобы согреться. Дыхание поднималось вверх морозным облачком. День был серым, температура – чуть ниже нуля. Повсюду слышались недовольные голоса.

Нора услышала шум с улицы и посмотрела. Журналисты неожиданно пошли вперед с камерами на плечах и длинными микрофонами в руках. Она тут же поняла причину такого поведения: музейные двери распахнулись. На пороге появился директор музея, Фредерик Уотсон Коллопи, а рядом с ним – Рокер, комиссар полиции. Позади них стояла фаланга одетых в форму полицейских.

Репортеры замахали руками и, перекрикивая друг друга, обрушили на него вал вопросов. Казалось, это начало пресс-конференции.

В тот же момент она заметила чье-то неистовое движение. Посмотрела в ту сторону. Это был ее муж, он протискивался сквозь толпу, кричал что-то и пытался до нее добраться.

– Билл! – крикнула она.

– Нора!

Смитбек двинулся сквозь толпу зевая, словно трактор, оттолкнул плотного музейного охранника, перепрыгнул через бархатные веревки и ворвался в толпу музейных работников.

– Нора!

– Эй, куда? – Полицейский попытался его остановить.

Смитбек тем временем пробрался сквозь толпу и почти набросился на Нору, схватил ее в охапку и оторвал от земли.

– Нора! Господи, ну как же я по тебе соскучился!

Они обнялись, поцеловались и снова обнялись.

– Билл, что случилось? Откуда синяк на лице?

– Да пустяки, – ответил Смитбек. – Я только что узнал о Марго. Неужели ее убили?

Нора кивнула.

– Я вчера была на похоронах.

– О господи! Не могу в это поверить.

Он резко утер лицо, и Нора увидела, что из глаз его льются слезы.

– Не могу поверить.

– Где же ты был? Я так беспокоилась!

– Долгая история. Меня держали в сумасшедшем доме.

– Что?

– Потом расскажу. Я о тебе тоже беспокоился. Пендергаст думает, что рядом ходит убийца-маньяк и охотится за его друзьями.

– Знаю. Он предупредил меня. Но это было перед открытием, я ничего не могла...

– Этот человек не должен здесь находиться, – вмешался музейный охранник и встал между ними. – Здесь только работники музея...

Смитбек развернулся, чтобы ответить, но их прервал рев импровизированной охранной системы. Спустя мгновение комиссар Рокер подошел к микрофону и попросил тишины. Чудесным образом все стихло.

– Я из «Таймс», – сказал Смитбек, вынул из кармана бумагу и начал шарить в поисках ручки.

– Возьми мою, – сказала Нора.

Она по-прежнему держала его за талию.

Толпа замолчала, и комиссар полиции заговорил.

– Прошлой ночью, – начал Рокер, – ограбили бриллиантовый зал «Астер-холл». В настоящее время на месте преступления работают лучшие в мире криминалисты. Делают все, что должно быть сделано. Слишком рано выдвигать версии и называть подозреваемых, но обещаю: как только что-то узнаем, пресса будет оповещена. Прошу прощения, что не могу сказать вам больше, но расследование только началось. Скажу лишь, что это была исключительно профессиональная работа, очевидно, давно подготовленная. Преступление совершено технически просвещенными грабителями, хорошо знакомыми с системой сигнализации музея. Они воспользовались тем, что торжественный прием по поводу открытия выставки несколько ослабил бдительность охраны. Понадобится время, чтобы проанализировать и понять, как им удалось преодолеть систему безопасности. Вот и все, что я могу сказать в настоящий момент. Доктор Коллопи?

Директор музея вышел вперед. Он стоял прямо, стараясь казаться спокойным, но это ему не удалось. Когда он заговорил, голос его дрожал.

– Я хочу подтвердить то, что сказал комиссар Рокер: делается все возможное. Дело в том, что большая часть украденных бриллиантов уникальна, их опознает любой ювелир мира. Ими невозможно распорядиться в их нынешнем виде.

Толпа испуганно зашептала, поняв, что бриллианты могут подвергнуться новой огранке.

– Уважаемые жители Нью-Йорка. Знаю, как тяжела эта потеря для музея и города. К сожалению, мы пока не располагаем достаточными сведениями, чтобы сказать, кто мог это совершить и каковы были намерения грабителей.

– А Сердце Люцифера? – выкрикнул кто-то из журналистов.

Казалось, Коллопи пошатнулся.

– Мы делаем все, что можем. Заверяю вас.

– Сердце Люцифера тоже украли? – крикнул другой журналист.

– Я бы хотел передать слово заместителю директора по связям с общественностью, Карле Рокко...

Снова послышались громкие вопросы, и вперед вышла женщина. Она подняла руки.

– Я отвечу на вопросы, когда настанет тишина, – сказала она.

Шум стих, и она указала пальцем.

– Мисс Лилиенталь из «Эй-би-си»³⁰, ваш вопрос.

– Как насчет Сердца Люцифера? Бриллиант исчез?

– Да, вместе с другими бриллиантами.

Толпа забурлила, услышав это вполне предсказуемое признание. Рокко снова подняла руки.

– Прошу тишины!

– Музей заявлял, что его охрана лучшая в мире! – закричал журналист. – Как же туда проникли воры?

– Пока мы с вами беседуем, специалисты анализируют случившееся. Безопасность в музее многоуровневая, с системой резервирования. Зал находился под постоянным видеонаблюдением. Воры оставили после себя много технического оборудования.

– Что это за оборудование?

– Чтобы изучить его, понадобятся дни, а может, и недели.

Прозвучали и другие вопросы. Рокко указала на другого репортера:

– Роджер?

– На какую сумму застрахована коллекция?

– Сто миллионов долларов.

Послышались изумленные возгласы.

³⁰ Американская радиовещательная компания «Эй-би-си» в 1985 году слилась с компанией «Капитал ситиз коммуникейшнз»; входит в число трех основных радиовещательных корпораций.

– А какова настоящая стоимость коллекции? – настаивал репортер Роджер.
– Музей никогда ее не оценивал. Следующим задаст свой вопрос мистер Уэрт из «Эн-би-си».

– Сколько стоит Сердце Люцифера?
– Цена опять же не была установлена. И позвольте подчеркнуть: мы намерены вернуть драгоценности, так или иначе.

Коллопи выступил вперед и произнес:

– Коллекция музея состоит в основном из «причудливых» бриллиантов, то есть из цветных камней. Они столь необычны, что специалисты тут же узнают их по одному только цвету. Это тем более верно в отношении Сердца Люцифера. Ни один бриллиант в мире не обладает таким ярко выраженным коричневым цветом.

Смитбек вышел за бархатное ограждение и, присоединившись к группе журналистов, помахал рукой. Рокко указала на него, прищурилась.

– Смитбек из «Таймс»?
– Сердце Люцифера считается самым крупным в мире бриллиантом?
– Среди цветных бриллиантов – да. По крайней мере, мне так говорили.
– Как же вы собираетесь объяснить это жителям Нью-Йорка? Как объясните потерю уникального камня? – Голос Смитбека дрогнул от волнения. Норе показалось, что его вопрос был продиктован гневом, вызванным вынужденной разлукой с ней и известием о гибели Марго. – Как музей допустил это?

– Никто этого не допускал. – Рокко заняла оборонительную позицию. – Система охраны в «Астер-холл» самая совершенная в мире.

– Оказывается, не такая уж и совершенная.

Поднялся шум. Рокко замахала руками.

– Прошу тишины! Дайте возможность высказаться.

Рев утих, слышалось лишь недовольное бурчание.

– Музей глубоко сожалеет о потере Сердца Люцифера. Мы сознаем его значение для города и для страны. Делаем все, что можем, чтобы вернуть его. Проявите терпение, дайте полиции время. Мисс Карлсон из «Пост»?

– Вопрос к доктору Коллопи. Этот бриллиант вам доверили жители Нью-Йорка. Кому он на самом деле принадлежит? Какую персональную ответственность несете вы как глава музея?

Шум снова готов был подняться, но тут же стих, когда Коллопи поднял руки.

– Дело в том, – сказал он, – что любая система безопасности, созданная человеком, может быть обманута другим человеком.

– Это пораженческая точка зрения, – заявила Карлсон. – Другими словами, вы признаете, что музей не может гарантировать сохранность своих коллекций.

– Мы, конечно же, гарантируем сохранность наших коллекций, – возмутился Коллопи.

– Следующий вопрос! – выкрикнула Рокко.

Но репортеры сочли, что не получили ответа на предыдущий.

– Вы можете объяснить, что имеете ввиду под словом «гарантия»? Украден самый знаменитый в мире бриллиант, а вы рассуждаете о каких-то гарантиях!

– Я могу объяснить. – Лицо Коллопи потемнело от гнева.

– У нас разногласие на уровне терминологии! – выкрикнул Смитбек.

– Я сделал такое заявление, потому что среди украденных бриллиантов Сердца Люцифера нет! – закричал Коллопи.

Наступила мертвая тишина. Рокко повернулась и в изумлении уставилась на Коллопи, да и Рокер тоже едва не открыл рот.

– Прошу прощения, сэр... – начала Рокко.

– Тихо! Я – единственный человек в музее, которому известна эта информация, но в сложившихся обстоятельствах не считаю нужным далее скрывать этот факт. Камень, находившийся в витрине, был копией, настоящим бриллиантом, искусственно

подкрашенным с помощью радиоактивного излучения. Настоящее Сердце Люцифера всегда хранилось в сейфе страховой компании музея. Камень представляет слишком большую ценность, чтобы выставлять его в витрине. Наша страховая компания не могла себе этого позволить.

Он поднял голову, в глазах светилось торжество.

– Грабители, кем бы они ни были, украли подделку.

Посыпались вопросы, но Коллопи промокнул лоб и удалился.

– Пресс-конференция окончена! – провозгласила Рокко, но на ее слова не обратили внимания. – Вопросы больше не принимаются!

По вздымавшимся рукам и громким крикам было ясно, что ничего еще не кончено и будет задано много вопросов.

Глава 58

Прошло несколько часов. Они по-прежнему ехали по пустым приморским городам. На смену рассвету пришел мрачный день, свинцовое небо посылало на землю пронизывающий ветер. Д'Агоста слушал полицейский канал. На душе делалось все тревожнее. Объявления полиции о том, что они объявлены в розыск, резко прекратились, и не потому, что произошла кража бриллиантов, хотя об этом говорило большинство каналов, а потому, что, возможно, сведения о них стали передавать на частотах, предназначенных для служебного пользования. Должно быть, полиция принимала их по переносной рации.

Ему было ясно, что развязка близка. Расспрашивать заправщиков было бессмысленно – вряд ли с полным баком горючего Диоген туда заезжал. Предыдущая их удача в Япхэнке лишь подтвердила, что Диоген специально дал им знать: он едет на восток, и Виола скоро умрет. С тех пор ничего нового они не узнали, и Д'Агоста злился на Пендергаста: все было бесполезно, он и сам это понимал.

И все же они двигались вперед, останавливались в мотелях, торговых центрах, ночных столовых. Каждый раз они подвергали себя риску быть узанными и арестованными.

То немного, что Д'Агосте удалось услышать по радио, не вдохновляло. В связи с новым событием полиция быстро брала все под свой контроль. Появлялись новые дорожные патрули, местные власти проявляли бдительность. Вскоре они узнают о покупке пикапа. Если только Пендергаст ничего не придумал, свободе их скоро наступит конец.

Пикап резко дернулся, и Д'Агоста схватился за ручку на потолке. Пендергаст въехал на маленькую стоянку возле двадцатичетырехэтажного здания гостиницы. Рядом катила волны седая Атлантика.

Они сидели молча, а радио говорило о музейной краже. Вроде бы шла пресс-конференция на одном из публичных каналов.

– Не может быть, чтобы они здесь останавливались, – сказал Д'Агоста.

– Мне нужна точка беспроводного доступа в Интернет. – Пендергаст открыл ноутбук. – Без сомнения, она здесь есть. Воспользуюсь поисковым устройством, найду свободный порт и попробую подключиться к сети. Систему распознавания образов я оставил в Дакоте включенной. Возможно, она нам что-нибудь расскажет.

Д'Агоста смотрел, как Пендергаст набирает команды.

– Может, закажешь кофе, Винсент? – сказал Пендергаст, не поднимая глаз.

Д'Агоста вылез из машины и пошел в гостиницу. Когда несколько минут спустя он вернулся с двумя чашками, Пендергаст сидел на пассажирском сиденье и уже не печатал.

– Что-нибудь нашел?

Пендергаст покачал головой. Прислонился к спинке, закрыл глаза.

Д'Агоста, вздохнув, опустил в кресло водителя. И тут он увидел, как на стоянку заворачивает полицейский автомобиль. Машина медленно проехала мимо них и остановилась в дальнем углу стоянки.

– Черт. Этот коп обратил внимание на наши номера.

Пендергаст не отвечал. Он сидел неподвижно с закрытыми глазами.

– Все, мы попались.

Полицейский автомобиль развернулся и направился в их сторону.

Пендергаст открыл глаза.

– Я подержу напитки, а ты постарайся от него уйти.

Д'Агоста немедленно включил двигатель, обогнул полицейскую машину и выехал на дорогу, идущую параллельно пляжу. Полицейский включил мигалки и сирену и помчался за ними.

Они ехали мимо дюн. Через несколько минут Д'Агоста услышал другую сирену, она орала впереди.

– Пляж, – сказал Пендергаст, ловко удерживая в руках чашки.

– Хорошо.

Д'Агоста включил четвертую скорость и перевалил автомобиль через ограду на пляжный променад. Машина загроыхала по неровным деревянным плашкам, сшибла следующее ограждение, подпрыгнула на два фута и опустилась на песок.

Теперь они мчались по пляжу, почти по линии прибоя. Д'Агоста оглянулся и увидел, что полиция по-прежнему их преследует.

Им надо было прибавить скорости.

Он нажал на газ, шины взметали фонтаны мокрого песка. Впереди он увидел огороженное пространство – заповедник. Таких мест было много на южном побережье. Д'Агоста сшиб еще один деревянный забор и поехал по дюнам со скоростью сорок миль в час. Территория была обширной. Д'Агоста понятия не имел, куда едет, и направил автомобиль в самое дикое на вид место – там и кустарник был гуще, и дюны выше. Тут же росло несколько корявых сосен. Сюда полицейским машинам не пробраться.

Неожиданно Пендергаст выпрямился, словно стальная пружина.

Д'Агоста прорвался через какой-то кустарник и посмотрел в зеркало заднего вида. Никого. Полиция отстала, но Д'Агоста понимал, что ненадого. При всех полицейских участках южного побережья имелись патрульные пляжные машины. Он несколько месяцев назад и сам ездил в такой машине. Они с Пендергастом по-прежнему в глубоком дерьме, и надо отыскать какой-то другой путь...

– Останови машину, – сказал вдруг Пендергаст.

– Ну уж нет. Я должен...

– Останови!

Что-то в его голосе заставило Д'Агосту ударить по тормозам. Они резко остановились возле огромной дюны. Д'Агоста выключил фары и мотор. Сумасшествие какое-то. Они оставили за собой следы, и любой идиот может их отыскать.

По радио все еще транслировали пресс-конференцию, и Пендергаст внимательно слушал: «...всегда хранилось в сейфе страховой компании музея. Камень представляет слишком большую ценность, чтобы выставлять его в витрине. Наша страховая компания не могла себе этого позволить».

Пендергаст повернулся к Д'Агосте с изумленным видом. Неожиданная дикая надежда, осветила его лицо.

– Вот оно!

– Что?

– Диоген наконец-то совершил ошибку. Вот то, что нам нужно. – Он вынул сотовый телефон.

– Хотел бы я знать, о чем ты толкуешь.

– Я собираюсь сделать несколько звонков. А ты, Винсент, должен доставить нас на Манхэттен.

Позади, из-за дюн, послышался слабый вой сирен.

Глава 59

Смитбек медленно сложил сотовый телефон, потрясенный только что полученным невероятным звонком. Он заметил, что Нора смотрит на него с любопытством. Служебный вход в музей наконец-то открыли, и служащие ринулись в здание в поисках тепла.

– В чем дело, Билл? – спросила она. – Кто звонил?

– Специальный агент Пендергаст. Он сумел отыскать меня по телефону, который я получил в «Таймс».

– Чего он хочет?

– Что ты сказала?

Смитбек казался растерянным.

– Я спросила, чего он хочет. Ты словно контуженный.

– Я только что получил чрезвычайно странное предложение.

– Предложение? О чем ты говоришь?

Смитбек встрепнулся и схватил Нору за плечо.

– Скажу позже. Послушай, у тебя здесь все будет в порядке? Я беспокоюсь: Марго погибла, и Пендергаст предупреждал об опасности.

– Музей сейчас – самое безопасное место в Нью-Йорке. Тут тысяча коп.

Смитбек задумчиво кивнул.

– Верно.

– Послушай, я должна идти работать.

– Я войду с тобой. Мне нужно поговорить с доктором Коллопи.

– С Коллопи? Желаю удачи.

Смитбек уже видел большую сердитую толпу репортеров. От музея их отгородили веревкой полицейские и охранники. Впускали только сотрудников. А Смитбека охранники знали в лицо, слишком хорошо знали.

Нора положила ему на плечо руку.

– Что ты собираешься делать?

– Я должен пройти в здание.

Нора нахмурилась.

– Это имеет отношение к звонку Пендергаста?

– Конечно. – Он заглянул в ее зеленые глаза, перевел взгляд на медные волосы и веснушчатый нос. – Знаешь, чего мне на самом деле сейчас хочется...

– Не соблазняй меня. У меня полно работы. Сегодня – публичное открытие выставки, если мы вообще снова откроемся.

Смитбек поцеловал ее и прижал к себе. Уже хотел было идти, но Нора не отпустила.

– Билл, – прошептала она ему на ухо, – слава богу, что ты вернулся.

Они постояли минуту обнявшись, затем Нора медленно опустила руки. Улыбнулась, подмигнула и пошла в музей.

Смитбек смотрел ей вслед. Затем смешался с толпой сотрудников, выстроившихся возле дверей. Сотрудники вынимали пропуска, толпа скопилась порядочная. Полиция и музейная охрана проверяли документы. Войти нелегко. Смитбек подумал с минуту, потом вынул свое удостоверение и на обратной его стороне написал короткую записку.

Когда очередь дошла до него, охранник преградил дорогу:

– Удостоверение.

– Я – Смитбек из «Таймс».

– Ты не по адресу, дружище. Пресса вон там.

– Послушайте. У меня срочное секретное послание к доктору Коллопи. Оно должно быть передано ему немедленно, иначе полетят головы. Я не шучу. – Смитбек глянул на табличку с именем охранника. – Вам, мистер Праймус, тоже будет не до шуток, если вы его не доставите.

Охранник дрогнул, в глазах его промелькнул страх. Музейная администрация в последние годы не делала жизнь сладкой для тех, кто находился внизу карьерной лестницы,

и создала здесь климат утрашения. Смитбек раньше использовал этот фактор в свою пользу. Надеялся, что он и сейчас сработает.

– О чем послание? – спросил охранник по имени Праймус.

– Оно касается украденных бриллиантов. У меня имеется секретная информация.

Охранник засомневался:

– Ну, не знаю...

– Я не прошу у вас позволения войти. Прошу лишь доставить записку директору. Не его секретарю, не кому-нибудь еще, только директору. Послушайте, я не какой-нибудь подонок. Вот мое удостоверение.

Охранник взял удостоверение и с сомнением на него посмотрел.

Смитбек сунул ему в руку записку.

– Не читайте. Положите ее в конверт и лично доставьте. Поверьте, вы будете рады, что сделали это.

Охранник мгновение колебался. Затем взял карточку и отправился в кабинет охраны. Спустя несколько минут вернулся с конвертом.

– Я запечатал ее, не читая.

– Ну и молодец.

Смитбек написал на конверте: «Для доктора Коллопи, чрезвычайно важно, открыть немедленно. От Уильяма Смитбека, младшего, из „Нью-Йорк таймс“».

Охранник кивнул:

– Я прослежу, чтобы ее доставили.

Смитбек подался вперед.

– Вы не поняли. Я хочу, чтобы вы сами ее доставили. – Он посмотрел по сторонам. – Я не доверяю никому из этих мужланов.

Охранник покраснел и кивнул.

– Хорошо.

Он исчез в коридоре вместе с конвертом.

Смитбек подождал с сотовым телефоном в руке. Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать.

Смитбек в нетерпении заходил взад и вперед. Ему это не нравилось.

Вдруг телефон пронзительно зазвонил. Смитбек быстро нажал на кнопку.

– Это Коллопи, – раздался начальственный голос. – Я говорю со Смитбеком?

– Да.

– Один из охранников немедленно приведет вас ко мне в кабинет.

Смитбек шел по коридору к дубовой резной двери директорского кабинета, и перед ним разворачивалась сцена контролируемого хаоса. Повсюду совещались полицейские, детективы, музейные служащие. Дверь была закрыта, но как только сопровождающий объявил о его приходе, Смитбека тут же впустили.

Коллопи, со сцепленными за спиной руками, прохаживался перед окном. За огромным стеклом раскинулся заснеженный Центральный парк. Смитбек узнал начальника охраны Манетти и нескольких других сотрудников администрации. Все они стояли перед столом Коллопи.

Директор музея увидел его и перестал ходить.

– Мистер Смитбек?

– Да.

Коллопи повернулся к Манетти и другим сотрудникам.

– Пять минут.

Директор дождался, когда они уйдут, и повернулся к Смитбеку. В руке он держал карточку журналиста. Лицо Коллопи слегка покраснелось.

– Кто распускает эти возмутительные слухи, мистер Смитбек?

Смитбек облизнул пересохшие губы. Он должен сказать так, чтобы ему поверили.

– Не совсем слухи, сэр. Я узнал это из конфиденциального источника, который не могу

открыть. Но я сделал несколько телефонных звонков и все проверил. По-моему, здесь что-то есть.

– Это невыносимо. Мне и так хватает беспокойства. Досужие разговоры, незачем обращать на них внимание.

– Я не уверен, что это будет разумно.

– Почему? Вы ведь не собираетесь публиковать в «Таймс» ни на чем не основанные слухи? Я считаю, что в нашей страховой компании бриллиант находится в полной безопасности.

– Это верно, что «Таймс» слухов не публикует. Но, как я сказал, сведения у меня из надежного источника. Я не могу их игнорировать.

– Черт побери!

– Позвольте задать вам вопрос, – сказал Смитбек, стараясь говорить как можно убедительнее. – Когда в последний раз лично вы видели Сердце Люцифера?

Коллопи бросил на него быстрый взгляд.

– Наверное, четыре года назад, когда мы продлевали срок действия страхового полиса.

– В тот раз квалифицированный специалист осматривал камень?

– Нет. Но это же настоящий камень...

Коллопи не договорил, поняв слабость своего аргумента.

– Откуда вы знаете, что камень настоящий, доктор Коллопи?

– Я сделал такое заключение.

– В этом-то все и дело, доктор Коллопи. Правда в том, – тихо сказал Смитбек, – что вы не можете сказать с точностью, что Сердце Люцифера по-прежнему находится в сейфе страховой компании. Не знаете, настоящий ли это камень, да и есть ли он там вообще.

– Это абсурдная надуманная теория! – Директор снова зашагал взад-вперед с заложенными за спину кулаками. – У меня нет времени на ее обсуждение!

– Вы ведь не захотите, чтобы подобная история вышла из-под контроля. Сами знаете, как такие слухи обретают собственную жизнь. Мне нужно к вечеру подготовить статью.

– Статью? Какую статью?

– О голословных утверждениях.

– Если вы ее опубликуете, мои адвокаты съедят вас за завтраком!

– Бросят вызов «Таймс»? Не думаю, – кротко сказал Смитбек и подождал, дав Коллопи время обдумать неизбежные последствия.

– Черт побери! – Коллопи развернулся на каблуках. – Полагаю, мы должны взять его оттуда и подтвердить его подлинность.

– Интересное предложение, – сказал Смитбек.

Коллопи снова забегал.

– Это надо будет сделать публично, но, разумеется, при усиленной охране. Мы не можем приглашать каждого Тома, Дика и Гарри в качестве наблюдателя.

– Хотите совет? Все, что вам требуется, – «Таймс». Другие последуют нашему примеру. Они всегда так делают. Мы – уважаемая газета.

Коллопи снова развернулся.

– Возможно, вы правы.

Еще один проход по комнате, еще поворот.

– Вот что я собираюсь сделать. Я вызову специалиста по драгоценным камням, чтобы он подтвердил подлинность камня, хранящегося в нашей страховой компании. Пусть объявит, что это и в самом деле Сердце Люцифера. Мы сделаем это прямо там, в филиале страховой компании «Трансглобал», при соблюдении условий строжайшей безопасности. Прессу будете представлять только вы. И, черт побери, лучше уж напишите статью, чтобы покончить с пересудами раз и навсегда.

– Если он подлинный.

– Он подлинный, или музей откажется от этой страховой компании, помоги мне господь.

– Как насчет специалиста? Он должен быть независимым и надежным.

Коллопи помолчал.

– Возможно, мы пригласим кого-нибудь из наших кураторов.

– Его репутация должна быть безупречной.

– Я обращусь в Американский геммологический институт. Они пришлют своего эксперта.

Коллопи подошел к столу, взял телефон и быстро сделал несколько звонков. Затем повернулся к Смитбеку.

– Все устроено. Встретимся в офисе «Трансглобал», авеню Америка, 1271, сорок второй этаж, ровно в час дня.

– А специалист?

– Человек по имени Джордж Каплан. Говорят, он один из лучших. – Коллопи взглянул на Смитбека. – Ну а теперь прошу извинить, у меня много работы. Встретимся в час. – Замялся. – И благодарю за понимание.

– Благодарю вас, доктор Коллопи.

Глава 60

Д'Агоста слушал вой сирен, доносившийся из-за дюн. Вой этот становился громче, затихал, потом снова усиливался. За время работы в полиции Саутгемптона он научился распознавать звук дешевых сирен, установленных на патрульных машинах, специально предназначенных для езды по дюнам.

Они минут пять сидели в тени большой песчаной дюны, оценивая ситуацию. Если останутся на пляже, от погони не уйти, вернуться на улицу – их и там схватят, ведь всем примерно известно их местонахождение, вид транспорта и даже номера.

Сейчас они были возле Саутгемптона, бывшего участка Д'Агосты. Винсент знал эту территорию, по крайней мере в общих чертах. Должен быть какой-то выход, и нужно его отыскать.

Он завел двигатель.

– Держись за сиденье, – приказал он Пендергасту.

Агент к тому времени закончил несколько телефонных переговоров.

– Я в твоих руках, – сказал он.

Д'Агоста глубоко вдохнул. Пикап выбрался из ямы и вскарабкался на дюну, послав в воздух огромные фонтаны песка. Нырнул в другую яму, обогнул несколько дюн и по диагонали полез на огромную дюну, отделившую их от остальной земли. Когда они оказались на ее вершине, Д'Агоста оглянулся и увидел на твердом песке, в четверти мили от себя, несколько патрульных машин. Две машины находились в самих дюнах, видимо, шли по следу, оставленному их автомобилем.

Черт! Они оказались ближе, чем он предполагал.

Д'Агоста до предела нажал педаль, и пикап взлетел на следующую дюну. Какое-то мгновение они были в воздухе, приземлились на дальней стороне, подняв песчаную бурю, и продрались сквозь густой кустарник. Территория заповедника закончилась, а дорогу впереди преграждало несколько больших имений. Крепко держась за руль, Д'Агоста восстанавливал в памяти местную топографию. Когда они проедут мимо имений, начнутся болота.

Дюны выровнялись, и он направил машину на дощатый забор. Сломав его, выбрался на узкую дорогу. Вдали виднелась высокая самшитовая ограда, окружавшая одно из зданий. Он поехал вдоль ограды и увидел то, что искал, – склеротичную заплату в ограде. Д'Агоста направил машину прямо на нее. На скорости сорок миль в час пикап снес ограду – при этом от машины отвалились оба зеркала, – и они понеслись по лугу, слева остался огромный особняк в георгианском стиле, справа – крытый бассейн, далее путь преграждал итальянский сад, засаженный розами.

Д'Агоста промчался мимо бассейна, продрался сквозь сад, отломал руку у скульптуры

обнаженной женщины и выскочил на овощные гряды. Впереди, словно зеленая стена, протянулась непрерывной линией живая ограда.

Пендергаст оглянулся, посмотрел в окно пикапа. Лицо его исказила болезненная гримаса.

– Винсент, ты прешь, словно танк, – сказал он.

– К списку моих преступлений прибавят еще и голую статую. А ты лучше крепче держись.

Он направил машину на ограду.

Они с треском врезались в нее, и машина едва не остановилась. Двигатель кашлял и чихал, и Д'Агоста боялся, что пикапу придет конец. Но все-таки они выбрались из ограды. На узкой дороге Д'Агоста увидел еще одну ограду, а за ней тянулись болота, окружавшие пруд.

Последние две недели погода была очень холодной. Д'Агосте предстояло выяснить, насколько холодной.

Он ехал по дороге, пока не заметил дыру в ограде, въехал в нее и притормозил, увидев окружавший болота сосновый лес. Он все еще слышал отдаленный вой сирен. Если он и обогнал преследователей, срезав путь, то совсем ненадолго.

Низкорослые сосны постепенно уступили место болотной траве и песочным отмелям. Впереди Д'Агоста видел мертвые стебли рогоза и желтой травы. В сером дневном свете пруд почти не был виден.

– Винсент, – спокойно сказал Пендергаст. – Ты знаешь, что подо льдом вода?

– Знаю.

Пикап выехал на замерзший край болота, из-под колес посыпались осколки льда, они летели с обеих сторон машины, словно шлейф. Спидометр показывал тридцать миль, потом тридцать пять, сорок. Для того чтобы осуществить задуманное, Д'Агосте нужно было выжать скорость, на какую только способна была машина.

Рогоз последний раз шлепнул по бамперу, и пикап выехал на лед.

Пендергаст схватился за ручку двери, кофе был забыт.

– Винсент?..

Автомобиль быстро шел по льду, лед трещал громко и часто, точно пулемет. В зеркало заднего вида Д'Агоста видел, что лед трескается и ломается, некоторые куски уже плавали, и их лизала темная вода. Пулеметный треск превратился в пушечный гром.

– Теперь они не смогут нас преследовать, – сказал Д'Агоста сквозь зубы.

Пендергаст не ответил.

Постепенно приближался берег с большими домами. Казалось, машина плывет, словно амфибия, под непрекращающийся треск льда.

Д'Агоста почувствовал, что теряет управление. Он прибавил еще немного газа, стараясь при этом медленно давить на педаль. Двигатель взревел, колеса бешено завращались, треск усилился.

Двести ярдов. Еще наддал, колеса закрутились быстрее.

Давление колес на скользкую поверхность неуклонно возрастало. Автомобиль дернулся, подпрыгнул, замедлил ход и начал заваливаться набок. Лед летел во всех направлениях.

Нет времени для полумер. Д'Агоста нажал педаль до самого пола. Двигатель застонал, скорость увеличилась, но недостаточно для того, чтобы опередить ужасный разлом льда.

Сто ярдов.

Двигатель шумел, как турбина, а машина по-прежнему заваливалась набок и двигалась исключительно по инерции.

Берег уже близко, но автомобиль замедляет скорость с каждой секундой. Пендергаст сунул под мышку приемник и ноутбук и, кажется, приготовился открыть дверцу.

– Рано!

Д'Агоста крепко схватился за руль, чтобы выправить машину. Нос, самая тяжелая часть

автомобиля, все еще был наверху, и пока он держится...

Душа ушла в пятки – передняя часть машины стала оседать. Наступила пауза, и автомобиль резко ткнулся носом в лед.

Д'Агоста открыл дверцу и прыгнул в студеную воду, схватился за край льда и, подтянувшись на руках, вскарабкался на плавающую льдину. Пополз, словно краб, и выбрался на толстый лед. Пикап встал вертикально с задних, все еще крутящихся колес лилась вода. На его глазах автомобиль нырнул под воду, вытесненный воздух со свистом вырвался наружу. Ледяная волна окатила Д'Агосту. В воде танцевал и кружился разбитый лед.

На другой стороне полыньи Д'Агоста увидел Пендергаста. Агент стоял как ни в чем не бывало, словно только что спокойно вышел из машины. Под мышкой он держал приемник и ноутбук. Черное пальто было сухим и элегантным.

Д'Агоста, выбрался на стонущий лед и, пошатываясь, встал. До берега было около дюжины ярдов. Он оглянулся, но патрульных машин пока не увидел.

– Пойдем.

Через мгновение они добрались до берега и укрылись за пирсом.

– Винсент, ты совершил гениальный маневр.

– Спасибо, – сказал Д'Агоста.

Зубы его стучали.

– Они не сразу поймут, что мы еще живы. Тем временем надо выяснить, что можно здесь раздобыть в качестве транспорта.

Д'Агоста кивнул. Ему в жизни не было так холодно. Волосы и одежда обледенели, а руки ломило.

Они шли вдоль забора большого дома. Все летние виллы были закрыты до следующего сезона. На подъездной аллее – никого. Они обогнули дом и заглянули в окно гаража.

Там на колобашках стоял «ягуар», колеса автомобиля сложены в темном углу.

– Подойдет, – пробормотал Пендергаст.

– Гараж на сигнализации, – предупредил Д'Агоста.

– Естественно.

Пендергаст оглянулся по сторонам, увидел провод, заткнутый за водосточную трубу, проследил за ним до гаражной двери и через несколько минут нашел соединение, подающее сигнал тревоги.

– Очень грубо, – сказал он, поднял с земли гвоздь, пошевелил им в устройстве, постаравшись не повредить соединение. Затем, открыв замок, поднял на фут гаражную дверь, и они под нее проскользнули.

Гараж оказался отапливаемым.

– Согрейся, Винсент, а я пока поработаю.

– Как же, черт побери, ты умудрился не попасть в воду? – спросил Д'Агоста, встав над нагревательной трубой.

– Возможно, лучше рассчитал время.

Сняв пальто и пиджак и закатав белоснежные рукава, Пендергаст выкатил все четыре колеса, поставил автомобиль с одного конца на домкрат, установил шину, прикрутил ее. Ту же процедуру проделал с остальными тремя колесами.

– Ну как, согрелся немного? – спросил он.

– Вроде бы да.

– Тогда, если не возражаешь, открой капот и подключи аккумулятор.

Пендергаст кивнул головой в направлении ящика с инструментами, стоявшего в углу гаража.

Д'Агоста вытащил гаечный ключ, открыл капот, включил аккумулятор, проверил уровень жидкостей и осмотрел двигатель.

– Порядок.

Пендергаст откинул ногой колобашку и вынул домкрат из-под последнего колеса.

– Отлично.

– И никто не сообщит об угоне.
– Увидим. Хотя здесь и безлюдно, всегда есть опасность наткнуться на любопытного соседа. Этот автомобиль 1954 года выпуска не должен показаться подозрительным. Сейчас настанет момент истины. Пожалуйста, сядь в машину и помоги мне ее завести.

Д'Агоста забрался на место водителя и стал ждать указаний.

– Нажми на акселератор. Отпусти. Переведи рычаг в нейтральное положение.

– Сделано, – сказал Д'Агоста.

– Когда услышишь, что мотор завелся, нажми легонько на газ.

Д'Агоста послушался. Спустя мгновение автомобиль заработал.

– Заглуши, – сказал Пендергаст.

Он подошел к устройству сигнализации, оглянулся по сторонам, подобрал длинный провод, присоединил к обеим металлическим пластинам в устройстве, затем открыл дверь.

– Выезжай.

Д'Агоста выехал. Пендергаст закрыл дверь гаража и уселся на заднее пассажирское сиденье.

– Давай-ка согреем малышку, – сказал Д'Агоста и неуверенно задергал незнакомые ручки управления.

Они выехали на улицу.

– Тебе и карты в руки, а я прилягу и... Это что такое?

Он держал в руках яркую спортивную куртку. Она была клетчатая, разных оттенков зеленого цвета.

– Это улыбка фортуны, Винсент! Ты будешь выглядеть что надо.

Д'Агоста стянул промокшее пальто, бросил на пол и облачился в спортивную куртку.

– Тебе идет.

– Надеюсь.

В этот момент зазвонил сотовый телефон Пендергаста.

Агент вынул его из кармана.

– Да, – сказал Пендергаст. – Понимаю. Да, отлично. Спасибо.

И убрал телефон.

– Мы должны добраться до Манхэттена за три часа, – сказал он, взглянув на часы. – Как думаешь, успеешь?

– Конечно. – Д'Агоста помолчал. – Может, скажешь, кто звонил и что ты собрался делать?

– Звонил Уильям Смитбек.

– Журналист?

– Да. Знаешь, Винсент, наконец-то у нас появился перерыв.

– Почему ты так решил?

– Это Диоген ограбил ночью «Астер-холл».

Д'Агоста обернулся на него.

– Диоген? Ты уверен?

– Абсолютно. У него всегда была тяга к бриллиантам. Убийства были всего лишь ужасным способом отвлечь меня, пока он планировал свое совершенное преступление – ограбление бриллиантового зала. Под конец он решил захватить Виолу, чтобы я был полностью занят ее поисками, пока он грабит музей. Винсент, это было и в самом деле «совершенное» преступление, зрелищное, публичное. Оно предназначалось не только для меня.

– А почему у нас перерыв?

– Диоген не знал – не мог знать, – что самого лучшего бриллианта, который он больше всего хотел украсть, в музее не было. Он украл не Сердце Люцифера, а подделку.

– И что же?

– Теперь я собираюсь украсть для него Сердце Люцифера и совершить обмен. Ну как, двигатель согрелся? Поехали в Нью-Йорк, нельзя терять время.

Д'Агоста отъехал от тротуара.

– Я видел, ты как-то раз вытащил из шляпы кролика, но украсть самый драгоценный бриллиант, да еще и без подготовки!.. Ты же не знаешь, где он находится, не знаешь ничего о его охране.

– Возможно. Тем не менее, Винсент, мой план уже начал осуществляться.

И Пендергаст похлопал по карману, в котором лежал его сотовый телефон.

Д'Агоста смотрел на дорогу.

– Есть проблема, – сказал он спокойно.

– Какая?

– Мы допускаем, что у Диогена все еще есть что-то взамен.

Настала короткая пауза, после чего Пендергаст сказал:

– Мы можем только молиться, чтобы так и было.

Глава 61

Лаура Хейворд быстро поднималась по ступеням Федерального здания в Нижнем Манхэттене. Синглтон от нее не отставал. Капитан был одет, как всегда, безупречно: пальто из верблюжьей шерсти, шарф от «Барберри», тонкие черные кожаные перчатки. По дороге в центр он почти ничего не сказал, и это было хорошо: к разговорам Хейворд была не расположена.

Прошли всего лишь сутки с тех пор, как, услышав ультиматум, Д'Агоста вышел из ее кабинета, но казалось, миновал год. Хейворд всегда отличалась исключительным здравомыслием, но сейчас ее охватило чувство нереальности. Может, ничего не происходит, и не идет она в Федеральное здание со срочным донесением. Может, Пендергаст не главный преступник, находящийся в розыске, и Д'Агоста не его сообщник. Может, сейчас она проснется, и снова будет 21 января, а в квартире будет пахнуть подгоревшей лазаньей Винни.

В проходной Хейворд показала удостоверение, сдала оружие, расписалась в журнале. Нет, счастливого конца не предвиделось. Поскольку Д'Агоста не был сообщником Пендергаста, он станет его жертвой.

Комната для переговоров была большой, стены облицованы темным деревом. При входе с обеих сторон спускались с медных флагштоков флаги Нью-Йорка и Соединенных Штатов. Стены украшали цветные фотографии, запечатлевшие различных государственных деятелей. В комнате стоял огромный овальный стол, окруженный кожаными креслами. Кофейника и подноса с пончиками и хворостом, неизменных атрибутов собраний в нью-йоркском полицейском управлении, здесь не было. Вместо этого против каждого кресла стояла бутылка со свежей водой.

Группы незнакомых мужчин и женщин в темных костюмах стояли, тихо переговариваясь. Когда Хейворд и Синглтон вошли в комнату, все быстро направились к столу. Хейворд уселась в ближайшее кресло, Синглтон сел рядом, снял перчатки и шарф. Вешалки в комнате не было, в результате обоим пришлось остаться в пальто.

В этот момент в комнату вошел высокий плотный человек. Двое мужчин пониже ростом шли по пятам, словно послушные гончие. У этих двоих под мышкой были зажаты пачки красных папок. Высокий мужчина приостановился, оглядел стол. В отличие от всех остальных, лицо его было покрыто загаром. Это был не ровный, искусственный загар, который можно получить в солярии, было видно, что человек этот долгие часы работал где-то под горячим солнцем. Глаза у него были маленькие, узкие и злые.

Он подошел к столу, к оставленным трем пустым креслам, и уселся посередине. Сопровождавшие уселись справа и слева от него.

– Доброе утро, – сказал мужчина. Выговор у него был резкий, характерный для Лонг-Айленда. – Я специальный агент, Спенсер Коффи, а это – специальные агенты Брукс и Рабинер. С их помощью я возглавляю поиски специального агента Пендергаста.

Человек, казалось, выплюнул последнее слово, и гнев, выплеснувшись из глаз, отразился на всем лице.

– Факты таковы: Пендергаст – главный подозреваемый в четырех убийствах. Первое совершено в Новом Орлеане, второе – в штате Колумбия и еще два – в Нью-Йорке. У нас есть ДНК и волокна со всех четырех мест преступлений. Мы работаем в сотрудничестве с местными властями.

Синглтон бросил на Хейворд многозначительный взгляд. Представление Коффи о «сотрудничестве» заключалось в том, что он направил к ней в кабинет фалангу агентов ФБР, они поджаривали ее людей и забирали вещдоки, какие попадут на глаза.

– Совершенно ясно, что мы имеем дело с психически неуравновешенным индивидом. Это подтверждает психологический анализ. Весьма вероятно, что он планирует новые убийства. Вчера его видели в аэропорту Кеннеди, где он ускользнул от охранников и полицейских, украл автомобиль, сдающийся в аренду, и уехал. Собственный «роллс-ройс» оставил на стоянке.

В комнате зашептались, кто-то насмешливо улыбнулся, кто-то смотрел мрачно. Пендергаст, похоже, приобрел много врагов в ФБР.

– Существуют неподтвержденные свидетельства, согласно которым Пендергаста видели ночью и сегодня утром в нескольких магазинах и на заправочных станциях Саффолка и Нассау. Мы сейчас проверяем эти сведения. Пендергаст не один. Предположительно, с ним лейтенант полиции Винсент Д'Агоста. Я только что слышал новость о бешеной погоне, состоявшейся в окрестностях Саутгемптона. Судя по показаниям полиции, они преследовали Пендергаста и Д'Агосту.

Хейворд поерзала в кресле. Синглтон смотрел прямо перед собой.

– В настоящий момент наши люди обыскивают квартиру Пендергаста на 72-й улице и его дом в Новом Орлеане. От вас требуются любые сведения, способные пролить свет на его дальнейшие передвижения. Мы создаем структуру, которая позволит нам быстро передавать новую информацию. Ситуация стремительно развивается, и мы должны быть готовы к перемене нашей стратегии.

Коффи кивнул помощникам. Те пошли вокруг стола, раздавая красные папки. Хейворд обратила внимание, что ни ей, ни Синглтону папки не дали. Она предполагала, что собрание будет рабочим, но оказалось, что специальный агент Коффи, поставленный в качестве руководителя, имеет собственные идеи относительно того, как следует вести дело, и никакая подсказка ему не требуется.

– В этих папках вы обнаружите инструкции и задания. Работать будете в командах, к каждой команде приписано шесть агентов. Прежде всего необходимо выяснить, что делал Пендергаст в последние двадцать четыре часа. Ищите зацепки, заманите его в наши сети. Мы не знаем, почему он ездил по Лонг-Айленду, почему заходил на автозаправки. Люди, с которыми мы говорили, утверждают, что он кого-то разыскивал. Пусть каждая команда ежечасно докладывает мне либо специальным агентам Бруксу и Рабинеру.

Коффи тяжело поднялся, окинул стол злобным взглядом.

– Я не собираюсь сластить пиллюлю. Пендергаст – один из нас. Он знает все наши приемы. Даже если покажется, что мы его прихватили на восточном побережье Лонг-Айленда, он всегда может от нас улизнуть. Вот почему мы бросили на это дело все силы Бюро. Необходимо схватить мерзавца, немедленно. На кон поставлена репутация Бюро.

Он снова оглядел стол.

– Есть вопросы?

– Да, – сказала Хейворд.

На нее обратились все взгляды. Выступить она не собиралась, и это слово вырвалось неожиданно для нее самой.

Коффи сощурил маленькие глазки до размера булавочных головок.

– Капитан... э... Хейворд, если не ошибаюсь?

Она кивнула.

– Прошу вас.

– Вы не сказали, в чем состоит роль нью-йоркской полиции.

Коффи вскинул брови.

– Роль?

– Вот именно. Я теперь знаю, что должно делать ФБР, однако о сотрудничестве с полицией, о котором вы упомянули в самом начале, ничего не было сказано.

– Лейтенант Хейворд, судя по последней поступившей к нам информации – если вы слушали меня внимательно, – Пендергаст находится в Саффолке. Там вы вряд ли сможете для нас что-то сделать.

– Верно. Но здесь у нас на Манхэттене десятки детективов, знакомых с делом. Они вели его на всех стадиях и добыли вещественные доказательства...

– Лейтенант, – прервал ее Коффи, – никто не может быть более благодарен нью-йоркской полиции за расследование, чем я. – Благодарным тем не менее он не выглядел, напротив, казался еще более злым, чем в начале собрания. – В настоящий момент, однако, дело вышло за пределы вашей юрисдикции.

– В настоящий момент – да. Но он всегда может вернуться в город. И учитывая, что агент Пендергаст разыскивается за два убийства, которые я расследую, мне хотелось бы быть уверенной, что, когда он объявится, мы будем присутствовать при допросе...

– Давайте не забегать вперед, – отрезал Коффи. – Этот человек пока на свободе. Есть еще вопросы?

Все молчали.

– Хорошо. Тогда скажу напоследок. – Коффи заговорил совсем тихо. – Я хочу, чтобы все проявили бдительность. Пендергаст вооружен, готов на все и чрезвычайно опасен. Если окажет сопротивление, примените оружие. Иными словами, стреляйте в сукина сына. Стреляйте на поражение.

Глава 62

Джордж Каплан вышел из особняка Грамерси-парка³¹, постоял с минуту на ступеньках, поправил кашемировое пальто, сдул воображаемую пылинку, поправил безупречно повязанный галстук, похлопал по карманам, вдохнул морозный январский воздух и спустился. Район был спокойный, его дом смотрел в парк, где даже в холодную погоду по извилистым дорожкам гуляли матери с детьми. Их веселые голоса слышны были из-за голых деревьев.

Каплан буквально дрожал от нетерпения. Телефонный звонок был столь же неожиданным, сколь и радостным. Большинство специалистов в области драгоценных камней проживали всю свою жизнь, не имея возможности заглянуть в глубину камня, столь редкого и знаменитого, как Сердце Люцифера. Он, разумеется, видел его в музее за толстым стеклом, при отвратительном освещении, но до сих пор и не догадывался, почему освещение было столь плохим. Будь оно нормальным, некоторые эксперты – и он в их числе – поняли бы, что перед ними фальшивка. Очень хорошая подделка, разумеется. Бриллиант там лежал настоящий, его обработали лучами, чтобы получить необычный коричный цвет. Каплан за сорок лет работы научился отличать фальшивку. Теперь он упрекал себя за то, что не догадался: бриллиант, подобный Сердцу Люцифера, просто не мог быть выставлен на всеобщее обозрение. Ни одна компания не застраховала бы знаменитый камень, находящийся в постоянной экспозиции в известном всем месте.

Сердце Люцифера. Как его оценить? Последним красным бриллиантом, выставленным

³¹ Грамерси-парк – осколок «старого Нью-Йорка» – небольшой парк на Лексингтон-авеню и 21-й улице. Отличается тем, что право входа в него имеют только жильцы окружающих парк старинных особняков, имеющие ключи от высоких железных ворот, ведущих в этот частный парк.

на продажу, был Красный Дракон, камень в пять карат. Его купили за шестнадцать миллионов долларов. Этот же бриллиант был в девять раз крупнее, лучшего качества и цвета. Без сомнения, другого такого цветного бриллианта в мире больше нет.

Цена? Назовите свою цену.

После звонка Каплан несколько минут провел в своей библиотеке – освежал знания по истории бриллианта. Обычно считается, что чем меньше цвета, тем лучше бриллиант, однако это справедливо лишь отчасти. Когда появляется камень глубокого, интенсивного цвета, он тут же подсакивает в цене. Бриллиант этот оказался редчайшим среди редких, а столь редко встречающийся красный цвет сделал его выдающимся. Каплан знал, что в шахтах «Де Бирс» сколько-нибудь ценный красный бриллиант встречается лишь раз в два года. Сердце Люцифера сделало слово «уникальный» заезженным и невыразительным. Огромный камень в сорок пять карат, огранка в форме сердца и невероятный цвет. Ни один бриллиант в мире не мог с ним сравниться. Что до окраски, цвет нельзя уподобить цвету рубина или граната, хотя и они представляют собой редкость. Скорее это был интенсивный красновато-оранжевый цвет, столь необычный, что и сравнения к нему невозможно было подобрать. Некоторые называли его коричневым, но Каплан считал, что он был краснее, чем цвет корицы. Сам он не мог подыскать нужного слова для описания бриллианта. Ближайшая аналогия, о которой он мог подумать, – цвет крови при ярком солнечном свете, но даже и в этом случае окраска была более интенсивной. Ни один предмет в мире не обладал таким цветом. Его окраска представляла собой научную тайну. Для того чтобы понять, что сообщило Сердцу Люцифера такой необычный окрас, ученым понадобилось бы разрезать бриллиант, но этого, конечно же, никто не стал бы делать.

У бриллианта была короткая кровавая история. В начале 1930-х годов в пойме реки Конго некий землекоп нашел камень гигантского размера, весом в 104 карата. Не поняв из-за его цвета, что это – бриллиант, он заплатил им в баре свой давний долг. Когда человек узнал, что же на самом деле он откопал, попытался забрать его у бармена, но тот его осмеял. Тогда ночью он ворвался в дом бармена, убил его, убил жену и троих детей, а остаток ночи пытался скрыть свое преступление: разрезал трупы на части и побросал их с высокого крыльца в реку крокодилам. Преступник был пойман. Чтобы добыть вещественные доказательства, полиция изловила дюжину крокодилов и исследовала содержимое их желудков. В результате рассерженная рептилия убила полицейского, а второй утонул, пытаясь спасти товарища.

Все еще необработанный камень попал на черный рынок (говорили, что произошло несколько убийств), затем он оказался в Бельгии в качестве собственности темного дельца. Человек этот неумело залатал впадину в камне, отчего в нем появилась трещина. Делец в отчаянии покончил с собой. Поврежденный необработанный камень поблуждал некоторое время на черном рынке, пока не попал в руки израильского ювелира по имени Аренс. Он считался одним из лучших специалистов в деле огранки бриллиантов. Он совершил то, что впоследствии называли одной из самых блестящих обработок камня. Аренс сумел придать треснувшему бриллианту форму сердца. Он убрал изъян, не повредив камень и не потеряв при этом слишком много материала. Аренс трудился над камнем восемь лет. Об этой работе позже слагали легенды. Сначала он три года смотрел на камень; затем еще три года практиковался в огранке и полировке не менее двухсот моделей оригинала. Он перепробовал разные способы придания камню оптимального размера, огранки и формы, убирая при этом опасный изъян. Ему удалось это, как в свое время удалось Микеланджело извлекать Давида из треснувшей мраморной глыбы, которую другие скульпторы посчитали испорченной.

Аренс произвел на свет необычайный камень и создал дюжину других, более мелких бриллиантов из того же материала. Самый большой камень он назвал Сердце Люцифера, учитывая его мрачную историю, а о себе сказал, что работу он проделал «дьявольскую».

А затем в приступе беспримерной щедрости Аренс подарил камень Нью-Йоркскому музею естественной истории, который посетил еще ребенком, и именно тогда зал бриллиантов определил его судьбу. Он продал около дюжины камней, вырезанных все из

того же самородка. Говорят, получил за них баснословную сумму, но, как ни странно, ни один из тех камней не появился на рынке. Каплан предположил, что их превратили в единое великолепное украшение, о котором его владелица решила не заявлять публично.

Каплан завернул за угол парка и пошел к Парк-авеню: там можно быстро поймать такси. В запасе у него полчаса, но во время ланча нельзя слишком полагаться на транспорт, а на эту встречу он опаздывать не хотел.

Он остановился на перекрестке и стал ждать, когда светофор зажжет зеленый свет, но в этот момент к нему подкатил черный автомобиль. В машине сидел мужчина в зеленой спортивной куртке.

– Мистер Джордж Каплан?

– Да?

Человек наклонился и показал значок. Судя по нему, он был лейтенантом нью-йоркской полиции. Человек открыл дверь.

– Садитесь, пожалуйста.

– У меня важная встреча. В чем дело?

– Знаю. Страховая фирма, филиал «Трансглобал». Я – ваш эскорт.

Каплан пристально взгляделся в значок: лейтенант Винсент Д'Агоста. Значок настоящий – Каплан в таких вещах разбирался, – да и человек за рулем не мог быть никем другим, несмотря на спортивную одежду. Кто же еще мог знать об этой встрече?

– Что ж, любезно с вашей стороны.

Каплан сел, дверца закрылась, и автомобиль отъехал от тротуара.

– Безопасность должна быть на высоком уровне, – сказал полицейский. Затем кивнул на серую пластмассовую коробку, лежавшую на сиденье между ними. – Я должен попросить вас дать мне ваш сотовый телефон, кошелек и документы; а также любое оружие, какое у вас есть, кроме того, все ваши инструменты. Положите их в эту коробку. Я передам их своему коллеге, и они будут возвращены вам в хранилище после проверки.

– Это так необходимо?

– Абсолютно. И я уверен, вы понимаете почему.

Каплан не слишком удивился, вынул все перечисленные предметы и сложил их в коробку. На следующем перекрестке, на Парк-авеню, «ягуар», что следовал за ними, поравнялся с их машиной, и полицейский передал коробку через окно. Заглянув в другой автомобиль, Каплан заметил светлые ухоженные волосы водителя и отличный черный костюм.

– У вашего коллеги необычный для полицейского автомобиль.

– Он и сам человек в высшей степени необычный.

Когда загорелся зеленый свет, «ягуар» свернул направо, а полицейский, везущий Каплана, двинулся в южном направлении.

– Прошу прощения, офицер, но нам надо ехать на север, – сказал Каплан. – Филиал «Трансглобал» находится на авеню Америка, 1271.

Автомобиль набрал скорость и продолжил движение на юго-запад. Полицейский посмотрел на него, лицо его было серьезно.

– Прошу прощения, мистер Каплан, но ваша встреча не состоится.

Глава 63

Они собрались в гостиной Гаррисона Грейнджера, президента филиала страховой компании «Трансглобал». Из окна открывался вид на огромный каньон – авеню Америк. Полдюжины кварталов шли на север и заканчивались темным прямоугольником Центрального парка. Ровно в час двери кабинета распахнулись и появился сам Грейнджер, цветущий, веселый человек с узкой лысой головой и изуродованными, как у боксера, ушами.

– Ну, все пришли? – И огляделся по сторонам.

Смитбек тоже огляделся. Во рту у него пересохло, а сам он покрылся испариной. И

зачем он согласился на это сумасшествие? То, что еще утром казалось ему сказочной эскападой, сенсацией, выпадающей раз в жизни, теперь, при свете дня, выглядело безумием. Смитбек согласился принять участие в серьезном преступлении, не говоря уже о том, что нарушил журналистскую этику.

Грейнджер улыбнулся.

– Сэм, скажите несколько вступительных слов.

Сэмюэль Бек, начальник охраны, выступил вперед и кивнул. Несмотря на волнение, Смитбек не смог не отметить, что ноги у охранника маленькие и ступает он точно балерина.

– Мистер Джордж Каплан, – заговорил начальник охраны. – Старший эксперт Американского геммологического института.

Каплан, аккуратный мужчина в черном костюме, с подстриженной остроконечной бородкой и в очках без оправы, выглядел элегантным человеком из прошлого столетия. Он отвесил короткий энергичный поклон.

– Фредерик Уотсон Коллопи, директор Нью-Йоркского музея естественной истории.

Коллопи пожал руки всем присутствующим. Ему, похоже, меньше других нравилась вся эта ситуация.

– Уильям Смитбек из «Нью-Йорк таймс».

Смитбек последовал примеру Коллопи. Рука его при этом была как мокрая тряпка.

– Гаррисон Грейнджер, президент филиала страховой компании «Трансглобал».

Прозвучала еще одна серия тихих приветствий.

– Рэнд Маркони, руководитель группы компании «Трансглобал».

«О господи! – подумал Смитбек. – Ну зачем здесь столько народу?»

– Фостер Лорд, секретарь компании «Трансглобал».

Снова рукопожатия и кивки.

– Слип Макгиган, казначей «Трансглобал».

Смитбек попытался ослабить воротник рубашки.

– Джейсон Мактиг, офицер собственной безопасности филиала «Трансглобал».

Все это напомнило Смитбеку объявление о приходе знатных гостей на торжественный бал. Тяжеловооруженный охранник, переминаясь, кивнул и с рукопожатиями не пошел.

– А я – Сэмюэль Бек, начальник службы безопасности филиала «Трансглобал». Должен заметить, все мы здесь проверены, и наша репутация безупречна. – Он улыбнулся, довольный своим остроумием, тем более что Грейнджер радостно рассмеялся.

– Хорошо, тогда пойдем, – сказал президент и указал рукой в направлении лифта.

Всей толпой они спустились сначала на одном лифте, потом на втором, затем на третьем, прошли по длинным извилистым коридорам со стенами из шлакобетона и наконец очутились перед самой большой, отполированной, сверкающей дверью, какую когда-либо видел в своей жизни Смитбек. От одного взгляда на дверь хранилища упало сердце.

Бек вынул связку ключей, занялся замками и сканером, определяющим личность по сетчатке глаза. Все ждали.

Наконец Бек обернулся.

– Господа, нужно подождать пять минут, пока замки с часовым механизмом разомкнутся. В этом хранилище, – продолжил он с гордостью, – находятся все наши полисы. Страховой полис – это договор, и здесь только подлинные, должным образом оформленные документы. Общая сумма – почти половина триллиона долларов. У нас установлена защита самого последнего поколения. Это хранилище сможет выдержать землетрясение в 9 баллов по шкале Рихтера, и торнадо Ф-5, и детонацию атомной бомбы в сто килотонн.

Смитбек попытался это записать, но он так вспотел, что перо скользило в руках. Думай о статье. Думай о статье.

Послышался тихий, мелодичный звук.

– А это, джентльмены, сигнал, возвещающий о том, что замки хранилища открылись.

Бек потянул на себя рычаг, послышался слабый шум двигателя, и дверь медленно открылась наружу. Она была чрезвычайно массивной, шесть футов цельной нержавеющей

стали.

Все пошли вперед, замыкал группу вооруженный охранник. Миновали еще две массивные двери и только потом оказались в главном хранилище. Огромное стальное пространство занято металлическими стеллажами: ящики стояли один на другом, от пола и до потолка.

Президент выступил вперед, очевидно, наслаждаясь своей ролью.

– Это внутреннее хранилище, джентльмены. Но и здесь бриллиант находится под охраной, ведь он может соблазнить даже наших проверенных служащих. Он хранится в специальном сейфе внутри сейфа, и, чтобы открыть его, необходимо присутствие не менее четырех руководителей компании. В эту группу вхожу я, Рэнд Маркони, Слип Макгиган и Фостер Лорд.

Трое мужчин, одетых в одинаковые серые костюмы, лысых и настолько похожих друг на друга, что их можно было принять за братьев, улыбнулись при этих словах. Было очевидно, что им нечасто выпадал шанс воспользоваться своим положением.

Внутренний сейф находился в дальнем конце помещения – еще одна дверь в стене. На стальной поверхности – четыре скважины. Над ними горел маленький красный огонек.

– А теперь подождем, когда закроются внешние стены хранилища: только тогда мы сможем открыть внутренний сейф.

Смитбек стоял, прислушиваясь к серии металлических шумов, пощелкиванию и громоханию.

– Ну вот, двери закрылись. Пока внутренний сейф открыт, внешние двери хранилища останутся запертыми. Если кому-нибудь из нас вздумалось бы украсть бриллиант, уйти с ним невозможно! – Грейнджер рассмеялся. – Джентльмены, выньте ключи.

Мужчины вынули из карманов маленькие ключи.

– Для господина Каплана мы поставили столик. – Президент указал на стоящий поблизости элегантный стол.

Каплан взглянул на стол и недовольно поджал губы.

– Что-то не так? – спросил президент.

– Принесите бриллиант, – сухо сказал Каплан.

Грейнджер кивнул.

– Джентльмены?

Каждый мужчина вставил свой ключ в одну из четырех скважин. Переглянувшись, они одновременно повернули ключи. Красная лампочка стала зеленой, и сейф, щелкнув, открылся. Внутри все увидели простой металлический шкаф с четырьмя ящиками. На каждом ящике стоял номер.

– Ящик номер 2, – распорядился президент.

Ящик открыли. Грейнджер вынул из него маленькую серую металлическую коробку, принес ее на стол и почтительно поставил перед Капланом. Геммолог уселся и хлопотливо начал выкладывать из кейса маленькую коллекцию инструментов и линз. Вынул свернутую в рулон черную бархатную подушечку, положил ее в центре стола. Присутствующие, встав полукругом, смотрели, как он работает. Исключение представлял лишь охранник – стоял чуть позади, скрестив на груди руки.

Затем Каплан вытащил хирургические перчатки.

– Я готов. Дайте мне ключ.

– Прошу прощения, мистер Каплан, но по правилам коробку должен открыть я, – сказал начальник охраны.

Каплан раздраженно махнул рукой.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. Не уроните его, сэр. Бриллианты хотя и твердые, но бьются так же легко, как стекло.

Бек склонился над коробкой, вставил ключ и поднял крышку. Все глаза устремились в одну точку.

– Не дотрагивайтесь до него голыми потными руками, – резко сказал Каплан.

Начальник охраны отступил. Каплан извлек из коробки камень так небрежно, будто это был мячик для игры в гольф. Положил перед собой на бархат. Открыл лупу и склонился над бриллиантом.

Неожиданно он выпрямился и заговорил резким, высоким, бранчливым голосом.

– Прошу прощения, но я не могу работать, когда рядом кто-то стоит, тем более за спиной. Я бы вас попросил!

– Конечно, конечно, – сказал Грейнджер. – Сделаем шаг назад и освободим пространство господину Каплану.

Все отступили. Снова Каплан склонился над камнем. Он взял его пинцетом с четырьмя лапками, перевернул. Отложил лупу.

– Подайте фильтр Челси³², – резко сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно.

– А что это такое? – спросил Бек.

– Белый продолговатый предмет, вон там.

Начальник охраны передал ему фильтр. Каплан открыл его, снова оглядел камень. При этом он что-то неразборчиво бормотал.

– Все ли вас устраивает, господин Каплан? – предупредительно спросил Грейнджер.

– Нет, – ответил геммолог.

Атмосфера в хранилище стала несколько напряженной.

– Может, вам света недостаточно? – спросил президент.

Холодное молчание.

– Подайте даймонд-тестер. Нет, не этот. Тот.

Бек подал ему странное устройство с острым концом. Очень осторожно Каплан тронул им камень. Раздалось тихое гудение, загорелся зеленый свет.

– Гм. По крайней мере, мы знаем, что это не муассанит³³, – сказал геммолог и передал свой инструмент Беку.

Тому явно не нравилась роль ассистента.

Снова бормотание.

– Полярископ, будьте добры.

После нескольких неудачных попыток Бек подал ему тот что требовалось.

Долгий осмотр. Хмыканье.

Каплан встал, огляделся, посмотрел на каждого в отдельности.

– Насколько я могу судить, учитывая ужасное освещение, это – фальшивка. Хорошая подделка, но тем не менее подделка.

Наступило молчание. Смитбек украдкой глянул на Коллопи. Лицо директора музея стало мертвенно-бледным.

– Вы уверены? – спросил президент.

– Как я могу быть уверен? Как можно приглашать такого эксперта, как я, делать заключение о цветном бриллианте при флуоресцентном освещении?

Молчание.

– Но разве вам не следовало принести с собой лампу? – спросил Грейнджер.

– Мою лампу? – заорал Каплан. – Сэр, простите меня, но ваша невежественность поразительна. Это же цветной бриллиант, разве можно осматривать его при свете лампы? Мне необходимо настоящее освещение. Натуральное. Ничто другое в этом случае не годится. Где вы слышали, чтобы специалисты осматривали под флуоресцентной лампой лучший в мире бриллиант? Вы нанесли оскорбление моей профессии.

– Вы должны были предупредить, когда мы договаривались о встрече, – сказал Бек.

³² Инструмент для проверки подлинности бриллианта. Имеет две строго ограниченные полосы пропускания в темно-красной и желто-зеленой частях спектра.

³³ Кристалл карбида кремния, свойства которого чрезвычайно близки к свойствам алмаза.

– Я полагал, что имею дело с просвещенной страховой компанией, имеющей представление о драгоценных камнях! Я понятия не имел, что меня притащат осматривать бриллиант в душном подвальном хранилище. Не говоря уже о том, что полдюжины людей дышат мне в затылок, словно я обезьяна в зоопарке. Вот вам мое заключение: скорее всего, это подделка, но для того чтобы сказать точно, требуется осмотреть камень при естественном освещении.

Каплан скрестил руки и свирепо посмотрел на президента.

Смитбек болезненно сглотнул.

– Что ж, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал четко. – Этого я и ожидал. Теперь у меня есть материал для статьи.

– Что за статья? – повернулся к нему Коллопи. – Никакой статьи. Ничего определенного сказано не было.

– Я согласен, – дрожащим голосом произнес Грейнджер. – Не будем делать поспешных выводов.

Смитбек пожал плечами.

– Мой источник сообщил мне, что бриллиант – подделка. Теперь вот и сам мистер Каплан это подтверждает.

– Прозвучало ключевое слово – «возможно», – сказал Грейнджер.

– Минуточку. – Коллопи повернулся к Каштану. – Вам нужен естественный свет, для того чтобы сказать с уверенностью?

– Разве не это я только что сказал?

Коллопи обратился к президенту страховой фирмы:

– Может, у вас есть где-нибудь место, где он сможет рассмотреть камень при естественном освещении?

Наступила пауза.

Коллопи поднялся с места.

– Грейнджер, – сказал он внушительным голосом, – сохранность этого камня в сфере вашей ответственности.

– Мы можем принести камень в комнату правления, – сказал Грейнджер. – На восьмой этаж. Там много света.

– Извините, мистер Грейнджер, – вмешался Бек, – наши правила очень жесткие: бриллиант не может покинуть хранилище.

– Вы слышали, что сказал этот человек. Ему нужен другой свет.

– Со всем уважением, сэр, но я обязан соблюдать инструкции, и даже вы не можете этого изменить.

Президент махнул рукой.

– Глупости! Решается вопрос исключительной важности. Мы, конечно же, можем сделать исключение из правил.

– Я соглашусь на это только при наличии письменного разрешения, заверенного нотариусом.

– Хорошо. Среди нас находится директор музея и... вы ведь нотариус, Фостер?

Лорд кивнул.

– Доктор Коллопи, вы дадите необходимое письменное разрешение?

– Конечно. Это надо решить тотчас же.

Лицо его было серым, почти мертвенным.

– Фостер, составьте документ.

– Как начальник службы безопасности я решительно возражаю, – спокойно произнес Бек.

– Мистер Бек, – сказал Грейнджер, – я уважительно отношусь к вашему служебному рвению. Однако не думаю, что вы вполне понимаете ситуацию. У нас в музее лимит на страховку в сто миллионов долларов, но Сердце Люцифера застраховано отдельно, и одним из условий хранения камня в вашей компании является то, что в этом случае существует

неограниченная ответственность. В какую бы сумму алмазная биржа ни оценила стоимость камня, мы обязаны платить. Мы должны узнать ответ на вопрос: является ли камень настоящим, и ответ мы должны получить немедленно.

– Тем не менее, – возразил Бек, – я по-прежнему возражаю против выноса камня из хранилища.

– Мы примем ваше заявление к сведению. Фостер? Составьте документ и подайте доктору Коллопи на подпись.

Секретарь взял лист чистой бумаги из кармана пиджака, написал несколько строк. Коллопи, Грейнджер и Макгиган подписали его, а Фостер заверил своей подписью.

– Пойдем, – сказал президент.

– Я вызову охранников, – мрачно сказал Бек.

Смитбек заметил, что начальник охраны вынул из-за пояса пистолет, проверил его и вернул на место.

Каплан взял камень пинцетом с четырьмя лапками.

– Это сделаю я, мистер Каплан, – спокойно сказал Бек.

Он взял пинцет за черенок и осторожно уложил камень в бархатную коробочку. Затем закрыл крышку, запер на замок, ключ положил в карман и сунул коробку под мышку.

Все ждали, пока Каплан упакует свои инструменты. Заперли внутренние двери. Несколько минут спустя открылась внешняя дверь. И снова они миновали несколько массивных дверей. На выходе их поджидала группа вооруженных охранников. Охранники довели их до лифта, и через пять минут Смитбек очутился в небольшой, но чрезвычайно элегантной комнате, отделанной каким-то экзотическим деревом. Сквозь дюжину широких окон лился дневной свет.

Бек поставил двоих охранников в коридоре, а двери изнутри запер на ключ.

– Прошу всех отойти на несколько шагов, – распорядился он. – Мистер Каплан, теперь вам удобно?

– Отлично. – Каплан широко улыбнулся, настроение его заметно улучшилось.

– Куда хотите сесть?

Каплан указал на место в углу, между двумя окнами.

– Вот здесь будет лучше всего.

– Устраивайтесь.

Геммолог снова принялся выкладывать все свои инструменты, положил и бархатную подушечку. Поднял глаза.

– Камень, пожалуйста.

Бек положил рядом с ним коробку, отпер ключом, поднял крышку. Камень лежал внутри на бархатной подложке.

Каплан вынул его инструментом с четырьмя лапками и попросил подать ему двойную линзу. Пользуясь этим прибором, он сначала посмотрел на бриллиант через одну линзу, затем – через другую, затем через две сразу. В этот момент свет упал на камень, и стены комнаты внезапно покрылись пятнышками яркого коричневого цвета.

Несколько минут прошли в абсолютном молчании. Смитбек затаил дыхание. Наконец, Каплан снял линзы и одарил всех сияющей улыбкой.

– О да, – сказал он, – замечательно. Естественный свет сразу все меняет. Это он, джентльмены. Никакого сомнения, это – Сердце Люцифера.

Он осторожно положил бриллиант на бархатную подушечку.

Послышались облегченные вздохи, словно до этой минуты все, как и Смитбек, сдерживали дыхание.

Каплан взмахнул рукой.

– Мистер Бек, можете взять его. Конечно же, пинцетом, будьте так добры.

– Слава богу, – сказал президент, повернувшись к Коллопи и взяв его за руку.

– Вот именно, слава богу, – подтвердил Коллопи и трясущейся рукой утер лоб платком. – Я пережил ужасные минуты.

Бек, с непроницаемым, но все еще мрачным лицом, протянул пинцет к камню. В то же мгновение Каплан поднялся со стула и столкнулся с ним.

– Прошу прощения!

Все случилось так быстро, что Смитбек не сразу понял, что произошло. Каплан держал в одной руке камень, а в другой – пистолет Бека, нацеленный на его владельца. Он выстрелил почти в лицо Беку, но так, что пули прошли мимо и ударились в стену. Выстрелил трижды. Невероятно громкие хлопки наполнили комнату ужасом и растерянностью. Все повалились на пол, в том числе и Бек.

И Каплан исчез за дверью, которая должна была быть заперта.

Бек вскочил.

– Держите! Остановите его!

Поднявшись с пола, оглушенный Смитбек увидел за двойными дверями двух охранников. Они только-только встали с пола и побежали по коридору, на ходу вынимая оружие.

– Он украл камень! – закричал Коллопи, поднимаясь на ноги. – Он украл Сердце Люцифера! О господи, ловите его! Сделайте что-нибудь!

Бек вынул рацию.

– Охрана? Это Сэмюэль Бек. Заприте здание! Перекройте все выходы! Не разрешайте никому выйти наружу – никому. Ни уборщикам, ни почте, ни посетителям, никому! Вы меня слышите? Отключите лифты, перекройте лестницы. Всему персоналу охраны приказываю искать Джорджа Каплана. Получите изображение его лица с видеокамеры. Никто не выйдет из здания, пока не разберемся. К черту правила пожарной безопасности! Это приказ! И мне нужен рентгеновский аппарат, чтобы определить, не спрятал ли кто или не проглотил ли драгоценный камень. Привлеките специалистов.

Он повернулся к присутствующим.

– И никто из вас не выйдет из комнаты без моего разрешения.

* * *

Прошли два изнурительных часа. Смитбек стоял в очереди чуть ли не тысячи служащих филиала страховой фирмы «Трансглобал». Очередь в вестибюле здания изогнулась змеей, трижды обогнула шахты лифтов. В дальнем конце вестибюля он видел служащих с тележками, наполненными почтой и пакетами. Все это просвечивали рентгеновские аппараты, такие же как в аэропорту. Каплан не был найден, и в душе Смитбек знал, что его не найдут.

Приблизившись к голове очереди, Смитбек услышал спорившие голоса: большая группа людей отказывалась от прохождения, через рентгеновский аппарат. Снаружи, сверкая огнями, стояли пожарные машины; полицейские автомобили и непрменная толпа журналистов. Каждый человек в очереди был тщательно обыскан и пропущен через рентген, после чего его выпускали в серый январский полдень, а там его встречали вспышки фотокамер.

Смитбек ничего не мог с собой поделать: он страшно потел. Минуты ползли, а беспокойство его только возрастало. В сотый раз ругал себя за то, что согласился на эту авантюру. Его уже дважды обыскали, прошел он и через омерзительный и унижительный осмотр естественных телесных отверстий. Остальные члены правления тоже были подвергнуты этой процедуре. Коллопи настоял, чтобы так же обыскали его самого и всех остальных, включая служащих страховой компании и даже Бека. Тем временем Коллопи – вне себя от волнения – делал все что мог, убеждая Смитбека хранить молчание, ничего не публиковать. О господи, если они только узнают...

Ну зачем, зачем он на это пошел?

В очереди впереди него осталось еще десять человек. Их по одному запускали в узкую будку, напоминавшую уличный телефонный автомат. Четверо специалистов изучали экраны,

подключенные к устройству. Кто-то впереди него слушал транзистор, а вокруг столпилось несколько человек. Удивительно, как быстро распространяются новости. Оказалось, что настоящего Каплана, живого и невредимого, полчаса назад высадили перед его домом, и теперь его допрашивала полиция. Никто не знал, кем был фальшивый Каплан.

Осталось еще два человека. Смитбек пытался сглотнуть, но не мог: во рту пересохло. Желудок сжался от страха. Это был ужасный момент. Самый ужасный.

Настала его очередь. Двое техников поставили его на коврик с желтыми отметинами для ног, еще раз обыскали, уже не так тщательно. Затем проверили пропуск в здание и удостоверение журналиста. Заставили открыть рот и осмотрели его, прижав язык лопаточкой. Открыли дверь кабины и попросили войти.

– Не двигайтесь. Держите руки вдоль туловища. Смотрите сюда, на стену... – Указания следовали быстро, одно за другим.

Послышалось короткое жужжание. Через стекло Смитбек видел, как специалисты сосредоточенно изучают результаты. Наконец один из них кивнул.

Дверь открыли, техник положил ладонь на руку Смитбека и вывел его из будки.

– Можете идти, – сказал он, указывая на выход из здания.

При этом человек быстро прикоснулся к боку Смитбека.

Билл повернулся и прошел десять шагов к вращающейся двери. Это были самые длинные шаги в его жизни.

Выйдя на улицу, застегнул куртку, пробежал мимо вспышек фотокамер, не обращая внимания на вопросы, протолкнулся через толпу и на деревянных ногах вышел на авеню Америк. На 56-й улице окликнул такси и уселся на заднее сидение. Сообщил шоферу адрес, подождал, пока автомобиль вольется в транспортный поток, повернулся и целых пять минут смотрел в заднее окно.

Только тогда поудобнее уселся и сунул руку в карман куртки. На дне кармана нащупал твердые холодные очертания Сердца Люцифера.

Глава 64

Д'Агоста и Пендергаст молча сидели в автомобиле на авеню Вермилья, что в Верхнем Манхэттене. Садящееся солнце пробивалось сквозь серые облака, мазнуло напоследок кроваво-красной полосой, осветив темные строения, и мгновенно настала холодная ночь.

Они слушали новостную программу Нью-Йорка. Каждые двадцать две минуты радиостанция повторяла главные новости. Постоянно шла речь об ограблении бриллиантового зала музея. Голос диктора звучал взволнованно, и это контрастировало с мрачным настроением сидевших в автомобиле людей. Десять минут назад сообщили еще более шокирующую новость: из страховой компании «Трансглобал» похитили настоящее Сердце Люцифера. Д'Агоста не сомневался, что полиция приняла отчаянные меры, чтобы скрыть это событие от общественности, но столь взрывоопасная новость не могла не разрушить поставленные на ее пути препоны.

«... Самое дерзкое в истории похищение бриллианта произошло прямо под носом правления страховой компании и многочисленных охранников, причем случилось это сразу после ограбления бриллиантового зала. Источники, близкие к следствию, сообщают, что в обоих преступлениях подозревают одного и того же человека...»

Пендергаст слушал внимательно. Лицо его было холодным и бледным, точно мрамор, тело – неподвижным. Рядом на сидении лежал сотовый телефон.

«Полиция допрашивает Джорджа Каплана, известного геммолога. Он ехал по приглашению музея на процедуру идентификации Сердца Люцифера, когда его похитили на Манхэттене рядом с собственным домом. Источники, близкие к следствию, сообщают, что грабитель принял обличие геммолога, чтобы получить доступ к бриллианту. Полиция полагает, что вор до сих пор может скрываться в здании „Трансглобал“, где сейчас ведутся усиленные поиски...»

Пендергаст выключил радио.

– Почему ты думаешь, что Диоген услышит эту новость? – спросил Д'Агоста.

– Непременно услышит. Он в растерянности. Бриллиант добыть не удалось. Он страдает, он раздражен. Остается слушать, ждать, размышлять. А когда узнает, что случилось, у него будет единственный выход.

– Ты хочешь сказать, он знает, что бриллиант украл ты?

– Уверен в этом. К какому еще заключению он может прийти? – Пендергаст злобно улыбнулся. – Он поймет. А так как другой возможности послать мне весточку у него нет, то он позвонит.

Зажглись фонари, на пустой проспект пролился светло-желтый свет. Температура понизилась, с Гудзона дул пронизывающий ветер, наметая на набережную блестящие снежные хлопья.

Телефон зазвонил.

Пендергаст выдержал секундную паузу. Затем нажал крошечную кнопку и молча стал ждать.

– Ave, frater, – произнес голос.

Молчание. Д'Агоста смотрел на Пендергаста. В отраженном свете уличных фонарей лицо агента казалось выточенным из алебаstra. Губы беззвучно шевелились.

– Так ли приветствуют блудного брата? Неодобрительным молчанием?

– Я здесь, – сказал Пендергаст напряженным голосом.

– Ты здесь! Какая честь. Это обстоятельство почти вознаграждает меня за то, что пришлось тебе позвонить. Однако оставим любезности. У меня единственный вопрос: это ты украл Сердце Люцифера?

– Да.

– Почему?

– Сам знаешь, почему.

Теперь замолчал Диоген, слышно было, как он медленно выдохнул.

– Брат, брат...

– Я тебе не брат.

– А вот тут ты ошибаешься. Мы братья, хотим того или нет. И это родство делает нас такими, какие мы есть. Ты и сам знаешь, Алоиз.

– Я знаю, что ты – больной человек и тебе нужна помощь.

– Верно, я болен. Никто не поправляется от болезни, с которой родился. Такую болезнь излечивает только смерть. Но если уж на то пошло, мы все больны, и ты больше, чем все другие. Да, мы братья в болезни и во зле.

Пендергаст промолчал.

– И опять мы обмениваемся любезностями! Может, перейдем к делу?

Ответа не последовало.

– Тогда обсуждение начну я. Сначала позволю выразить искреннее восхищение тем, что за один день ты сделал то, на что у меня ушли годы, и в результате я потерпел поражение.

Д'Агоста услышал редкие хлопки ладоней.

– Думаю, надо устроить небольшой торг. Некая персона в обмен на камень. Иначе ты не сделал бы того, из-за чего пришлось потрудиться.

– Ты рассуждаешь правильно. Но сначала...

Голос Пендергаста дрогнул.

– Хочешь знать, жива ли она?

Диоген выдержал долгую паузу. Д'Агоста украдкой глянул на Пендергаста. Тот сидел неподвижно, лишь маленькая мышца под правым глазом чуть заметно подергивалась.

– Да, в настоящее время она еще жива.

– Если ты тронешь волосок на ее голове, я найду тебя на краю света.

– Ну-ну! Коли зашел разговор о женщинах, давай потолкуем о молодой особе, которую ты держишь взаперти в доме нашего покойного предка. Если она действительно «молода», в

чем я начинаю сомневаться. Меня разбирает любопытство. Чувствую, что на поверхности видна всего лишь крошечная вершина айсберга. В ней есть скрытые грани, зеркала внутри зеркал. А на фундаментальном уровне, чувствую, что-то в ней *сломано*.

На протяжении этого монолога Пендергаст заметно напрягся.

– Послушай меня, Диоген. Держись от нее подальше. Если снова к ней подберешься, я...

– Что? Убьешь меня? Тогда моя кровь будет на твоих руках – еще больше, чем есть – как и кровь четверых твоих друзей. Потому что за все это отвечаешь ты, *frater*. Сам знаешь. Ты сделал меня таким, каков я есть.

– Я тебе ничего не сделал.

– Прекрасно сказано! Прекрасно сказано!

В трубке раздался сухой смех. Д'Агоста почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Перейдем к делу, – сказал Пендергаст.

– К делу? Когда разговор стал интересным? Разве не хочешь поговорить о своей полной и безусловной ответственности за все, что случилось? Спроси любого семейного психиатра, и он тебе скажет, как важно выговориться. *Frater*.

Неожиданно Д'Агоста взорвался:

– Диоген! Слушай меня, безумный подонок! Говори сразу, тебе нужен бриллиант? Дерьмо тебе собачье, а не бриллиант.

– Нет бриллианта, нет Виолы.

– Если ты причинишь вред Виоле, я возьму кувалду, разобью камень вдребезги и пошлю тебе пыль. Если думаешь, что я шучу, продолжай болтовню.

– Пустые угрозы.

Д'Агоста ударил кулаком по приборной доске, раздался страшный треск.

– Эй! Поосторожней!

В голосе послышалась паника.

– Тогда прекрати свои выкрутасы.

– Глупость – стихийная сила, и я ее уважаю.

– Пустая болтовня.

– Мы будем действовать на моих условиях, – сказал Диоген. – Слышишь меня? На моих условиях!

– Я выдвигаю два условия, – спокойно сказал Пендергаст. – Первое: обмен должен произойти на Манхэттене через шесть часов. Второе: осуществлен он должен быть так, чтобы ты не смог меня обмануть. Теперь изложи свой план, а я его оценю. У тебя имеется всего один шанс.

– Ты выдвигаешь не два, а целых пять условий. Еще бы, братец, еще бы! Должен признать, проблема не простая. Перезвоню через десять минут.

– Через пять.

– Новые условия?

И телефон замолчал.

Наступила долгая пауза. На лбу Пендергаста появилась испарина. Он вынул из кармана пиджака шелковый платок, промокнул лоб и положил платок на место.

– Мы можем ему доверять? – спросил Д'Агоста.

– Нет. Никогда. Но не думаю, что за шесть часов он сможет придумать что-то, чтобы обдурить нас. И если он хочет Сердце Люцифера, а хочет он его с такой страстью, какой мы с тобой понять не в состоянии, то этой страсти мы можем доверять.

Телефон снова зазвонил, и Пендергаст нажал на кнопку.

– Да?

– Ладно, *frater*. Небольшой тест для проверки знаний в области городской географии. Знаешь место, которое называется «Железные часы»?

– Железнодорожный поворотный круг?

– Отлично! А знаешь, где он находится?

– Да.
– Хорошо. Совершим обмен там. Ты наверняка захочешь взять с собой своего верного оруженосца Винни.
– Да.
– Слушай внимательно. Я встречу тебя там... без шести минут в полночь. Войди в туннель VI и встань под фонарь. Пусть Винни остается в темноте и прикрывает тебя, если хочешь. Он может взять с собой оружие на выбор. Я поведу с вами честную игру. Ты тоже можешь вооружиться. Стрельбы не предполагается, если только что-то не сорвется. Но сорваться ничего не должно. Я хочу свой бриллиант, а ты хочешь свою Виолу да Гамба. Если знаешь расположение «Железных часов», то поймешь, что это лучшее место для нашей сделки.
– Понимаю.
– Так. Неужели я заслужил твое одобрение, братец? Поверил, что обманывать тебя не собираюсь?
Пендергаст на мгновение задумался.
– Да.
– Тогда a presto³⁴.
И телефон замолк.
– Меня этот поденок в дрожь вгоняет, – сказал Д'Агоста.
Пендергаст долго молчал. Потом снова промокнул лоб платком.
Д'Агоста заметил, что руки Пендергаста слегка дрожат.
– Ты нормально себя чувствуешь? – спросил он.
Пендергаст покачал головой.
– Давай покончим с этим.
Но вместо того чтобы двинуться, он сидел, глубоко задумавшись. Потом, кажется, пришел к какому-то решению. И, к удивлению Д'Агосты, взял его за руку.
– Я хочу тебя кое о чем попросить, – сказал Пендергаст. – Заранее предупреждаю: тебе как партнеру и другу это не понравится. Но ты должен верить: это единственный способ. Другого решения нет. Ты сделаешь это?
– Пока не знаю.
– Такой ответ я не принимаю. Прежде пообещай.
Д'Агоста колебался.
Лицо Пендергаста выразило озабоченность.
– Винсент, пожалуйста, это необходимо. Я должен опереться на тебя в сложный момент.
Д'Агоста вздохнул:
– Хорошо, обещаю.
Пендергаст явно испытал облегчение.
– Хорошо. Тогда внимательно слушай.

Глава 65

Диоген Пендергаст долго смотрел на сотовый телефон, лежавший на сосновом столе. Единственным признаком обуревавших его сильных эмоций было слабое подергивание мизинца. На левой щеке появилось серое пятно. Если бы взглянул в зеркало – а делал он это, только когда накладывал грим – то непременно увидел бы, что выглядит мертвеннее, чем всегда.

Наконец его взгляд оторвался от телефона и перекинулся на бутылочку с резиновой мембраной и лежавший рядом с ней шприц. Диоген взял бутылочку, повернул вверх дном,

³⁴ До скорого (ит.).

вставил шприц, набрал небольшое количество жидкости, чуть-чуть задумался, набрал еще, заткнул бутылочку пластиковой пробкой и положил в карман пиджака.

На краю стола лежали карты Таро. Это была колода Альбано – Уайт, Диоген предпочитал именно такие карты. Взяв колоду в руки, перетасовал ее и положил на стол три карты лицом вниз.

Остальные карты отложил в сторону, а сам перевернул первую карту: Верховная жрица. Интересно.

Перевернул вторую карту. На ней был изображен высокий худой человек в черном одеянии. Человек отворачивал склоненную голову. У ног его лежали перевернутые золотые кубки, из них выливалась красная жидкость. На заднем плане текла река, за ней – мрачный замок. Пятерка Чаш.

Диоген резко втянул ртом воздух.

Рука его боязливо потянулась к третьей, последней карте. Поколебавшись, открыл ее.

Эта карта была перевернута. Рука над пустынным пейзажем выходила из дымного облака. Рука эта держала тяжелый меч с рукояткой, украшенной драгоценными камнями. На кончике лезвия была золотая корона.

Туз мечей. Перевернутый.

Диоген с минуту смотрел на карту, потом медленно выдохнул. Поднял ее дрожащей рукой, затем резким движением порвал пополам, потом еще раз пополам и рассыпал кусочки.

Теперь его беспокойный взгляд обратился к черной бархатной ткани, завернутой по краям. На бархате лежало 488 бриллиантов, почти все они были цветными.

Он смотрел на них, и беспокойство потихоньку отступало.

Рука двинулась над океаном блестящего, пойманного в ловушку света, пока не вынула один из самых больших бриллиантов – ярко-голубой камень в тридцать три карата. У него было имя – Королева Нарнии. Диоген положил его на ладонь, смотрел на заключенный внутри свет, а затем осторожно поднес бриллиант к здоровому глазу.

На мир он смотрел сквозь глубины камня. Казалось, в этот момент он слегка приоткрывал дверь и в образовавшуюся щель видел кусочек волшебного мира, мира красок и жизни, настоящего, совершенно отличавшегося от того фальшивого, плоского и серого, который представлялся его глазам.

Дыхание его стало более глубоким и ровным, и мизинец уже не дрожал, мысли вышли из тюрьмы и отправились по давно забытым переулкам памяти.

Бриллианты. Все неизменно начиналось с бриллиантов. Он лежал на руках у матери, на ее шее сверкали бриллианты, свешивались с ушей, блестели на пальцах. И голос ее был похож на бриллиант, чистый и прохладный. Она пела по-французски. Было ему тогда не более двух лет, и плакал он не от горя, а от ранящей его красоты материнского голоса. Вероломное совершенство песни притягивает меня к себе, сердце жаждет быть кому-то нужным...

Сцена эта померкла в сознании.

Теперь он бродил по большому дому на Дафни-стрит, по его длинным коридорам, загадочным комнатам, многие из которых, даже тогда, были постоянно закрыты. Но когда он отворял дверь, непременно обнаруживал что-то волнующее, удивительное и странное: огромную кровать под тяжелым покрывалом, темные картины с изображением женщин в белых одеяниях и мужчин с мертвыми глазами. Там можно было увидеть экзотические предметы, привезенные из дальних стран, – костяные флейты, обезьянью лапку в серебряной оправе; испанское медное стремя; оскалившуюся голову ягуара; забинтованную ступню египетской мумии.

Всегда можно было убежать к матери, к ее теплу, нежному голосу, к бриллиантам, радужно сверкавшим при малейшем ее движении. Бриллианты были живыми, они никогда не менялись, не выцветали, не умирали. Они навсегда сохраняют свою красоту.

Как же отличает их это от бренной плоти.

Диоген понимал ощущения Нерона, смотревшего сквозь бриллиант на пожар Рима, который сам же устроил. Император понимал преобразующую силу драгоценных камней. Он знал, что взгляд на мир сквозь такой камень означал преобразование не только мира, но и себя. Свет – это флюиды. Пройдя сквозь бриллиант, они достигают глубинных слоев души. Большинство людей этого не чувствуют, может, и никто на земле этого не ощущает. Кроме него. Драгоценные камни говорили с ним, шептались, дарили силу и мудрость.

Вдохновение сегодня подарят ему не карты, а бриллианты.

Диоген все так же смотрел в голубой бриллиант. У каждого камня свой голос. Этот камень он выбрал за его мудрость. Сейчас Диоген выжидал, шептал что-то камню, старался вызвать его на разговор.

Наконец бриллиант заговорил. Ответив на вопросы Диогена, прошептал ему что-то, в темноте едва слышно прозвучало эхо.

Ответ Диогену понравился.

* * *

Виола Маскелене прислушивалась к доносившемуся снизу странному бормотанию, напоминавшему не то молитву, не то монотонное пение. Звук был таким тихим, что разобрать она ничего не могла. За этим последовало взволновавшее ее получасовое молчание. Потом она услышала звук, которого боялась: заскрипел стул, и раздались медленные осторожные шаги человека, поднимавшегося по лестнице. Нервы предельно напряглись, мышцы дрожали, готовые к отпору.

Раздался вежливый стук в дверь.

Она ждала.

– Виола? Я бы хотел войти. Пожалуйста, обойдите кровать и встаньте в дальнем углу комнаты.

Она поколебалась, но сделала, как он просил.

Он говорил, что убьет ее на рассвете, однако не сделал этого. Солнце уже закатилось, приближалась ночь. Что-то произошло: его планы изменились. Или, что более вероятно, изменились не по его желанию.

Дверь отворилась, и она увидела Диогена. Выглядел он по-другому – не так безупречно. Лицо покрылось пятнами, галстук сбился на сторону, рыжеватые волосы слегка взлохмачены.

– Чего вы хотите? – хрипло спросила она.

Он не спускал с нее глаз.

– Я начинаю понимать, чем вы привлекли моего брата. Вы, конечно же, хороши собой, умны и темпераментны. Однако меня удивляет другое ваше качество: вы лишены страха.

Она не удостоила его ответом.

– Вы должны бояться.

– Вы сумасшедший.

– Тогда я подобен Богу, потому что если Бог существует, Он и сам сумасшедший. Никак не пойму, почему вы не боитесь. То ли храбры от природы, то ли глупы или попросту лишены воображения и не можете представлять собственную смерть? Вот я могу ее представить и представлял во всех подробностях. Когда смотрю на вас, я вижу мешок, наполненный костями, кровью, кишками и мясом, и все это прикрыто хрупкой оболочкой, которую так легко проткнуть или разорвать. Мне не терпится это сделать.

Он пристально в нее вглядывался.

– Неужели я заметил наконец-то искру страха?

– Чего вы хотите? – повторила она.

Он поднял руку и продемонстрировал сверкающий драгоценный камень, зажатый между большим и указательным пальцами. Свет от потолочной лампы упал на бриллиант, и по комнате разбежались яркие искры.

– Ultima Thule.
– Простите?
– Этот бриллиант известен под именем Ultima Thule. Назван так по строке «Георгик» Вергилия. По латыни Ultima Thule означает земля вечного льда.
– Я тоже изучала в школе латынь, – иронически заметила Виола.
– Значит, понимаете, почему этот бриллиант напомнил мне вас.
Вывернув кисть, Диоген бросил ей камень. Инстинктивно она его поймала.
– Маленький прощальный подарок.
То, как он произнес слово «прощальный», заставило ее внутренне содрогнуться.
– Я не хочу от вас никакого подарка.
– Не надо торопиться. Двадцать два карата, огранка «принцесса», классификация IF, безупречный, цвет D. Вы знакомы с классификацией бриллиантов?
– Что за чушь вы несете!
– Бриллианты D – это камни, начисто лишенные цвета. Их также называют белыми бриллиантами. Людям, лишенным воображения, такие камни кажутся самыми лучшими. Я смотрю на вас, Виола, и что я вижу? Богатую, титулованную, красивую, блестящую и успешную женщину. Вы сделали прекрасную карьеру в качестве египтолога, у вас очаровательный дом на побережье Капрайи, в Англии у вас большое старинное имение. Без сомнения, вы считаете, что проживаете достойную, наполненную смыслом жизнь. Я еще не все сказал, у вас были отношения со многими интересными мужчинами – профессор из Оксфорда, голливудский актер, знаменитый пианист и даже итальянский футболист. Как, должно быть, завидуют вам другие женщины!
Виола вспыхнула: как он посмел вторгаться в ее частную жизнь?
– Вы, чертов...
– Однако не все так замечательно, как кажется со стороны. Ваши связи так ничем и не закончились. Без сомнения, вы говорите себе, что виноваты мужчины. Когда же вы поймете, Виола, что винить нужно себя? Вы как этот бриллиант – безупречны, блестящи, совершенны и начисто лишены цвета. Все ваши попытки казаться волнующей, необыкновенной так и остались тщетными. – Он хрипло рассмеялся. – Вы полагаете, что, роясь в грязи Средиземноморья или откапывая мумии, вы совершенствуете свой характер? Этот бриллиант, на который мир смотрит как на совершенное творение, на самом деле зауряден. Так же, как и вы. Вам тридцать пять лет, вас не любят, и вы не любите. В поисках любви вы бросились на другой конец света, получив письмо от человека, которого видели всего лишь однажды! Ultima Thule ваш, Виола. Вы его заработали.
– Убирайтесь вместе с вашей стекляшкой! – закричала она и изо всей силы бросила в него камень.
Он ловко поймал его.
– Стекляшка? Да вы знаете, что я сделал вчера, пока вы сидели здесь взаперти?
– Мой интерес к вам и к вашей жизни не разглядеть в самый сильный микроскоп.
Диоген вынул из кармана газету, развернул и показал ей первую страницу «Нью-Йорк таймс».
Она взглянула на нее из другого конца комнаты, прищурилась, чтобы рассмотреть заголовки.
– Я ограбил «Астер-холл» – бриллиантовый зал в Музее естественной истории. Это преступление я планировал много лет. Я принял новое обличье, чтобы все получилось. И вы мне в этом помогли. Вот почему мне захотелось подарить вам этот камень. Но если вы не хотите...
Он пожал плечами и сунул его в карман.
– О господи! – Виола смотрела на него, широко раскрыв глаза. Впервые ей стало по-настоящему страшно.
– Вы сыграли важную роль. Ключевую. Понимаете, ваше исчезновение заставило моего брата рыскать по всему Лонг-Айленду: он страшно беспокоился о вашей безопасности. Я же

тем временем ограбил музей и привез сюда бриллианты.

Виола проглотила комок в горле. Тот факт, что она еще жива, оказался временным явлением. Он не рассказал бы ей ничего, если бы решил оставить в живых.

Значит, он действительно собирался ее убить.

– Я хотел отдать вам камень в качестве небольшого сувенира, поскольку мы должны расстаться и никогда уже на этом свете не увидимся.

– Я куда-то уезжаю? – спросила она, и голос ее задрожал, несмотря на все усилия.

– О да.

– Куда?

– Вы скоро узнаете.

Она увидела, что он опустил руку в карман пиджака и переступил порог комнаты. Дверь осталась открытой.

– Подойдите ко мне, Снежная Королева.

Она не двигалась.

Он сделал второй шаг, третий. Она рванулась к дверям. Но он предвидел это и прыгнул к ней стремительно, как кошка. Она почувствовала на шее сильную руку, крепкую, как стальной трос. Другая его рука выскользнула из кармана, сверкнул шприц, и она почувствовала укол в бедро. Стало очень жарко, и в глазах все померкло.

Глава 66

– Как думаете, зачем вызывают? – спросил Синглтон, когда скоростной лифт поднимал их на верхние этажи управления.

Лаура Хейворд покачала головой. Если бы комиссар Рокер пригласил встретиться с ним наедине, она решила бы, что это вызвано ее провалом с Пендергастом. Однако к комиссару вызвали и Синглтона. Рокер к тому же всегда действовал напрямую, хитрости ему были несвойственны.

Они вышли на сорок шестом этаже и пошли по пушистому коридору к кабинету комиссара. В большой приемной их встретила одетая в форму женщина-секретарь. Она спросила их имена, позвонила по телефону, тихо произнесла несколько слов и махнула рукой, приглашая войти.

Кабинет Рокера был большим, но не роскошным. Вместо наград за отличную стрельбу и фотографий с улыбающимися офицерами, украшавших стены кабинетов большинства полицейских начальников, здесь висели акварельные пейзажи да два диплома. Рокер сидел за большим, но практичным столом, вокруг которого полукругом выстроились три кресла. Посередине сидел специальный агент Коффи, а в двух других – агенты Брукс и Рабинер.

– А, капитан Хейворд. – Рокер поднялся. – Капитан Синглтон. Благодарю за то, что пришли.

Голос его звучал необычно, натянуто, – этого она у него до сих пор не замечала, – и губы сжаты в прямую линию.

Агенты Бруксы и Рабинер также соскочили со своих мест, словно их кто-то подбросил. Только Коффи продолжал сидеть. Он холодно им кивнул, маленькие светлые глазки на большом загорелом лице перебежали с Хейворд на Синглтона и снова на Хейворд.

Рокер указал на диваны.

– Садитесь, пожалуйста.

Хейворд уселась возле окна. Кажется, Коффи удостоил их чести принять участие в его расследовании. После собрания они не слышали ни слова ни от него, ни от какого-либо другого офицера ФБР. Сама же она времени не теряла: вместе со своими детektивами задавала дополнительные вопросы сотрудникам музея, добывала новые свидетельства. Во всяком случае, эта работа отвлекала ее от погони, которую устроили в шестидесяти милях отсюда, на Лонг-Айленде. Мысли о Д'Агосте и обо всей ситуации причиняли ей только боль. Она не могла понять, зачем он это сделал, почему принял такое решение. Она выдвинула ему

ультиматум, причем справедливый в сложившихся обстоятельствах. Сделай правильный выбор, не только с профессиональной точки зрения, но и человеческой, и дружеской. Она не произнесла этих слов, но ясно дала понять: либо я, либо Пендергаст.

Д'Агоста сделал свой выбор.

Рокер откашлялся.

– Специальный агент Коффи попросил меня устроить эту встречу, чтобы обсудить убийства Дучэмпа и Грин. Я пригласил капитана Синглтона, поскольку оба убийства произошли на его участке.

Хейворд кивнула.

– Рада это слышать, сэр. У нас слишком мало информации от Бюро относительно погони и...

– Прошу прощения, капитан, – спокойно прервал ее Рокер. – Специальный агент Коффи хочет поговорить о передаче вещественных доказательств, обнаруженных на месте убийств Дучэмпа и Грин.

Хейворд осеклась.

– Передаче вещественных доказательств? С вещдоками все могли спокойно ознакомиться.

Коффи закинул одну ногу на другую. «Они у него словно деревянные», – подумала Хейворд.

– Мы берем на себя контроль за расследованием, капитан.

Все замолчали.

– У вас нет такого права, – возмутилась Хейворд.

– Это дело капитана Хейворд, – поддержал ее Синглтон и обратился к Рокеру. Голос его был спокойным, но сильным. – Она работает над ним круглые сутки. Именно она обнаружила связь между преступлениями в Колумбии и Новом Орлеане. Она и вещественные доказательства добыла, и на Пендергаста указала. Кроме того, эти убийства – не федеральное преступление.

Рокер вздохнул.

– Мне все это известно. Но...

– Позвольте объяснить, – махнул рукой Коффи. – Преступник – агент ФБР, одна из жертв также служила в ФБР, преступления перешагнули границы штатов, и подозреваемый вышел из вашей юрисдикции. Конец дискуссии.

– Агент Коффи прав, – сказал Рокер. – Это их дело. Мы, конечно, всегда можем помочь...

– У нас нет времени для обсуждения, – вмешался Рабинер. – Перейдем к вопросу о передаче вещдоков.

Хейворд взглянула на Синглтона. Лицо капитана покраснелось.

– Если бы не капитан Хейворд, – сказал он, – и погони бы никакой не было.

– Мы очень довольны работой капитана Хейворд, – сказал Коффи. – Но сейчас это уже не дело нью-йоркской полиции.

– Отдайте, пожалуйста, то, что они просят, капитан.

В голосе комиссара Рокера заметна была усталость.

Хейворд взглянула на него и поняла, что он возмущен происходящим, но поделать ничего не может.

Ей следовало бы раньше понять, к чему все клонится. Федералы целились в яблочко, кроме того, Коффи, похоже, испытывает личную неприязнь к Пендергасту. Да поможет Господь ему и Д'Агосте, когда федералы их наконец-то отловят.

Хейворд знала, что ей положено разозлиться. Однако в этот момент она почувствовала страшную усталость. К тому же она испытывала столь сильное отвращение к Коффи, что не могла более ни одной минуты находиться с ним в одной комнате. Она порывисто поднялась.

– Хорошо, – сказала она. – Я подготовлю документы. Вы получите их, как только все будет подписано. Что-нибудь еще?

– Капитан, – обратился к ней Рокер. – Благодарю вас за прекрасную работу.

Она кивнула, повернулась и вышла из комнаты.

Опустив голову и часто дыша, Хейворд быстро шла к лифту. Вдруг зазвонил мобильник.

Лаура подождала, пытаясь остыть и унять волнение. Через минуту-другую телефон зазвонил снова.

Она ответила:

– Хейворд.

– Лаура? – сказал голос. – Это я, Винни.

Сердце забило в горле.

– Винсент, ради бога. Какого черта ты?..

– Выслушай, пожалуйста. Я должен сообщить тебе что-то очень важное.

Хейворд глубоко вздохнула.

– Слушаю.

Глава 67

Д'Агоста последовал за Пендергастом на вокзал «Пенсильвания-стейшн». В тени Медисон-сквер-гарден он выглядел незаметно – всего лишь вход на эскалатор. Поскольку был вторник и поздний час, на улице почти никого – только несколько бездомных да человек, раздававший собственные стихи. Мужчины спустились к зоне ожидания, затем – на другом эскалаторе – к платформе.

Д'Агоста мрачно отметил, что вышли они на тринадцатый путь.

За последние полчаса Пендергаст не произнес ни слова. С приближением момента, в который он надеялся увидеть Виолу и, неизбежно, Диогена, агент становился все более молчаливым и отрешенным.

На путях работало несколько дорожных рабочих. Они убирали мусор. Двое дежурных полицейских болтали и пили кофе. Пендергаст подошел к краю платформы, туда, где пути уходили в темный тоннель.

– Готовься, – пробормотал Пендергаст, и его светлые глаза оглядели рельсы.

Постояли около минуты. Полицейские повернулись и вошли в помещение службы безопасности.

– Давай! – шепнул Пендергаст.

Они легко прыгнули с платформы на пути и побежали в темноту. Д'Агоста оглянулся. Никто ничего не заметил.

Температура была около нуля. Внизу хотя и теплее, зато воздух более влажный – он свободно пробирался сквозь спортивную куртку Д'Агосты. Мужчины бежали еще минуту, затем Пендергаст остановился, достал из кармана фонарик.

– Нам придется пройти порядочное расстояние, – сказал он и осветил фонариком длинный туннель. В темноте сверкали крысиные глаза.

Агент шел быстро, длинные ноги уверенно шагали по шпалам. Д'Агоста следовал по пятам, нервно прислушиваясь, не приближается ли поезд. Однако слышал только шаги, собственное прерывистое дыхание да капель: под старинной черепичной крышей таяли сосульки.

– Значит, «Железные часы» – это железнодорожный поворотный круг? – спросил он через минуту.

Говорил он лишь для того, чтобы нарушить молчание.

– Да. Очень старый.

– Я и не знал, что под Манхэттенном есть поворотные круги.

– Его построили, чтобы управлять движением поездов из старой «Пенсильвании-стейшн». Фактически, это единственный артефакт, оставшийся от старой архитектуры.

– И ты знаешь, как его найти?

– Вспомни, что несколько лет назад мы расследовали подземные убийства. Я провел здесь много времени, изучая подземный ландшафт Нью-Йорка. До сих пор помню, что находится под Манхэттеном, по крайней мере главные направления.

– Как думаешь, откуда Диогену об этом известно?

– Это интересный факт, Винсент, от моего внимания он тоже не ускользнул.

Они подошли к металлической двери в углублении тоннеля. На ней висел покрытый ржавчиной замок. Пендергаст осмотрел его, провел пальцем по ржавчине. Затем отступил на шаг и жестом предложил Д'Агосте сделать то же самое. Вынув из кобуры «Уилсон Комбат 1911», Пендергаст выстрелил в замок. Оглушительный грохот потряс тоннель, разбитый замок упал на землю, подняв ржавое облако. Пендергаст отворил ногой дверь.

Они увидели уходящую вниз каменную лестницу. Пахло плесенью и гнилью.

– Она глубоко спускается?

– Вообще-то мы находимся на уровне «Железных часов». Просто сократили дорогу.

Лестница была скользкой. Чем ниже спускались, тем теплее становилось. Наконец ступени кончились, и они вышли в старый тоннель с кирпичными стенами и готическими арками. Вдоль тоннеля стояли какие-то запертые клетки.

Д'Агоста остановился.

– Впереди свет. И голоса.

– Бездомные, – бросил Пендергаст.

Они продолжили путь. Д'Агоста почувствовал запах горелого дерева. Вскоре они увидели возле грубо устроенного костра группу оборванных мужчин и женщин. Они передавали по кругу бутылку вина.

– Что такое? – крикнул один из них. – Вы, ребята, никак на поезд опоздали?

Они не остановились, и смех постепенно замер. Из темноты слышался плач ребенка.

– Господи, – пробормотал Д'Агоста. – Ты слышал?

Пендергаст молча кивнул.

Затем им встретилась еще одна металлическая дверь. Замок кто-то уже спилил. Отворив дверь, поднялись по длинной сырой лестнице. Вода лилась на железнодорожные пути.

Пендергаст остановился, посмотрел на часы.

– Одиннадцать тридцать.

Крысы разбегались по сторонам. В молчании шли по тоннелю, казалось, целые мили. Ходьба не согревала Д'Агосту: мешала страшная сырость. В одном месте они увидели ветку, отходящую от основных путей. Там стояло несколько разбитых вагонов. Проходя мимо каменных углублений, Д'Агоста заметил старинную металлическую шестерню более восьми футов в диаметре. Услышал отдаленный шум поездов, однако по путям, по которым они шли, похоже, давно ничего не передвигалось.

Наконец Пендергаст остановился, выключил фонарик и мотнул головой вперед. Глядя в темноту, Д'Агоста увидел, что туннель заканчивается аркой, освещенной тусклым желтым светом.

– Это и есть «Железные часы», – тихо сказал Пендергаст.

Д'Агоста достал пистолет, проверил его и вернул на место.

– Ты знаешь, что делать?

Д'Агоста кивнул.

Они медленно двинулись в сторону света – Пендергаст впереди, Д'Агоста сразу за ним. Винсент посмотрел на наручные часы, придвинув их к самым глазам: без двадцати минут полночь.

– Помни, – прошептал Пендергаст. – Прикрываешь меня отсюда.

Д'Агоста распластался по стене. С этой точки он хорошо все видел, и зрелище его поразило. Перед ним был огромный круглый свод, сложенный из гранитных блоков, перемежающихся полосами известняка. Мрачное подземное депо, постройка в романском

стиле, на дне которой лежал поворотный железный круг, простиравшийся от одной стены до другой. В депо имелось двенадцать равноотстоящих арок, от которых отходили тоннели. Над каждой аркой – покрытая сажей лампа и римские цифры – от I до XII.

«Так вот они, „Железные часы“», – подумал он.

Его отец был любителем железных дорог, и Д'Агоста кое-что знал о поворотных кругах. Вращающиеся карусели обычно встречались в железнодорожных терминалах: на поворотный круг вел единственный путь, а позади него находилось полукруглое строение с помещениями для стоянки локомотивов. Здесь же, в одной из самых оживленных железнодорожных сетей мира, поворотный круг выполнял другую задачу. Он играл роль диспетчера, позволял поездам переходить с одних путей и туннелей в другие.

Слышно было, как капает вода. Поднял голову и увидел высоко наверху тающие сосульки. Грязные круги света на мгновение освещали капли, после чего они падали в черные лужи.

«Может, – подумал он, – Диоген уже поджидает их в одном из одиннадцати темных железнодорожных туннелей».

В этот момент Д'Агоста услышал слабый шум, сопровождаемый нарастающим потоком воздуха. Пендергаст подался назад, в туннель, и жестом показал Д'Агосте сделать то же самое. Спустя минуту из другого туннеля вырвался пригородный поезд и, грохоча, выкатился на поворотный круг. Свет из окон на мгновение ослепил их, и поезд снова исчез в темноте. Оглушительный рев сменился грохотом, а затем – затихающим жужжанием. Раздалось громкое клацанье, и секция в центре «Железных часов» начала вращаться и остановилась, еще раз звонко стукнув. Произошло соединение двух других туннелей: готовился путь для следующего поезда.

Туннель XII соединился с туннелем VI, с тем, в котором они сейчас находились.

Снова все затихло. Д'Агоста видел темные силуэты крыс – некоторые из них были размером с собачонку, – они бегали в дальнем конце паровозного депо. Мерно капала вода. Пахло гнилью.

Пендергаст пошевелился, жестом указал на свои часы. Шесть минут до полуночи. Пора действовать. Он схватил Д'Агосту за руку.

– Ты знаешь, что делать? – повторил он.

Д'Агоста кивнул.

– Спасибо тебе, Винсент, – сказал он. – Спасибо за все.

Пендергаст вышел из туннеля на тусклый свет. Два шага. Три.

Д'Агоста оставался в тени. Держал в руке часы. Огромный свод паровозного депо оставался пустым и молчаливым. Темные туннели напоминали ему отверстые рты, сосульки блестели, словно зубы.

Пендергаст сделал еще один шаг, остановился.

– Ave, frater!

Слова эти прогремели в темном сыром пространстве, отозвавшись многоголосным эхом. Источник звука определить было невозможно. Д'Агоста напрягся, поочередно вглядываясь в темные туннели, но Диогена не увидел.

– Не смущайся, братец. Дай взглянуть на твое симпатичное личико. Выйди на свет.

Пендергаст прошел еще несколько шагов. Д'Агоста прикрывал его с пистолетом в руке.

– Принес? – спросил многозвучный голос. Тон был насмешливым и одновременно алчным.

В ответ Пендергаст поднял руку. В тусклом освещении бриллиант себя не проявил.

Д'Агоста услышал, как Диоген резко вдохнул воздух. В гулком помещении этот звук напомнил удар кнутом.

– Приведи Виолу, – сказал Пендергаст.

– Не торопись, братец. Всеу свое время. Встань на поворотный круг.

Пендергаст встал на железный круг.

– Теперь иди вперед, дойди до центра депо. Там ты увидишь отверстие, вырезанное в

железной пластине. Внутри маленький бархатный футляр. Положи туда камень. И поторопись, а то следующий поезд закончит все раньше, чем нам бы хотелось.

И снова Д'Агоста постарался определить место, из которого доносился голос, однако сделать это было невозможно. Он так и не понял, в каком из туннелей прячется Диоген. Благодаря акустическим особенностям круглого пространства он мог быть где угодно.

Пендергаст осторожно пошел вперед. Дойдя до центра депо, наклонился, взял бархатную коробочку, положил в нее бриллиант и поставил на прежнее место.

Затем быстро поднялся, вытащил «Уилсон Комбат» и направил его на бриллиант.

– Приведи мне Виолу, – повторил он.

– Да ты что, братец?! Такая порывистость тебе не свойственна. Надо все делать по правилам. Отступи на шаг назад, а мой человек проверит, настоящий ли это камень.

– Он настоящий.

– Я поверил тебе когда-то, очень давно. Помнишь? Посмотри, к чему это привело.

Из темноты вырвался странный вздох, почти стон.

– Прости, но на этот раз я тебе не поверю. Мистер Каплан? Сделайте свое дело, пожалуйста.

Из туннеля XI вышел растрепанный испуганный человек. Он моргал, недоуменно озираясь по сторонам. На человеке был темный костюм и черное кашемировое пальто, порванное и запачканное. На лысоватой голове – лента с пристроенной к ней лупой. В руке – лампа. Д'Агоста немедленно узнал в нем человека, которого они похитили утром.

Заметно было, что день выдался у него тяжелый.

Каплан, пошатываясь, сделал шаг вперед и остановился. Непонимающе смотрел по сторонам.

– Кто?.. Что?..

– Бриллиант в футляре, в центре зала. Осмотрите его. Скажите мне, верно ли, что это – Сердце Люцифера.

Человек по-прежнему озибался.

– Кто говорит? Где я?

– Frater, покажи Каплану бриллиант.

Каплан, спотыкаясь, пошел вперед. Пендергаст махнул пистолетом в сторону футляра.

Вид оружия, похоже, вывел Каплана из ступора.

– Я сделаю все, что прикажете, только, пожалуйста, не убивайте меня! – закричал он. – У меня дети.

– И вы увидите ваших толстощеких дурачков, если сделаете то, что я говорю, – прозвучал откуда-то голос Диогена.

Человек снова споткнулся, оправился, наклонился над футляром и поднял бриллиант. Пристроил лупу, включил маленькую лампочку и осмотрел камень.

– Ну? – слышался голос Диогена, высокий и напряженный.

– Минуточку! – Каплан почти всхлипнул. – Дайте мне еще минуту, пожалуйста.

Он смотрел на камень, внутри бриллианта вспыхнул свет, и камень обрел яркий коричневый окрас.

– Да, он похож на Сердце Люцифера, – тихо сказал геммолог.

– Похож – это не то слово, мистер Каплан.

Человек продолжал смотреть в бриллиант, руки его дрожали. Выпрямился.

– Уверен, что это Сердце Люцифера, – сказал он.

– Уверенность вам необходима. От этого зависит ваша жизнь и жизнь ваших детей.

– Я уверен. Другого такого бриллианта не существует.

– У камня есть крошечный изъян. Скажите мне, где он.

Каплан снова стал рассматривать бриллиант. Прошла минута, другая.

– Есть крошечный инклюзив около двух миллиметров от центра камня. Если сравнивать с циферблатом часов, то он направлен в сторону единицы.

Из темноты слышалось шипение, выражавшее то ли торжество, то ли какое-то другое

чувство.

– Каплан, можете идти. Выходите через туннель VI. Frater, оставайся там, где стоишь.

Благодарно всхлипнув, человек заторопился к шестому туннелю и, споткнувшись, чуть не упал – так хотелось ему поскорее уйти. Мгновение спустя, тяжело дыша, он оказался под темной аркой туннеля.

– Слава богу, – всхлипнул он. – Слава богу.

– Встаньте позади меня, – сказал Д'Агоста.

Каплан взглянул на Д'Агосту, и только что испытанное им облегчение сменилось страхом.

– Минуточку. Вы тот коп, который...

– Об этом позже, – сказал Д'Агоста, заталкивая Каплана подальше, в безопасную темноту. – Мы вас скоро отсюда выпустим.

– А теперь наступил момент, которого ты ждешь с таким нетерпением. – Голос Диогена подхватило гулкое эхо. – Представляю – леди Виола Маскелене!

Д'Агоста увидел, как из туннеля IX вышла Виола Маскелене. На свету она растерянно заморгала.

Пендергаст невольно шагнул вперед.

– Не двигайся, брат! Пусть она сама к тебе подойдет.

Виола обернулась, посмотрела на Пендергаста и неуверенно шагнула к нему.

– Виола!

Пендергаст сделал еще один шаг.

Раздался оглушительный выстрел. Возле ботинка Пендергаста взлетело пыльное облачко. Агент согнулся, выставил дуло пистолета, переводя его с одного туннеля на другой.

– Давай, братец. Стреляй. Жаль только, если случайная пуля сразит твою даму.

Пендергаст обернулся. Виола замерла при звуке выстрела.

– Подойдите ко мне, Виола, – сказал он.

Она уставилась на него.

– Алоиз? – произнесла она слабым голосом.

– Я здесь. Подойдите ко мне, медленно и уверенно.

– Но вы... вы...

– Все в порядке. Вы в безопасности. Подойдите ко мне.

Он протянул к ней руки.

– Что за трогательная сцена! – сказал Диоген. Послышался насмешливый, циничный смех.

Она сделала неуверенный шаг, потом другой и упала на руки Пендергасту.

Пендергаст прижал ее к себе, осторожно поднял ей подбородок и заглянул в глаза.

– Ты вколол ей наркотик! – сказал он.

– Пустяки. Всего-то несколько миллиграммов, чтобы была поспокойней. Не волнуйся, она невредима.

Д'Агоста слышал, что Пендергаст шепчет что-то на ухо Виоле. Слов он не разобрал. Она покачала головой, отодвинулась и покачнулась. Он снова ее схватил, поддержал. Затем помог дойти до арки туннеля.

– Bravo, джентльмены. Дело сделано! – послышался торжествующий голос Диогена. – Теперь можете уйти через туннель VI. Вернее, вы должны уйти через этот туннель. Я настаиваю. И советую поторопиться. Через пять минут по этому туннелю пойдет поезд на Вашингтон. Со станции он выходит быстро, со скоростью восемьдесят миль в час. Если не успеете пройти триста ярдов, вас размажет по стенке. Я застрелю оставших. Так что шевелитесь!

Пендергаст отвел Виолу к Д'Агосте.

– Выведи ее и Каплана, – пробормотал он и вложил фонарь в руку Д'Агосте.

– А ты?

– Я не закончил своего дела.

Этого ответа Д'Агоста и боялся. Он схватил друга за руку.
– Он тебя убьет.
Пендергаст осторожно высвободился.
– Нельзя! – прошептал Д'Агоста. – Они...
– Вы слышали? – прогремел голос Диогена. – В вашем распоряжении четыре минуты!
– Идите! – яростно сказал Пендергаст.
Д'Агоста бросил на друга прощальный взгляд. Затем одной рукой обхватил Виолу, другой легонько подтолкнул Каплана:
– Вперед, мистер Каплан. Уходим.
Он включил фонарик и вместе с подопечными быстро пошел по путям прочь от «Железных часов».

Глава 68

Пендергаст остался в темном туннеле с пистолетом в руке. Кругом было тихо. Прошла минута, вторая...

Прошло пять минут. Поезда не было.

Шесть минут. Семь.

Пендергаст по-прежнему ждал в темноте. Он знал, что брат, отличавшийся осторожностью, не тронется с места, пока не пройдет поезд, и медленно вышел на свет.

– Алоиз! Что ты там делаешь? – В голосе зазвучали панические нотки. – Я же сказал, что убью того, кто снова здесь покажется!

– Ну так убей.

Снова прозвучал выстрел, около ноги взлетел гравий.

– Плохо целишься.

Второй выстрел отколол кусок камня от арки над головой Пендергаста, засыпав его крошкой.

– И снова промазал.

– Поезд придет в любую минуту, – послышался беспокойный голос. – Мне не понадобится убивать тебя: за меня это сделает поезд.

Пендергаст покачал головой. Затем небрежной походкой пошел к поворотному кругу, к центру депо.

– Убирайся!

Грохнул еще один выстрел.

– Стрельба у тебя сегодня не ладится, Диоген.

Пендергаст остановился в центре поворотного круга.

– Нет! – послышался отчаянный голос. – Убирайся!

Пендергаст нагнулся, взял коробочку, вынул бриллиант, взвесил его на ладони.

– Сейчас пойдет поезд, придурок! Положи бриллиант на место. Ему в этой дыре ничего не будет!

– Поезда нет.

– Неправда, есть. Он просто опаздывает, вот и все.

– Он не придет.

– О чем ты болтаешь?

– Полуночный поезд отменили. Я позвонил и сказал, что на станции бомба.

– Ты блефуешь! Как ты мог позвонить в такой угрожающей ситуации? Ты не знал моего плана.

– Нет? Зачем же тогда встречаться без шести минут в полночь, а не ровно в полночь? И почему здесь? Тут могла быть только одна причина, и она была связана с расписанием поездов. Отсюда следовал элементарный вывод.

Он положил бриллиант в карман.

– Верни его на место, он мой! Ты лжец! Ты лгал мне!

– Я не лгал. Я просто следовал твоим указаниям. А вот ты, напротив, лгал мне. Много раз. Сказал, что убьешь Смитбека. На самом деле твоей жертвой стала Марго Грин.

– Я убивал твоих друзей. Ты знаешь, я не колеблясь убью тебя.

– Именно это ты собираешься сделать. Хочешь остановить меня? Что ж, убивай.

– Подлец! *Mon semblable, mon frere*³⁵ – сейчас ты умрешь!

Пендергаст неподвижно ждал. Прошла минута, другая.

– Видишь, ты не можешь меня убить, – сказал Пендергаст. – Поэтому ты и промахнулся. Я нужен тебе живой. Ты доказал это, когда спас меня из замка Фоско. Я тебе нужен, потому что без меня – без твоей ненависти ко мне – у тебя ничего не останется.

Диоген не ответил. В это время в депо послышался новый звук – звук бегущих ног, отрывистых команд, переговоров по рации.

Звуки приближались.

– Что это? – тревожно спросил Диоген.

– Полиция, – спокойно ответил Пендергаст.

– Ты вызвал полицию? Дурак, они схватят тебя, а не меня!

– Вот именно. А твои выстрелы заставят их бежать сюда еще быстрее.

– Что ты несешь? Идиот, ты что же, используешь себя в качестве приманки? Жертвуешь собой?

– Вот именно. Я меняю свою свободу на безопасность Виолы и на возвращение Сердца Люцифера. Самопожертвование, Диоген, – это то, чего ты не мог предугадать. Потому что ты не способен на самоотречение.

– Ты!.. Отдай мой бриллиант!

– Иди и возьми его. Можешь даже минуту полюбоваться им, пока нас обоих не схватят. Или беги, возможно, спасешься.

– Ты не можешь этого сделать, ты сумасшедший!

Бестелесный голос взвыл, и таким он был пронзительным и нечеловеческим, что вопль казался предсмертным. И вдруг оборвался, оставив лишь эхо.

Спустя мгновение из туннеля IV выбежала Хейворд, а за ней – фаланга полицейских. Следом бежал Синглтон, взволнованно крича что-то в рацию. Офицеры быстро окружили Пендергаста, опустились на колени и направили на него оружие.

– Полиция! Стоять! Поднять руки!

Пендергаст медленно поднял руки.

Хейворд пробралась к нему сквозь кольцо окруживших его полицейских.

– Вы вооружены, агент Пендергаст?

Пендергаст кивнул.

– Сердце Люцифера вы найдете в левом кармане моего пиджака. Пожалуйста, будьте с ним поосторожнее. Держите при себе. Никому не давайте.

Хейворд оглянулась, подозвала одного из офицеров, чтобы тот обыскал агента. Другой агент подошел сзади, схватил руки Пендергаста, завел их за спину и надел наручники.

– Предлагаю уйти с путей, – сказал Пендергаст. – В целях безопасности.

– Все в свое время, – возразила Хейворд.

Она осторожно залезла в карман его пиджака, вынула бриллиант, посмотрела на него и положила к себе в нагрудный карман.

– Алоиз Пендергаст, вы имеете право молчать. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде...

Но Пендергаст не слушал. Он смотрел за плечо Хейворд, в темноту туннеля III. Две маленькие точки света были едва видны. Они казались отражением слабого света депо. Он смотрел: огоньки на мгновение померкли, а потом снова вернулись, словно мигающие глаза. Затем они побледнели, стали удаляться и исчезли совсем.

³⁵ Мое подобие, мой брат (фр.).

Глава 69

Карета «скорой помощи» уже увезла Каплана и Виолу. Д'Агоста сидел на стуле в наручниках. Он находился в полицейском участке, в здании Медисон-Сквер-Гарден, и его охраняло шестеро копов. Он сидел с опущенной головой, смотрел в пол, стараясь не встречаться с глазами бывших начальников и подчиненных. Они же, собравшись вокруг него, пытались говорить на посторонние темы. Полицейские также смотрели куда угодно, только не на него. Казалось, его больше нет, он превратился в мелкое насекомое, не заслуживающее даже взгляда.

Д'Агоста услышал громкие переговоры по рации и через стеклянную перегородку увидел большую группу полицейских. Они шли по кассовому залу вокзала, посередине – высокий, стройный Пендергаст. Руки в наручниках заведены за спину, слева и справа от него – дюжие полицейские. Пендергаст по сторонам не смотрел, спину держал прямо, на лице – полное спокойствие. Впервые за последние месяцы он выглядел – если это было возможно в сложившихся обстоятельствах – почти как в прежние времена. Без сомнения, они вели его к тюремному фургону, поджидавшему на Восьмой авеню. Проходя мимо, Пендергаст глянул в сторону Д'Агосты. Даже сквозь перегородку, сделанную из зеркального стекла, показалось, что Пендергаст посмотрел прямо на него и быстро благодарно кивнул.

Д'Агоста отвернулся. Весь его мир, все, чем он дорожил, было разрушено. Из-за того, что Пендергаст проинформировал Хейворд об их местонахождении, друг сейчас отправлялся в тюрьму, возможно, пожизненно. Он придет в полное отчаяние, если сейчас явится сама Хейворд.

Словно подслушав его мысли, она появилась в дальнем конце зала вместе с Синглтоном.

Д'Агоста опустил голову еще ниже и ждал. Он слышал стук приближающихся шагов. Лицо горело.

– Лейтенант?

Он поднял голову. Это была не Хейворд, а Синглтон. Лаура просто прошла мимо.

Синглтон огляделся по сторонам, поздоровался с полицейскими, охранявшими Д'Агосту.

– Снимите с него наручники, пожалуйста.

Один из полицейских выполнил распоряжение.

– Я бы хотел поговорить с лейтенантом наедине, если вы, ребята, не возражаете.

Полицейские вышли с явным облегчением. Синглтон положил руку ему на плечо.

– Ты в глубоком дерьме, Винни, – сказал он. В голосе его слышалось сочувствие.

Д'Агоста кивнул.

– Они, разумеется, соберут комиссию, устроят предварительные слушания, возможно, послезавтра. Твое профессиональное будущее под большим вопросом, но это еще не самое страшное. Похоже, тебе предъявят четыре обвинения: похищение двух человек, опасная автомобильная езда, пособничество преступнику.

Д'Агоста обхватил голову руками.

Синглтон сжал его плечо.

– И все же, Винни, несмотря ни на что, ты под конец поступил правильно: сообщил о Пендергасте, и мы его поймали. Несколько автомобилей было разбито, но никто не погиб. Мы даже можем сказать, что ты все это заранее запланировал – ну, понимаешь, втерся в доверие, чтобы изловить Пендергаста.

Д'Агоста не ответил. В его воображении остался Пендергаст, закованный в наручники, идущий к тюремному фургону.

– Я собираюсь сделать все, чтобы смягчить обвинения, возможно, их переведут в разряд мелких правонарушений. Хотя не обещаю, что получится.

Д'Агоста проглотил комок в горле.

– Спасибо, – пробормотал он.

– Есть тут, правда, одна заковыка. Жертва похищения вроде бы заявила, что Диоген Пендергаст жив и, возможно, даже имеет отношение к похищению из музея бриллиантов. Мы упустили его в железнодорожных туннелях. Тот факт, что у агента Пендергаста в кармане оказалось Сердце Люцифера, тоже вызывает удивление. Похоже, что... открывается новое дело. Мы собираемся перепроверить свои первоначальные выводы.

Д'Агоста вскинул на него глаза.

– Я могу все объяснить.

– Оставь это для дальнейших допросов. Хейворд рассказала мне о твоей теории: дескать, Диоген выставил брата ответственным за убийства. Мы знаем, что Пендергаст принял обличье Каплана и украл бриллиант. Каковы бы ни были обстоятельства, он за это ответит, двух мнений тут быть не может. Если бы я был на твоём месте – я говорю с тобой сейчас как друг, а не начальник, – я бы побеспокоился о самом себе и не думал о Пендергасте. Этот подонок из ФБР причинил тебе немало неприятностей.

– Капитан, я бы попросил вас не говорить так о Пендергасте.

– Что, предан до конца? – Синглтон покачал головой.

Издалека послышался громкий сердитый голос. Д'Агоста увидел большую толпу федеральных агентов, возглавляемую высоким загорелым мужчиной. Д'Агоста вгляделся: загорелый человек показался ему знакомым, очень знакомым. Он покопался в затуманенном мозгу. Коффи. Специальный агент Коффи.

Коффи заметил Синглтона и устремился к нему.

– Капитан Синглтон?

Его мясистое лицо покраснело, что было заметно даже под загаром.

Синглтон поднял глаза и мягко ответил:

– Да, агент Коффи?

– Что здесь происходит, черт побери? Вы произведи арест без нас?

– Верно.

– Вы же знаете, что это наше дело.

Синглтон ответил не сразу, а когда заговорил, голос его был спокоен и негромок. Казалось, что он разговаривает с ребенком.

– Поступила информация, и надо было действовать немедленно. Преступник покинул Саффолк, где вы его разыскивали, и вернулся в город. Мы не могли ждать. Я уверен, что вы поймете: в сложившихся обстоятельствах нам пришлось обойтись без вас.

– Вы не связались с южным участком Бюро на Манхэттене. В городе были наши агенты, они готовы были действовать по первому сигналу.

Еще одна пауза.

– Это действительно было ошибкой, и я несу за нее полную ответственность. Вы знаете, как это бывает в момент опасности: легко можно допустить оплошность. Примите мои извинения.

Коффи встал перед Синглтоном. Он тяжело дышал. Несколько полицейских в стороне тихонько посмеивались.

– В момент задержания Пендергаста мы получили неожиданный бонус, – добавил Синглтон.

– Что вы имеете в виду?

– У него в кармане был бриллиант. Сердце Люцифера.

Синглтон воспользовался замешательством Коффи и взглянул на своих людей.

– Мы здесь закончили. Поехали в центр.

И, осторожно подняв Д'Агосту, он повернулся и пошел прочь.

Глава 70

Рассвет в среду выдался ясным. В маленькой квартире на Вест-Энд-авеню утреннее

солнце вливалось в окно столовой. Нора Келли услышала, как хлопнула дверь в ванную. Несколько минут спустя Билл Смитбек появился в коридоре: галстук не завязан, пиджак болтается на одном плече, лицо мрачнее тучи.

– Иди завтракать, – пригласила она.

Он взглянул на нее, и лицо его слегка просветлело. Подошел, сел за стол.

– В котором часу ты вчера вернулся домой?

– В четыре.

Он поцеловал Нору.

– Выглядишь ужасно.

– Это не из-за недостатка сна.

Нора подвинула к нему газету.

– Первая страница. Поздравляю.

Смитбек посмотрел. Его статья о краже неизвестным налетчиком Сердца Люцифера была на самом виду – мечта каждого журналиста. Это сенсационная история затмила статью Харримана о поимке Хулигана возле банкомата у метро. Старая женщина увидела, как Хулиган обнажился перед автоматом, и, возмущившись, отколотила его своей тростью до полубессознательного состояния. Нора отметила, что Билл впервые не позлорадствовал по случаю неудачи соперника.

Смитбек убрал газету.

– На работу не пойдешь?

– Администрация сказала, что до конца недели мы работать не будем – уходим в вынужденный отпуск. Музей будет закрыт, пока не выяснят, почему не отреагировала система безопасности. – Она покачала головой. – В довершение всего исчез Хьюго Мензис. Камера слежения зафиксировала его неподалеку от «Астер-холл» перед самым ограблением. Предполагают, что он был причастен к ограблению и после этого покончил с собой.

– Может, он и в самом деле грабитель.

– Грабитель – Диоген Пендергаст, и тебе это известно лучше, чем кому бы то ни было.

– А что, если Мензис и есть Диоген?

Билл притворно рассмеялся.

– Совсем не смешно.

Смитбек пожал плечами:

– Извини, шутка и в самом деле не удалась.

Нора налила кофе ему и вторую чашку себе.

– Все же, прочитав твою статью, я никак не пойму одной вещи. Как Пендергасту удалось вынести Сердце Люцифера из здания страховой компании? Я хочу сказать, что все двери немедленно заперли, всех обыскали, воспользовались рентгеновской установкой. Велся строгий учет всех, кто вошел в здание и кто вышел. Пендергаста не обнаружили. Что же он сделал, спустился по стене здания? Как вынес камень?

Смитбек пригладил непослушный хохолок, который тут же снова поднялся, стоило ему убрать руку.

– Это была бы лучшая часть истории, если б только я мог ее написать.

– Почему же не напишешь?

Смитбек повернулся к ней и мрачновато улыбнулся.

– Потому что именно я вынес из здания этот бриллиант.

– Ты?

Нора недоверчиво на него смотрела.

Смитбек кивнул.

– Ох, Билл!

– Нора, мне пришлось это сделать. Это был единственный способ. И не беспокойся, на меня никогда не подумают. Бриллиант вернулся на свое законное место. Это был действительно блестящий план.

– Расскажи.

– Ты в самом деле хочешь узнать? Тогда ты станешь пособницей.

– Я твоя жена, глупый. Конечно, я хочу знать.

Смитбек вздохнул.

– Все придумал Пендергаст. Он знал, что здание закроют и обыщут всех до одного. Поэтому он вошел в число команды, обслуживавшей рентгеновский аппарат.

– Но ведь служба безопасности там очень сильная, ты сам рассказывал. Неужели они не проверили рентгенотехников? Я хочу сказать, перед тем как те покинули здание.

– Пендергаст об этом тоже подумал. После того как я прошел через рентген, он направил меня к выходу. Тогда и опустил бриллиант мне в карман. Так я вышел из здания.

Нора едва могла верить своим ушам.

– Если б тебя схватили, то посадили бы на двадцать лет.

– Я, что ли, об этом не думал? – пожал плечами Смитбек. – Но от этого зависела жизнь. И я верю в Пендергаста. Иногда мне кажется, что я единственный человек на свете, который в него верит.

С этими словами он поднялся, подошел к окну и, положив руки на бедра, беспокойно посмотрел на улицу.

– Еще ничего не кончено, Нора, – пробормотал он. – То ли еще будет.

Он быстро повернулся, глаза гневно сверкнули.

– Нарушена справедливость. Подставили невинного человека, сделали из него серийного убийцу. А настоящий убийца разгуливает на свободе. Я журналист. Моя работа – говорить правду. В моей статье сказано далеко не вся правда. Я должен все выяснить.

– Билл, ради бога, не связывайся с Диогеном.

– А как же Марго? Мы позволим ее убийце остаться на свободе? Пендергаст будет сидеть в тюрьме, Д'Агоста потеряет работу. Только я могу восстановить справедливость.

– Не надо. Пожалуйста, не надо. Ты примешь еще одно импульсивное и глупое решение.

Он отвернулся от окна.

– Согласен, импульсивное. Возможно, глупое. Ну и пусть.

Нора поднялась со стула, она тоже разозлилась.

– А как же мы? Наше будущее? Если ты свяжешься с Диогеном, он убьет тебя. Тебе с ним не совладать!

Смитбек смотрел в окно, ответил не сразу.

– Пендергаст спас мне жизнь, – спокойно сказал он. Снова взглянул на Нору. – Твою – тоже.

Она устало отвернулась.

Он подошел, обнял ее.

– Я не стану... если ты прикажешь.

– Не собираюсь тебе приказывать. Это твое решение.

Смитбек отошел, завязал галстук, надел пиджак.

– Лучше я пойду на работу.

Поцеловал ее.

– Я люблю тебя, Нора.

Она покачала головой.

– Будь очень, очень осторожен.

– Буду. Обещаю. Верь мне.

И он исчез за дверью.

Глава 71

Настал новый день. В пятидесяти милях к северу от города в щель между ставнями просочилось солнце. В маленькой палате интенсивной терапии лежала на кровати пациентка, подключенная к нескольким большим аппаратам. Они гудели тихо, успокаивающе. Глаза

женщины были закрыты.

Вошла медсестра, проверила работу приборов, записала что-то, остановилась, посмотрела на пациентку.

– Доброе утро, Тереза, – весело сказала она.

Глаза пациентки оставались закрытыми, она не отвечала, хотя питательную трубку уже вынули. Женщина была вне опасности, но все еще очень слаба.

– Утро какое красивое, – продолжила медсестра, отворила ставни и впустила солнце. За окном особняка частной клиники сверкал зимний пейзаж. Гудзон был как на ладони.

Бледное лицо молодой женщины сливалось с подушкой, короткие каштановые волосы рассыпались на хлопчатобумажной наволочке.

Сестра все хлопотала, сменила пакет в капельнице, разгладила простыни. Наклонилась над девушкой и убрала с лица прядь волос.

Глаза ее медленно открылись.

Медсестра взяла женщину за руку.

– Доброе утро, – снова сказала она, легко удерживая руку пациентки.

Глаза девушки двинулись влево, вправо. Губы зашевелились, но голоса слышно не было.

– Не пытайтесь говорить, – сказала медсестра и подошла к аппарату оперативной связи. – Все будет хорошо. Вы тяжело болели, но теперь все нормально.

Сестра нажала на кнопку и тихо сказала:

– Пациентка в пятой палате просыпается. Передайте доктору Уинокуру.

Подошла к кровати, села рядом, взяла руку пациентки.

– Где?..

– Дорогая Тереза, вы находитесь в клинике Февершема. В нескольких милях к северу от Колд Спринг. Сегодня 31 января, в течение шести дней вы были без сознания, но мы вас вытащили. Все хорошо. Вы сильная, здоровая женщина, и скоро поправитесь.

Глаза пациентки слегка расширились.

– Что?.. – попыталась она спросить слабым голосом.

– Что случилось? Не думайте об этом. Вы были в очень тяжелом состоянии, но сейчас все прошло. Теперь вы в безопасности.

Пациентка старалась что-то сказать, губы ее двигались.

– Не пытайтесь говорить. Берегите силы для доктора.

– ...пытался убить... – послышался обрывок фразы.

– Ну, я же сказала, ни о чем не думайте. Сосредоточьтесь на выздоровлении.

– ...ужасно... – Сестра погладила ей руку.

– Да, наверное, так и было, но об этом больше не надо. Скоро придет доктор Уинокур, возможно, задаст вам несколько вопросов. А сейчас отдохните, моя милая.

– Устала... Устала...

– Конечно, устали. Очень устали. Но постарайтесь пока не спать, Тереза. Сейчас придет доктор. Хорошо? Ну вот, хорошая девочка.

– Я не... Тереза.

Сестра снисходительно улыбнулась и похлопала ее по руке.

– Не беспокойтесь ни о чем. После комы возможны проблемы с памятью. Пока ждете доктора, посмотрите в окно. День-то какой хороший.

Глава 72

Хейворд никогда ранее не посещала легендарную закрытую камеру для заключенных в госпитале Бельвью. Она шла по помещению, и любопытство ее все возрастало. В длинных ярко освещенных коридорах пахло спиртом и хлоркой. Они миновали с полдюжины запертых дверей: неотложная помощь для взрослых, неотложная психиатрическая помощь, психиатрический стационар. Наконец они подошли к самой устрашающей двери из

нержавеющей стали. По обеим сторонам стояли два санитар в белых халатах, за столом сидел сержант из нью-йоркской полиции. К двери была прикреплена маленькая табличка, написанная от руки: «Тюремное отделение».

Хейворд показала удостоверение.

– Капитан Хейворд и моя гостья. Нас ожидают в Д-11.

– Доброе утро, капитан, – лениво сказал сержант.

Он взял удостоверение, переписал информацию на лист бумаги и дал ей расписаться.

– Моя гостья подождет здесь, а я навещу пациента.

– Да, конечно, – сказал сержант. – Джо проводит вас.

Крупный не улыбающийся санитар кивнул головой.

Сержант позвонил по телефону. Через минуту послышался металлический грохот отпирающихся замков. Санитар по имени Джо открыл дверь.

– Вы сказали – Д-11?

– Да.

– Сюда, капитан.

Она вошла в узкий коридор. Полы и стены из линолеума, длинные ряды комнат с обеих сторон. Металлические двери с вырезанными на уровне глаз крошечными окошками для наблюдения. Станный, приглушенный шум голосов. Из-за дверей доносились проклятия, плач, ужасное, получеловеческое бормотание. Воздух здесь был другим: кроме спирта и санитарных средств, чувствовался слабый запах рвоты, экскрементов и чего-то еще. Хейворд помнила его по своим посещениям тюрем, где содержались пожизненно осужденные узники. Это был запах страха.

Позади нее захлопнулась дверь. Спустя мгновение автоматические замки закрылись со звуком, напоминавшим пистолетный выстрел.

Хейворд пошла за санитаром по длинному коридору, повернула за угол и снова оказалась в таком же коридоре. Ближе к концу легко угадала камеру, к которой они направлялись: возле нее стояли четверо мужчин. В задержании преступника Коффи не поучаствовал, зато здесь не допустил никакой оплошности.

При ее приближении агенты обернулись. Хейворд узнала одного из них: преданный слуга Коффи, агент Рабинер. Похоже, он ей не рад.

– Положите оружие в этот ящик, капитан, – сказал он вместо приветствия.

Капитан Хейворд вынула служебный пистолет и газовый баллончик и положила их в ящик.

– Он у нас в руках, – сказал Рабинер с вкрадчивой улыбкой. – Мы посадили его за убийство Декера, и по федеральному закону ему грозит высшая мера. Сначала с ним поработает психиатр. К концу недели подонка переведут в изолятор. Завтра состоится судебное заседание.

– Вы сегодня что-то очень разговорчивы, агент Рабинер, – заметила Хейворд.

Он заткнулся.

– Я хочу видеть его. Сначала сама, потом приведу гостью.

– Вы пойдете одна или вам нужен телохранитель?

Хейворд не удостоила его ответом. Она просто сделала шаг назад и стала ждать. Один из агентов посмотрел через стекло и открыл дверь, с оружием наготове.

– Свистните, если что, – сказал Рабинер.

Капитан Хейворд вошла в залитую ярким светом камеру.

Пендергаст в оранжевой тюремной робе спокойно сидел на узкой койке. Другой мебели не было. Стены камеры обиты толстым изоляционным материалом.

С минуту Хейворд молчала. Она так привыкла видеть его в элегантном черном костюме, что нынешнее одеяние выглядело нелепо. Лицо Пендергаста было бледным и усталым, но по-прежнему спокойным.

– Капитан Хейворд.

Он встал и жестом указал ей на койку.

– Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо. Я постою.

– Хорошо.

Пендергаст из вежливости тоже остался на ногах.

В маленькой камере наступило молчание. Хейворд обычно за словом в карман не лезла, но она и сама не знала, почему решила нанести визит. После паузы откашлялась.

– Чем вы так насолили специальному агенту Коффи? – спросила она.

Пендергаст слабо улыбнулся.

– Агент Коффи необычайно высокого мнения о себе. У меня на сей счет была другая точка зрения. Несколько лет назад мы вместе работали над одним делом, и это для него хорошо не кончилось.

– Я спрашиваю, потому что это дело мы пытались взять под свой контроль, и за все время, что я работаю, ФБР так сильно не подминало под себя нью-йоркскую полицию. При чем делало это в открытую.

– Меня это не удивляет.

– В деле было несколько моментов, пока неофициальных, о которых мне хотелось бы вас расспросить.

– Спрашивайте.

– Оказывается, Марго Грин жива. Кто-то быстро переправил ее в госпиталь под вымышленным именем, а вместо нее похоронили труп бездомной наркоманки. Медицинский эксперт заявляет, что произошло недоразумение, а начальник больницы уверяет, что все дело в «досадной бюрократической путанице». Забавно, что оба этих человека ваши старинные знакомцы. У матери Грин едва не случился сердечный приступ, когда она узнала, что ее дочь, которую она только что похоронила, на самом деле жива.

Она замолчала, прищурила глаза и выпалила:

– Какого черта, Пендергаст! Неужели вы не можете поступать по правилам? Как вы могли так обойтись с матерью?

Пендергаст ответил не сразу.

– Ее горе должно было быть настоящим. Диоген сразу распознал бы фальшивку. Да, это было жестоко, но необходимо: надо было спасти жизнь Марго Грин, а ее жизнь важнее, чем временное горе матери. Мне необходима была полная секретность, поэтому я даже лейтенанту Д'Агосте об этом не сказал.

– Во всяком случае, я только что говорила с Грин по телефону, – вздохнула Хейворд. – Она страшно слаба, еле выкарабкалась, но сознание к ней вернулось в полном объеме. То, что она рассказала, меня потрясло. Она утверждает, что не вы на нее напали. Описание преступника полностью совпадает с описанием вашего брата. Проблема в том, что на месте преступления была ваша кровь, а на ноже, которым Марго защищалась от нападения, были волокна, волосы и другие вещественные доказательства, которые указывают на вас. Поэтому вы и попали под подозрение.

– Да, разумеется.

– Мы говорили с Виолой Маскелене, и она подтверждает ваш рассказ о Диогене, во всяком случае, я так ее поняла. Она заявляет, что похитил ее именно он. Рассказала, что он сознался ей в совершенных убийствах и продемонстрировал один из похищенных бриллиантов. Доказательств, конечно нет, одни лишь ее слова, но она показала нам дом, в котором ее насильно держали. Там мы обнаружили и комнату-камеру, и доказательства, связывающие Диогена с ограблением «Астер-холла», а это явно не входило в его намерения.

– Интересно.

– Мы едва не поймали в туннеле какого-то человека. Лейтенант Д'Агоста клянется, что это Диоген. Геммолог Каплан и Маскелене подтверждают его слова. Их рассказы полностью совпадают. Мы знаем, что преступником были не вы. Мы обратились к нашим британским партнерам с просьбой начать расследование смерти Диогена в Англии, но на это уйдет время. В любом случае, все указывает на то, что ваш брат жив. Во всяком случае, три

человека в этом уверены.

Пендергаст кивнул.

– А вы верите, капитан?

Хейворд замялась.

– Это дело требует дальнейшего расследования. Беда в том, что ФБР несется на всех парусах, хочет обвинить вас в гибели своего агента, и их не смущают нестыковки в трех других убийствах. Вернее, в двух, поскольку Грин осталась жива. Они не хотят, чтобы я продолжала расследование других убийств.

Пендергаст снова кивнул.

– Я понимаю вашу проблему.

Хейворд с любопытством на него посмотрела.

– Хотите что-нибудь сообщить мне по этому делу?

– Я верю в вашу способность докопаться до правды.

– И ничего больше?

– Это уже много, капитан.

Она помолчала и взмолилась:

– Помогите мне, Пендергаст.

– Человек, который вам поможет, – лейтенант Д'Агоста. Он знает о деле все, и вам следует этим воспользоваться.

– Вы же знаете, что это невозможно. Лейтенант Д'Агоста отстранен от работы. Он не может сейчас никому помочь.

– Нет ничего невозможного. Вам нужно лишь научиться обходить правила.

Хейворд раздраженно вздохнула.

– У меня к вам вопрос, – сказал Пендергаст. – Знает ли агент Коффи о воскрешении Марго Грин?

– Нет, да ему это вряд ли интересно. Они полностью сосредоточились на Декере.

– Хорошо. Я попросил бы вас придерживать эту информацию как можно дольше. Думаю, Марго Грин может не опасаться Диогена, по крайней мере сейчас. Мой брат ушел в подполье и зализывает раны, но, когда появится, станет еще опаснее. Прошу вас присмотреть за доктором Грин, пока она не поправится. То же самое относится к Уильяму Смитбеку и его жене Норе. Боюсь, что и вы сами – потенциальная жертва.

Хейворд содрогнулась. То, что еще два дня назад казалось безумной фантазией, сейчас стало пугающе реальным.

– Я все сделаю, – сказала она.

– Благодарю.

Они снова замолчали. Затем Хейворд сказала:

– Что ж, я, пожалуй, пойду. Вообще-то говоря, пришла я за компанию с человеком, который хочет вас видеть.

– Капитан, – сказал Пендергаст. – Еще одно слово.

Она повернулась к нему. Он стоял бледный под ярким электрическим освещением. Внимательно смотрел на нее.

– Пожалуйста, не будьте суровы с Винсентом.

Хейворд невольно отвернулась.

– То, что он сделал, совершенно по моей просьбе. Причина, по которой он так мало вам рассказывал, была вызвана тем, что он хотел оградить вас от моего брата. Для того чтобы помочь мне и защитить жизни людей, он принес в жертву свою карьеру. Надеюсь, что его жертва не станет и личной потерей.

Хейворд не ответила.

– Вот и все. До свидания, капитан.

Хейворд едва смогла проговорить:

– До свидания, агент Пендергаст.

Затем, не глядя на него, постучала по стеклу наблюдательного окошка.

* * *

Пендергаст смотрел на дверь, закрывшуюся за Хейворд. Он стоял неподвижно, в неловко сидевшей на нем оранжевой робе, прислушивался. За дверью слышалось несколько приглушенных голосов, потом он сосредоточился на легкой, но решительной поступи Хейворд, направлявшейся к выходу. Щелкнули замки, прогремела тяжелая дверь. Прошло тридцать секунд, и снова все закрылось.

Тем не менее Пендергаст слушал, даже еще более напряженно. Потому что сейчас в коридоре зазвучали другие шаги, они были нерешительными и не такими быстрыми, как у Хейворд. Шаги приближались. Он слушал, и тело его напрягалось. Мгновение – и в дверь сильно заколотили.

– Посетитель!

В дверях появилась Виола Маскелене.

Над глазом царапина, лицо бледное, что заметно даже под средиземноморским загаром, но в остальном она казалась невредимой.

Пендергаст почувствовал, что не может пошевелиться. Он просто стоял и смотрел на нее.

Она шагнула вперед, застенчиво остановилась посреди комнаты. Дверь за ней закрылась.

Пендергаст по-прежнему не шевелился.

Глаза Виолы скользнули с его лица на тюремную робу.

– Как бы я хотел, для вашей же безопасности, чтобы вы сомной никогда не встречались, – сказал он почти сурово.

– А как насчет вашей безопасности?

Он посмотрел на нее долгим взглядом, а затем сказал уже спокойнее:

– Я никогда не жалел, что встретил вас. Но до тех пор, пока вы испытываете ко мне какие-то чувства – если это действительно так, – вы будете подвергаться большой опасности. Вы должны уехать и никогда больше обо мне не думать.

Он помолчал и опустил глаза в пол.

– Я очень, очень виноват перед вами.

Наступила долгая пауза.

– В самом деле? – тихо спросила Виола. – Мы не сможем видеться?

– Никогда. Диоген на свободе. Если он узнает, что между нами остались хоть какие-то отношения, он убьет вас. Вы должны немедленно вернуться в Капрайю, жить своей жизнью и говорить всем – в том числе и себе, – что вы абсолютно ко мне равнодушны.

– А что же вы?

– Я буду знать, что вы живы. Этого достаточно.

Она порывисто шагнула вперед.

– Я не хочу жить своей жизнью. Этого не будет. – Она поколебалась, а потом положила руки ему на плечи. – После встречи с вами этого не будет.

Пендергаст застыл, точно статуя.

– Вы должны оставить меня, – спокойно произнес он. – Диоген вернется. А меня не будет рядом, и я не смогу защитить вас.

– Он... говорил мне ужасные вещи. – Голос ее дрогнул. – Тридцать шесть часов прошло, с тех пор как я вышла из железнодорожного туннеля, и все это время не могла думать ни о чем другом. Я прожила глупую, бесполезную жизнь, в которой не было места любви. А теперь вы говорите, чтобы я ушла, когда моя жизнь обрела смысл.

Пендергаст тихонько обнял ее за талию, заглянул в глаза.

– Диогену нравится находить в человеке затаенные страхи. Тогда он наносит смертельный, хорошо рассчитанный удар. Он не раз доводил людей до самоубийства. Но за его словами ничего нет. Не обращайтесь на них внимания. Чтобы понять Диогена, надо уйти в

темноту. Вы обязаны выйти из этой темноты, Виола. Вернитесь на свет. А это значит, что вы должны оставить меня.

– Нет, – пробормотала она.

– Возвращайтесь на ваш остров и забудьте обо мне. Если не ради себя, Виола, то ради меня.

Они смотрели друг другу в глаза. Затем поцеловались под нестерпимо ярким тюремным светом.

Через мгновение Пендергаст оторвался от ее губ и шагнул назад. Его обычно бледное лицо покраснело, глаза блестели.

– До свидания, Виола, – сказал он.

Виола словно присела к полу. Прошла минута. Потом, сделав над собой невероятное усилие, она повернулась и медленно пошла к двери.

У дверей остановилась и, не оборачиваясь, тихо сказала:

– Я сделаю так, как вы говорите. Вернусь на свой остров. Скажу всем, что вы мне безразличны. Буду жить своей жизнью. А когда освободитесь, будете знать, где меня найти.

Она быстро постучала в окошко, дверь открылась, и она ушла.

Эпилог

Огонь в камине погас, оставив после себя кучку осыпающихся углей. В библиотеке стоял полумрак, и все, как всегда, погружено в молчание: покрытые сукном столы с аккуратно сложенными стопками книг; стеллажи все с теми же книгами; лампы с абажурами и кожаные кресла. За окном сверкал яркими красками зимний день, последний день января, но в Риверсайд 891 царила вечная ночь.

Констанция, подсунув под себя ноги, сидела в одном из кресел. На ней была черная юбка с белой кружевной оборкой. Она читала трактат восемнадцатого века о пользе кровопускания. Д'Агоста расположился неподалеку в кресле с подголовником. Возле него на серебряном подносе стояла банка с нетронутым «Будвайзером». Охлажденное пиво нагрелось при комнатной температуре, и под банкой натекла лужица.

Д'Агоста посмотрел на Констанцию, на ее безупречный профиль, на прямые каштановые волосы. В том, что она была красивой молодой женщиной, сомнения не было. Никто бы не поспорил и с тем, что она необычайно умна и начитанна для своего возраста, однако было в ней что-то странное, очень, очень странное. Арест Пендергаста не вызвал у нее никакой эмоциональной реакции. Никакой.

Д'Агоста знал по опыту, что отсутствие реакции часто является самой сильной и опасной реакцией, и это его беспокоило. Пендергаст предупредил его о чувствительности Констанции и намекнул о страшных событиях в ее прошлом. Д'Агоста и сам имел сомнения относительно душевной стабильности Констанции, и потому ее необъяснимое равнодушие его сильно тревожило. Приехал он сюда отчасти для того, чтобы присмотреть за ней в отсутствие Пендергаста, а отчасти потому, что ему некуда больше было ехать.

Оставалась и другая загадка – Диоген. Диогена перехитрили, планы его относительно Виолы и Сердца Люцифера провалились, сам он вынужден был скрываться. Теперь нью-йоркская полиция поверила в его существование и принялась его разыскивать. Недавние события, кажется, чуть поколебали, но не совсем разрушили их уверенность в том, что Пендергаст – серийный убийца, ибо вещественных доказательств было предостаточно. Но по крайней мере, полиция уверилась в том, что именно Диоген ограбил «Астер-холл» и похитил Виолу. Они нашли дом-крепость, буквально разобрали его на части и продолжали расследование.

Провал и бегство Диогена сделали его еще более опасным. Д'Агоста вспомнил телефонный разговор с Диогеном, когда они с Пендергастом сидели в «ягуаре», его расспросы о Констанции, и невольно содрогнулся. Единственное, на что он мог рассчитывать, это на то, что Диоген все тщательно планирует. Ответный удар – в том, что он

будет, Д'Агоста не сомневался – Диоген нанесет не сразу. Ему надо подготовиться.

Констанция оторвалась от книги.

– Вы знали, лейтенант, что даже в начале девятнадцатого века при кровопускании пиявки часто являлись предпочтительной альтернативой скарификатору?

Д'Агоста посмотрел на нее.

– Нет, не знал.

– Колониальные врачи часто привозили европейскую пиявку, *Hirudinea annelida*, потому что она всасывала гораздо больше крови, чем *Macrobeta decora*.

– *Macrobeta decora*?

– Это американская пиявка, лейтенант. – И Констанция вернулась к своей книге.

«Называйте меня Винсент», – подумал Д'Агоста и задумчиво посмотрел на нее. Он не знал, долго ли она будет называть его лейтенантом.

Мысли его вернулись к предыдущему дню и унижительному собранию. С одной стороны, он испытал огромное облегчение: Синглтон сдержал слово, и роль Д'Агосты в случившемся назвали работой в качестве тайного агента. При этом Д'Агоста будто бы наделал много ошибок. Один из копов назвал его «самым глупым полицейским на свете». Под конец решили, что он добросовестно заблуждался. Ему предъявили чудовищный перечень прегрешений.

Глупость лучше, чем преступление. Так сказал Синглтон после собрания. Это заседание было не последним, но судьба его как полицейского была под вопросом.

Хейворд выступала в качестве свидетеля. Тон ее был нейтральным, она употребляла обычный полицейский жаргон и ни разу – ни разу – не посмотрела в его сторону. Впрочем, ее свидетельство помогло ему избежать более тяжких обвинений.

Он снова положил на колени дело Диогена и почувствовал при этом полную безнадежность. Десять дней назад, в этой же комнате, он смотрел на эту папку, и не было рядом Пендергаста, который мог бы ему помочь. Убиты четыре человека, а Пендергаст, «восставший из мертвых», оказался в Бельвю и подвергся психиатрическому обследованию. Д'Агоста и тогда ничего полезного не узнал, что же он мог выяснить сейчас?

Нужно что-то делать. У него отобрали все – карьеру, отношения с Хейворд, лучшего друга – все. Остался один выход: доказать невиновность Пендергаста. Чтобы сделать это, надо разыскать Диогена.

Издали послышался слабый звонок: кто-то стоял у входной двери.

Констанция подняла глаза. На долю секунды в ее глазах промелькнул дикий страх и что-то еще, неуловимое; затем лицо снова приняло прежнее бесстрастное выражение.

Д'Агоста поднялся.

– Не беспокойтесь. Наверное, соседские ребятишки озорничают. Пойду посмотрю.

Он отложил папку в сторону, проверил оружие и пошел к библиотечным дверям, но в этот момент увидел в гостиной направляющегося к нему Проктора.

– Джентльмен хочет увидеться с вами, сэр, – сказал Проктор.

– Ты принял меры предосторожности? – спросил Д'Агоста.

– Да, сэр, я...

В этот момент в галерее появился человек в инвалидной коляске. Д'Агоста в изумлении раскрыл глаза: он узнал Эли Глинна, главу компании «Эффективные инженерные решения».

Человек протиснулся мимо Проктора и Д'Агосты и подъехал к одному из библиотечных столов. Быстрым движением руки отставил несколько книжных стопок, расчищая себе место. Выложил на стол бумаги: светокпии, карты, строительные планы, диаграммы.

Констанция поднялась и стояла с книгой в руке, смотрела.

– Что вы здесь делаете? – спросил Д'Агоста. – Как вы нашли это место?

– Неважно, – сказал Глинн, повернувшись к Д'Агосте. Здоровый глаз его ярко блестел. – В прошлое воскресенье я пообещал кое-что сделать.

Он поднял руку в черной перчатке, в ней был тонкий скоросшиватель. Глинн положил

его на стол.

– В этой папке – предварительный психологический портрет Диогена Дэгрепонта Вернули Пендергаста, дополненный в связи с последними событиями. Во всяком случае, это то, что мне удалось собрать из новостных репортажей и собственных источников. Рассчитываю, что вы расскажете мне больше.

– Мы многое можем рассказать.

Глинн поднял глаза.

– А вы, должно быть, Констанция.

Ее поклон выглядел почти как реверанс.

– Ваша помощь тоже понадобится.

– Буду рада.

– Откуда столь внезапный интерес? – спросил Д'Агоста. – У меня создалось впечатление...

– Впечатление, что я этому делу не придаю большого значения? Да, так оно и было. Сначала мне казалось, что это сравнительно несложная проблема, к тому же легкий способ заработать деньги. Но затем произошло это. – И он постучал по скоросшивателю. – В мире нет более опасного человека.

– Что-то я не пойму.

На губах Глинна заиграла мрачная улыбка.

– Поймете, когда прочтете психологический портрет.

Д'Агоста кивком головы указал на стол:

– А это что за бумаги?

– Светокопии и планировка сверхсекретного отделения Херкмур.

– Зачем?

– Думаю, это совершенно очевидно. Мой клиент – агент Пендергаст.

– Но Пендергаст находится в Бельвю, а не в Херкмуре.

– Он скоро окажется в Херкмуре.

Д'Агоста изумленно взглянул на Глинна.

– Уж не хотите ли вы сказать, что мы... устроим ему побег?

– Хочу.

Констанция едва не задохнулась.

– Это одна из самых страшных тюрем в стране. Никто еще не сбежал из Херкмюра.

Глинн не спускал глаз с Д'Агосты.

– Знаю.

– Вы полагаете, это возможно?

– Все возможно. Но мне нужна ваша помощь.

Д'Агоста посмотрел на бумаги и светокопии, лежащие на столе. Там было все – диаграммы, чертежи технической, электрической и механической систем здания. Затем взглянул на Констанцию. Та едва заметно кивнула.

Он снова заглянул в здоровый глаз Глинна. Впервые за долгое время в нем вспыхнула яростная надежда.

– Согласен, – сказал он. – Да поможет мне Бог. Я согласен.

На покрытом шрамами лице Глинна расцвела улыбка. Он легонько стукнул по бумагам затянутой в перчатку рукой.

– Приступим, друзья мои, у нас много работы.